

Л И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й Ж У Р Н А Л

Арҗамак

12+

ТАТАРСТАН

№1 (24)

ноябрь

2016

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЦВЕТАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ.
Л. Пахомова «Время, я тебя миную...» Стр. 41

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

Основан в августе 2009 года

Главный редактор
Алешков Николай Петрович

№ 1(24) • НОЯБРЬ • 2016

ВЛАСТИТЕЛЮ

*За песню соловья не упрекай —
по воле неба он не знает страха.
Есенин — Божья дудка, а Тукай —
курай Аллаха...*

Николай Алешков

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Василенко Светлана Владимировна — первый секретарь
Правления Союза российских писателей;

Ларионова Татьяна Петровна — исполнительный директор
республиканского фонда «Возрождение» (Татарстан);

Зарипов Айрат Ринатович — руководитель
республиканского агентства по печати
и массовым коммуникациям «Татмедиа»;

Руденко Гульзада Ракиповна — генеральный директор Елабужского
государственного историко-архитектурного
и художественного музея-заповедника;

Суворов Виктор Семёнович — ректор Набережночелнинского государственного
торгово-технологического института.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

А. Н. Бабаев — председатель попечительского Совета Русской православной церкви
в Набережных Челнах, член Союза российских писателей (Набережные Челны);

Н. Н. Беляев — член Союза российских писателей (Казань);

Н. М. Валеев — доктор филологических наук,
член Союза писателей России (Казань);

Н. А. Вердеревская — кандидат филологических наук,
член Союза российских писателей (Елабуга);

Р. Б. Гайнетдинов — заведующий отделом Департамента Президента
Республики Татарстан по вопросам внутренней политики (Казань);

В. Н. Гофман — протоиерей, член Союза писателей России (Нижний Новгород);

В. А. Ермаков — заслуженный работник культуры РФ,
член Союза писателей России (Орёл);

И. В. Лимонова — член Союза писателей СССР (Москва);

Д. Е. Кан — член Союза писателей России (Новокуйбышевск);

О. В. Кузьмичева-Дробышевская — член Союза российских писателей (Набережные Челны)

С. Д. Кузнецихин — член Союза российских писателей (Красноярск);

Н. В. Переяслов — секретарь правления Союза писателей России (Москва);

Н. Б. Рачков — секретарь правления Союза писателей России (Тосно, Ленинградская обл.);

Р. Ш. Сарчин — кандидат филологических наук, член Союза российских писателей (Казань);

М. А. Чванов — президент Международного Аксаковского фонда,
член Союза писателей России (Уфа).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77-58009 от 08 мая 2014 г.

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Заместитель главного редактора — Александр Воронин

Директор по развитию — Вера Хамидуллина

Технический редактор — Сергей Алешков

Корректор — Любовь Сивко

Дизайнер-верстальщик — Виталий Павлов

Художник — Ольга Белова-Недовизий

ДЕРЕВО, ПОСАЖЕННОЕ ТУКАЕМ

В НЫНЕШНЕМ ГОДУ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ТАТАРСТАНА И РОССИИ ШИРОКО ОТМЕТИЛА 130-ЛЕТИЕ ВЕЛИКОГО ТАТАРСКОГО ПОЭТА.

В городе Уральске есть место, где стоят высокие ветвистые деревья. Если прислушаться, то кажется, что их листва шепчет стихи...

Многие жители города знают точный возраст каждого дерева — ведь сад был заложен в честь столетия со дня рождения великого Пушкина в 1899 году и когда-то носил его имя. В тот год вместе со взрослыми сажать деревья вышли и учащиеся медресе «Мутыгия», а среди них был тринадцатилетний мальчик, будущий великий татарский поэт Габдулла Тукай. Дерево, посаженное Тукаем, возможно, и не сохранилось до наших дней, а если и сохранилось, то не узнаешь его среди других. Но в вечном многонациональном пушкинском саду поэзии и сегодня звучит голос Тукая, считавшего себя литературным учеником гениального русского поэта, гордившегося своей духовной связью с ним и с русской литературой. Не случайно одной из первых журнальных публикаций девятнадцатилетнего поэта стала ода «Пушкину».

Габдулла Тукай, воссоздавая картину российской жизни, жизни татарского общества начала XX века в самых различных её проявлениях, сумел подняться до такой высоты, достичь до такого поэтического обобщения, что его произведения приобрели общечеловеческую ценность, его литературное наследие перешагнуло национальные границы. Стихи Тукая переведены почти на все языки народов России и на многие языки народов мира. 130-летие со дня рождения Габдуллы Тукая (26 апреля 2016 года) стало подлинным праздником отечественной культуры.

Тукай прожил неполных 27 лет. Родившийся в маленькой татарской деревушке, не учившийся ни в гимназии, ни в университете, он сумел стать крупным мыслителем, передовым политическим и общественным деятелем, создателем национального литературного языка, художественной критики, публицистики. Он овладел несколькими языками, составил учебники и хрестоматии и оставил пять томов собственных сочинений. И всё это за 8–9 лет активного творчества, не имея ни собственного дома, ни семейного уюта, ни условий для творческой работы.

Мы знаем: Тукай умер от туберкулёза. А фактически он сгорел в собственном огне, которым хотел осветить жизнь родного народа, его дорогу к свободе и счастью.

Вершин национальной поэзии Тукай, безусловно, достиг благодаря своим выдающимся природным способностям, которые сполна раскрылись во время демократического подъёма в России, вызванного революцией 1905–1907 годов.

Когда Габдулле было четыре месяца, умер отец. Вскоре умерла и мать. Сироту с проезжим знакомым ямщиком отправили в Казань, чтоб тот отдал малыша кому-

нибудь на воспитание. На базаре его забрал один кустарь, но через два года мальчик возвратился в бедную, многодетную семью деда, где стал «одиноким галчонком среди белых голубок». Лишний рот был очень некстати, и дед послал мальчика на воспитание крестьянину Сагди из деревни Кырлай.

Вспоминая об этих холодных годах детства, когда он босыми ногами примерзал ко льду крыльца, был оклёван «белыми голубками», а в ушах звенело базарное: «Кому нужен мальчик? Подходите, подходите...», поэт писал:

*Мать моя лежит в могиле. О страдальца моя,
Миру чуждому зачем ты человека родила?*

*С той поры, как мы расстались, стража грозная любви
Сына твоего от двери каждой яростно гнала.*

(Пер. А. Ахматовой)

Спустя некоторое время восьмилетнего Габдуллу взяла к себе сестра отца, жившая в Уральске.

Двенадцать лет жизни в этом городе являются наиболее значительным этапом формирования личности Тукая. Здесь он впервые попал в многонациональное окружение, овладел русским, арабским, турецким, персидским языками, получил первые уроки поэтического мастерства, вошёл в социал-демократические круги, общался с большевиками. Наборщиком типографии «Уралец» среди русских рабочих он встретил революцию 1905 года, участвовал в маёвках, демонстрациях с требованием восьмичасового рабочего дня, распространяя прокламации.

«Мал я, но в борьбе неистов, ибо путь социалистов — это и моя дорога, справедливая, прямая», пишет он в 1906 году, а потом провозглашает: «Вольная страна Россия — наша цель!..» И этой цели он был верен до конца своей жизни. Остриё его поэтического оружия было направлено и против конкретных мракобесов-реакционеров и против всего несправедливого социального строя. Недаром за несколько дней до смерти Тукая в дверь больницы, где он лечился, постучались жандармы, чтобы арестовать поэта...

В Казань приехал Тукай уже сложившимся литератором. Он здесь стал активно сотрудничать в демократической газете «Эль-Ислах» («Реформа»), в сатирических журналах «Яшен» («Молния»), «Ялт-йолт» («Зарница»). И здесь у двадцатилетнего поэта выходит первая книга стихов, которая была восторженно встречена широкими слоями народа.

Но революция пошла на убыль. Начались нападки на революционно-демократические силы, гонения на прогрессивную прессу, преследования прогрессивных писателей и журналистов. Тукай остаётся верен демократическим идеям. Объектами убийственного бичевания становятся буржуазные националисты, религиозные фанатики, империалистические хищники, беспощадно эксплуатирующие малые народы.

В Казани Тукай вёл и большую общественную работу, читал публичные лекции, принимал деятельное участие в литературных вечерах. Благодаря своему окружению он начал глубже понимать свою роль — роль народного поэта — в переустройстве жизни. Рождались большие творческие планы, но осуществить их было не суждено — в апреле 1913 года Тукай умер.

Нам дорого литературное наследие Габдуллы Тукая. В своих произведениях он воплотил гуманистические идеалы своей эпохи, сумел дать им мощные поэтические крылья. Поэт вдохновенно воспел дружбу народов:

*Мы с русским народом сроднились давно,
Во всех испытаниях стоим заодно.*

*Такого родства временам не избыть —
Нас крепко связала истории нить!*

(Пер. Р. Бухараева)

Рутина затхлой, тёмной буржуазной действительности не смогла заслонить от поэтического взора Тукая всё прекрасное, чем богата душа татарского народа. В его произведениях звучат искренняя надежда на молодое поколение, большая вера в его патриотизм, самоотверженность.

В Государственном музее Татарской АССР хранится том Г. Тукая, который по фронтовым дорогам дошёл до Берлина, побывал в поверженном рейхстаге. Стихами Тукая пользовались Муса Джалиль и его соратники в своей патриотической работе в логове врага.

«Пусть сольются мысль и труд!», «Пусть на ниве просвещения увенчает слава нас!», «Жизнь люби, люби Отчизну, мир, которым жив народ!» — писал он.

Тукай — один из тех счастливых поэтов, творчество которых всегда современно. Я рад предложить журналу «Аргамак» стихи, так или иначе касающиеся его.

*Говорят, что стихи —
это цветы души.*

Если б были стихи
лишь цветами души,
не раздался бы гром
в петербургской глуши,
не уткнулся бы Пушкин
в подтаявший снег,
не сбежала б слеза
с плотно сомкнутых век!

Если б были стихи
лишь цветами души,
разве стали б жандармы
в полночной тиши
рваться в дом,
где — хлебнувший всех бед
через край, —
как свеча, догорал
именитый Тукай!

Если б только цветами
стихи могли быть,
не посмели бы Лорку
франкисты убить,
не сгорело бы
сердце Хикмета в огне
беспредельной тоски
по родной стороне!

Было всякое в мире.
Но помнишь ли ты,
чтобы кто-то
кого-то
убил за цветы?!

Перевод Вад. Кузнецова

НА УЛИЦАХ КАЗАНИ

Я столько раз гулял родной Казанью,
пройдя её из края в край пешком,
читая зданья, будто лет сказанья,
и говор улиц слушая тайком.

Ночной порою, в шорохи вникая,
я часто слышал: камни мостовых
мне что-то шепчут голосом Тукая,
словно читают его новый стих.

На кружевах чугунных ограждений
цветут цветы. И из былых эпох —
как из домов — ко мне выходят тени
тех, кто для всех когда-то был как Бог.

Гул сотен лет витает над садами,
и в грудь мою вплывает жизни суть:
чтоб слить себя с великих дел следами —
борись за край свой, патриотом будь!..

Я вновь и вновь иду родной Казанью —
вот площадь, спуск, знакомый поворот...
Проходит всё. Но никогда, я знаю,
моя любовь к Казани не пройдёт.

В СЕМЬЮ ВСЕЛЕННОЙ

*Скажи, зачем в семью Вселенной чужаком меня ввела?..
Г. Тукай.*

Творенья глину с рук не соскребя,
на башмаках неся пыль большака,
в семью Вселенной жизнь ввела тебя,
как вводят в дом с дороги чужака.

Тёк свет созвездий, как вода из гнёзд,
когда ты бездной Космоса шагал,
и Дикий Гусь¹, набитый дробью звёзд,
тебя своею кровью обжигал.

¹ Татарское наименование Млечного Пути.

Ты пятна с солнца вытирал рукой,
аж проступала на халате соль.
Ты отдал звёздам свой земной покой,
а взял взамен — самой Вселенной боль.

Словно родня, на лунный каравай
сошлись кометы, звёзды и планеты.
Вот шар земной, в котором Ад и Рай
переплелись, смешав свои приметы.

Ужель для нас грозит померкнуть свет
за то, что мы не ведаем морали,
и данный нам Создателем завет
давным-давно забыли и попрали?

Ты эту тайну в горний мир унёс,
как метеор, сгорев на фоне неба...
Тукай, ты нам — не заданный вопрос.
И пусть один в пустыне слов ты рос,
в семье Вселенной — чужаком ты не был!

РОДНОЙ КРАЙ

*Куда бы непроторённый мой путь повернул,
Навек буду помнить родной свой аул.*

Г. Тукай.

Каждый твой родник слагает песню,
каждая река звучит кантатой.
Раскатились росы в редколесье,
блещут в травах, точно жемчуг скатный.

Каждая тропинка — стих звучащий.
Словно хор объединённый, оду
в честь тебя поют лесные чащи,
поле, роща, сад и вся природа!

Край родной! Моей души истоки!
Без тебя мне ни к чему награды.
Лишь скажи, как во всемирной склоке
мне не дать твои разграбить клады?..

Переводы Н. Переяслова

ПУШКИН В КАЗАНИ (Сентябрь 1833 года)

Взволнован был Тукай и поражён,
когда в Казань въезжал впервые он.
И вырвалось из сердца у Тукая:
«Казань, ты светозарна, дорогая!..»

А почему ж душевной пары строк,
в Казань въезжая, Пушкин не изрёк?
Тогда стоял сентябрь, пестрели дали
и в сумерках вечерних пропадали.

Быть может, та осенняя пора,
источник вдохновенья для пера,
так русского творца заморозила,
что речи на короткий срок лишила?

А может, как и многие места,
Казани не заметил он тогда.
Да и казанцы Пушкина едва ли
заметили в ту пору и узнали.

Но ни ему укора нет, ни им.
Зато теперь он стал для них своим.
И в очаге татарском вспыхнет снова
живое пламя пушкинского слова.

Перевод В. Шамигурина.

НЕ УЙДЁМ!..

Тукай ушёл, сказав: «Мы не уйдём!»,
в весенний дождь,
но громче год от года
апрельским первым грозовым дождём
«Мы не уйдём!» — звучит в душе народа.

Мятежной осенью у белых стен кремля
погиб Вахитов —
вместе с красной кровью
впитала клятву «Не уйдём!» земля,
навек даря бессмертие герою.
«Мы не уйдём!» — начало всех начал.
Величественна смерть во имя долга...
Так подвиг Газинура прозвучал.
Так отвечали Волхов, Дон и Волга!

Не соблазнит чужой «свободы» звон,
врага коварный зов для нас не страшен,
мы не уйдём из пламени знамён,
из вольности лугов, раздолья пашен!
Живые корни дерева страны,
в грядущие мы верим поколенья!
Пускай уходят те, кто неверны,
кто продаёт отцовский кров забвенью.

Тукай ушёл, сказав: «Мы не уйдём!»,
в весенний дождь,
но громче год от года
апрельским первым грозовым дождём
«Мы не уйдём!» – звучит
в душе народа.

Перевод Л. Григорьевой.

О РОДНОМ ЯЗЫКЕ

*О, как хорош родной язык,
Отца и матери язык!..*

Г. Тукай

Когда я на татарском говорю,
я пульса его чувствую биенье,
и поступь жеребца, и крыл скольжение –
как будто сам я соколом парю.

Когда я на татарском говорю,
в упругий пляс пускаюсь поневоле –
взлетаю в небеса над отчим полем
и прославляю звёзды и зарю.

Когда я на татарском говорю,
приветствую я по-татарски тоже
всех тех, кто мне роднее и дороже,
притом не прибегая к словарю.

Когда я на татарском говорю,
на нём поёт душа моя и плачет,
и очень много песня эта значит
для тех, кого я так боготворю.

Когда я на татарском говорю,
увереннее гордость бьётся в сердце,
и разум разгоняет сумрак серый
уныния – и снова я творю
Когда я на татарском говорю.

*Перевод М. Ахмедовой-Колюбакиной
(Дагестан).*

МАРСЕЛЬ ГАЛИЕВ

СИМФОНΙΑ ДУХА (РУХ)

(отрывок из поэмы)

*Дух — это знамя человеческой сущности.
Твоё знамя может обagrиться кровью,
но не должно быть затоптано...*

ДУХ

Рождается молодой день...

Как только Солнце приподнимется над горизонтом и, опершись на горную перину, потянется с негой, на Небесный свод и Землю устремляется поток живого разноцветья.

Впитывая телом и душой свет хорошего настроения из этого росистого райского источника, ты готовишься к началу суетного дня.

Ключ дня — под крылечком рассвета.

Именно в эти мгновения судьба передвигает назад очередную бусину на чётках твоей жизни. Этот день — один из тех считанных дней, пока ещё не ставших венцом твоей жизни, а потому он ещё более драгоценный, чем вчерашний...

Вернулась ли в грудную клетку вместе с животворящим ветром утра твоя расправившая крылья душа, всю ночь блуждавшая в иных мирах? И сколько словесных жемчугов, достойных вечного хранения в её мельчайших сотах, душа принесла с собой?!

Разбуди своё перо!

Со словами молитвы на устах возьми его в руки... Чуткий наконечник пера, покойно угнездившегося между пальцев, прикоснётся к бумаге и... на грядке белого листа один за другим начнут проклёвываться ростки слов. Их нежные стебельки, разрастаясь и наливаясь силой, потянутся в рост. Это и есть первые зародыши твоих рифмованных чувств, пульсирующих в душе.

Если тебе дана власть над Словом, дарован вдохновенный творческий огонь, это — воля небес. Значит, в тебе есть та мелодия, которую ты можешь спеть, стоя в центре этого необъятного мира и устремив глаза вдаль, на всполохи далёкой истории — через все твои прожитые годы, поделённые на четыре времени года!

Когда летописи древних высекались на челе гор;
когда степь звенела от ржания тысяч и тысяч коней;
когда земля тяжело прогибалась от половодья ратей, сошедшихся в жестокой сече;
когда великие государства вдруг рассыпались в прах;
когда при свете тусклого огня каллиграфы переписывали вечные дастаны...

Где был ты? Сумеешь ли ты, взвалив на свои плечи и величие, и падения прошедших эпох, достойно повториться в его отзвуках?

Растопчи ногами суету наших дней, зависть, убожество тех, кто не умеет найти животворящее слово в белизне бумаги, тех бесполезных, кто растерял веру во имя брэнной славы и благополучия, и...

Если тебе суждено стать Олицетворением Величия... Если Господь, возложив ладонь на твоё темя, осенил тебя благословением Небес... Если своим дыханием ты можешь вернуть к жизни сиротливые углы на остывших кострищах, — разбуди своё перо!

На кончике пера — Вселенная...

ЖАЖДА СЛОВА

Слово рождается на гроздьях души.

Что за чудо таится в слове, что за тайны? Из чего — из шёпота Неба, дыхания Земли — родились священные созвездья слов?

Загляни в своё сердце — ты, владеющий пером! Отыщешь ли для верующего — благочестивое слово, для просвещённого — глубокомысленное слово, для любящего — страстное слово?

Дай дорогу, окажи поддержку Слову благословляющему!

Я окидываю мысленным взором безбрежные просторы океана языка и чувствую, как меня охватывает беспомощность. Смущённый и потрясённый, я ощущаю его величие. Тяжким грузом ложится на плечи осознание того, что никто и никогда не сможет достичь противоположного берега этого океана...

Но нет, это ощущение безнадёжности — лишь на мгновение. Бескрайний океан зовёт, манит, притягивает, наполняет ветром паруса мечты. Смотри, как поблёскивает на волнах бисер слов... Однако поверхность вод доступна взору многих, а ты попробуй нырнуть глубже, достигни дна: раскрой упругие створки раковин, отыщи в укромных впадинах забытые жемчужины слов, посмотри, не остались ли под накипью лет несправедливо притеснённые, униженные, растоптанные, запятнанные слова...

Что за чудо таится в Слове, что за тайна?

В чём красота его, и вкус, и смысл?

Свободно ли его дыхание и соразмерно ли дыханию звучание?

Мысленно размотай клубок Слова — бьётся ли сердце в его ядре, какие звуки доносятся из пучины Слова: шорох ли орлиных крыльев, стон ли бескрайней степи, всполохи ли зарниц от скрещающихся со звоном мечей, или, может, это всхлип стрелы, потерявшей свою остроту после удара о щит, или осыпаются с шумом камни под нетерпеливыми копытами коней; или, может... это горячее дыхание воина — лучшего среди равных, его чувства, о которых он прошептал на ухо юной деве, посаживая её в седло?

Истинную цену Слова определит твоё сердце...

Бывает так: на куске каменного угля, добытого из глубин Земли, отпечатался след древнего растения; в горной породе вдруг оказалась раковина возрастом в десять тысяч лет. В горячем янтаре осталась позабытой на тысячу лет букашка с круглыми глазами... А корни дуба проросли, крепко обнимая бивень мамонта. И сколько ещё разных чудес. Такова и особенность развития языка: на протяжении веков некоторые слова, сочетаясь и объединяясь друг с другом, шлифуются и, наконец, слившись, сжавшись в одно алмазное ядро, создают главное слово. Осторожно разложи его корень... и — откроется чудо! Или попробуй поиграть с буквами и звуками, переставь их местами, заморочь Слово голову — и перепутаются столетия, время выйдет из берегов, смысл перевернётся с ног на голову. Или... подобно тому, как уголёк, забытый в кострище под слоем золы, вдруг проснётся и полыхнёт от дыхания ветра, вдруг вспыхнет истинное значение Слова. И ты вскрикиваешь: эврика! А ведь это Слово тысячи раз слетало с твоего языка — но ты не обращал внимания, не слышал крика его души, пульсации его крови.

В слова вместились характер и природа народа, его история, традиции и обряды, стремления, мысли и чаяния. Ещё с материнской утробы мы всем своим существом впитываем звуки и мелодию родного языка. И в соразмерности с его мелодией и звучанием, в соответствии с природой этого языка рождается глубокое ощущение гармонии национальной души. Утративший вкус языка — теряет и эту гармонию. Родной язык орошает тело, душу человека, определяет его характер, раскрывает безграничные возможности роста для его ума, а рождённые из внутренних возможностей этого языка мелодия и песня даруют человеческому духу исцеление, животворящую энергию стремления.

Почему порою, прорезая телом толпу чужих людей, я вдруг среди холодных глаз ловлю горячий, улыбчивый, с хитринкой взгляд и — останавливаюсь: ведь это — моё... Мы одной крови! Окликни его, и эти глаза не останутся равнодушными, заискрятся и загорятся огнём. В чём загадка? Значит, он воспитан в традициях нашего народа верным его сути. И в его душе живут неразделимо звучание родного языка и звучание народной песни.

Размер и ритм образа жизни народа, мелодика звуков его языка, рождённые ими песни и мелодии, создавая истинное звучание нации, естественным образом вливаются в общую музыку мира.

Поэт — посредник между Небом и Землёй.

Ему даровано счастье быть рабом слова. Лишь став пленником слова, он может завоевать свободу своей души.

Поэт — полководец. Его сабля — ум. Его стрела — перо. Поле битвы для него — чистый лист белой бумаги! Стоит ему лишь отдать приказ, и его растянувшаяся до горизонта словесная рать тотчас тронется с места и обернётся каскадом стройных мыслей.

Слово рождается на гроздьях души...

* * *

Если колодец языка мелеет, а колодезный журавль начинает скрипеть, меня охватывает ностальгия по родине.

Влекомый жаждой слова, я возвращаюсь туда.

Исток моей жизни, в тебе ли исцеление моей душе?

С ветром отсылаю свою весточку,

Приложив ухо к земле, услышь её,
Мальчик, стреноживший овода!

Издалека, стоя на берегах эпох, зову его, а он молчит... Так и не дождавшись ответа, я теряю терпение и пускаюсь в путь.

— Здравствуй, страна бесхитростной наивности!

Это не только мой родимый край, но и родина Слова.

— Здравствуй, курносый мальчонка!

Вон он стоит на противоположном берегу, молчит, смотрит отчуждённо, затем гордо отворачивается и, вскочив на своего коня — палку (седло его — ветер, плётка — ветка полыни, шлем — лопух), мчится прочь — только пятки сверкают. И — то ли ветры завертели-унесли, то ли лес раскрыл ему свои объятия, а может, поглотили его волны лошин и холмов или склонилась над ним, впустила в свои пещеры гора Чатыр-тау, но — ау! Исчез мальчишка прямо на глазах. Он и не узнал меня, не может, видимо, простить моё предательство — отъезд мой в дальние края. Ворота детства, увы, закрыты. Прибёг бы к помощи «сим-сима» — но жаль, волшебное слово уже забыто...

Устремив взор на бескрайнюю ширь родного края, шепчу себе: «Я скучал...»

Но незаметно для себя я вдруг произнёс пароль, и невидимые глазу феи широко распахнули передо мной ворота. Ах, это же здесь, здесь... Как бы мне хотелось стать жеребёнком на твоих просторах, Долина Слов, заплутаться в твоих потаённых углах, Лес Слов, повалиться вольготно на твоих склонах, Гора Слов!

Я лежу в берёзовой роще под сенью папоротника.

Кувыркаюсь в лугах, где ветры играют в догонялки. Лишь после того, как я освободился от шелухи городской жизни, феи зелёного мира приводят меня к озеру, чтобы я очистился от мыслей.

Здесь тишина, молчание... впрочем, нет, каждое живое существо возносит благодарность. Восхищаясь своею тенью, отражённой на поверхности воды, водят хоро-воды бабочки. Летают четырёхкрылые стрекозы. Лягушка, метившая попасть на лист кувшинки, поскользнулась и, опрокинувшись навзничь, блеснула нижним бельём и с бульканьем пошла на дно. Кузнечик, приземлившись на стебель камыша, играет на кубызе. Цветы кувшинок ещё не проснулись, их губы ещё только нежно раскрываются навстречу рассветному лучу. В тальнике заливается серебристой трелью соловей. Воробушек, самозабвенно слушавший его, горько сокрушается: ах, ну почему и я не родился соловьём! — и, уткнувшись клювом в пушистую грудку, тихо плачет от зависти.

Здесь всё словно создано в угоду тому курносому мальчишке. Стараясь понравиться именно ему — плавают, летают, поют, жужжат, — всё вертится, копошится.

Пробежаться бы сейчас по дальнему лугу. Раньше, бывало, несёшься со всех ног и вдруг, налетев нечаянно на что-то острое, вскрикиваешь, будто наступил на раскалённую сковородку, падаешь наземь и вытаскиваешь из ступни ужалившую тебя колючку, не в силах сдержать слёз от боли, но... ах, какие же счастливые это были минуты!

И ещё — когда несёшься наперегонки — кто первый! — и, скидывая на ходу одежду, прыгаешь головой вниз в прохладу пруда, — до чего же опасно-приятными были те минуты!

А когда вечером у ворот дрожащими от избытка чувств губами ты впервые в жизни прикоснулся к губам своей юной соседки, как знать, быть может, в высоте, в глубинах космоса, столкнулись две звезды...

Ах, эти воспоминания — суть извилистые дороги к поэзии.

Ведь это здесь, в моей родимой стороне, где горизонт окаймлён голубыми горами... мой разум ласково пробудило самое Первое Слово — мамино слово. И потом, одно за другим, открывались передо мной колодцы языка! Из этих колодцев я черпак за черпак щедро черпал Слово.

Как благодатное зелье разливались в моём теле и разуме — от сока дикого лука и щавеля — острое слово, от борщевика, дягиля, кислицы — сочное слово, от чертополоха — слово колющее, от земляники да ежевики — слово сладкое, от черёмухи, рябины — слово терпкое!

И снова я вернулся сюда, мучимый жаждой слова. Вернулся, чтобы отряхнуться, очиститься от чуждых слов, и пришёл к колодцу со старым колодезным журавлём. У колодца сидит величественный старец. Он прозрачен. По виду почти ангел. Он сидит, опираясь на гордый посох, сделанный из благородного можжевельника.

Корни того посоха — в глубинах Гималайских гор...

— Благословляю тебя! — говорит старик и кладёт свою руку, что легче ветра, на моё плечо.

На страже колодца — Дух Слова.

Перевод Гаухар Хасановой

ОБ «АРГАМАКЕ» И НЕ ТОЛЬКО

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Мы живём в трудное для литературы время. Проигрывающие футболисты ныне ценятся больше, чем поэты. Власть в России никогда ещё не была столь равнодушной к художественному слову, как ныне. Московский Кремль словно забыл о том, что нравственный и духовный климат в стране поддерживался высоким искусством, отечественной классикой, а впоследствии — советской литературой. Подобное забвение чревато непредсказуемыми последствиями. Тем не менее, учитывая подъём патриотического движения в нашей стране, произошедший в связи с возвращением Крыма и другими знаменательными событиями, мы надеемся, что и литература займёт подобающее ей место в сознании власть предержащих, да и всего общества. От зрелищных тусовок на первом канале ОРТ пора переходить к целительному Слову — душа человеческая истосковалась по Пушкину, Тукаю, Есенину, их современным продолжателям.

Становится очевидным, что традиции больше укоренены в необъятной российской провинции, чем в столице. Примером тому — региональные литературные журналы: «Берега» в Калининграде, «Великоросс» в Коломне, «Русское эхо» в Самаре, «Сибирь» в Иркутске, «Гостинный двор» в Оренбурге, «День и ночь» в Красноярске, «Сура» в Пензе, «Бельские просторы» в Уфе, «Аргмак» в Татарстане и другие издания, поддерживаемые местной властью. А какие замечательные литературные праздники проходят в наших городах и весях: «Сияние России» в Иркутске, Международные Аксаковские чтения в Уфе и Оренбурге, ежегодный Державинский фестиваль в Казани, Международные Цветаевские чтения в Елабуге и много других — я перечислил только те, в которых имел счастливую возможность участвовать, как главный редактор литературного журнала «Аргмак. Татарстан», о непростой судьбе которого и пойдёт далее речь.

Его первый номер увидел свет в августе 2009 года благодаря распоряжению и доброму напутствию первого президента Республики Татарстан Минтимера Шаймиева. Журнал выходил один раз в квартал на договорной основе с АО «Татмедиа», финансировавшим его из республиканского бюджета на правах учредителя. На каждый из 23-х выпущенных номеров заключался отдельный договор. Несомненным достоинством журнала стали две цветные вклейки, которые предназначались, в основном, авторам — землякам. На первой вклейке мы публиковали работы фотомастеров Татарстана, на второй — художников Татарстана. Тираж издания — 2000 экземпляров. Половина его по общему решению редакции и учредителя на бесплатной основе распространялась по всем библиотекам республики. 500 экземпляров распространялось в Казани и по Закамской зоне. Столько же — по всей России, поскольку журнал изначально был задуман общероссийским. При этом преследовались две цели. Во-первых, мы стремились рассказать миру о достижениях республики (в частности, о возрождении национальных святынь в Болгаре и Свияжске). Во-вторых, мы публиковали не только русских (местных и не местных) авторов, но в не меньшем объёме — произведения татарских писателей в качественном переводе на русский язык, остающийся языком межнационального общения на всём

постсоветском пространстве и являющийся одним из двух государственных языков в Татарстане.

Я считаю, что обе цели были достигнуты. Возникла обширная редакционная почта. Мы не знали недостатка в хороших материалах по любым жанрам. Нам всегда было из чего выбирать, составляя очередной номер. Была ещё и третья задача, которую редакция ставила перед собой, — это консолидация литературных сил страны, их объединение. Мы не делили писателей на белых и красных, на демократов и патриотов, на своих и чужих. Первостепенное значение всегда имел качественный литературный текст. В большей степени мы опирались при этом не на столичную литературную элиту, а на талантливых авторов из глубинки, на тех, о ком в самом первом номере журнала критик и литературовед Леонид Агибалов сказал так: «Нынешние соловьи все при императорах. Иные кормятся русской идеей и жертвенно сдают в аренду старинные особняки. Иные, граждане мира, освоили чтение лекций о лирической поэзии для заморских «умников». Только сам предмет этих забот шатается где-то по медвежьим углам, вечно неустроен и нищ при любом раскладе властей. Это, как и дар, врождённое»... Не случайны на наших страницах и произведения тех, о ком забывать нельзя, — фронтовиков и непревзойдённых стилистов Евгения Носова и Амерхана Еники, безвременно ушедших поэтов Николая Перовского и Мудариса Агьямова. Не скрываем мы и литературных пристрастий. Они выражаются, может быть, в следующей формуле: мы печатаем художественную литературу. Так называемую «другую» литературу пусть печатают другие издания.

С полной уверенностью скажу — «Аргамак» за неполных семь лет своего существования стал одним из лучших региональных литературных журналов России. В 2010 году мы получили диплом республиканского конкурса «Книга года», а в 2013 году завоевали серебряную медаль на международном конкурсе изданий на русском языке, проводимом в Берлине. В том, что журнал признан писательским и читательским сообществами, нетрудно убедиться, познакомившись с ним в интернет-ресурсе (www.srgkzn.ru), а также с письмами в его поддержку от наших многочисленных друзей. Эти письма возникли после того, как возникла очередная угроза нашего закрытия...

Наш литературный скакун был готов и к новым победам на издательском ипподроме, но на пике читательской признательности господа учредители предупредили меня, что по причине затянувшегося финансово-экономического кризиса деятельность журнала будет приостановлена. В 2015 году мы смогли выпустить только два номера вместо четырёх. В 2016 году мы выпускаем вот этот — единственный — номер. Как выяснилось, «Аргамак» не был включён в бюджетный список журналов «Татмедиа».

Я прекрасно понимаю, что упал рубль, дешевеет нефть, жмут международные санкции, но я не понимаю, почему издательское поле решили освободить именно от единственного русского литературного журнала в Татарстане? Экономия на его выпуске помогает пережить кризис? Да и где он, кризис? Казань год от года хорошеет, в родных мне Набережных Челнах строятся дороги, открываются новые школы, появляются великолепные зоны отдыха в виде набережных вдоль Камы и её притока Мелекеси, и всему этому душа радуется?! Да и в других регионах, где удалось побывать, не заметно уныния — страна живёт, люди работают, правительство Российской Федерации ежедневно по ТВ убеждает нас, что заработанных ресурсов в стране достаточно, а экономикка обязательно поднимется. Почему же «Аргамак» вдруг стал лишним? Хочешь — не хочешь, но вопреки всем декларациям о межнациональном согласии напрашивается крамольная мысль — потому что русские — не коренные? Из-

вините, но я здесь родился и вырос, моё родное село Орловка возникло в начале XVII века, почти одновременно с Набережными Челнами. Да и статистика утверждает, что татар и русских в республике поровну, чего, правда, не скажешь о статистике в сфере госслужащих, бюджетников, да и писателей, в частности. Там пропорции почему-то в одну сторону — в татарскую.

Особенно наглядно эта ситуация выглядела на съезде писателей Республики Татарстан, прошедшем 16 июня нынешнего года. Для моего сознания он был оскорбительным. На съезде правила бал русофобствующая публика. Гневные выступления многих ораторов никоим образом не переводились на русский язык (один из двух государственных в нашей республике). Почётный президиум никого из выступающих не остановил — плюрализм. На съезде не было ни одного гостя из творческих союзов соседних республик: Чувашии, Удмуртии, Мари-Эл, Башкортостана. Из Москвы приехал только Ринат Сафиевич Мухаммадиев, бывший казанец, бывший председатель правления Союза писателей РТ. Было похоже, что СП Татарстана считает себя абсолютно автономным, суверенным, независимым сообществом. Наверное, он имеет на это полное право при одном условии — необходимо переименовать Союз писателей Татарстана в Союз татарских писателей. Если исходить из отчётных докладов и цифр, прозвучавших всё-таки и на русском языке, это было бы честно. Судите сами. За отчётный период из республиканского бюджета СП Татарстана получил более 60 миллионов рублей. Русский журнал «Аргамак» (менее полутора миллионов в год) в означенную сумму не вписывается. Интересна и другая статистика. В СП Татарстана состоит 340 человек. Русских и русскоязычных (пишущих на русском языке) из них — 70 человек. С грустной улыбкой подумалось — во сколько же раз одна нация талантливее другой? Какие уж тут могут быть разговоры о преимуществах титульной нации? Эти разговоры, тем не менее, звучали на съезде! Разумеется, не в пользу этой самой титульной нации. А ведь налоги платят все, Татарстан из налогового поля России уходить не собирается.

И никуда не деться от мысли, что это ошибочная политика тех из татарской элиты, кто внешне — «с Путиным», а внутренне — готов к возврату в начало 90-х, когда в республике реально пахло порохом, когда русским предлагали убраться.

Что будет дальше? Лучше всего, если упомянутый съезд писателей останется в истории, как незначительный эпизод, о котором не захочется вспоминать и мне — русскому, родившемуся и прожившему всю жизнь в Татарстане. Тем более, что произошедшее на съезде, судя по всему, всё-таки подействовало на поведение госчиновников Татарстана. Всё чаще стали появляться декларации из их уст о необходимости соблюдения межнационального паритета и баланса в кадровых вопросах. Да и в некоторых горячих писательских головах будто бы наступает отрезвление. И со вновь избранным составом правления Союза писателей Татарстана у нашего издания наметились вехи плодотворного сотрудничества.

Не будем пока загадывать, как это отразится на практике. Но для всех православных жителей республики великим благом стал недавний визит в Татарстан Святейшего Патриарха Всея Руси Кирилла и свершённый во главе с ним Крестный ход по Казани в честь праздника Казанской Иконы Божьей Матери, о благотворном значении которой в русской истории общеизвестно. Мне как татарстанцу было радостно видеть рядом с ним на всех торжествах (не всюду лично, так по телевизору) наших национальных лидеров: президента республики Рустама Нургалеевича Минниханова и государственного советника Минтимера Шариповича Шаймиева... А ещё вспомнилось, как 9 мая нынешнего же года вместе с женой и сыном мне довелось участвовать во всенародной акции «Бессмертный полк», держа над головой портрет отца-фрон-

товика. Казалось, что в одну колонну выстроились все Набережные Челны, в которых живут представители более 80-ти национальностей, приехавшие 47 лет назад на берег Камы со всех концов огромного Советского Союза строить КАМАЗ. Меня посетило чувство, близкое к религиозному. Я ощутил, что солдаты Великой Отечественной ТАМ, на небесах, слышат нас, видят нас и плачут от радости, что не забыты. И подумалось, во сколько же миллионов раз колонна «Бессмертного полка» по всей России мощнее любой «пятой колонны» с Болотной площади? Есть на кого опереться нашим вождям: Владимиру Владимировичу Путину и уважаемому президенту Татарстана Рустаму Нургалеевичу Минниханову, не случайно возглавлявшим колонны «Бессмертного полка» — один в Москве, другой в Казани. Я абсолютно уверен, что большинству российских, а значит, и татарстанских писателей место в этой же бессмертной колонне. Надо только это осознать и прочувствовать.

Но вернёмся к «Аргамак». В начале прошлого года учредители, ссылаясь на мнение коллег-редакторов, упрекнули нас в отсутствии подписчиков. Проблема подписки — вещь серьёзнейшая. Мы и до упрёка начали оформлять подписку через редакцию. Спросите — почему не через подписные каталоги «Роспечати» и «Татарстан почтасы»? Отвечаю вопросом на вопрос — а как нести ответственность перед подписчиками, если журнал всё время держат на поводке? Заключая договор с учредителем на очередной номер, я не знаю, смогу ли заключить на следующий. «Аргамак» пытаются закрыть в третий раз, хотя затраты на него не превышают затраты на любой из аналогичных журналов «Татмедиа», каждый из которых имеет штат сотрудников, помещение редакции, необходимую оргтехнику, технический и финансовый ресурс, служебный (мечта поэта!) автомобиль. Я искренне радуюсь за коллег, имеющих этот ресурс, но в то же время хочу сказать — друзья мои, журнал «Аргамак» создают всего лишь шесть человек, и каждый, считая главного редактора, работает в нём по совместительству (а точнее сказать, по договору). И журнал наш при всём при том — не хуже иных... А вот какую мысль в одном из предыдущих номеров нашего журнала высказал писатель Владимир Карпов, родившийся в послевоенные годы (прошу не путать с другим Владимиром Карповым, Героем Советского Союза) в связи с санкциями и с финансовым кризисом. По TV он как-то услышал: оказывается, в блокадном Ленинграде, когда от голода умирали люди, Михаил Лозинский переводил «Божественную комедию» Данте, Шостакович исполнял свою героическую симфонию, Ольга Берггольц ежедневно читала по радио свои стихи. И всё это помогало ленинградцам выстоять!..

Однако порадуемся, уважаемые читатели и коллеги-литераторы, что «Аргамак» снова выпущен из стойла на издательский ипподром, чтобы на равных с другими изданиями утверждать своё понимание и назначение художественного слова, служить «смягчению нравов» (по мысли В. В. Розанова). Как это произошло? Я благодарен Светлане Владимировне Василенко, первому секретарю правления Союза российских писателей, автору, имеющему международное признание, за её письмо к президенту Татарстана в защиту нашего журнала и с предложением провести фестиваль двух литературных изданий: московского альманаха «ПаровозЪ» и татарстанского журнала «Аргамак». Я бесконечно благодарен Президенту Татарстана Рустаму Нургалеевичу Минниханову за то, что он одобрил оба этих предложения и распорядился возобновить финансирование журнала из республиканского бюджета, основываясь на том, что этот бюджет находится в налоговом поле Российской Федерации, а налогоплательщиками являются все жители республики: и татары, и русские, и чувашы, и удмурты, и мордва, и марийцы, и представители других этносов, общающиеся между собой на русском языке. Я говорю самое сердечное спасибо сотрудникам аппарата

Президента Татарстана, в особенности заведующему отделом Департамента по вопросам внутренней политики Рустэму Бадретдиновичу Гайнетдинову за продвижение распоряжения Президента до логического завершения.

Распоряжение последовало в марте, а его исполнение началось в августе, когда мы с генеральным директором АО «Татмедиа» Андреем Владимировичем Кузьминым подписали договор о выпуске очередного, 24-го номера, который вы держите в руках. Обе заинтересованные стороны договорились также провести в декабре совещание, на котором будет решаться вопрос о гарантированном финансировании журнала «Аргмак. Татарстан» в 2017 году. Надеемся, что он снова начнёт выходить ежеквартально, четыре раза в год, и мы сможем возобновить предложение к читателям о подписке. А в этом номере в числе других материалов читайте наш отчёт о проведённом в Елабуге, в рамках очередных Международных Цветаевских чтений, фестивале-встрече авторов литературного альманаха «ПаровозЪ» (Москва, Союз российских писателей) и нашего журнала.

Р. С. Не могу не отблагодарить коллег-литераторов и друзей-читателей нашего журнала, приславших не только в редакцию «Аргмака», но и в министерство культуры Республики Татарстан, в комитет по межнациональным отношениям, культуре и образованию Госсовета РТ, в руководство агентства по массовым коммуникациям и печати «Татмедиа», в АО «Татмедиа» письма в защиту нашего журнала, требования возобновить его выпуск. Это Борис Николаевич Тарасов, профессор, доктор филологических наук (Москва), Наиль Мансурович Валеев, доктор филологических наук, академик АН РТ (Казань), Виктор Семёнович Суворов, доктор педагогических наук, ректор Набережночелнинского Государственного торгово-технологического института, Альберт Николаевич Петров, генеральный директор ОАО УКС «Камгэсэнергострой», заслуженный строитель России (Набережные Челны), Александр Николаевич Бабаев, председатель попечительского совета Русской Православной церкви в Набережных Челнах, Хаджи Рафаил хазрат Усманов, советник Верховного муфтия Центрального духовного управления мусульман России, Гульзада Ракиповна Руденко, генеральный директор Елабужского Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, Вячеслав Дмитриевич Лютый, литературный критик, заместитель главного редактора журнала «Подъём» (Воронеж), Галина Митрофановна Умывакина, сопредседатель правления Союза российских писателей (Воронеж), Николай Борисович Рачков, поэт, секретарь правления Союза писателей России (г. Тосно Ленинградской области), Сергей Егорович Михеенков, писатель и историк (г. Таруса Калужской области), Владимир Григорьевич Бондаренко, литературный критик, главный редактор газеты «День литературы» (Москва), Яша Геранович Удин, член Союза писателей России (Саратов), Светлана Владимировна Василенко, первый секретарь правления Союза российских писателей (Москва), Александр Геннадьевич Воронин, член Союза российских писателей, преподаватель Казанского театрального училища, Елена Колядина, член Союза российских писателей, лауреат литературной премии «Русский Букер» (Череповец), Лилия Джигангировна Юсупова, член Союза писателей России, лауреат литературных премий имени Шукшина и Цветаевой (Горноалтайск), Анатолий Григорьевич Байборodin, член Союза писателей России, лауреат Большой литературной премии России (Иркутская область), Юрий Петрович Перминов, поэт, главный редак-

тор альманаха «Тобольск и вся Сибирь»), Николай Владимирович Переяслов, секретарь правления Союза писателей России, переводчик (Москва), Олег Глушкин, сопредседатель Союза российских писателей (Калининград), Валерий Алексеевич Сухов, поэт, кандидат филологических наук (Пенза), Сергей Грачёв, член Союза российских писателей (г. Подольск Московской области), Камиль Зиганшин, писатель, председатель Башкирского отделения Русского географического общества (Уфа), Владимир Ермаков, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ (Орёл), Игорь Тюленев, поэт, лауреат международной премии «Имперская культура» (Пермь), Наиль Ишмухаметов, член Союза писателей Республики Татарстан, поэт, переводчик (Казань), Амир Макоев, писатель, общественный деятель (Майкоп), Геннадий Сергеевич Морозов, поэт, член СП СССР (г. Касимов Рязанской области), Анна Акчурина, художник, поэт, автор статей по искусству (Казань), Александр Васильевич Матвеев, писатель, общественный деятель (Красноярск), Юрий Петрович и Людмила Петровна Муратовы, заслуженные пенсионеры (Новосибирск), Пётр Юрьевич Муратов, писатель, предприниматель (Новосибирск), Михаил Андреевич Чванов, писатель, председатель Международного Аксаковского фонда (Уфа), Диана Елисеевна Кан, поэт, член Союза писателей России (Оренбург).

СПАСИБО, ДРУЗЬЯ! ВОЗВРАЩЕНИЕ «АРГАМАКА» – НАША ОБЩАЯ ПОБЕДА!

*Николай АЛЕШКОВ,
главный редактор*

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ПАТРИАРХА

Минувшим летом Татарстан посетил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Первосвященнический визит в Татарстанскую митрополию глава Русской православной церкви приурочил к ожидаемой дате — ко дню явления чудотворной Казанской иконы Божией Матери. В народе этот церковный праздник называют просто — «летней Казанской».

Приезду патриарха предшествовали не менее важные обстоятельства.

Начнём с того, что в прошлом году для многих совершенно неожиданным стало решение Патриарха Кирилла поменять местами двух митрополитов — Анастасия, много лет служившего в Казанской епархии, превратившейся при нём в Татарстанскую митрополию, с митрополитом Симбирским и Новоспаским. Феофан на первой же своей пресс-конференции сказал казанским журналистам, что хочет пригласить в Татарстан патриарха Кирилла, однако оговорился, что глава РПЦ приедет только в том случае, если власти готовы будут выполнить давнее своё обещание — ещё к тысячелетию Казани в 2005 году они обещали Папе Римскому поместить его дар, ватиканский список чудотворной Казанской иконы Божией Матери, в её «домашний» собор, который стоял в самом центре Богородицкого монастыря, на том самом месте, где в 1579 году её нашла девочка Матрона, уверившая иереев, что сама Богородица явилась к ней во сне и указала, где нужно искать её образ. Казанский собор, один из крупнейших в городе, был взорван в тридцатых годах прошлого века. Поэтому чудотворный список поместили в уцелевшей Крестовоздвиженской церкви, где в советские годы читали лекции студентам филфака (факультета девиц, как говорили тогда) Казанского педагогического института. Монастырь до революции был девичьим, однако после развала СССР его возродили как мужской. В Крестовоздвиженке ватиканский список поместили, конечно, временно. Но все знают, что в России нет ничего более постоянного... Иоанн Павел II вскоре умер. Мэра Казани, сразу после празднования тысячелетия города, сослали на Дальний Восток (разумеется, с повышением). На нового градоначальника навесили долги Миллениума и навалили забот по предстоящему Мундиалю, а заодно все хлопоты по проведению Всемирной летней Универсиады-2013 и чемпионата мира по водным видам спорта 2015 года. Так что какие могут быть к нему претензии?

Но случилось так — и не иначе как Казанская сама вступилась — но Феофан смог убедить татарстанскую элиту (его перевод в Казань ни с кем в Татарстане не согласовывали), что откладываемый уже трижды визит патриарха Кирилла состоится на летнюю Казанскую. Так что на «зимнюю», в День народного единства (4 ноября 2015 года) Президент РТ Рустам Минниханов подписал указ о начале строительства Болгарской исламской академии и воссоздании собора иконы Казанской Божией Матери.

Стартовавшие по единому указу объекты (главный православный храм и мусульманский храм науки) стали логичным продолжением истинно шаймиевской политики — так строились Благовещенский собор и мечеть Кул Шариф в Казанском Кремле, включённом накануне Тысячелетия в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. В соответствии с этой стратегией паритета на протяжении последних пяти лет возрож-

дались древний город Болгар и остров-град Свияжск. К слову, литературный журнал «Аргамак. Татарстан», тоже возрождённый по личной инициативе первого президента республики в 2009 году, с первых дней вёл своеобразный дневник становления тех двух исторических святынь. Настоящим прорывом стало включение Болгара в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, правда, со Свияжском европейские эксперты посоветовали подождать, чтобы проект был подготовлен без сучка и задоринки.

Восстановление памятников в древнем городе Болгар и на острове-граде Свияжск продолжается, но уже сегодня их посещают сотни тысяч туристов со всех уголков мира. А Республиканский фонд по возрождению памятников истории и культуры, продолжая болгарскую и свияжскую темы, взялся обеспечить и финансовую составляющую новых проектов — по воссозданию Казанского собора Божией Матери и Болгарской духовной академии. И татарстанцы знают, коли сам Минтимер Шаймиев скажет: «Мы можем», — значит, всё будет «Без булдырабыз»!

ЕГОРЬЕВО

Первосвятительский визит был заранее согласован с принимающей стороной, расписан по часам, тем не менее, в последний момент в программу пришлось вносить изменения. Рассказывают, что сам патриарх Кирилл, ещё на подлёте к Казани, высказал неожиданно пожелание — посетить Раифскую обитель. И пока патриарха дожидались в Международном аэропорту, журналисты обратились к наместнику Раифского мужского Богородицкого монастыря архимандриту Всеволоду, оказавшемуся среди встречающих официальных лиц, с вопросом, как в Раифе готовятся встретить предстоятеля. Надо сказать, с представителями прессы настоятель обители всегда был дружелюбен и открыт, и в этот раз он остался верен себе. Ласково улыбаясь, как всегда, не подбирая долго нужных слов, отец Всеволод заметил, что специальных приготовлений к приезду самых высоких гостей монастырю и монахам не требуется. Каждый может убедиться — в Раифе всегда рады гостям, там всегда чисто, многолюдно, благостно.

Кстати, ваш покорный слуга, в тот же вечер посетивший с гостями Раифу, мог лично убедиться, что никакой суматохи по случаю внезапного визита патриарха в обители не замечалось. Разве что на внутренней стене монастыря, рядом с собором Грузинской Божией матери, некий послушник не торопясь развешивал планшеты с фотолетописью — типа «как было и как стало». Среди исторических снимков мы увидели патриарха Алексия II и первого президента РФ Б. Ельцина, а также успевших поменяться на президентском и премьерском постах В. Путина и Д. Медведева, равно как и множество других випов, минувших и нынешних.

Тем временем в местечке Каипы Лаишевского района, точнее, у примыкавшего к ним сельца Егорьева, возле старинной церкви Богоявления Господня, Святейшего гостя ждали представители городских властей, научной и творческой общественности. И по случаю, как говорится, совершенно замечательному. Напомним, 20 июля исполнялось ровно 200 лет со дня кончины великого русского поэта Гавриила Романовича Державина, а дело в том, что предстоятель Русской православной церкви недавно возглавил возрождённое Общество российской словесности — так что к изящной поэзии патриарх Кирилл имеет ныне самое прямое отношение. А в числе встречавших не случайно оказались многие поэты — лауреаты Державинской премии, члены Союза российских писателей, в том числе председатель Татарстанского отделения СРП, главный редактор литературного журнала «Аргамак. Татарстан» Николай Алешков и староста литературного объединения имени В. Мустафина ТО СРП Михаил Тузов, руководитель литобъединения имени М. Зарецкого и заместитель редактора молодёжного журнала «Идель» Алёна Каримова, руководитель секции русской литературы и художественного перевода СП РТ Лилия Газизова и Ольга Левадная etc. Впрочем, церемония открытия Державинского бюста оказалась короткой, почитать патриарху стихов местным поэтам не предложили.

Предстоятель Русской Православной Церкви помолился в храме Богородицы, у стен которого обрели вечный покой родители Гавриила Романовича. Державин на их могиле воздвиг великолепное надгробие, которое недавно восстановили, и Его Святейшество также помолился у того белоснежного саркофага. После чего вместе с Президентом Татарстана Рустамом Миннихановым сдёрнул белое покрывало с постамента и поздравил присутствующих с открытием замечательного бюста замечательному человеку — поэту и политическому деятелю конца XVIII — начала XIX века.

Стоит отметить, что бюст на родине поэта появился в дар от Всероссийского университета юстиции. Открыть памятник в день памяти поэта прибыла ректор ВГУЮ Ольга Бастрыкина — супруга генерала юстиции, председателя Следственного комитета РФ Александра Бастрыкина. Ведь при императоре Александре I, учредившем современную (отраслевую) министерскую форму госу-

дарственного управления, именно Гавриил Державин стал первым в истории России министром юстиции. И, кстати, таким ревностным и честным министром, что вскоре пришлось его отправить в отставку...

А мы вслед за патриархом с краткой церемонии в Егорьеве отправимся на другой берег Волги, на «славный остров Буян».

СВИЯЖСК

По автодорогам путь на остров-град Свияжск неблизкий, а по водной глади — даже на быстроходных яхтах долгий. Вот почему патриарху Кириллу предложили вертолёт. Для всех сопровождавших Святейшего одной винтокрылой машины не хватило, поэтому отправились на двух.

В Свияжске высоких гостей поджидала внушительная делегация во главе с мэром Зеленодольска Александром Тыгиным и директором Свияжского музея-заповедника Артёмом Силкиным. И вот в небе послышался гул вертолётов. Первым на площадку приземлился борт с госсоветником РТ Минтимером Шаймиевым — председатель Попечительского совета фонда «Возрождения» и встречал, и сопровождал Патриарха, который прибыл вместе с Президентом РТ Рустамом Миннихановым и представителем Президента в ПФО Михаилом Бабичем. Для последнего, заметим, это был последний визит в Татарстан — вскоре, чуть ли не через неделю, Президент России Владимир Путин назначит Бабича чрезвычайным и полномочным послом на Украину. Впрочем, в Киеве отказались представить ему агреман, по сути разорвав дипотношения. И Бабич, кажется, вернулся снова в Нижний Новгород. А мы вернёмся в свияжский июль.

Высокие гости побывали для начала в музее истории Свияжска, затем глава РПЦ посетил Успенский мужской монастырь, где беседовал с игуменом Силуаном и братией, внимательно осматривал уникальные фрески, аналогов которым нет в русской иконописи. Не случайно их решено номинировать в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, раз уж природно-ландшафтная номинация показалась экспертам неубедительной.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси выразил благодарность татарстанским руководителям за сохранение исторических святынь и научный подход к реставрационным и археологическим работам. И направился в сопровождении почётного сонма к Иоанно-Предтеченскому монастырю. Там не менее двух часов его дожидались десятки прихожан. Они же заполнили самый большой на острове храм «Всех Скорбящих Радость», где патриарх Кирилл решил возглавить всенощное бдение.

Его Святейшество обрядили в особые одежды, сослужили ему и Феофан, митрополит Казанский и Татарстанский, и свияжский символ стойкости — отец Силуан, и другие иерархи из соседних регионов. Хотя самого близкого соседа — митрополита Симбирского и Новоспасского Анастасия, год назад оставившего Казань, среди них мы не увидели.

А после службы предстоятель Русской православной церкви лично елеопомазал всех собравшихся прихожан, причём чин сей растянулся по времени дольше запланированного, ведь желающих подставить свой лоб под кисточку с освящённым маслом и поцеловать патриаршую руку оказалось слишком много. Его Святейшество всех удивил своим долготерпением, но каждого присутствующего благословил лично.

Увиденное в Свияжске патриарх Кирилл оценил очень высоко. Надо сказать, на острове-граде минувшим летом появилось несколько новых объектов. Прежде всего, это строящийся Музей археологии дерева, уникальный для нашей страны, и задуманный совместно с Федерацией парусного спорта РТ музей реки... А вот музей Гражданской войны, который открыли в этом году, в историческом особняке начала XIX века — двухэтажном деревянном «доме с колоннами» (усадьбе Медведевых-Бровкина), сразу вызвал множество споров среди представителей научных кругов и заметный интерес заезжих гостей. В общем, мы ещё поспорим. И не раз ещё посмотрим на восковую фигуру Троцкого, которая стала самым спорным и в то же время привлекательным экспонатом.

Но если говорить в целом, то минувшим летом произошло важное событие в жизни острова-града. Свияжск вместе с древним городом Болгар постановлением председателя правительства Российской Федерации включён в список туристско-рекреационных кластеров, которые должны быть созданы на основании решений координационного совета программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)». И самое главное — на это выделяются средства из федерального бюджета. Объём капитальных вложений для создания кластера «Свияжск» до 2018 года составит 415,7 млн рублей, в том числе из федерального бюджета — 79,3 миллиона, из республиканского вдвое меньше (42,2 млн), остальное — внебюджетные источники. До конца 2016 года на создание кластера направят 74,2 млн рублей, а в следующем — уже 221 миллион. На острове будет создано 141 дополнительное рабочее место. А турпоток в 2018 году должен увеличиться на 262 тысячи человек.

И это не предел, ибо рост туристов ежегодно составляет 30–40 процентов, считает председатель Госкомитета РТ по туризму Сергей Иванов. По условиям федеральной целевой программы бюджетные средства могут тратиться на обеспечение инфраструктуры, а значит, для удобства гостей здесь появятся новые дороги, гостиницы, кафе и современные досуговые точки. В последующие 15–20 лет всю прилегающую к Свияжску территорию ожидает бурный рост, потому его и включили в федеральную целевую программу отдельным кластером, что в него входит не только остров-град, но и прилегающие объекты, например, загородный клуб «Свияга», где должна появиться ещё одна гостиница. А чуть дальше — престижный гольф-клуб, куда уже сейчас приезжают погонять шары по лужайке «випы» из Москвы, тут же расположен горнолыжный комплекс «Казань», куда съезжаются отдыхающие со всей страны. И на крутом волжском склоне сияет белизной церквей и золотом куполов знаменитая Макарьевская обитель.

В перспективе вся эта местность, ограниченная федеральной автомобильной трассой М7 «Волга», с поворотом на Свияжск и Нижние Вязовые с железнодорожной станцией, до самого Верхнего Услона может войти в Казанскую городскую агломе-

рацию. И уже сейчас можно видеть, как на противоположном свияжском берегу, прямо напротив исторического острова-града, поднимаются первые строения фантастического Иннополиса — новый город со 150-тысячным населением с одноимённым международным университетом и особой экономической зоной может стать важнейшей точкой роста татарстанской экономики, как в своё время КАМАЗ в Набережных Челнах. На смену индустриальным гигантам вроде «Нижнекамскнефтехима» идут технологии 4.0, облачные решения. Нет, это не из области фантастики! В те же дни, когда патриарх посетил Казань, президент РТ Рустам Минниханов проводил заседание Наблюдательного совета ОЭЗ «Иннополис», где одобрили пять проектов IT-компаний. Общий объём инвестиций только по этим резидентам особой экономической зоны составят около ста миллионов рублей. Не заоблачные, конечно, суммы, но курочка по зёрнышку клюёт...

КРЕСТНЫЙ ХОД

В день праздника, 21 июля, патриарх Кирилл служил Божественную литургию перед чудотворным списком Казанской иконы Божией матери в Благовещенском соборе Казанского Кремля и возглавил Крестный ход до Богородицкого монастыря. В праздничной церемонии участвовали свыше десяти тысяч человек, высшее руководство страны представлял четвёртый по государственному статусу деятель — председатель Государственной Думы ФС РФ Сергей Нарышкин, рядом с ним держались полномочный представитель Президента России в Приволжском федеральном округе Михаил Бабич, президент Татарстана Рустам Минниханов, государственный советник РТ Минтимер Шаймиев, мэр города Казани Ильсур Метшин, митрополит Казанский и Татарстанский Феофан и архиереи из разных уголков страны, а также председатель Духовного управления мусульман РТ, муфтий Камиль Самигуллин, председатель Центрального духовного управления мусульман, верховный муфтий России Талгат Таджуддин и другие представители мусульманского духовенства. Прямую трансляцию о крестном ходе и закладке Казанского собора транслировала телерадиокомпания «ТНВ», а телеканал «Россия-24» вёл прямые включения. В общем, всё прошло торжественно, пышно, кстати, без эксцессов и происшествий.

В Благовещенском соборе все обратили внимание на то, что хор в ходе службы однажды перешёл на крышешенский язык. А во время Крестного хода общее оживление вызвал бывший уполномоченный при Президенте России по правам ребёнка Павел Астахов, который тоже нёс святую икону Божией Матери Казанской. Впрочем, на тот момент он подал заявление об отставке (в связи с трагическими событиями на Сямозере, где погибли дети), однако продолжал исполнять обязанности детского омбудсмена.

На территории Богородицкого монастыря перед вложением закладной капсулы в шурф, сделанный в сохранившемся фундаменте Казанского собора, собравшимся огласили текст закладной грамоты: «Во славу Святыя, Единосущныя и Нераздельныя Троицы, Ея благоволением и благостию, Патриархом Московским и всея Руси Кириллом, заложен сей возрождаемый храм в честь Пресвятыя Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Марии ради иконы Ея Казанския, в лето 2016 от Рождества по плоти Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа в 21-й (8-й) день июля месяца во граде Казани на месте обретения сей чудотворной иконы». Капсулу заложил патриарх Кирилл, после на церемонии выступили спикер российского парламента Сергей Нарышкин, президент Татарстана Рустам Минниханов, государственный советник республики Минтимер Шаймиев. И завершал церемонию, конечно, главный гость этого главного события года — патриарх Кирилл.

Забегая вперёд, следует добавить, что строительство Казанского собора совершается на сборы, сделанные добровольно татарстанцами. По словам заместителя председателя Госсовета Татарстана, исполнительного директора республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры Татьяны Ларионовой, за минувшее лето на эти цели было собрано свыше 90 миллионов рублей, но руководители фонда «Возрождение» рассчитывают и на помощь инвесторов, и в этом у Попечительского совета, возглавляемого Минтимером Шаймиевым уже есть богатый опыт Болгара и Свияжска.

Кстати, Минтимер Шарипович минувшим летом неожиданно посетил ещё один небезысвестный в Казани храм — Вселенский храм всех религий в Старом Аракчино. Журнал «Аргмак» писал уже о художнике Ильдаре Ханове, авторе многих монументов в Набережных Челнах и создателе уникального храма на месте своего родного дома под Казанью, на берегу Волги, которая как раз в этом месте делает резкий разворот на юг. Объект до сих пор остаётся в частном владении наследников, поэтому никаких решений городских властей по его завершению и сохранению предпринять пока нельзя, тем не менее, к нему продолжают ехать туристы, хотя храм официально не включён в туристические маршруты, молва о Храме Ханова широко разошлась по всей стране. Председатель Попечительского совета фонда «Возрождение» осмотрел уникальное сооружение, которое Ильдар Мансавеевич строил последние двадцать лет, долго разговаривал с вдовой художника... Впрочем, она меня просила пока не разглашать подробностей. Так что данное отступление закончим словами надежды, что фонд «Возрождение» не только будет воссоздавать Казанский собор, но и поможет определиться с судьбой и статусом этого уникального памятника, оставленного выдающимся художником, скульптором и архитектором.

РАИФСКАЯ ОБИТЕЛЬ

Из Вселенского храма в Старом Аракчино обычных туристов и гостей Казани, как правило, сразу везут в Раифу — благо, что маршруты эти совпадают. Вот и Предстоятель Русской Православной Церкви после закладки капсулы и посещения губернаторского дворца в Казанском Кремле, где прошла встреча с Президентом Татарстана

Рустамом Миннихановым, завершая официальную часть визита, решил посетить Раифу. Напомним, решение изменить график первого своего пребывания в Казани предстоятель сделал прямо на борту самолёта, который за патриархом посылал Президент Татарстана. И теперь «президентский борт» дожидался преосвященного пассажира в Международном аэропорту, пока президентский эскорт сопровождал его в противоположную от аэропорта сторону.

У святых врат, на берегу заповедного озера (монастырь расположен в самом сердце знаменитого Волжско-Камского заповедника) высокого гостя уже ожидали наместник Раифского мужского монастыря, архимандрит Всеволод, положивший всю жизнь на возрождение сей обители, с братией и священниками Зеленодольского благочиния. Патриарх Московский и всея Руси был наслышан, в частности, что в разное время тут побывали многие российские государственные деятели, в частности, все три президента страны, а некоторые знаменитости даже предпочли креститься или венчаться не в Москве, а именно в Раифе. Перечислять медийные лица можно долго, пожалуй, упомянем лишь «патриарха отечественного театра и кино», создателя и художественного руководителя московского театра Et cetera, народного артиста России, председателя Союза театральных деятелей РФ Александра Калягина.

Под звон колоколов патриарх Кирилл вошёл в монастырь в сопровождении торжественной процессии, далее владыке дали время помолиться возле чудотворной иконы Грузинской Божией матери в Раифском монастыре, которому исполняется 400 лет со дня основания (включая, к сожалению 66 лет дьявольского поругания святыни при советской власти), а после подарили икону «Воскресение Христово», писанную в Раифском монастыре местным иконописцем Юрием Пацуковым. В ответ патриарх Кирилл вручил архимандриту Всеволоду икону преподобного Никона Радонежского — ученика святого преподобного Сергия Радонежского.

Также глава РПЦ посетил Собор Святой Троицы и водосвятскую часовню, которую в 1997 году освятил во время своего визита патриарх Алексей II. В дар воспитанникам Раифского монастыря предстоятель привёз большой телевизор и вручил его во

время осмотра Детского корпуса при монастыре, к сожалению, самих обитателей там не было — на летние каникулы сирот отправили отдыхать в «Артек».

На обратном пути патриарх Кирилл долго беседовал с наместником Всеволодом, а на прощание обещал обязательно приехать в Раифу ещё раз — «на чай»... Дай Бог, чтобы его желание сбылось, но — увы — поговорить с отцом Всеволодом, как договаривался с ним предстоятель, уже не придётся. Ровно месяц спустя, на празднество Преображения Господня, батюшка Всеволод мирно отдал Богу душу. Его скоропостижная кончина стала громом среди ясного неба — в буквальном смысле, поскольку одной из причин кровоизлияния как раз и называли стоявшую в те дни жару. И уже на следующий день, 21 августа, наместника раифского и воссоздателя обители похоронили на монастырском погосте, утопающем в цветниках, где месяц назад сам Всеволод так долго беседовал с чрезвычайно дружелюбным к нему Святейшим Патриархом Московским и всея Руси...

Отец Всеволод родился и рос в самом центре Казани, в многодетной семье, был секретарём комсомола средней школы № 1. Но как-то раз мальчик зашёл в Никольскую церковь на улице Баумана, вскоре он уже принимал участие в богослужениях, разумеется, скрывая это от школьного начальства. А по окончании поступил в Московскую духовную семинарию. Начинать служить в Курской епархии, после получил назначение в собор Петра и Павла в Зеленодольске. Однажды, как любил потом рассказывать отец Всеволод (в том числе и в беседе с вашим покорным слугой), по дороге в Казань он вдруг решил завернуть в Раифу, где в стенах монастыря тогда располагалась закрытая спецшкола для малолетних преступников. Его там встретил начальник, он же и стал экскурсоводом по полуразрушенной обители. Кстати, тот майор первым поддержал Всеволода, когда тот высказал пожелание, чтобы монастырь вернули верующим — ни восстанавливать руины, ни даже содержать их у спецучреждения не было средств. Так, с 1991 года, на протяжении четверти века Раифа превращалась из развалин в истинную жемчужину православия в Татарстане!

Мы будем помнить отца Всеволода, и, конечно, будем за него молиться. И скоропостижную его кончину навсегда свяжем в памяти с приездом главы РПЦ. Возможно, встреча с патриархом Кириллом стала для настоятеля Раифской обители достойным завершением его земного удела — и Господь призвал его к себе. Мы говорим «безвременная кончина», но лишь Всевышнему ведомо, когда придёт время...

Александр ВОРОНИН

ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ ГОДА ТУТ БУДЕТ ГОРОД-САЙТ

В начале лета татарстанский город Иннополис праздновал свой первый день рождения.

Впрочем, этому амбициозному проекту, если считать со стадии формирования самой идеи и проектирования инфраструктуры, уже «стукнуло» четыре года. Но формально о рождении города объявил в 2015 году председатель правительства России Дмитрий Медведев, заложивший вместе с Президентом Татарстана Рустамом Миннихановым и министром связи и массовых коммуникаций РФ Николаем Никифоровым закладную капсулу с посланием потомкам.

И вот теперь, ровно через год, в Иннополисе провели конференцию «Цифровая индустрия промышленной России» и «Российский интернет-форум. Иннополис» с панельной дискуссией «Экономическая и информационная готовность к новым укладам индустрии 4.0». Мы решили воспользоваться поводом, чтобы посетить на-

укоград, благо, по автотрассе М-7 «Волга» до него рукой подать. Проехав мост через Волгу и стоящее на том берегу большое село Набережные Моркvaши, мы быстро добрались до развилки с автотрассой, что ведёт на Апастово, Буинск и Ульяновск, и с противоположной стороны увидели сиявшие на солнце корпуса Иннополиса.

Прямо как в сказке: налево пойдёшь — колесо пробыёшь, направо поедешь — не сне-сёшь головы! Возле Университета Иннополис действительно стоял столб. Как и положено в наукограде, он оказался информационной стойкой, где можно заказать экскурсию по городу. Мы сразу этим воспользовались, поэтому опоздали на открытие форума.

МИНИСТР — МОДЕРАТОР ФОРУМА

К счастью, главное медийное лицо форума — министр связи и массовых коммуникаций РФ Николай Никифоров тоже задержался, да и другие форумчане долго баловались кофе и беседами в кулуарах.

Для торжественной церемонии открытия пришлось задействовать обычный баскетбольный зал. Но это молодого министра не огорчило, он был горд и весел:

— Поздравляю жителей и гостей города с первым днём его рождения. Иннополис набирает силу, а главное — университет работает, особая экономическая зона зарегистрировала первых резидентов. Приятно видеть публикации новых вакансий и резюме со всех городов России. Десятки собеседований проводятся ежедневно. Мы работаем над тем, чтобы улучшать качество жизни, создать условия для стартапов. Вопрос инфраструктурного развития страны в целом сейчас особенно актуален, важно провести диверсификацию российской экономики в сторону высоких технологий. Индустрия 4.0 — это глобальный тренд, и выиграют те, кто задумается о том, какие вызовы бросает нам технологическая революция. Нам важно устранить базовое цифровое неравенство. Весь мир страдает от монополии на программное обеспечение, которое производит одна страна. Хочется, чтобы рынок был диверсифицированным. И мы должны работать в партнёрстве с другими странами, в частности, в рамках БРИКС.

В Иннополисе созданы все условия для успешной жизни и работы. Так, аренда квартир обходится всего 7–10 тысяч рублей. Здесь всё движется по заданной траектории, создаётся комфортная среда. Для особой экономической зоны крайне важно быть отзывчивым на любые вопросы, которые возникают у потенциальных резидентов. Университет Иннополис должен стать точкой притяжения молодых талантов со всего света. Нужно просто продолжать двигаться в том же направлении, а задача государства — такие территориально-обособленные инновационные центры поддерживать.

Считаю, пора поднять вопрос создания в Иннополисе, помимо ОЭЗ, ещё и территорию опережающего развития. ТОР имеет ряд преимуществ, интересных ИТ-компаниям. Нужно рассмотреть этот непростой вопрос. Решение может быть принято на уровне правительства страны. Что касается поддержки государства, я считаю, что её недостаточно. С точки зрения поддержки экспорта информационных технологий в России делается очень мало, а временный мораторий на создание новых особых зон эти усилия делает весьма сомнительными.

В день рождения Иннополиса были подписаны соглашения между Минкомсвязи России и компанией «Российские автомобильные дороги» (по созданию инфокоммуникационной среды), между ООО «Автодор-Телеком» и ООО «Сотка высоток» (по созданию придорожной инфраструктуры), между городом Иннополис «РТ-Информ» и «Новыми облачными технологиями» (по созданию комплексных конкурентных решений в области ИТ-технологий и безопасности). Несколько соглашений подписал Университет Иннополис — с компаниями «Новые облачные технологии», Postgress professional и «Майкор» (по развитию научной и образовательной областей).

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Сегодня в России 80 млн интернет-пользователей.

Экономика Рунета составляет по РФ 2,3% ВВП.

Оборот ИТ-отрасли в 2015 году составил 1,5 трлн рублей.

Объём инвестиций в IT-сектор — порядка 35 млрд рублей.

Объём капитализации топ-10 крупнейших российских IT-компаний — \$17 млрд.

Пока доля России на мировом IT-рынке — около 1%.

В РФ работают примерно 500 тысяч программистов, в Европе их 4 миллиона (на 500 млн населения ЕС), а в 300-миллионных Соединённых Штатах Америки программистов насчитывается до 6 миллионов, причём многие из них приехали из Индии, Китая и России. Каждое третье нововведение в компании Майкрософт принадлежит российским специалистам компании-монополиста.

Российский экспорт программного продукта, по данным Минсвязи РФ, составляет \$7 млрд. Для сравнения: в восьмимиллионном Израиле продают ПО на \$15 млрд. Хотя там работают лишь 152 тысячи программистов.

ГЛАВНЫЙ ГОСТЬ НЕФОРУМА

Президент Татарстана Рустам Минниханов, встречаясь с участниками V НеФорума блогеров, отметил, что блогерское движение для республики довольно новое, но необходимое. «СМИ очень однобоки — ждут яркого резонансного события. Блогеры же всю информацию, которую получают, сразу используют. И получают отклик, — отметил он. — Мы очень многое делаем в РТ, развиваем IT, внедряем электронные услуги и схему обратной связи. У нас есть «Народный контроль», где большая часть обращений поступает через интернет. Я и сам активный пользователь Instagram», и это блогерам хорошо известно».

Известный казанский блогер Нияз Латыпов предложил открыть в Иннополисе площадку, где блогеры могли бы делиться опытом друг с другом и теми, кто только начинает активную жизнь в электронном информационном поле. Президент РТ Рустам Минниханов поддержал эту идею.

По поводу финала чемпионата России по World of Tanks, провести который выдалась Казань, глава республики сказал: «Я сам не играю в компьютерные игры — времени нет, но развитие киберспорта и игровой индустрии республика поддерживает». Сейчас в игровой сфере по всем миру денег зарабатывается даже больше, чем в индустрии кино.

Для участников НеФорума блогеров, интересующихся инновациями, организовали специальный тур — «Татарстан инновационный». Как сообщили в пресс-службе Министерства информатизации и связи РТ, блогерам показали первую в России инновационную площадку «IT-парк», познакомили с инфраструктурой и резидентами бизнес-инкубатора. Вице-премьер республики — министр информатизации и связи РТ Роман Шайхутдинов рассказал о работе в Татарстане электронного правительства. Сразу после его напутственной речи блогеров повезли в Иннополис.

В городе будущего гости посетили административно-деловой центр технопарка особой экономической зоны, а затем отправились в учебно-лабораторный корпус Университета Иннополис. Посмотрели, как живут студенты первого в России частного IT-вуза, и побывали в спортивном центре на его территории. Заключительным пунктом программы стало посещение Лицея Иннополиса для одарённых детей, открытого в январе 2016 года.

ВЫПУСКНОЙ БАЛ В IT-УНИВЕРСИТЕТЕ И НАЧАЛО УЧЕБНОГО ГОДА ПО ВРЕМЕНИ ПОЧТИ СОВПАЛИ В ПРОСТРАНСТВЕ ИННОПОЛИСА

28 августа в Иннополисе вручали дипломы выпускникам бакалавриата и магистратуры. В этом году Университет окончили почти 50 студентов. Поздравить их приехали министр связи и массовых коммуникаций РФ Николай Никифоров и Пре-

зидент Татарстана Рустам Минниханов, заместитель премьер-министра — министр информатизации и связи Республики Татарстан Роман Шайхутдинов и директор технопарка в сфере высоких технологий «ИТ-парк» Антон Грачёв.

— Это уже второй выпуск студентов Иннополиса, — сказал ректор университета Александр Тормасов. — Несмотря на сложную программу обучения, для выпускников это шанс не только получить работу в компаниях-резидентах нашей ОЭЗ, но и создавать собственные предприятия. В новом учебном году в стенах нашего ИТ-вуза начали обучение уже 350 бакалавров и магистров. И заявки на обучение в новом учебном году пришли из 58 стран, в том числе, Китая, Индии.

— Конечно, иностранные студенты после обучения в Татарстане могут вернуться на родину, — продолжил его мысль министр связи РФ Николай Никифоров на пресс-конференции, — тем не менее, то время, что они провели в Иннополисе, останется с ними на всю жизнь — и в результате начнёт работать на создание международной сети контактов. Хочется пожелать, чтобы Иннополис стал той площадкой, на которой реализуются самые дерзкие мечты и амбиции. В конечном итоге мы надеемся, что создавать добавочную стоимость и улучшать качество жизни — своей лично и своих семей — выпускники останутся в этом новом городе.

Университет — это, прежде всего, выпускники и их реальные проекты. Пять из них были одобрены наблюдательным советом особой экономической зоны «Иннополис», который собрался в начале сентября в Доме правительства РТ под председательством Президента Татарстана Рустама Минниханова. Общий объём инвестиций представленных проектов составляет 99,2 млн рублей. Возможно, это маленькая сумма, но лиха беда начало!

Среди предложений айтишников, скажем, особый интерес вызвал проект группы ЦРТ по разработке платформы Voice2Med, предназначенной для систем интеллектуального управления на основе речевых человеко-машинных интерфейсов взаимодействия в области здравоохранения. Для «чайников» скажем проще: почерк

врачей давно уже стал бородатым анекдотом, доктора сами потом не могут разобрать, что написали на латыни... Хотя медиков можно понять — столько документов приходится заполнять, что на осмотр больного не хватает времени... А внедрение компьютерных технологий только увеличило очереди в поликлиниках, поскольку теперь терапевтам приходится заполнять и электронную карту больного и бумажную историю болезни.

Новая разработка ЦРТ преобразует озвученный врачом анамнез в электронный текст, который автоматически вносится в утверждённую Минздравом форму отчётности — и ничего больше не надо записывать! Создание электронной базы медицинских документов с помощью решения ЦРТ позволит значительно упростить систему хранения документов и каталогов. Президент РТ Рустам Минниханов положительно оценил данный проект и предложил разработчикам подумать над созданием аналогичных сервисов для других отраслей. Скажем, учителя сегодня вынуждены заполнять по воле Минобразования безобразное количество бумаг, журналов и справок...

Одобрённые Наблюдательным советом ОЭЗ «Иннополис» проекты направлены в Москву, в Минэкономразвития России их рассмотрят в порядке соответствия требованиям, что предъявляют к резидентам особых экономических зон. Также на заседании статус партнёра Особой экономической зоны присвоили Научно-исследовательскому институту «Восход» и компании «БАРС Групп», в отличие от резидентов ОЭЗ они не получают налоговых льгот, но смогут осуществлять свою деятельность в Иннополисе, пользуясь льготными условиями аренды офисных помещений в административно-деловом центре имени А. С. Попова.

* * *

В завершение хотелось бы в бочку мёда добавить маленькую ложку дёгтя, чтоб не было так приторно... Казалось бы, городу будущего IT-технологий и индустрии 4.0 на роду написано иметь самый продвинутый официальный сайт... Тем не менее, в течение всего года мы наблюдали, как на innopolis.ru (innopolis.ru тоже) выставляются протухшие третьедневные новости, не обновляется фотогалерея, нет намёка на форумы, блоги и прочие видеопримочки. Будем надеяться, что через четыре года тут будет город-сайт!

Ирина СЕРГЕЕВА
(с использованием материалов
татарстанской прессы)

«ОСЕНИНЫ» — ПРАЗДНИК НОВЫХ СТИХОВ

16 сентября в Казани состоялся традиционный праздник поэзии «Осенины». Татарстанское отделение Союза российских писателей открыло новый литературный сезон в день памяти казанского поэта Виля Мустафина.

Как всегда, ровно в полдень на Арском кладбище собрались родные и близкие, друзья и ученики Виля Салаховича. Мустафин ушёл из жизни в 2009 году, но до сих пор «посылает» почитателям своего самобытного поэтического творчества зримые «приветы с того света». Вот и на этот раз с утра 16 сентября не переставая моросил затяжной дождь, в небе не было намёка на просветы... Но к полудню тучи развеялись — и в мире просияло яркое осеннее солнце!

Ещё ни один день памяти поэта, начиная с 2009 года, когда мы прощались с Вилем Мустафиным, не прошёл, чтобы над Казанью не рассеивались тучи. Правда, дождь с градом ещё пытался накрыть город, чтобы отпугнуть желающих прийти на праздник поэзии «Осенины» в музей Константина Васильева. Но тот ливень оказался недолгим, так что открытие сезона литературного объединения имени В. Мустафина прошло при полном аншлаге.

Осенины, как известно, праздник урожая. Для поэтов — это, разумеется, новые стихи. А для прозаиков — вновь изданные книги. Вот и в этот раз участники мустафинского лито, которым руководит лауреат Державинской премии Михаил Тузов, почитали новые стихи, представили вышедшие недавно книги. Это сделал и кандидат философских наук, поэт и эссеист Камиль Хайруллин, презентовавший сборник своих статей «Космизм Александра Блока», выпущенный издательством Академии наук РТ. Изюминкой книги стало включение в неё, помимо философско-литературоведческих работ, и фантастического рассказа «Двойник». Следующая презентация этого сборника состоялась 29 сентября в Казанском литературном кафе «Калитка» на Вишневского, 10.

А Николай Борисов представил на празднике сборник повестей и рассказов «Где обрящуся аз?», изданный типографией Правительства Республики Марий Эл. Книга названа по одноимённому киносценарию, съёмки которого планируются в Казани.

Главным новшеством нынешних «Осенин» стало приглашение на праздник в статусе специального гостя известного казанского поэта, автора русского текста гимна Республики Татарстан, мастера FIDE Филиппа Пираева, который рассказал собравшимся немного о себе и представил свою первую книгу «Угол взлёта». Его выступление само по себе явилось доказательством — в Казани живёт ещё один талантливый мастер поэтического слова, со стихами которого журнал «Армак» рад познакомить вас, дорогие читатели, в этом номере.

А в завершение праздника наши поэтессы Светлана Мингазова и Татьяна Сушенцова, получившие минувшим летом по почте «заветные» членские книжки СРП, устроили для друзей тёплое дружеское чаепитие. Мы от души — и ещё раз! — поздравляем их со вступлением в Союз российских писателей.

Александр ВОРОНИН

МЫ ВЫРОСЛИ В РОССИИ

Под таким девизом в Оренбургской области прошёл Всероссийский семинар-совещание молодых писателей.

Концептуально и географически семинар связан с Аксаковской тематикой любви к родному краю, сохранением и творческим переосмыслением лучших традиций отечественной литературы. Проводимый Оренбургским Домом литераторов при финансовой поддержке Министерства культуры и внешних связей Оренбургской области, этот семинар открыт для всего талантливой в молодой литературе вне зависимости от регионов и жанров. В этот пятый — юбилейный — раз жанровая палитра авторов пополнилась драматургами и фантастами. Среди участников и мастеров слова, проводящих «разбор полётов», писатели не только европейской части России, но и словотворцы национальных республик (Татарстан, Башкортостан), а также Зауралья, Сибири. Стоит озвучить эти имена. Поэт, прозаик, первый секретарь правления Союза российских писателей Светлана Василенко (Москва). Поэт, председатель Татарстанского отделения СРП, главный редактор журнала «Аргамак. Татарстан» Николай Алешков (Набережные Челны). Поэтесса и культуролог Нина Ягодинцева (Челябинск). Поэт, член редколлегии журнала «Огни Кузбасса» Дмитрий Мурзин (Кемерово). Поэт, литературовед, главный редактор газеты «Истоки» Айдар Хусаинов (Уфа). Поэт и главный редактор журнала «Молодёжная волна» Денис Домарёв (Самара). И, конечно, оренбургские поэты — Виталий Молчанов (председатель Оренбургского отделения СРП, директор Дома литераторов), Наталья Кожевникова (главный редактор журнала «Гостиный Двор», председатель Оренбургской региональной писательской организации Союза писателей России). Поэт-пародист, журналист и редактор Сергей Солдаев. Поэт и главный редактор альманаха «Башня» Вячеслав Моисеев. Поэт, журналист, эссеист Сергей Хомутов, поэт Диана Кан — автор этих строк, и так далее.

Основные рабочие мероприятия прошли в оренбургском городе Бугуруслане. По уже сложившейся традиции по итогам семинара-совещания издаётся две лучших авторских книги — поэтическая и прозаическая. Тайным голосованием руководители семинаров выбирают самых достойных. В этом году таковыми стали из почти пяти-

десяти авторских подборок стихи Светланы Поповой (Елабуга) и проза Антона Горынина (Оренбург). Однако не будет преувеличением сказать, что редкий автор покидает семинар без творческих авансов и бонусов, так случилось и на этот раз. Руководители семинаров в большинстве своём, по уже сложившейся традиции, не только признанные мастера слова, но и главные редакторы, члены редколлегий ведущих литературно-художественных журналов России, заинтересованные в обновлении «авторской крови» для своих изданий. Стихотворения Натальи Осиповой, к примеру, понравились одному из руководителей семинара поэзии — поэту Николаю Алешкову и появятся

Виталий Молчанов и Светлана Василенко

на страницах журнала «Аргатак-Татарстан», престижного всероссийского издания. Руководитель семинара прозы Светлана Василенко пригласила авторов в издаваемые правлением СРП журналы «ПаровозЪ» и «Лёд и Пламень». Одним из руководителей второго семинара поэзии была поэтесса, главный редактор «Гостинного Двора» — всероссийского литературного журнала с оренбургской пропиской, Наталья Кожевникова, которая тоже всегда начеку в смысле поиска и отбора талантливых авторов. Ну, а главный редактор газеты «Истоки» (Уфа) Айдар Хусаинов уже приехал на семинар с газетами, где опубликовал лучшие на его взгляд произведения участников семинара и одарил опубликованных авторов газетами с их стихотворениями.

Насыщенные дни обсуждения перемежались творческими вечерами. На редкость динамично и насыщенно прошёл вечер молодых поэтов. Ведущие вечера — поэтессы Наталья Борисова и Анастасия Устинова задали мероприятию такой креативный формат, что даже молодые прозаики не смогли промолчать и тоже вызвались прочитать свои стихи. Не зря сказано, что в основе настоящей прозы лежит поэзия, а на дне души любого прозаика дремлет поэт. Завершение семинара прошло с выездом в село Аксаково — родовое село великого русского писателя и не менее великого семьянина Сергея Тимофеевича. В этом селе министр культуры и внешних связей Оренбургской области Евгения Валерьевна Шевченко и генератор семинара, поэт, председатель Оренбургского отделения Союза российских писателей и директор Оренбургского Дома литераторов Виталий Молчанов вручили лучшему поэту и лучшему прозаику сертификаты на издание книг по итогам семинара. Этот торжественный момент и стал неким символическим прологом назначенного на следующий день Всероссийского Аксаковского праздника, на который съехались деятели культуры со всей России.

Диана КАН, руководитель Оренбургского областного литобъединения им. Сергея Аксакова

У МЕНЯ В СЕРДЦЕ

Серая дорога в две полосы вела нас по оренбургской земле, плутая между холмами и возвышенностями. Поворот за поворотом, спуск за подъёмом. И вдруг очередной холм открыл перед нами панораму Михайловки с её пёстрыми крышами, а за ней — и Бугуруслана. Узкие улочки, старые домики, но просторная центральная площадь

с великолепным новым театром, ветвистые деревья — город встретил нас тёплыми уютными объятиями провинции. А дальше всё завертелось и закрутилось в быстром темпе семинара-совещания «Мы выросли в России»!

Творческие вечера сменялись семинарами, где обсуждали рукописи молодых авторов: поэтов и прозаиков. Быть руководителем такого семинара — серьёзная и ответственная роль. Очень важно подобрать нужные слова к каждому начинающему писателю. Именно те слова, которые мотивируют к работе, заставляют по-другому взглянуть на свои тексты. Это как точка отсчёта, и многое зависит от мудрого наставника: грамотной критики и своевременной поддержки. Мне посчастливилось попасть в группу к четырём мастерам поэтического слова: Диане Кан, Николаю Алешкову, Дмитрию Мурзину и Денису Домарёву. Они очень основательно подошли к анализу подборки стихотворений каждого автора. Их замечания были конструктивными и тактичными. А похвала — справедливой. Мне понравилось и то, что в обсуждениях участвовали сами молодые поэты. Любой мог высказать своё мнение о стихотворениях другого автора. И это было очень важным моментом. Как выяснилось потом в беседах с другими участниками семинара, они тоже остались довольными работой руководителей в своих группах. Нина Ягодинцева, Наталья Кожевникова, Сергей Салдаев, Светлана Василенко и Пётр Краснов — отличные наставники для нового творческого поколения.

Но всё-таки мне и Антону Горынину из Оренбурга повезло больше всех. Нас выделили из остальных поэтов и прозаиков. И на подведении итогов в усадьбе Аксаково (Бугурусланский район) нам вручили сертификаты на издание собственной книги в серии «Новые имена». Наиприятнейшим и неожиданным сюрпризом для нас стала рекомендация в члены Союза российских писателей от руководителей семинара! Моему восхищению не было границ, и даже не верилось в реальность происходящего. Осознание пришло уже по приезду домой, когда родные и друзья разделили со мной эту радость.

Бугуруслан занял своё место у меня в сердце, навсегда оставив отпечаток неповторимыми пейзажами, уютной атмосферой, храмом на горе и поэтичностью. Только сейчас я поняла ответ на свой вопрос, почему «Мы выросли в России» проходит именно здесь. Потому что ни в одном другом городе мира семинар не будет таким, каким он стал в Бугуруслане. Именно здесь мероприятие принимает такие краски и оттенки, становится неповторимым и особенным. И Виталий Молчанов, как организатор, это знает. За что ему большое спасибо!

Светлана ПОПОВА, Елабуга

СТИХИ УЧАСТНИКОВ СЕМИНАРА

* * *

Светлана Попова

Тонкой струйкою жизнь течёт
Из ладоней моих — в твои.
Сколько мимо лилось — не в счёт,
Всё поделено — на двоих.
Пей из рук.
Как усталый пёс,
Головою ко мне прижмись.
Ты так долго упрямо нёс

Флаг мечты, устремлённый ввысь.
Счастье — капля живой воды.
Я её зажимаю — в горсть.
Для тебя берегла.
А ты
Пей её, чтобы всё сбылось.
Прошлой жизни осталась нить —
Помнит память о той судьбе.
Ты с ладоней давал мне пить,
За спасеньем — я шла — к тебе.

* * *

Анастасия Устинова

То не сердце заныло под рёбрами —
 Невпопад перепады давления.
 Опасение вкрадчивой коброю
 И пророческих снов наваждение.
 То не барские, братцы, объятия.
 Рубиконы, препоны, предательства
 Мимоходом затёрлись в приятели,
 По привычке вина обстоятельства.
 То не крыльям просторы наскучили.
 И не плечи, от горя поникшие.
 К ядовитым усмешкам приучены
 Губы, от поцелуев отвыкшие.
 И не книги, что напрочь зачитаны
 Пребывают в душе утешением.
 А поэзии выдох молитвенный,
 Не подвластный земным искушениям.

* * *

Василий Миронов

Завернула осень в пыльный переулоч,
 Расплескала тучи, не боясь молвы,..
 Августа осенний огненный окурок
 Царственно швырнула в малахит листы.
 Здесь на палисаде облупилась краска,
 И предошущенье охры сентября.
 Отцвели ромашки. И полынь, зараза,
 Пряным ароматом потчует меня.
 Астры и портфели... Нынче в школе
 праздник.
 Этот праздник с детства, словно чуда, жду.
 Я, слегка волнуясь, словно первоклассник,
 Маленького сына в школу отведу.

* * *

Наталья Борисова**ПИСЬМО**

Забери меня в свой мрачный город,
 Узези, пожалуйста, отсюда.
 Там тебя, наверно, мучит холод
 И неизлечимая простуда.
 Вот, держи, пока ещё живое,
 Молодое сердце певчей птицы.

За свободу, данную тобою,
 Я могу доверьем расплатиться.
 Всех жестокой холодностью измучил,
 Каждая хотела быть твоею,
 Да и я других ничем не лучше,
 Разве что стихи писать умею.
 Мы друг другу не родные люди,
 Врозь свои переживаем беды.
 Если вдруг тебе там плохо будет,
 Попроси, и я сама приеду.

* * *

Виолетта Куделина

Наслаждайся спокойно своим величием,
 Замолчу, не тратя слова напрасные.
 Никого не затмила я, не обезличила,
 И не стала стервой расчётливо властною.
 И в глазах моих снегом и звездопадами
 Пролетают события прошлого времени.
 Я храню свою тайну вовек не разгаданной.
 И зачем эта тайна людскому племени?
 И ладонь позабыла тепло мгновения,
 Словно нечто ненужное, непристойное,
 Улеглось бесприютной души волнение,
 Я теперь одинокая, но спокойная —
 Понимаю, что счастье считают по осени.
 Что сиянье весны по сравнению
 с вечностью?
 Я тебя не теряла, а просто бросила
 Невозможно быть временным
 до бесконечности.
 Обещай, что не будешь слать
 вслед проклятия,
 Мы же были когда-то друг другу нужными...
 Я раскрою солнцу свои объятия
 И на север отправлюсь с ветрами южными.

* * *

Михаил Корюков

Будет у нас своя,
 как у поэтов, драма:
 музыка, ты и я,
 бургеры и нирвана.
 Будет, как у людей,
 лето, жара в июле,
 пара десятков дней
 в дружеском поцелуе.

Будет фонарный свет
возле аптек, бутиков.
Страшно любить, как Фет,
мелочно и без криков.
Страшно, что будет всё
до хрипоты в посуде.
Солнышко ты моё,
вместе светиться будем.

* * *

Наталья Осипова

«Ну, что ж такое? Неужели снег?» —
Воскликну, безотчётно удивляясь.
Он укрывает Парковый проспект
И будущих плодов тугую завязь.
Среди цветов и поросли густой
Он царственно лежит, ничуть не тая.
А если дворник припугнёт метлой,
Он к небесам восторженно взлетает.
Ловлю рукой. И замирает дух ...
Пока ещё подошвами не смятый,
Над Оренбургом тополиный пух —
Доверчивый, восторженный, крылатый.

* * *

Полина Пороль

Помолись, чтобы отсветы виделись ярче
Ледяных, неизведанных, мнящих звёзд.
Будто слышится, кто-то по-детски
здесь плачет,
Кто-то звуки знакомых молитв произнёс
На разрушенной паперти древнего храма...
У алтарной стены, что незримо видна,
В благовониях греческого фимиама
Тихий ангел стоит у резного окна.
И столетия прошли, и метели, и годы
Откружились своей чередой беспокойств.
Только радость небесной,
священной свободы
В том, кто душу свою над землёй превознёс.
Колокольные звоны великой России!
Сердце снова трепещет, ликуя в груди.
Вижу свет бесконечно-глубокий и синий,
Очертание вижу креста впереди.
Помолись, чтобы отсветы виделись ярче
Ледяных, неизведанных, мнящих звёзд.
Каждый день уходящий для нас
что-то значит,
Кто-то звуки знакомых молитв произнёс.

ВРЕМЯ! Я ТЕБЯ МИНУЮ...

Не годы — десятилетия — миновали с той поры, как с имени Марины Цветаевой был снят негласный запрет. Но интерес к её творчеству не только не угас, он ширится, охватывая простых читателей и учёных, писателей и литературных переводчиков, театральных деятелей и кинематографистов, музыкантов и авторов-исполнителей, художников и журналистов, представителей музейного сообщества и даже органов государственной власти. Примером тому могут послужить VIII Международные Цветаевские чтения, которые состоялись в начале сентября в Елабуге — городе последнего земного пристанища выдающегося русского поэта.

Основные события этих дней проходили в историческом здании Елабужского института КФУ, который вместе с Елабужским государственным музеем-заповедником является главным организатором чтений. Благодаря этому к литературному наследию Марины Цветаевой, а также к творчеству современных поэтов и прозаиков, которых на этот раз было много, смогли приобщиться сотни студентов-гуманитариев.

5 сентября, когда многие участники чтений ещё только съезжались в Елабугу, в актовом зале института был показан моноспектакль «Я не знаю, что мне делать с этой любовью...». В этот вечер стихи Марины Цветаевой и отрывки из её «Повести о Сонечке» звучали в исполнении московской актрисы Татьяны Горчаковой, выступление которой сопровождала игрой на фортепьяно пианистка Ольга Оськина. Следующий день был посвящён знакомству с Елабугой и теми местами, которые непосредственно связаны с недолгим пребыванием здесь поэта в августе 1941 года.

Старинное Петропавловское кладбище, где похоронена Марина Цветаева, находится на возвышенности, с которой открывается вид не только на всю историческую часть Елабуги, но и на закамские дали.

Говоря о том, что могила того или иного человека утрачена, обычно добавляют — к сожалению. Для Елабуги в случае с Мариной Цветаевой, может быть, как раз наоборот. Ведь будь она доподлинно известна, то прах поэта, очевидно, давно бы был перевезён в первопрестольную. Можно, конечно, сколько угодно твердить, что бессмертная душа Цветаевой живёт в её стихах, но почему-то все, кому дорого это имя, стремятся рано или поздно побывать в Елабуге и поклониться земле, принявшей бренное тело поэта.

6 сентября массивный кенотаф из розового гранита с чувством скорби и печали окружили участники Цветаевских чтений, приехавшие из разных городов нашей страны и дальнего зарубежья.

В Елабуге есть два места, куда приносят цветы Марине Цветаевой: на кладбище и к бронзовому бюсту, установленному на площади, носящей её имя. Стало уже традицией, что первыми к памятнику возлагают цветы лауреаты Литературной премии имени Марины Цветаевой. В этом году в их числе были Лев Мнухин, Антонина Кузнецова, Эсфирь Красовская, Зоя Атрохина, Гульзада Руденко и Евгений Эрастов.

И вновь место скорби — Дом памяти, где оборвалась жизнь Марины Цветаевой. Со старым зеркалом, в которое горестно глядели её зелёные глаза; с той самой пепельницей, куда они с хозяйкой Анастасией Бродельщиковой, сходясь на недолгие перекуры, стряхивали сгоревший табак; с предсмертными записками, полными любви и заботы о близких и предреши́нности собственного зашедшего в тупик пути. И, наконец, Литературный музей им. Марины Цветаевой, в котором можно проследить всю жизнь поэта, начиная с рождения в Трёхпрудном переулке Москвы. А завершают эту экспозицию книги о судьбе Марины Цветаевой, сборники её стихов, прозы, эпистолярного наследия, вышедшие в различных странах мира.

Закончились экскурсии по цветаевским местам открытием в Библиотеке Серебряного века выставки с очень многозначительным названием «Время! Я тебя миную...». Его стоило бы поставить эпитафией ко всей жизни и творчеству Марины Цветаевой, ибо уже сейчас можно с полной очевидностью сказать, что это имя переживёт века.

«Для меня Цветаева, — рассказала автор графических работ, московская художница Евгения Кокорева, — это взрыв Вселенной. Я чувствую огромное количество энергии и вибраций, которые она оставила на этом свете нам и будущим поколениям. У меня интерес к ней начался с Иосифа Бродского, который назвал Цветаеву поэтом номер один двадцатого века. А в своих работах я пришла к её творчеству через тему времени. Был у меня такой проект под названием «Время», над которым я работала довольно долго. Именно в нём нашла своё отражение самая первая «Поэма Конца». На выставке представлена только часть рождённых ею образов. Из них две схожих работы — чёрная на белом и белая на чёрном — являются иллюстрацией к начальным строкам поэмы:

*В небе, ржавее чести,
Перст столба
Встал на назначенном месте
Как судьба...*

Когда я их читаю, у меня возникает только одна ассоциация — распятие.

Второй цикл привезённых в Елабугу работ посвящён не менее потрясающей поэме «Крысолов». Там две строки прочитал — и ясно, что это философия, которую надо ещё понять, осмыслить и только потом выражать своё отношение в тех или иных изображениях. Иногда набросков бывает очень много. Чем больше углубляешься в её творчество, тем больше туда затягивает. Но это же приносит мне огромную радость».

Такое же чувство испытывает, наверное, и народная артистка РФ Антонина Кузнецова, читая перед многочисленной затаившей дыхание, аудиторией стихи и отрывки из мемуарной прозы Марины Цветаевой. Поэтическим часом с её выступлением в актовом зале института завершился второй день чтений.

* * *

А наутро здесь же состоялось их торжественное открытие. На сцену в почётный президиум были приглашены заместитель главы Елабужского муниципального района Зульфия Сунгатуллина, начальник отдела Министерства культуры РТ Дилия Хайрутдинова, первый секретарь правления Союза российских писателей Светлана Василенко, генеральный директор Елабужского государственного музея-заповедника Гульзада Руденко и директор Елабужского института Казанского федерального университета Елена Мерзон. Следует сказать, что их выступления были интересны и содержательны, несли отпечаток личного отношения к трагической судьбе и выдающемуся дарованию Марины Цветаевой. Им же было предоставлено право вручить награды лауреатам седьмой Литературной премии, носящей имя поэта. В этом году Министерство культуры РТ заказало новые красивые медали, которые были выполнены златоустовскими мастерами.

В номинации «Цветаевский мемориал» премию получила Екатерина Лубянникова, научный сотрудник Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Начиная с 1986 года, она выступает в отечественной и зарубежной печати как публикатор и комментатор произведений и писем М. И. Цветаевой. Участница международных научных конференций и чтений в Москве, Париже, Праге, Елабуге, Тарусе, Александрове, Болшеве. Автор трёх книг и более 60 публикаций.

Следующим лауреатом стала переводчица произведений М. Цветаевой на испанский и каталонский языки, доктор филологии Рейес Гарсиа Бурдеус. «Быть в числе лауреатов этой премии наряду с такими известными в мире цветаеводами, как Лев Мнухин, Вероника Лосская, Ирма Кудрова, Анна Саакянц и многие другие, является для меня большой честью, — сказала она, выступая с ответным словом. — Много лет назад, в конце 80-х годов в мои руки попала биография Марины Цветаевой, написанная её дочерью Ариадной Эфрон. Эта книга произвела на меня огромное впечатление, и с тех пор у меня возникла настоящая потребность читать всё, что было связано с Мариной Цветаевой. Несколько лет спустя я написала диссертацию на тему «Художественные особенности «Повести о Сонечке», после чего передо мной встала новая задача: надо было перевести на испанский язык прозу, письма, стихи и пьесы Марины Цветаевой. Я влюблена в поэта и её творчество, и моё уважение к ней и восхищение ею растут с каждым днём. Последней моей работой, изданной в Испании, стали дневники Георгия Эфрона. Пока я их переводила, живя на побережье лазурного Средиземного моря, такие города как Казань, Чистополь, Елабуга, река Кама уже стали для меня близкими и родными. Я безумно рада, что приехала, наконец, в этот город, в котором так давно мечтала побывать. Но даже во сне я не могла представить, что приезд сюда станет для меня двойной наградой».

На этот раз сразу два автора стали лауреатами Цветаевской премии в номинации «Поэтический сборник». Постоянным читателям «Аргмака» они очень хорошо знакомы. Это главный редактор журнала, председатель Татарстанского отделения Союза российских писателей Николай Алешков, представивший на суд жюри свою новую книгу «Жизнь моя...», и поэт Диана Кан, получившая престижную награду за сборник избранных стихотворений «Звёзды оклика».

По оценке жюри, «это самобытные лирические поэты, зрелые авторы со своим оригинальным взглядом. Они привлекают читателя богатым внутренним миром, вмещающим вечные ценности».

Вслед за ними на сцену поднялись три студентки, признанные лучшими в конкурсе студенческих научных работ, посвящённых исследованию творчества Марины Цветаевой — премия ректора Казанского (Приволжского) федерального университета. Однако на этом череда награждений не закончилась. С родины В. М. Шукшина на Цветаевские чтения приехал не с пустыми руками редактор литературно-художественного журнала «Бийский вестник», директор Алтайской краевой научной и исторической организации «Демидовский фонд» Виктор Буланчев. Он вручил медали «Василий Шукшин» журналисту, заведующему отделом прикладных исследований и проектов Управления по взаимодействию с институтами гражданского общества Департамента Президента Республики Татарстан Рустему Гайнетдинову и поэтессе Диане Кан. Ещё один награждённый — народный поэт РТ Ренат Харис не смог присутствовать на торжественной церемонии из-за болезни.

Редакция журнала «Бийский вестник» и Союз писателей России являются учредителями Всероссийской литературной премии «Белуха» имени Георгия Гребенщикова — выдающегося русского писателя, уроженца Алтая, который в 1920 году вышел за границу и жил вначале во Франции, а затем в США. Что же касается Белухи, то это самая высокая гора Сибири. И в данном контексте, по словам Виктора Буланчева, она является символом достижения каких-либо высот. В жизни генерального директора Елабужского государственного музея-заповедника, заслуженного работника культуры РФ и РТ, члена президиума Союза музеев России, заместителя

председателя Общественной палаты РТ Гульзады Руденко их было немало. Поэтому вручение ей литературной премии «Белуха» было вполне закономерным и, можно даже сказать, своевременным, поскольку за неделю до этого она отметила свой 60-летний юбилей.

Ещё ряд участников Международных Цветаевских чтений, среди которых был и Николай Алешков, получили диплом и знак «Общественное признание» — награды, учреждённой Национальным гражданским комитетом, национальным фондом «Общественное признание» и независимой организацией «Гражданское общество».

* * *

Большое представительство на Цветаевских чтениях в Елабуге учёных из различных вузов страны накладывает свой отпечаток на содержание выступлений. В этом году прозвучало много публичных докладов, в которых исследовались жанровое своеобразие, поэтический синтаксис, лексико-семантические аспекты, использование архетипов, авторское мифотворчество, фольклорные мотивы и другие особенности литературного наследия М. Цветаевой. В то же время были затронуты такие обобщающие темы, как «М. И. Цветаева в Европе и Азии», «Гибель М. И. Цветаевой в контексте жизни страны и Елабуги», «Марина Цветаева и её влияние на современную литературу», «Восприятие творческого наследия Марины Цветаевой в странах СНГ». С большим интересом были выслушаны выступления о свидетельствах встреч с М. Цветаевой русских эмигрантов и жителей Елабуги.

Мы же остановимся несколько подробнее на трёх докладах, открывших первое пленарное заседание. Лев Мнухин вынес в заголовок своего сообщения слова Марины Цветаевой: «Когда-нибудь за меня ВСЁ скажут мои черновики...» и рассказал о тех отношениях, которые обнаружил при подготовке очередного тома её писем. «Поскольку даже на первый взгляд эта область творчества поэта очень велика, если не сказать необъятна, — сказал он, — то для настоящего доклада были выбраны и рассмотрены некоторые характерные примеры из черновиков писем Цветаевой, в том числе заметно отличающихся от опубликованных и отправленных адресатам чистовиков.

К слову, существует ещё много практически нетронутых исследователями черновых тетрадей с вариантами стихотворений, поэм, драм. Но это увлекательнейший удел будущих специалистов».

Надо сказать, что Лев Мнухин не ограничился только черновиками писем, адресованных Георгию Адамовичу и Владиславу Ходасевичу, приведя несколько высказываний М. Цветаевой, в которых она утверждает, что вся её жизнь — черновик. Не отказал он себе и в удовольствии процитировать в несколько сокращённом варианте набросок статьи М. Цветаевой под названием «Державин», сохранившийся в её черновой тетради. В ней в иносказательной форме она рассуждает об отношениях двух поэтов, которые представлены в образах персонажей известной басни И. А. Крылова «Кукушка и петух».

В заключение своего выступления Лев Мнухин привёл ещё одну цитату из письма М. Цветаевой Б. Пастернаку, свидетельствующую о том, насколько она дорожила своими черновыми записями: «Рильке умер, не позвав ни жены, ни дочери, ни матери. А все — любили. Это было печение о своей душе. Я, когда буду умирать, о ней (себе) подумать не успею, целиком занятая: накормлены ли мои будущие провожатые, не разорились ли близкие на мой консилиум, и м.б. в лучшем эгоистическом случае: не растащили ли мои черновики».

В этот день для участников чтений, студентов и преподавателей института была возможность послушать доклад нового лауреата литературной премии Екатерины

Лубянниковой «Марина Цветаева в Петербурге, Петрограде, Ленинграде». Именно такие названия носила северная столица, когда в 1912, 1916 и 1939 годах она трижды в своей жизни её посетила. Самым продолжительным был второй приезд, который продолжался большую часть января, но фактически начался в самый канун Нового года.

Незабываемые впечатления, оставленные городом на Неве в её памяти, М. Цветаева описала позднее, уже в эмиграции, в эссе «Нездешний вечер», на котором она выступила с чтением своих стихов перед всем петроградским литературным обществом.

«Важнейшим творческим итогом поездки Цветаевой в Петроград в январе 1916 года, — утверждает Е. Лубянникова, — нужно считать превращение её из «женщины, безумно любящей стихи», по собственному позднему определению, в русского поэта со своим голосом, со своей темой. Именно осознанная потребность самоопределения перед лицом петербургской поэзии Блока, Кузмина, Ахматовой, Мандельштама, младших акмеистов вызвало в творческом сознании Цветаевой тему Москвы, расширившуюся впоследствии до темы народной России... Поездка в Петроград разрушила литературное уединение Цветаевой, принесла ей прочный литературный успех, завязала литературные и дружеские связи и открыла Цветаевой собственную тему, благодаря которой ей удалось преодолеть литературную замкнутость своей ранней поэзии».

В этом году на чтениях не было потомков цветаевского рода, но зато приехал правнучатый племянник поэта Константина Бальмонта, подготовивший обширный доклад «Бальмонт и Цветаева: от родовых истоков к бескорыстной дружбе. К 100-летию знакомства». Эта дата свидетельствует о том, что начало их дружбы приходится на годы революции, разрухи и Гражданской войны.

О данном периоде в выступлении Михаила Бальмонта говорилось следующее: «Бальмонт был слабо приспособлен к житейским трудностям, а жизнь становилась всё тяжелее. Цветаева то и дело приходила к нему на помощь, хотя сама испытывала не меньшие лишения. Об этом поэт вспоминал с признательностью: «В голодные годы Марина, если у ней было шесть картофелин, приносила мне три». А в очерке «Где мой дом», вошедшем в книгу под тем же названием, писал: «... всё-таки мороз красив. Я весело иду по Борисоглебскому переулку, ведущему к Поварской. Я иду к Марине Цветаевой. Мне всегда так радостно с нею быть, когда жизнь притиснет особенно немилосердно. Мы шутим, смеёмся, читаем друг другу стихи. И, хоть мы совсем не влюблены друг в друга, вряд ли многие влюблённые бывают так нежны и внимательны друг к другу». Он относил Цветаеву к тем немногим людям, к которым его душевное устремление было также сильно, как «остра и велика радость от каждой встречи с ними».

В свою очередь Цветаева вспоминала: «Бальмонт всегда отдавал мне последнее. Не только мне, всем. Последнюю трубку, последнюю корку, последнее полено. Последнюю спичку. И не из жалости, а из великодушия. Из врождённого благородства...

Поэт не может не дать». И ещё: «С Бальмонтом мы игрой случая чаще делили тяготы, нежели радости жизни, — может быть, для того, чтобы превратить их в радость?»

В одном из писем М. Цветаева заметила, что связана с ним почти родственными узами. Узы эти, по мнению Михаила Бальмонта, идут с общей родины их предков — с шуйской земли, а если ещё точнее — с небольшого села Дроздово Шуйского уезда, которое с 1974 года официально не существует. В настоящее время от него остался лишь Воскресенский храм, сельское кладбище, большой пруд и часть кирпичного остова земской школы. Но именно здесь в 1840 году усадьба местных помещиков Небольсиных была куплена штабс-капитаном Константином Ивановичем Бальмонтом, дедом поэта. А год спустя в местную церковь во имя Воскресения Христова был назначен молодой священник, вчерашний выпускник духовной семинарии Владимир Васильевич Цветаев, дед М. Цветаевой. Здесь в его семье родилось шестеро детей, в том числе и будущий профессор Московского университета, основатель и первый директор Музея изящных искусств Иван (04.05.1847), отец Марины.

Михаил Бальмонт не сомневается в том, что священника и помещика связывали дружеские отношения, что, по его словам, «подтверждается тем фактом, что Константин Иванович был восприемником (то есть крёстным) второго сына Владимира Васильевича. Цветаевы и Бальмонты фактически породнились на дроздовской земле, так как духовное родство (через участие в крещении ребёнка) тогда являлось не менее значимым, чем кровное».

* * *

В эти дни жизнь и творчество Марины Цветаевой были представлены не только в научных докладах, стихах, песнях, графике, театральной постановке, но и в необычном кинофильме «Три героини в поисках родины», который привезла из Германии сценарист и режиссёр Ирина Рёриг. По её признанию, она боялась показывать его именно в этой аудитории, понимая, что не сможет сказать ничего нового тем, кто на протяжении многих лет и даже десятилетий изучает биографию, поэзию, прозу, эпистолярное наследие и дневники Марины Цветаевой. Выступая перед началом фильма в заполненном до отказа актовом зале института, Ирина Рёриг рассказала о том, что над фильмом пришлось работать целых семь лет и вести настоящую битву за его создание, поскольку её замысел не находил в Германии никакой поддержки. Со столь же полным равнодушием ей пришлось столкнуться и тогда, когда фильм был уже полностью готов. Но первые же показы его в Берлине, Гамбурге, Мюнхене, Кёльне встретили благодарный отклик зрителей, которые были рады увидеть нечто совсем иное, чем те скандальные сюжеты вокруг Путина и России, которыми их постоянно кормит телевидение Германии.

Главными героинями фильма Ирины Рёриг стали поэт Марина Цветаева, современная певица, автор-исполнитель Елена Фролова и её мама, бывшая учительница Мая Степанова. Но если две последних связаны кровными узами, то Марину с Еленой объединяет духовное родство.

«В жизни моей произошло несколько встреч, которые помогли мне остаться самой собой, — рассказывает в фильме Елена Фролова. — Марина Цветаева, наверное, самая главная и по сей день. Она, как Вергилий у Данте, ведёт меня уже с пятнадцати лет. Это как встреча с какой-то горой, с каким-то явлением, которое уже ничем не перешибить. Иногда меня волнами уносит в страну других поэтов, но всегда возвращает к ней. И это очень интересное возвращение на разных этапах жизни. У меня написано довольно много песен на стихи Цветаевой. Может, уже шестьдесят».

Повествование о Цветаевой в фильме ведётся от лица всех трёх героинь. Марина обычно предстаёт пишущей: о самых тяжёлых, переломных моментах своей жизни, о чём-то сокровенном... Женский голос вторит этим записям, а на экране появляются кадры кинохроники или другие сюжеты, то переносящие в годы, о которых идёт речь, то как будто не имеющие непосредствен-

ного отношения к тому, о чём говорится, но каким-то непостижимым образом усиливающие воздействие на зрителей.

Елене Фроловой выпала самая сложная роль: она рассказывает о судьбе Цветаевой и влиянии её духовного феномена на читателей; говорит о собственной жизни — девочки, выросшей в Риге и в одночасье оказавшейся в эмиграции; о решении переехать в Россию и старинном Суздале, где её душа всякий раз словно обретает родной дом. Здесь она нашла друзей, открыла для себя русскую народную песню, впервые услышала гусли и научилась играть на этом удивительно многозвучном и певучем древнем инструменте. Мелодия гуслей постоянно возникала по ходу фильма, словно скрепляя его порой такие разные фрагменты.

Не столько музыкальными иллюстрациями, сколько содержательным стержнем кинокартины были и постоянно звучавшие песни Елены Фроловой, которые слышали зрители многих стран мира. Некоторые из них были разбиты на части и то затихали, то возникали снова по мере развития сюжета. Как, например, песня на стихи М. Цветаевой «Ахматовой» («Кем полосынька твоя...»), звучавшая, когда речь шла о поэтах и поэзии Серебряного века. Или другая, из цикла «Ханский полон»:

*Следок твой не пытан,
Вихор твой — колтун.
Скрипят под копытом
Разрыв да плакун.*

*Нетоптанный путь,
Непутёвый огонь. —
Ох, Родина-Русь,
Неподкованный конь!*

В её потрясающем припеве без слов слышались и гортанный боевой клич, и стоны, и плач, и звериная тоска...

«Серебряный век, — по словам Елены Фроловой, — это был какой-то взрыв в поэзии и в слове. Через судьбу поэта, написавшего стихи, которые мне понравились, я узнаю историю своей страны».

Нечто подобное можно сказать и о фильме Ирины Рёриг, которая смогла через своих героинь показать вековую историю России.

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЦВЕТАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

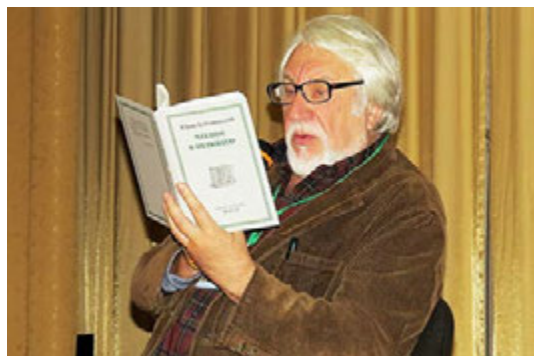
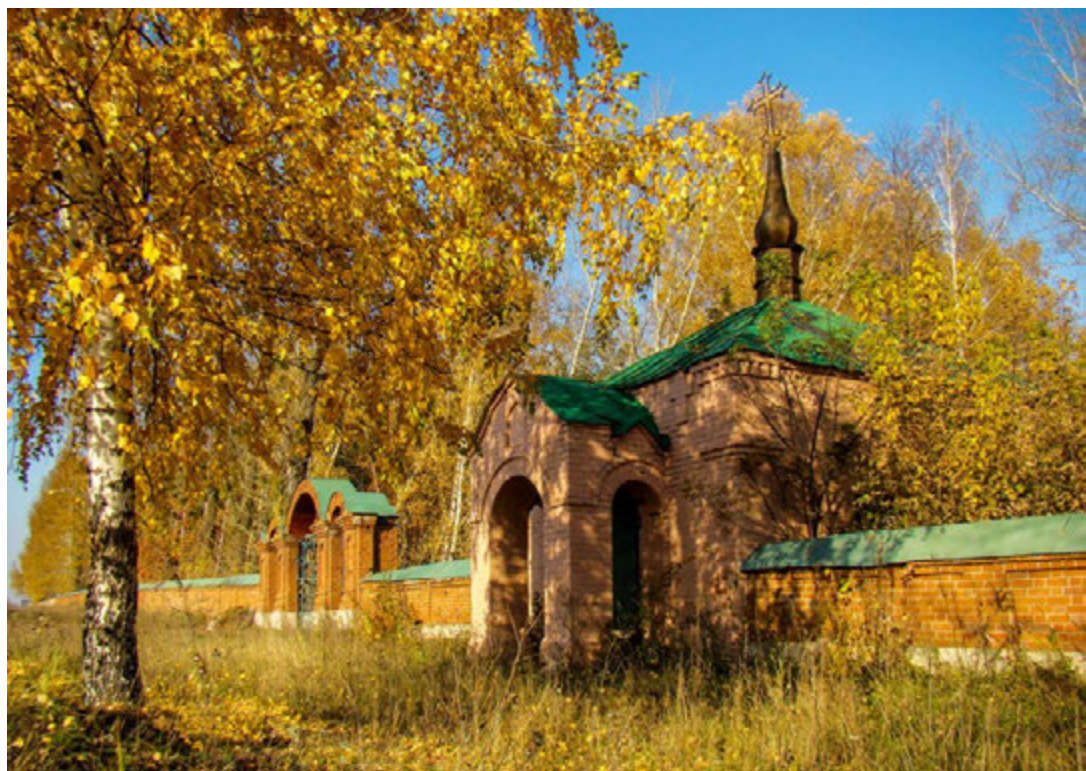
«ВРЕМЯ, Я ТЕБЯ МИНУЮ...»

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЦВЕТАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

«ВРЕМЯ, Я ТЕБЯ МИНУЮ...»

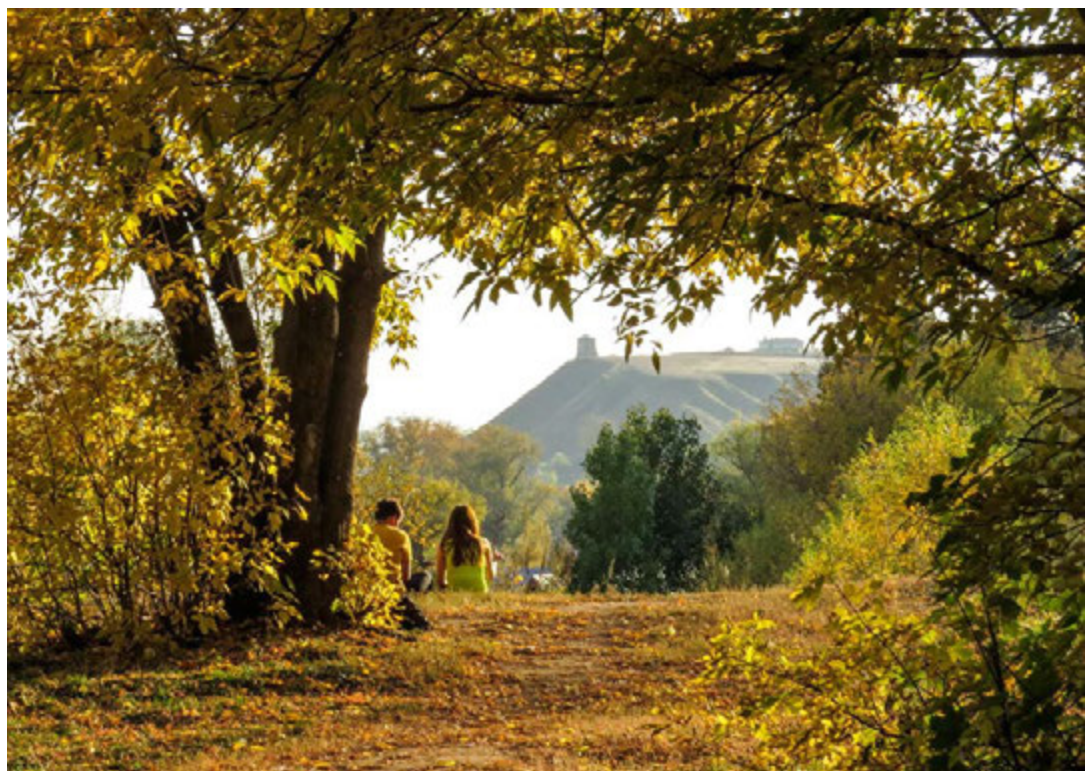

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЦВЕТАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

«ВРЕМЯ, Я ТЕБЯ МИНУЮ...»

«ВРЕМЯ, Я ТЕБЯ МИНУЮ...»

Как никто другой понимая всю глубину Марины Цветаевой, Елена Фролова считает, что для многих это имя «означает больше, чем просто поэзия. Когда человек прикасается к её поэзии, он начинает по-другому жить. Поэтому её имя и творчество носят сейчас какой-то знаковый характер. Через слово, через поэзию она передаёт что-то такое, что в своё время сделал Пушкин».

По сути то же самое произошло когда-то с Ириной Рёриг, после того как она побывала на трёхчасовом концерте Елены Фроловой и, не поняв многое из песен на стихи Марины Цветаевой, ощутила их пронзительность и магическую силу. Нет нужды много говорить о том, что фильм произвёл на зрителей неизгладимое впечатление. Достаточно привести слова старейшего российского исследователя поэта Ирмы Кудровой, сказавшей, что это потрясающий и лучший из когда-либо созданных фильмов о Цветаевой.

* * *

В последний день чтений у их участников был выбор: отправиться слушать публичные доклады или же прийти на творческую встречу с авторами литературных журналов «ПаровозЪ» и «Аргамак. Татарстан», а затем посетить круглый стол на тему «Проблемы и перспективы развития литературных журналов».

Творческая встреча оказалась до крайности интересной, хотя бы потому что избранные стихи звучали в авторском исполнении Виктора Пеленягрэ, Геннадия Калашникова, Павла Маркина и Светланы Василенко из Москвы, Виталия Молчанова из Оренбурга, Алексея Остудина из Казани, Дианы Кан из Оренбурга, Евгения Эрастова из Нижнего Новгорода, Анны Барсегян из Екатеринбурга, Николая Алешкова, Веры Хамидуллиной, Ольги Кузмичёвой-Дробышевской и Светланы Летяги из Набережных Челнов. Темы стихов носили самый разный характер: от драматических событий истории до глубоко личных любовных переживаний; от перенасыщенности современным сленгом и поэтическими цитатами до кристальной чистоты слова. В стихотворении «Из девичьей доносится мотив...» лауреата предыдущей Литературной премии им. Марины Цветаевой Евгения Эрастова соединились значимые для истории России имена святого Дмитрия Угличского и горемычной дочери Бориса Годунова царевны Ксении. В нём звучит мотив обличения подобный тому, что мы слышим в стихотворении «На смерть поэта» Михаила Лермонтова.

*...Не мелким бисером, не нитью золотой —
Слезам Ксении платок узорный вышит.
Сияет чистою небесной красотой.
«Ты слышишь, Митенька?» Но Митенька не слышит.*

*Невинным ангелом глядит на облака,
И так чисты его последние обновы,
И так душа его от мира далека...
А вы-то думали, что это на века —
И козни Шуйского, и казни Годунова.*

*А вы-то думали, что это навсегда —
И скрип саней в морозной зимней взвеси,
И узкой Яузы застывшая вода,
И что предела нет боярской спеси,*

*И что предела нет ни алчности людской,
Ни жажде первенства, ни жажде утлой славы.
Тебя, царица, ждёт возлюбленный покой,
Где нет ни тления, ни мерзости кровавой.*

*Ты в той обители не вспомнишь никогда
О мире подлом и жестоком.
Иди ж туда,
Куда ведут полночная звезда
И мысли светлые о вечном и высоком.*

В завершение этой творческой встречи выступил литературный критик Вячеслав Лютый (г. Воронеж), который утверждает, что поэзия в нашей стране в настоящее время переживает расцвет и, что в связи с этим тоже немаловажно, — появилась прослойка молодых талантливых литературных критиков.

* * *

После своеобразного поэтического фестиваля его участники перешли к обсуждению проблем и перспектив развития литературных журналов. Светлана Василенко рассказала о том, что на протяжении 20 лет Союз российских писателей, в котором сейчас насчитывается около 3,5 тысяч членов, существовал без собственного литературного издания. А в настоящее время выпускает сразу два альманаха — «Лёд и пламень» и «ПаровозЪ». Задумывая первый, они бросили клич по всей России, чтобы литераторы присылали к ним свои произведения и были просто потрясены невероятным количеством хороших стихов, которыми их буквально засыпали. Так вместо одного журнала появилось два. Печатались они на гранты, выделенные Министерством культуры РФ. Но в этом году их не дали и впервые возникли трудности с финансированием.

В той или иной мере с этой проблемой сталкиваются редакции всех литературных журналов. Не является исключением и журнал «Аргамак. Татарстан», выпуск которого был приостановлен фактически на год. Говоря об этом, Рустем Гайнетдинов отметил: «Финансирование прекратили, выдвинув в качестве аргумента то, что было мало подписчиков. Но мы понимали, что это политически неправильно, потому что в многонациональной республике обязательно должен быть русскоязычный журнал. Мы были категорически против такого решения и отстояли «Аргамак». Он также сообщил, что каждый член Союза писателей Республики Татарстан имеет возможность минимум раз в пять лет опубликовать свои произведения за счёт государства, что вызвало нескрываемую зависть у многих представителей других регионов и субъектов федерации.

Виктор Буланичев представил не только «Бийский вестник» и журнал «Алтай», но и перечислил много аналогичных изданий, которые выходят в свет в Зауралье. Он также рассказал о том, что в Год литературы его пригласили провести презентацию «Бийского вестника» в Москве. «Я с большим волнением летел туда, — признался он, — и думал, чем же удивить московскую публику. А удивлять не надо было. Целый зал Международного сообщества писательских союзов на Поварской был заполнен и даже не мог вместить всех. Пришли поэты, прозаики, критики, представители администрации президента. Было много прессы. Я никогда не думал, что к провинциальным изданиям может быть такой живой интерес столичной публики».

Диана Кан, которая входит в редакционные коллегии нескольких журналов, также отметила явный всплеск поэзии. Она акцентировала внимание на том, насколько важно бывает для молодых литераторов опубликоваться именно в периодике. Поэтому что даже книги не дают автору такую широкую известность, какую он получает через толстые журналы.

Вячеслав Лютый, представленный на этот раз как заместитель главного редактора воронежского журнала «Подъём», предложил делиться друг с другом авторами. Это, по его убеждению, позволит со временем восстановить единое литературное пространство, насильственно ныне поделённое. А кроме того, будет способствовать художественной полнокровности журналов и, соответственно, повышению читательского интереса.

Евгений Эрастов, представлявший журнал «Нижний Новгород», вспомнил свой первый гонорар, который он получил за публикацию в областном альманахе трёх стихотворений. Он составлял 77 рублей, тогда как его зарплата начинающего научного сотрудника не превышала 110 рублей. Сегодня многим журналам приходится работать в основном на энтузиазме авторов, что, по его словам, неизбежно подрывает их заинтересованность, особенно у молодёжи.

Словом, главной проблемой выпуска литературных журналов было и остаётся финансирование. И здесь, по мнению участников круглого стола, без государственной или спонсорской поддержки не обойтись.

* * *

Для Светланы Василенко Международные Цветаевские чтения стали ко всему прочему местом презентации её новой книги «Дневные и утренние размышления о любви». На сцену она вышла не одна, а с поэтессой и автором-исполнителем Ольгой Кузьмичевой-Дробышевской. На правах ведущей Ольга рассказала об авторе нашумевшего романа «Дурочка» и других повестей, рассказов и сценариев, а также произведений необычного, придуманного самой Светланой Василенко жанра под названием «Проза в столбик». По сути это — нерифмованная поэзия, наполненная не только образами, метафорами, сюжетами, но и легко представимыми картинками, ведь Светлана Василенко не просто писательница, она профессиональный сценарист и режиссёр, отдавшая кино 10 лет своей жизни. Завораживающую магию её слов смогли ощутить на себе все, кто пришёл на презентацию книги, где Светлана Василенко прочитала несколько отрывков. Вернее, небольших законченных вещей. О суслике, пережившем свой апокалипсис, о поездке к сумасшедшему деду, о любви, открывающей окно в космос и опаляющей, словно знойный ветер пустыни... В перерывах между чтением Ольга исполняла под гитару песни на стихи Марины Цветаевой и авторские произведения.

Обе звучали совершенно по-разному. Светлана читала несколько отрывисто с ровной интонацией. Ольга пела взволнованно и страстно. А в целом получилось так замечательно, что С. Василенко на прощание сказала: «Оказывается, прозу можно читать со сцены. Необязательно актёру, если тебе помогают вот такие люди и музыка».

* * *

Ещё одним знаменательным событием VIII Международных Цветаевских чтений стала встреча с поэтом, сопредседателем Союза российских писателей Юрием Кубланов-

ским. В 1982 году, спасаясь от участи советского политзаключённого, он был вынужден эмигрировать за границу. Иосиф Бродский сказал о нём: «Это поэт, способный говорить о государственной истории как лирик и о личном смятении тоном гражданина».

С огромным интересом публика, среди которой было много молодёжи, слушала его рассказ о непростом жизненном пути. Родился Юрий Кублановский в 1947 году в Рыбинске. В 1964 году приехал в столицу поступать на отделение искусствоведения МГУ. Конкурс был 18 человек на место, брали, в сущности, только блатных. Но, по всей видимости, университетские профессора были настолько поражены, что к ним приехал молодой человек из провинции, да ещё с аттестатом об окончании вечерней школы и трёхлетним стажем заводского токаря, что решили принять рабочего паренька. Не знали они, какому будущему возмутителю общественного спокойствия вручают студенческий билет МГУ...

Именно тогда в самиздатовских машинописных рукописях Юрий Кублановский познакомился с запрещёнными произведениями Мандельштама и Цветаевой, Ахматовой и Ходасевича, Бродского и других поэтов. А вскоре и сам вместе с молодыми друзьями-поэтами вошёл в число тех, кого в истории страны называли «самиздатчиками».

«Мы не хотели обивать пороги советских издательств, — рассказал он на творческой встрече, — и адаптироваться к тем условиям, которые на ту пору существовали в нашей литературе и культуре. И мы организовали своё независимое сообщество СМОГ (смелость, мысль, образ, глубина). Правда, остряки называли нас «самое молодое общество гениев».

Оно просуществовало год и получило большую известность. Стихи молодых поэтов уже начали печатать антикоммунистические издательства за границей. А потом за них взялось КГБ. Юрию Кублановскому удалось закончить МГУ, после чего он по какому-то наитию уехал работать экскурсоводом на Соловки, фактически не зная, какой там был страшный, первый в мире концентрационный лагерь для собственных граждан. С Соловков он вернулся другим человеком. В 1974 году он выступил в самиздате с открытым письмом на двухлетие высылки из страны А. Солженицына. После этого лишился возможности работать по специальности искусствоведа и был дворником, сторожем, истопником в храмах Москвы и Подмосковья. Устав писать в стол, собрал лучшие стихи и переправил в Америку Иосифу Бродскому. Там и вышел его первый сборник стихотворений.

«Поэзия, конечно, всегда вела меня по жизни, — признался Юрий Кублановский, — являясь смыслом моего существования с тех пор, как я впервые начал писать стихи и понял, что в этом моё призвание, — простите за высокие слова. Другое, что вело меня по жизни, это желание разгадать тайну: почему же в 1917 году произошла революционная катастрофа, которая погрузила Россию в бездну испытаний, стоила ей миллионов человеческих жизней... В общем, всего того, от чего мы не можем опраться и по сей час.

Уже с двадцатипятилетнего возраста я понимал, что поэт, это не просто птичка, которая села на ветку и поёт. Поэту необходимо мировоззрение, мирочувствование — то, что было у Пушкина, у Лермонтова, у Некрасова, у Блока — самостоятельность мышления. Или, как гениально написал Пушкин, помните:

*Два чувства дивно близки нам.
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

*На них основано от века,
По воле Бога Самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.*

Вот я считал, что поэту, русскому человеку, гражданину, мужчине, в конце концов, необходимо такое самостояние. Ни в коем случае не надо быть конъюнктурщиком, тем более трусом, тем более охотником за какими бы то ни было премиями и жизненным успехом».

Много ещё чего рассказал Юрий Кублановский. А вот стихотворений прочитал всего четыре, считая, что творческая встреча и поэтический вечер — вещи разные. Впрочем, в журнале, который вы держите в руках, уважаемые читатели, стихов Юрия Михайловича опубликовано гораздо больше — достаточно перелистнуть пару страниц.

Отвечая на вопрос, что ни в коем случае не стоит делать начинающему поэту в наше время, Юрий Кублановский сказал: «Не выставлять свои незрелые опыты в интернете. Творчество должно отлежаться, отстояться и не надо спешить с его обнародованием. А особенно с тем, чтобы пожинать плоды своей деятельности. Прежде всего необходимо самому состояться во всех отношениях как личность, тогда и поэзия зазвучит совсем по-другому».

* * *

Закрытие Международных Цветаевских чтений, на котором были подведены их итоги, подарило всем последнюю интересную встречу — с руководителем Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Михаилом Сеславинским. Признаться, приятно было видеть на трибуне не бюрократического министерского функционера, а довольно обаятельного и деликатного человека, в котором ощущался и высокий культурный уровень, и широкий кругозор. Михаил Сеславинский привёл любопытные цифры, свидетельствующие о том, что провозглашённый в 2015 году Год литературы не прошёл бесследно.

«По логике итогом его, — заметил он, — должно стать большее влечение к книге, усиление роли русской литературы в жизни человека. Но я, честно говоря, сам удивился, узнав о результатах отечественного книгоиздания в 2016 году. По количеству наименований книг у нас серьёзный рос — на 12 процентов. За первое полугодие их выпущено в стране около 60 тысяч. То есть литература стала гораздо более разнообразной. Одновременно на 6 процентов увеличился тираж изданий».

Переходя к теме Цветаевских чтений, Михаил Сеславинский рассказал, какое большое впечатление произвела на него дневниковая запись Георгия Эфрона от 9 октября 1941 года. Он даже полностью зачитал её. В Москве, над которой нависла реальная угроза немецкого захвата, сын Марины Цветаевой пишет о том, какие он купил книги и что именно отдал в типографию переплести. Но больше всего руководитель Федерального агентства говорил о предстоящем в 2017 году 125-летию со дня рождения поэта, о том, какая началась к нему подготовка и что предстоит сделать, чтобы достойно встретить этот юбилей.

Ярким и душевным завершением чтений стал музыкально-поэтический час «От сердца к сердцу», во время которого то тихо и проникновенно, то мощно и раздольно звучали мелодии в исполнении ансамбля народных инструментов «Наигрыш»

из города Набережные Челны. А когда музыка стихала, к микрофону выходили читать свои стихи лауреаты Литературной премии им. Марины Цветаевой Диана Кан и Николай Алешков. Такие разные и по возрасту, и по содержанию стихотворений, и по манере исполнения. Она — вся порыв и вызов со сквозною темой вольной воли. И он — остепенённый и помудревший с неизбывной ностальгией о деревенском детстве, любовной лирикой и взглядом, обращённым в небесное Отечество. И оба — поэты милостью Божьей...

Людмила ПАХОМОВА
журналист Елабужского
государственного музея-заповедника

ЗВАННЫЕ ГОСТИ

ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ

НЫНЧЕ, НА СКЛОНЕ ЛЕТ...

ПРОВОДЫ (1967)

Под соснами на белом холоде
пивком и слипшеюся сушкой
когда-то провожая молодость,
подняв воротники, с подружкой.

Она казалась худощавее,
когда затягивалась «шипкой»,
и, чувствуя своё бесправие,
потом кривила рот улыбкой.

Тогда в родной тмутаракании
нас согревал не красный дома,
а полосатый стяг на здании
заокеанского обкома.

Ещё искали смыслы ощупью,
и были все вокруг живые
стихами, годными для площади,
срывали связки горловые.

Та мезонинная окраина
с пивнушкой в конце аллеи
занесена, точнее, впаяна
в труды, и дни, и пропилен.

Недаром вместе с гулом улицы
вдруг настигает на рассвете
вкус наших ласк, свободолюбица,
и никотина в сигарете.

2013

ПОЗДНИЕ СТАНСЫ

С землёй теперь не поспоришь —
с тех самых десятилетий,
как лёг в неё первый кореш,
а следом — другой и третий.
Но она опустилась
во вред соловью и пенке,
да так, как поди не снилось
какому-нибудь Лысенке.

Выбрал бы жизнь другую:
того, кто, проснувшись рано,
лил себе ледяную
на мозжечок из крана,
или того, кто долго
любил поваляться с книжкой,
или того, кто чёлкой
тряс, как последней фишкой.

Но оборвались сроки,
не доисполнясь даже,
спортсменов и лежебоки.
В новом эоне я же,
траченный болью, солью,
видя, как ты красива,
начал смиряться с ролью
частного детектива.

Правда, ещё остались
нетронутые глубины,
куда мы уйти пытались
и вынырнуть, выгнув спины.
Да разве кому-то с нашим
дыхательным аппаратом
в лазеревой толще станешь
товарищем или братом?

Всё-таки только небу
сегодня я доверяюсь,
единому на потребу
робеючи, приобщаясь.
Как будто после пробежки
голову задираю
и будущих странствий вешки
заранее расставляю.

Сентябрь 2011

КИШМИШ

За соснами в алых лианах
осенняя волглая тишь.
Туда с пустотою в карманах
приедешь, верней, прилетишь.

В присутствии бунинской тени
его героине опять
начнёшь, задыхаясь, колени
сквозь толстую ткань целовать.

И шепчешь, пощёков не слыша,
одними губами: «Прости,
подвяленной кистью кишмиша
потом в темноте угости.

Пусть таинство нашего брака
с моей неизбывной виной
счастливцу поможет, однако,
в окопах войны мировой.

И в смуту, когда изменили
нам хляби родимой земли,
прости, что в поту отступили,
живыми за море ушли.

В сивашском предательском иле,
в степи под сожжённой травой
и в сентженевьевской могиле
я больше, чем кажется, — твой».

1999

* * *

Как работяг на полюсе,
где замерзает ртуть,
ветер сгибает в поясе
и не пускает в путь.
Всё интенсивней тёмное
светлого визави.
Много осталось тёплого
в старой моей крови,
тёплого и мятежного.
Но в гулевой груди
ласкового и нежного
зверя не разбуди.

Стать бы тобою чаемым,
вновь заплутав в пути,
малоимущим фраером

лет двадцати пяти
с траченным прямой голосом.
Чтоб у замёрзших рек
сыпался нам на волосы
и парусинил снег.
Чтобы вдвоём с усилиями
шли мы рука в руке,
шли...
И вожатых с крыльями
видели вдалеке.

2012

ЗЕВС И ДАНАЯ

Памяти Аси Богемской

Дождь оборвался рано
душным июльским днём.

Хочешь, на Тициана
встретимся и пойдём?

Страждущую Даная,
может быть, там в момент

издалека узнаю,
словно опять студент

преет над кватроченто
в сессию, как в страду.

И сновидений лента
с влюбчивостью в ладу.

Сколько прерывных нитей
в щели струилось штор,

и не сбылось наитий,
чаемых до сих пор!

Ветер с волхонских горок
пух тополей принёс.

Стал я — ведь путь мой долг —
сед до корней волос.

И приближаясь к краю
жизненного плато,

страждущую Даная
стал забывать... Зато

выучился без толку,
как не умели встарь,

в заводях бара долго
пить золотой вискарь...

Август 2013

РИСУНОК

А. и М. Якутам

Утренний ровный свет
стеклянного потолка.
На ватмане твой портрет
рисует моя рука
твёрдым карандашом.
И это в разы трудней
натурщицы нагишом
и яблок, сравнимых с ней.
Тем паче нормандских скал,
призрачных их громад,
где старый прибой устал
и стал отступать назад...

Нынче на склоне лет
всё-то моё добро —
грифеля беглый след,
тёмное серебро.
Но всё светлей и светлей
ровный лист под рукой —
без паспарту, полей
он будет один такой.
Не вспышки сангины, не
масло с густым мазком
у нищих духом в цене,
а то, как ты мнёшь во сне
наволочку виском.

3 декабря 2012

ОДИНОЧЕСТВО

В то и дело затемняемом тучами кабинете
ветхой дачи прежнее вспоминаю,
будто загребаю веслом по Лете,
не шумя, поверхность её сминаю.

Были в нашем отрочестве чернила
в чашечках и с оттенком ила.

Там герой войны под базарной аркой,
подвязав под локоть рукав тельняшки,
побирался летней порою жаркой
и, боясь облавы, паслись дворняжки.
А старухи из деревень окрестных
продавали ягоды и ромашки.
Разобраться с нищим, видать, мешали
лень и водка лбам из комендатуры.
А собаки лаяли и визжали,
попадая в короб вонючей фуры.

Всех, кто жил тогда, всё, что прежде было,
по-хозяйски время употребило.

Без вины, как водится, виноватых,
где потом я только не повидал —
мужиков небритых, дедов поддатых,
да и сам порядочный аксакал.
Так что вроде скалиться не пристало
на пространство, будто пространства мало.

Негодую, стало быть, существую.
Третий день за окном листву
треплет ветер, зелёную и седую,
а она всё держится на плаву.

Троицын день, 2013

НА ЧЕРНОМОРСКОМ ЗАКАТЕ

Ещё сердолики
не стали тогда мародёров
добычей — и крики
там чаек хриплы от укоров.

Великолепие, затрапеза,
богемность Крыма.
И наша встреча у волнореза
как пантомима.

Вот так же некогда повстречались
Эфрон с Мариной...
По небу гряды перемещались
тьмы голубиной.

Он с войском, терпящим поражение,
ушёл за море.
Есть белизна и в моём служенье,
его растворе.

Жизнь отмеряет нам срок за сроком,
блазня отсрочкой.
Вон огоньки на мысу далёком
зажглись цепочкой.

20 сентября 2014

ВЕТЕР

Чайку, подсвеченную закатом,
подхватило и отнесло куда-то.

Ветер тут — единственный господин, —
ветра много, а я один.

Мерно с прилива снимает стружку
и увлажняет глазную дужку,

то бишь вместилище прежних дней
и маслянистых вдали огней...

Только кому ж передам в наследство
вольное в летние месяцы детство,

судьбы товарищей, верность подруг,
ставших ещё драгоценнее вдруг?

О треволнениях их и обидах,
выпивках и самодельных хламидах

уйма известных лишь мне мелочей,
кончусь — и тотчас станет ничьей.

Тоже приблизился я и к догадке,
что же такое Россия в остатке.

Много — по жизни — любви и мольбы
нашей — её принимали гробы.

С памятью, будто с кольцом обручальным,
тут распростаясь, при попутном ли, шквальном,

передоверить попробую я
ветру — весь скарб своего бытия.

17 июля 2015, Étretat

* * *

Кто живёт на севере — тот не знает,
что такое лирика в чистом виде,
когда пожилому бородачу-красавцу
с лампасами на просторных брюках

девушка, отступив, вдруг закинет за поясицу
промельком ногу на алой шпильке
при взрывной поддержке скрипки аккордеоном.

Не догадывается живущий на юге,
как пахнет на холоде лисья шапка
встреченной на северах подруги,
ледяной щеки молодая кожа,
алкоголем тронутое дыханье —
когда окрест индевеют ветви,
становясь мохнатее ближе к ночи.

Но любовь — она ведь одна такая,
в двух словах о ней не расскажешь,
не откроешь третьему её тихих
потайных пружин и наитий.

Старый ключник её, воитель
в шатком гнездоподобном кресле,
сцепив на загровке пальцы,
смотрит на оконный ветер,
в тёмных листьях набирающий силу...

ПОСЛЕ МУЗЫКИ

Когда заплывая в музыку,
смотришь из тьмы на сцену —
на несметные манишки оркестра
или на сосредоточенных одиночек
за необъятным роялем,
потёртой виолончелью,
подбородком придерживающих скрипку —
глаза бывают на мокром месте.

Ибо каких ещё надобно доказательств
весче этих, консерваторских,
что мы не просто отпрыски инфузорий,
запоротый материал природы,
тати и серебролюбцы,
но *творения сами* —
раз могли сотворить такое,
а потом исполнять на память или по нотам,
веки беспокойные прикрывая.

4 февраля 2015

**Публикация подготовлена
Светланой Ершовой (город Ярославль).**

ДИАНА КАН

НЕИЗРЕЧЁННЫЕ НАПЕВЫ

* * *

Диана Елисеевна Кан. Самобытный и достаточно известный российский поэт (не смею называть её «поэтессой», ибо такое слово не любила Марина Цветаева).

Окончила МГУ им. М. В. Ломоносова и Высшие литературные курсы Литературного института им. А. М. Горького (Москва). Особо подчёркивает, что занималась в семинаре Юрия Кузнецова.

Родилась в Туркестане, училась и работала в Оренбурге, поэтическая слава пришла к ней в период жизни в Новокуйбышевске, сейчас живёт в Оренбурге. Изданы около десятка её сборников («Високосная весна», «Согдиана», «Подданная русских захолустий», «Междуречье» «Звёзды окликают» и др.), печатается в толстых литературных журналах России, в том числе в нашем челнинском «Аргамак». Лауреат многих литературных премий России. В 2016 году стала лауреатом престижной международной Цветаевской премии и награждена медалью «Василий Шукшин».

Член Союза писателей России и Союза журналистов.

С ней я познакомился на Цветаевских чтениях в Елабуге. Общались-то мы недолго, но, благодаря приглашению участвовать в чтениях от Николая Алешкова и Гульзады Руденко, я открыл для себя необыкновенный поэтический мир Дианы Кан. Сам себе удивляюсь — в преддверии шестидесятилетия, когда вроде бы чувственный взгляд на окружающее уже напрочь сметён прагматичным отношением к жизни, я со страстью, запоем читаю её стихи, смотрю на мир её глазами и нахожу тысячу схожестей, созвучностей своим мыслям, переживаниям, оценкам... И, будто мы современники и родственные души, знакомы уже десятки лет.

Первое, что бросается в глаза — Диана удивительно красива. Недаром один из её поклонников восклицал: «увидев в очередной раз Вас, я зажмуриваюсь, чтобы ... не ослепнуть». Другой отзывается: «действительное совершенство и очаровательная красота». Кто-то предлагает ей идти в актёры, на что она с доброй иронией отвечает: «Весь мир — не театр, а война! И люди в нём не актёры, а солдаты!».

Критики всегда с ней рядом... Вячеслав Лютый, Виталий Молчанов ... Они называют её «жизнеутверждающим поэтом». Наверное, это так. Во всяком случае, она не относит себя к «ноющим» поэтам. Произведённую ими продукцию едко называет «похоронно-панихидной лирикой». И на многочисленных фотографиях скорее меланхолична, чем грустна...

Удивительна и её поэзия. Точно созданные образы — не случайное «попадание» в тему. Её «струны резонируют», с тобой говорит её душа, как говорит она сама, — «воспитанная душа».

По откровению Дианы, монохром она любит только в фотографии, в творчестве же она разнопланова: здесь и точечный отзыв на современные болячки, и историко-философские эссе, и, конечно же, тонкая любовная лирика.

Её поэзия «не вписывается в интерьеры», она — самостоятельная и вольнодумная... К написанному ею не остаёшься равнодушным. С чем-то соглашаешься сразу, о чём-то хочется поспорить. И этим она выполняет своё земное предназначение — «глаголом жечь...»

Диана Кан — тот великолепный случай, когда

красота внешняя стопроцентно сочетается с внутренней духовностью и огромным талантом. Она талантлива во всём — в стихах, в прозе, в философских рассуждениях о жизни. Как историк, скажу — Диана обладает серьёзными историческими познаниями. Она — гражданин своей России, её поэзия увлекает, призывает, зовёт... Один из её коллег написал: «Я часто ловлю себя на том, что всегда, читая её стихи, я чувствую некую ответственность за всё происходящее». На что Диана отвечает с присущей ей оригинальностью: «Учение стихов наизусть гарантирует от болезни Альцгеймера, которая косит народ напропалую. Как фитнес для тела, так стихи — для мозга...». Дома у неё над пианино плакат: «Люди перестают мыслить, когда перестают читать».

Она умеет красиво жить, находит изюминку в каждой мелочи: «Жаль, что в венке хожу практически я одна, как какой-то анахронизм, на который разевают рты (первая неотрепетированная реакция прохожих)... А так хотелось бы, чтобы много-много женщин ходили летом в венках — и у всех были бы разные, и мы бы смотрели друг на друга и перенимали идеи. К тому же очень удобно — волосы держит» (конец цитаты). В этом — жизненная и житейская суть Дианы.

И её же сугубо женское: «Как говорят французы, если женщина неправа, надо попросить у неё прощения. А я бы добавила — СРОЧНО, пока женщина не поняла с удивлением, что одной как-то лучше. А что? Как Тоська из фильма «Девчата» — хочешь печенье ешь, а хочешь — конфеты!».

Философское: «Смысл не в шедеврах, как плодах вдохновения. Смысл — в самом вдохновении. Шедевры — так, попутно. На выходе из мёртвой петли особенно велики шансы либо ахнуть и полный рот земли, либо взлететь ещё выше».

Рустэм ГАЙНЕТДИНОВ

* * *

*«...Морская канула в моря...»**Цветаева*

Кровавые рябины справа.
 Плакучие берёзы слева.
 Твердят: «Марина, Вы не правы!»
 Тебе, Марина-королева!

Пеннорождённая морская —
 В стихии тесной пресноводной
 Обречена была такая
 На смерть, чтоб снова стать свободной!

Ты канула... О, если б в море!
 Прощай, прикамское приволье!
 Но это горе — всё ж не горе,
 Лирическое своеволье!

Не горе, что не пожелала
 Дурной эпохе стать служанкой.
 А горе, горе, что не стала
 Елабужанкой и волжанкой.

А горе то, что не воспела —
 Как только б ты сумела! — Волгу
 За всех, кто за избытком дела
 Века ей верен втихомолку.

Неизречённые напевы
 Шального волжского прибой,
 Отвергнутая королева,
 Ты унесла навек с собою.

* * *

Кто мы? Что мы? С кем мы? Где мы?
 Как нам жить и быть теперь?..
 Белокурый юный демон
 Кофе мне принёс в постель.

Всё случившееся — в силе.
 Всё у нас не как у всех:
 Всю-то ночь проговорили
 О стихах — и смех, и грех!

Нда, неладно что-то с нами...
 Впрочем, может, хорошо:

Так мы увлеклись стихами,
До греха и не дошло!

Я, наверное, жестока.
Но не более, чем он.
Я люблю Сапфо и Блока,
Он – в Есенина влюблён.

Среди классиков не тесно
Нам – совсем наоборот!
Разобраться бы с небесным,
А земное подождёт!

* * *

Улица сутулится под ветром.
Горбится под ливнем старый мост...
Ну, а я бегу, считая метры
До того, что невзначай сбылось.

Зонт мой нераскрывшийся, что дальше?
Я не пожалею ни о чём,
Вымокнув под самым настоящим,
Самым майским проливным дождём.

Друг, меня предавший, ну и как ты?
Не печалься, что продешевил!
Нынче у меня достанет такта
Сделать вид, что ты меня прости!

Рыжий, словно око светофора,
Кот, глядящий ночью в лица звёзд,
Привязался, чтоб отстать нескоро –
Прихвостень, бродяга и прохвост!..

На сыром ветру роняя блёстки
Всем случайным-неслучайным вслед,
Ты дождись меня на перекрёстке,
Долгожданный мой зелёный свет!

* * *

На кобылу всадницу променяв,
(Знать, в кобылах ты знаешь толк!),
Ты забудь, забудь про меня,
И про то, как ты одинок.

Увлекайся, по скачкам ходи.
Ведь бывает спасительной ложь!

А мечту схорони в груди —
Не тревожь её, не тревожь!

Никого в случившемся не вина,
Не вступай в смертельную эту игру.
Позабудь пришпорившую коня,
А люби кобылу гнедую Фру-Фру.

Тёплой мордой ткнётся в твоё плечо
(Много ль надо расставшемуся с мечтой?)...
Ты целуй, целуй её горячо,
Как не смел меня целовать, друг мой!

* * *

Ныне и присно уже не приснится
(Разве во веки веков!)
Волга — усталая синяя птица,
Дочь голубых родников.

Ты ль не поила шальных атаманов?
Ты ль не топила княжон?
Не над тобой ли, от удали пьяной,
Царский штандарт водружён?

Так отчего же ты больше не вхожа
В странные песни мои?..
Азия, чёрная птица, итожит
Душу-добычу в крови.

С чувством меня научившие, с толком
И с расстановкою петь,
Средняя Азия, Средняя Волга,
Встретимся ль, милые, впредь?

Да и какие вы средние, право,
Ежели не налегке
Насмерть форпостами русской державы
Встали в судьбе и строке?

И — рассчитались со мною сторицей...
Что ж, запевай «Бисмилля!»,
Окровавленная хищная птица —
Азия, песня моя!

* * *

Что ты смотришь с надменной насмешкой,
Теребя белопенную ветвь?

Ну, рассмейся в лицо мне — не мешкай! —
Черноглазая дерзкая стервь.

Что тебе чья-то тихая нежность?
Не смутила пока что слеза
Щёк твоих первозданную свежесть
И колючие звёзды-глаза.

Всем ты в радость и все тебе в тягость.
Без вины виноватых прости!
Ты ж моя ненагляда-загляда —
Это зеркало явно не льстит!

Разбивай покорённые души.
Рот змеиной усмешкой улыжь...
Только золото звонких веснушек
По ухабам чужим не рассыпь!

Сбереги для родного простора
И веснушки свои, и грехи,
И смешки, и словечки, что скоро —
Скоро вызреют в чудо-стихи.

Что мне твой скоротечный румянец,
Пламень губ, что сгорает дотла?..
Что мне хохота протуберанец,
Разбивающий вдрызг зеркала?..

В окруженье цветов белопенных
Ты покуда — никто и ничья,
Сколь заглядчива — столь же мгновенна,
Звездоокая юность моя!

* * *

Причёска «Полюби меня, Гагарин!».
Поплиновые платица в горох...
Неужто свыше этот день подарен,
Чтобы никто отнять его не смог?

Никто-ничто! Ни будущие слёзы
Предательски терзаемой страны,
Ни мужние похмельные угрозы,
Ни призраки космической войны.

Ни дети, ни морщины, ни седины,
Ни алименты — чёрт бы их побрал! —
Отнять не властны в этот день единый,
Который — был! И самым звёздным стал!

Когда, лучась улыбчивостью кроткой,
От знойных взглядов заслонясь рукой,
Они слетались к оренбургской «лётке»,
Благоухая «Красною Москвой».

Слетались, словно птички-невелички.
О чём-то щебетали меж собой,
Верны исконной девичьей привычке
Везде искать небесную любовь.

Ах, здесь что ни курсант — то сокол-парень!
Крылатым помогает Оренбург.
Ах, кабы знать, какой из них Гагарин?
Он сам тебя узнает средь подруг!

Спешат девчата к оренбургской «лётке»...
И пусть не всем сегодня повезло —
Не вышли на свиданье парни-«слётки»,
Поставленные крепко на крыло.

А, может, и не выйдут... Может статься,
Взлетели, улетели высоко,
Чтобы мечтою навсегда остаться,
Ведь без мечты на свете нелегко!

Ведь без мечты, до времени состарен,
Однажды рухнет мир, как в страшном сне...
Люби меня, как я тебя, Гагарин!
Люби меня, не зная обо мне.

* * *

Солнышки-подсолнушки.
Солнышки-ромашки.
Есть осколки солнышка
В неказистой кашке.

Солнечные зайчики.
Солнца половодье.
Пижма, одуванчики,
Облепили гроздь.

На моём оконышке,
Почитай, всё лето
Расцветает солнышко,
Собрано в букеты.

Плодоносит солнышко,
Ставшее вареньем.

Свет его не тает
Даже днём осенним.

Свет — оближешь пальчики! —
Нынче к чаю подан
Мёдом одуванчиков,
Донниковым мёдом.

В чашке — не хотите ли? —
Солнышко-ярило,
Зимних чаепитий
Ставшее мерилом.

* * *

Загулял, однако,
На шальном пиру
Калин-царь, собака!
Яндекс. Точка. Ру.

То ли от побоищ
Калин злобно рьян?
То ли от попоищ
Калин — гулеван?

Калина жесточе
Не было и нет:
Русь довёл до точки,
Чёрен белый свет!

Тягловую долю
Вервием леча,
Льёт потоки крови
Цвета кумача.

Льёт, не зная сыти,
Заливает свет...
И на челобитье —
Батожье в ответ!..

Тщится нашу драку
Превратить в игру
Интернет-собака.
Яндекс. Точка. Ру.

Но в стране восточной,
Стороне родной,
Усмехнувшись, точка
Станет запятой.

С этой запятою
Сгинем не зазря
Даже под пятою
Калина-царя.

За пятой, за пядью
Отчины-земли
Не чужие дяди —
Сродники легли.

Сумеречь да сутемь
Затевают спор...
Унывать не будем,
Русский наш топор

В щах не уварился.
Строил лучше всех.
И не затупился
О чужой доспех!

ГЕННАДИЙ КАЛАШНИКОВ

НА БЫТИЙНОМ ВЕТРУ

* * *

Никогда не пора,
ни в ночи, ни с утра,
погоди у воды, ледяным повернувшейся боком.
Кто-то смотрит на нас,
словно тысячью глаз,
то ль одним, но всевидящим оком.

Пусть запомнит вода
рыбака невода,
птицелова силки и упрямые петли погони.
Прячет омут сома,
смотрит осень с холма
из-под тонкой, прохладной ладони.

На миру, на юру,
на бытийном ветру
из живущих никто не пропущен.
Дальний выстрел в лесу
постоит на весу
и рассыплется в чащах и кущах.

Смотрит осень вприщур,
зензивер, убещур
и прорехи, зиянья, пустоты.
Что ты медлишь, Творец,
расскажи, наконец,
про твои золотые заботы.

Ведь запомнит вода
у запруды пруда,
что не входят в поток её дважды,
то, что свет — это тьма,

что открылись с холма
горизонта с полями пространные тяжбы,

медь и камедь сосны,
свет молочный луны,
облаков невесомые битвы,
блеск плотвы, плеск листвы,
шум травы-муравы,
гон твоей каждодневной ловитвы.

* * *

Последний трамвай, золотой вагон, его огней перламутр,
и этих ночей густой самогон, и это похмелье утр,
как будто катилось с горы колесо и встало среди огня,
как будто ты, отвернув лицо, сказала: живи без меня, —
и ветер подул куда-то вкось, и тени качнулись врозь,
а после пламя прошло насквозь, пламя прошло насквозь.
Огонь лицо повернул ко мне, и стал я телом огня,
и голос твой говорил в огне: теперь живи без меня, —
и это всё будет сниться мне, покуда я буду жить,
какая же мука спать в огне, гудящим пламенем быть,
когда-то закончится этот сон, уймётся пламени гуд,
и я вскочу в золотой вагон, везущий на страшный суд,
конец октября, и верхушка дня в золоте и крови,
живи без меня, живи без меня, живи без меня, живи.

ЛЕРМОНТОВСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Из тьмы троллейбус вынырнул и встал
и вновь умчался с дребезгом тележным.
Как подстаканник круглый пьедестал,
на нём поэт мечтательно-мятежный,
но как бы озабоченный слегка,
что он, как перст, торчит на белом свете,
что оттопырил полу сюртука
весьма кустарно выполненный ветер.
Хотелось бы цитату привести —
жестокий век, надменные потомки, —
но вновь троллейбус, провод сжав в горсти,
мгновенной вспышкой разорвёт потёмки.
Электровспышка застает врасплох
(вот так на стенд «Не проходите мимо» —
жестокий век! — снимают выпивох).
И мы уже рассматриваем снимок.
Высотный дом из светло-серых плит,
поёт цикада родом из Тамани,
нет, не цикада — мелочью гремит
прохожий в оттопыренном кармане.

Хотелось бы задуматься, скорбя,
под шелест лип хотелось бы забыться,
но вновь пронзает воздух октября
электроангел с электрозеницей.
Шуршит листва, как будто дело в том,
чтобы цитату отыскать прилежно,
как будто выдан каждой липе том
с закладкой и пометкою небрежной,
как будто бы цитата подтвердит
весь этот мир, что только с бездной дружен,
а пение электроаонид
внесёт гармонию в измученные души.
Нога скользит — как зыбок здесь гранит,
разверзлась пропасть — страшно без привычки,
кремнистый путь над бездною блесит,
и здесь поставить надо бы кавычки.
Прекрасен мир с приставкой электро-,
мир без приставки тоже нам приветен.
И вход в метро и выход из метро
как ноздри демона, вдыхающего ветер.

* * *

Вдоль по обочине грязи брильянты,
мёрзлых полей домотканых холстина,
солнце сквозь облако, как у Рембрандта
крепкая пятка блудного сына

Манят поля, эти пажити, просеки,
красный, немного всплакнувший суглинок,
венецианские синие проблески
с охрой голландской, фламандским кармином.

Было легко и с водою проточною,
с ветром от стужи сутулым и пьяным.
Время струилось часами песочными,
жизнь прошуршала по колбам стеклянным.

Всё позади — и вокзалы и палубы,
угли костров и остывшие клятвы
на горизонте леса словно жалобы —
так же случайны и также невняты.

В общем, ни прибывало жизни, ни убывало,
да и неважно, чуть больше, чуть меньше,
чтобы в хламиду отцовскую грубую
крепко уткнуться лицом помокревшим.

* * *

Когда я возвращался из Китая,
на родине весна цвела золотая,

и борозды весенних синих пахот
ребрились, словно кровли древних пагод.

Я возвращался праздно, налегке
и вспоминал верховья Хуанхэ,

где шелестит бамбуковая роща
ракушек наших, может быть, не проще,

где в ночь летят клекочущие гуси
и, цинь оставив, предаёшься грусти.

Я ничего не вывез из Китая.
Страна огромная и вовсе не пустая,

ветра сметают пыль с пространных плоскогорий,
там тоже есть любовь, и смерть, и жизнь, и горе.

И понял я, увидев снег Памира, —
не надо никакого сувенира.

ТРАМВАЙ

Листвы сентябрьской свара,
Москвы полночной глыба,
где в кулаке бульвара
трамвай зажат, как рыба.

Сейчас он тронет тихо,
как будто наугад,
и заискрит на стыках
трамвайная дуга.

Усталых пассажиров
не замечает взгляд
деревьев, по ранжиру
построившихся в ряд.

Над ними в горней выси
безмолвные круги
созвездий, словно искры,
слетевшие с дуги.

Трамвай гремит всё глуше,
на вираже кренясь,
с затихшим миром души
поддерживают связь.

Тела покоя жаждут,
глядят в ночную тьму,
на остановке каждой
сходя по одному.

НОЧНАЯ ГРОЗА

С тоскою кочевья,
с натугой корчевья,
томясь электрической силой сухой,
касаясь губами верхушек деревьев,
на крыши вставала босою стопой.
Куда-то всходила, держась за перила,
уступы и арки в себе громоздя,
изломанной молнией вдруг осветила
блестящие мышцы дождя...

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ

ЕДИНСТВЕННОСТЬ

(МАРИНА ЦВЕТАЕВА И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ)

Поэзия и судьба Марины Цветаевой оказали почти гипнотическое воздействие на русскую женскую лирику второй половины минувшего столетия и первого десятилетия нового века.

Марина Ивановна называла себя «поэтом», отвергая литературно-природное определение «поэтесса». В этом предпочтении есть отголосок феминизма, однако художественный космос Цветаевой и степень драматизма коллизий, сотрясающих внутренний мир автора, заставляют нас принять такую характеристику. Понимая, впрочем, что автоматическое перенесение подобной авторской рекомендации в творчество часто может приводить к странным противоречиям в интонации стиха. Ведь то, что может позволить себе произнести мать или сестра, возлюбленная или дочь, есть несомненная привилегия женщины — иные слова в устах поэта, а не поэтессы могут звучать по меньшей мере неадекватно. Тем не менее, феномен Цветаевой позволяет нам почти естественно принимать её как поэта.

Современная женская лирика полна чувственных признаний, положенных на лист бумаги сочинительницей порой без оглядки на реальный мир, место которого в стихотворении отдано переливу эмоций. Зримые приметы окружающей действительности связывают читателя и автора в единое творческое звено, способствуя художественному узнаванию и сопереживанию. Однако здесь они, практически, опущены. Внешним собеседником становится читательница, к которой обращено едва озвученное предложение о женском сговоре: «Ну, ты же понимаешь, подруга...» Течение слов переводится в специальное русло, где литературная взыскательность теряет свои строгие позиции, а главным становится желание поделиться. В нём можно найти и отголоски нелёгкой судьбы, и потерянную любовь, и тоску о любимом... Огромное пространство человеческого мира утесняется женским началом и обретает своё женское место.

У Цветаевой эти внутренние стремления присутствуют только частично. Глубина собственного «Я», способность к тяжким решениям, широта взгляда на происходящее вокруг, тонкая сердечная отзывчивость на несправедливость и чужую боль выводят Марину Ивановну за пределы этого корпоративного круга, который в наши дни всё более замыкается в себе и не испытывает творческой неловкости от наглядной узости собственных задач.

Особенности поэтического стиля Цветаевой, иной раз препятствующие даже у неё внятному воплощению лирического сюжета, стали некоей визитной карточкой многих современных поэтесс, таким образом решивших утвердиться в качестве художников слова. Напротив, другие сочинительницы, как бы наново переживающие трагедию Марины Ивановны, страдающие от поругания социальной средой самой личности Цветаевой, редко прибегают к имитации стиливых особенностей её стихотворений. Они естественно сопрягают её творческий космос с реальной жизнью и бытием, и это становится самым главным в их любви к Цветаевой, в желании постичь сокровенные смыслы её лирики, в чисто женском движении утешить и согреть хотя бы память о ней.

Стихи современных авторов молодого и среднего поколения, отмеченные цветаевской интонацией, отличаются наглядно аффектированной речью, избыточным количеством восклицательных знаков и тире, безудержным применением синтаксических переносов — анжамбеманов. Кроме того, само художественное сообщение выглядит так, будто текст проредил кто-то невидимый, оставив ключевые слова и погасив их смысловую взаимную связку.

Как известно, модернистская литературная практика, с одной стороны, напитана авторским эго, настойчивым стремлением к самовыражению любой ценой, а с другой — отличается катастрофическим неумением говорить ясно и касаться вещей наиважнейших для человека и его жизни. Издержки цветаевской языковой «походки» серьёзно обогатили формальный инструментарий литераторов этого выморочного творческого цеха. Личность и её измерение в координатах бессмертия здесь не важны. Перед нами — загнанные в житейский и интеллектуальный тупик физически конечные человеческие существа. И в том — кардинальное отличие опусов модернистских эпигонов Марины Цветаевой от её поэзии, где каждая деталь свидетельствует об экзистенциальной бесконечности души и художественной воле автора. А также — об открытости художника жестоким ветрам, продувающим земные пределы.

Сегодня чтение в ряду занятий обыкновенного человека значительно утратило прежнюю притягательность и уже не вызывает жадный интерес читателя к сюжетам высокого литературного уровня. Одновременно беллетристика средней руки и пошлые истории с бойкой фабулой приобрели статус значительных произведений. В названных весьма драматичных обстоятельствах особую важность приобретает расстановка приоритетов в творческом наследии писателя или поэта.

Вопросы стиля в наши дни оказываются вещами второстепенными, поскольку упражнения в выбранном стилистическом ключе стали теперь обыденностью. Имитация голоса и языковой мимики весомого автора подаётся порой как художественное достижение и получает лавры творческого открытия. Десятилетия назад мы с удовольствием повторяли известную европейскую фразу: «Стиль — это человек». Но сейчас важно понимать, что человек — это не только стиль, но и многое другое, что даёт нам основание говорить о личности, тем более — о личности художника. Подобный дискурс в среде модных современных авторов не пользуется популярностью, более весомыми полагаются приметы ремесла. Тут очевидная подмена позиций, а на самом деле — ещё один шаг к уничтожению искусства и литературы, которые не зря считаются духовным отображением человека.

Читая и вспоминая стихи Цветаевой, мы с трепетом примеряем на себя её судьбу и видим черты автора в каждой строке, в каждом возгласе или умолчании. Единственность произведения неотделима от единственности его создателя. Это правило может серьёзно помочь нашей литературе в горькие времена подделок и имитаций.

Цветаева — трудный ребёнок другой эпохи, однако такой литературный максимализм был бы ей по душе.

ДАВАЙТЕ ПОМОЛИМСЯ!

(главы из романа)

*Всё, что я видел и пережил, вошло в эту книгу.
Первый год я писал её чернилами — но чернила кончились.
Второй год — слезами, но и слёзы высохли.
Третий год — кровью, но и её не хватило.*

Гаяз ИСХАКИ, «Лукман Хаким»

Первая часть

1

Какую власть всё-таки имеют над нами воспоминания!

Юрий КАЗАКОВ

Если начну свой рассказ словами: «Эх-х, счастливая тюремная пора!», не торопись укорять да ругать меня, дорогой читатель, мол, автор-то, похоже, рассудком помутился, и не спеши, пожалуйста, закрывать книгу! Если бы скрытая от многих глаз тюремная жизнь состояла из одних только горестей-бед-печалей, то никто бы оттуда живым не вышел!

В тюремных застенках — в этом тёмном мире, куда отовсюду собирают и заставляют вариться в одном котле преступников всех мастей, всё же выпадают небольшие, не больше кончика мизинца, радостные минутки. Следом за каждым узником в душевные и тесные камеры входит Надежда. Ну и что же, что жизнь искалечена и разрублена на «до» и «после», отнять у человека Надежду не может даже самый беспощадный палач. Пока голова на плечах — Надежда жива. У каждой тюрьмы свои законы и традиции, свой цвет и запах, своё меню. Однако во всех тюрьмах у заключённых, при всех их различиях, общие утешения и чаяния: кто-то попал сюда недавно, кто-то не первый год чахнет в неволе, а кто-то и умирает, так и не дождавшись свободы. Из собравшихся в камере судебных, кажущихся, на первый взгляд, обрывочными и несвязными, складывается непрерывная цепочка Памяти, никогда не бывающая пустой тюрьма, словно каменная чаша, из года в год пополняется надеждами и чаяниями заключённых, они бережно передают их из рук в руки, от одного поколения к другому, стараясь не расплескать ни капли. В самые первые дни пребывания в камере, когда на душе тошно, когда подавлена воля и сломлен дух, тебя начинают знакомить с туманной историей этого заведения. А в конце рассказа

добавят: «Архитектора-то этой тюрьмы самого посадили!» «Ага! — радуешься ты, — так и надо этому ироду!» Да, — говорят твои товарищи, — выродок, придумавший адский погреб, не должен уйти от наказания! Взявшиеся поведать тебе историю этой тюрьмы заключённые поднимут твоё настроение бессчётными примерами о других арестантах: когда-то верховодивших тюремных начальниках и, конечно же, о незадачливых следователях.

И что удивительно! На второе же утро твоего пребывания в 24 камере «гостиницы» на Чёрном озере из коридора доносится глухой стук шагов! Деревянная нога! Слышно, как конвоируемый грязно ругает надзирателя! Сокамерники — казанец Нигмат Габитович Халитов и парень из Подберезья Кабир Мухаметшин расплываются в улыбке. «Ба, неужто прокурора загребли?! Он же только на прошлой неделе ходил с проверкой по камерам».

Позже стало известно: арестовали заместителя прокурора. Такие радостные вести могут пробить насквозь не только толстые тюремные стены, но и земной шар!

Быстро выйти на свободу из нашей тюрьмы, чья дурная слава распространилась далеко за пределы Чёрного озера, одно упоминание о которой заставляет содрогаться сотни невинных сердец, пустая затея, истории подобные случаи не известны, в цепочке Памяти такого звена нет. О том, чтобы сбежать, обманув охрану, и думать не смей! Смешно! Недавно посаженные неопытные арестанты поначалу ещё тешат себя мечтами: «Это ошибка! Меня скоро выпустят!» Тщета! Сменив пару камер, вкусив все прелести тюрьмы, на собственной шкуре испытав, как работает российская исправительная система, арестанты поспешно избавляются от несбыточных мечт. Все светлые надежды, с которыми они входили в мрачные камеры, одна за другой гаснут. В конце концов остаётся единственное — «Амнистия!», — незыблемая надежда всех сидельцев. Приближаются Октябрьские праздники — арестанты полны надежд. Подует весенний ветерок, на носу Первомай и День Победы, угасшие осенью надежды разгораются с новой силой. Со временем арестант начинает от самого себя прятать чаяния и мечты, успокаивается, становится невозмутимым. Полгода пробарахтавшийся на грани утопления в Чёрном озере — доктор юридических наук, год похлебавшие тюремной баланды — профессора, а если встретишь того, кто три года продержался на глади озёрной бездны — знай, перед тобой академик! По уровню и по скорости приобретения знаний равных школе тюремной нет. Переходящий из одного «класса» в другой, отчётливо понимающий, куда ведут все «науки», заматеревший зек уже не верит ни в амнистию, ни в хорошие сны, смотрит свысока на набрасывающихся на любой мелкий корм сокамерников, замыкается в себе. Прислонившись задом к железной двери, он подолгу глядит на заколоченное крепкими досками слепое окно, прозрачное стекло которого со временем стало иссиня-чёрным. Силой воображения он размыкает все замки и сквозь двери и окна устремляется в одному ему известный, бережно хранимый, спрятанный от чужих глаз в глубинах сердца вольный край. На дверь он и не думает оборачиваться в минуты высокого полёта, потому что знает, она открывается лишь для того, чтобы впускать арестованных, и никогда — чтобы выпустить.

«Радости», я сказал. Есть они. Вы, наверное, скажете, что радостью было получить передачу с воли? Да, если принесут немного домашней еды — радуешься. Но как подумаешь, что в тяжёлые советские времена родным и знакомым приходилось обделять себя куском хлеба, чтобы ублажить ненасытную тюремную глотку... то вся радость от передачи гаснет, как свеча на ветру. А времени-то для раздумий в тюрьме предостаточно!.. И всё же... Если никто к тебе не приходит, не скачает по тебе — пропадёшь. Ты даже не жучок, загнанный и застрявший в расщелине каменной стены, ты — нуль, нет тебя, ты — чека, выпавшая из колёсного крепления

заезженной, расхлябанной телеги, плетущейся на свалку, оставшийся лежать в непролазных зарослях полыни, мажущий всё и вся дёгтем, разлетевшийся на куски бесполезный клин.

Нигмат Халитов, среднего роста, коренастый татарин, — получает передачи регулярно. И дом его неподалёку от тюрьмы, на улице Чернышевского, по соседству с химическим корпусом нашего университета. Это — первое. Во-вторых, самое главное — Нигмат-ага не политический преступник. Он главный бухгалтер фабрики «Динамо», что на улице Ташаяк. Фабричное начальство, их помощники, помощники помощников, занижая сорта выпускаемой спортивной одежды и сырья, наворовали огромные деньги, но в один из дней эта злокачественная опухоль прорвалась! И теперь и директор фабрики Бибишева, и главный инженер Клейнерман, и последнее звено преступной цепочки, реализовывавший через маленький киоск выведенную из учёта продукцию тихий, покорный, близорукий Исаак Горлицкий оказались здесь. (Чуть позже мы ещё встретимся с Горлицким!) Похоже, что миллионы, прошедшие через руки Халитова, повлияли и на уровень его благосостояния: жена всячески ублажает, тюремная прислуга беспрестанно заботится о здоровье и настроении, из казённого фонда ему перепадает и белый калач, а гречневая каша, щедро одобренная маслом, дымящиеся оладьи по несколько раз на дню доставляются в нашу камеру из его дома. Частенько в масляном озерце лежит, бесстыже дразня наши голодные глаза толстыми ляжками, курица! А чай бухгалтер пьёт с шоколадными конфетами в золотистой обёртке, мы такое счастье даже и во снах не надкусывали!

Мне тоже приходят гостинцы. Их мне приносит мой одноклассник и сосед по комнате в университетском общежитии Нил Юзеев. Расписываясь в графе «Передачу получил», я был изумлён его ответом на вопрос: «Кем вы приходитесь арестованному?» Нил написал: «Другом». Ах ты боже мой! Надо было ответить: «Знакомый». Не знает Нил тюремных тайн. Не ведомо ему, что тех, кто пишет «Другом», самих вскоре ждёт тёмная дорожка! Ответил так ответил Нил, святая простота, чистая душа, один из самых искренних парней! Приносимые им две-три буханки чёрного хлеба о-очень кстати. В то время я пристрастился к курению. Достану, бывало, папиросу «Норд», от одной затяжки дым из ушей валит, слёзы полчаса текут. Но такая радость от этой отравы! Когда полковник Катерли, который 22 марта 1950 года, прихватив своих безмозглых пунярых, пришёл меня арестовывать, он и Нила заставил поставить подпись в ордере на обыск: больше Нил никаким образом к моему делу не причастен. Спасибо ему, пока я в ясном уме и светлой памяти, поблагодарю его за всё добро, что он для меня сделал! Не верьте тому, кто вздумает из каких-либо соображений очернять Нила! В тяжёлое, полное противоречий и непонимания время, когда вершились наши неокрепшие судьбы, когда мы ещё не понимали всей глубины и всех причин возникающих противостояний, Нил сумел сохранить достоинство, прямоту и искренность суждений. А ведь это очень и очень непросто — говорить, а тем более написать правду, когда две трети населения в той или иной степени связаны с Чёрным озером. Хотел бы я посмотреть на тех задира и забияк, которые пытаются сегодня бить себя в тщедушную грудь: «Мы такие!.. Мы смогли это!», как бы они повели себя в ту смутную шаткую пору. Не дай бог, конечно!

Кабир Мухаметшин — широкоплечий, несмотря на высокий рост и сухощавость, деревенский парень, с руками, достающими до колен, и лопатообразными ладонями. Бог, обделив его мозгами, наградил плотно сжатым ртом. Я не помню, чтобы он улыбнулся или рассмеялся. Легионер. Судьбы татарских легионеров складывались одинаково: их за шкуру оттащивали от межи и, вручив на троих одну винтовку и десять патронов, отправляли на войну, выдав коммунистическое напутствие: «Винтов-

ку возьмёте у убитого товарища». Никто не знает, сколько сгублено татарских душ, сколько солдат-татар, втоптаных в глину, омытых кровью, похоронено от Белого до Чёрного моря. Белы косточки татарские разбросаны по глухим березнякам, по непересыхающим болотам-трясинам. А драгоценные души до сих пор витают где-то между небом и землёй, измождённые и неприкаянные, они так и не услышали заупокойной дуа и слов прощания. «А те из вас, кто останется в живых, позавидуют мёртвым», — сказано в одной книге... О жестокой судьбе выживших военнопленных мы долго хранили полное молчание, боялись. Сейчас многое открылось, стало известно о примерном количестве заключённых, об их судьбах. С российской стороны пять миллионов семьсот тысяч человек оказались в германском плену. Это больше, чем численность Советской армии в июне 1941 года, на момент начала войны! Три миллиона триста тысяч умерли или казнены в плену (*«Известия», 4 апреля 1991 года*). Эти ужасающие цифры по крупицам вывели немецкие военные историки. Мы в этом направлении пока ничего не исследовали, вся информация — под замком. Всё ждём чего-то, кого-то боимся. Каждый пленный — живая душа. У каждого узника есть начало и конец неповторимой судьбы.

Кабир — один из этой многомиллионной армии. Выживший. И вся его вина лишь в том, что он выжил. Деревенский паренёк, татарин, до войны не выходивший дальше околицы родной деревни, в промежутках между работой окончивший с грехом пополам четыре класса, попадает в плен. Голодный и изнурённый, избитый и подавленный, он лежал и ждал смерти, но кто-то пришёл в их концлагерь, в этот ад на земле и, собрав военнопленных татар, смог на родном языке поговорить с ними. Подберёзьевский парень с такими же сломленными тяжёлой лагерной жизнью солдатами записывается в легион, попадает в Берлин, где присматривает за лошадьми. Кроме этого он ничего, можно сказать, и не знает. Погоняют — идёт, приказывают — останавливается. «Бывало, тяпну немного шнапса, заткну немецкую пилотку за ремень и иду по Берлину, горланя на всю улицу «Галиябану», — рассказывает Кабир, то ли грустя по тем временам, то ли горько сожалея. А сейчас следователь впился ему в глотку, шнапсом попрекает. Всё, что ему нужно узнать: как и почему Кабир выжил в плену, шпионом какого государства является, с каким заданием послан в Татарстан?

Пузатый, через слово вспоминающий свою язву желудка, Нигмат-ага тюремную баланду почти не ест, иногда только, преодолевая брезгливость и отвращение, проглотит пару ложек. Выскребать дно кастрюли, когда каши вдоволь, а курица жирная, достаётся Кабиру, богатырского телосложения парню с завидным аппетитом. Мне казалось, что после немецких концлагерей и долгого сидения в камере Чёрного озера Кабир превратился в какого-то полудурка, с которым и поговорить-то не о чем. Но однажды он меня удивил... В деревне у него остались родители и жена. Были ли дети, не помню. И деревня-то совсем недалеко, поезда до Казани ходят непрерывно. Но, к сожалению, никто к Кабиру Мухаметшину не приезжает. Меню Чёрного озера простое и скудное: с утра на кончике чайной ложки сахарный песок, кипяток с брошенными для отвода глаз считанными чайинками и пятьсот граммов хлеба. В обед баланда, отвратительно пахнущая свиной лоханкой, на ужин кусочек рыбы размером с детский мизинец. Чего больше в этой рыбе — мяса или соли, сразу и не определишь. В один из дней наш Кабир приоткрыл свою душу, долго плачет, утирая тыльной стороной ладони безудержные слёзы. И плач-то у него своеобразный: не то проклинает кого Кабир, не то воет, от этого рёва всем становится не по себе! Это испытал на себе и надзиратель, ходивший туда-сюда по коридору, заподозрив неладное, он повернул «волчок», окинул пристальным взглядом камеру и долго ещё стоял перед дверью

нашей камеры. И когда растаяла последняя надежда что-либо узнать о причине такого поведения, выясняется, что Кабир затосковал по первой жене. Оттого и плакал. В лютый мороз она пошла за водой к колодцу, подходы к которому превратились в ледяную горку. Наполнив ведра, зашагала, поскользнулась, упала и сильно ударилась об лёд затылком. Даже до утра не дожила, бедняжка. Теперь у Кабира самое последнее желание, самое заветное: «Все меня забыли, бросили, никому я не нужен... Если Всевышний позволит, если когда-нибудь я выйду отсюда, вернусь домой, прибегу к могиле жены, рухну рядом и умру!»

Признаюсь, тяжело было наблюдать, как страдает и убивается этот угрюмый, недалёкий, в общем-то, человек — легионер Кабир Мухаметшин, как рушатся его надежды, как им овладевает безнадёга. Кабир распрощался с Чёрным озером и бесследно исчез, получив двадцать пять лет лагерей и клеймо шпиона неизвестно какой страны...

Простите меня за многословность, многовато, конечно, я рассказал о двадцать четвёртой камере, где просидел март-апрель. Ведь Нигмат-ага и Кабир — два разных мира, два разных опыта, первыми встретили меня в тюрьме, постарались преподать мне первые уроки на новом месте. От Кабира я получил первую информацию о татарском легионе.

Заключённому не дают застаиваться на одном месте, он постоянно переселяется из одной камеры в другую. Кабира отселили, остались мы вдвоём с Нигмат-ага. Оказывается, он отец двух взрослых дочерей. Одна из них учится в химико-технологическом институте. Теперь, когда мы остались вдвоём, мне хочется ещё сильнее сблизиться с Нигмат-ага, я жду, что этот человек, всю жизнь проработавший в системе МВД, вселит в меня толику надежды, не даст впасть в уныние. Но что может сказать этот несчастный зек? Все его слова крутятся вокруг одного: «Вот выйдешь ты на свободу, сразу же отдам за тебя свою старшую дочь, самую красивую девушку в мире!» Он рассказывает, а я, наивный дурачок, душа нараспашку, не способный даже на два шага предвидеть ситуацию, развесив уши, верю каждому его слову!.. Нигмат-ага ведёт себя по-свойски, при каждом удобном случае расспрашивает меня о причине моего здесь пребывания, о моих друзьях-приятелях, о наших с ними разговорах и суждениях. После сытного обеда, с масляной кашей и куриным бёдрышком, его каждый день уводят на допрос к следователям.

Однажды возвращаюсь я на рассвете с трудного, муторного допроса, длившегося всю ночь. Пока меня не было, между накрепко приделанных к стене кроватей поставили два табурета и настелили топчан. На голых досках съёжилось неприглядное тело в латаном-перелатаном бешмете. Двери камеры с жутким скрипом открываются, с грохотом закрываются, но тот мужик не шелохнётся, даже головы не поднимает. Этого старого бешмета вселили к нам спешно, даже место не успели приготовить. Но он тоже хорош — как можно дрыхнуть в первую же ночь в тюрьме?! Рассвело. Промучившись всю ночь без сна, мы встречаем новый день, начавшийся с крика «Подъём!» и лязга дверного волчка. Молча пьём утренний чай. Нигмата Халитова сразу же уводят вверх. Как специалиста, держащего в кулаке экономику объединения, его часто вызывают на допросы, устраивают очные ставки с главным инженером Клейнерманом и другими причастными к делу. Допросы эти проходят вроде бы безо всяких неприятностей и подвохов, во всяком случае, я не помню, чтобы Халитов, попадая «из огня в полымя», кому-то на что-то жаловался. Молчание — золото, это не про нас! Покайся, расскажи обо всём, что знаешь, облегчи душу! — такими словами частенько подзуживает меня, простофилю, Нигмат-ага...

Сразу после того, как Халитова уводят из камеры, ко мне приближается тот обрванец-татарин и полушёпотом говорит: «Ты, малай, остерегайся этого сытого индюка! Его специально к тебе подсадили, чтобы всю подноготную выведать. О-очень подозрительный тип!» «Откуда знаешь?» — спрашиваю я, растяпа, заикаясь от неожиданности. «Я политический. А он человек ЧК... За моей спиной десять лет тюрем. Оставшихся в живых из тех, кого арестовывали в тридцатых, в сорок восьмом снова начали собирать. Эх, сбежать мне надо было, затеряться среди киргизов да казахов, ни одна собака не нашла бы... да здоровье подорвано. В Магадане да Колыме осталось. Душу всю вынули из меня, под рёбра залезли и сердце в клочья истерзали». Не успел я разузнать, кто, откуда родом этот татарин, заработавший чахотку за десять лет каторжных работ на лесоповале и в сырых шахтах, сосланный туда по обвинению в подстрекательстве населения против коллективизации. Рассказывая о себе, он зашёлся долгим сильным кашлем, а затем, когда приступ унялся, он сидел, крепко стиснув грудь руками. Потом он долго умолял охранника дать ему ковшик кипятка — не дали.

2

Память моя, что ты делаешь со мной?!

Виктор АСТАФЬЕВ

Я не внял советам татарина в потрёпанном бешмете, хотя он, добрая душа, набравшийся жизненной мудрости в перипетиях нелёгкой судьбы, пытался уберечь меня, упрямого барана, от ошибок. Только сегодня, с высоты прожитых лет, понимаю, что он хотел своей мудростью помочь моим бестолковым мозгам. Я уже тогда догадался, что Нигмат-ага неспроста сватает свою красавицу-дочь за пропащего студента, однако мой язык был неуёмен, вместо того чтобы не болтать лишнего, я резал Халитову правду-матку о несправедливости советской власти, порой преувеличивая антипатию свою к Сталину, мне так хотелось поделиться пережитым в юности, мыслями, накопившимися в душе. Эх, молодо-зелено, куда не денешься, были просчёты, совершал я и ошибки. Я этого никогда и не скрывал. Однако у меня хватает сил и мужества, чтобы найти оправдания своей молодости: хоть я порой и неоправданно близко доверялся окружающим людям, но к оценке глубинных процессов, происходящих в обществе, подходил взвешенно, понимал их правильно, трезвый разум предпочитал эмоциям!

Итак, снова начали сажать заключённых, получивших первые сроки в тридцатые-сороковые годы. Мужик в потрёпанном бешмете знал об этом, ещё живя на воле. Значит, они — бывшие политзеки, не прятались всё время по норам, делились друг с другом новостями, обсуждали очередную несправедливую инициативу властей. Путешествуя из камеры в камеру, я начал понимать тюремную жизнь, научился распознавать людей и распределять по группам. Самая многочисленная группа зеков Чёрного озера — legionеры. Аха, — ворохнулась мысль в начинавшем проясняться сознании, — legionеры сидят за совершённые в годы войны преступления. Но почему-то их не сразу после окончания войны начали сажать, а в конце сороковых, начале пятидесятих годов. Даже вернувшихся в сорок третьем году привлекли только в пятидесятом! Почему так произошло? Почему legionеров начали сажать только в сорок восьмом? Что изменилось в политике государства в сорок восьмом году?

Из заключённых, взятых под стражу вторично, наиболее сильное влияние оказал на меня инженер Кулешов. За давностью лет его имя-отчество позабылось. Чему

здесь удивляться, ведь прошло более сорока лет! Кулешов вошёл к нам в камеру с невозмутимым видом, с маленьким мешочком в руках, словно отпускник, отправившийся к бабушке в гости. Терпеливо дождался, пока за ним не громыхнёт дверь, и только после этого, отвесив поклон, поздоровался. Я принял его за человека, давно мотающего срок, пережившего первую волну арестов, однако его, как оказалось, арестовали совсем недавно. Хотя он действительно имел срок за плечами! В этом человеке, уже пережившем один раз тюремный ад, меня восхитили спокойствие, достоинство, раскованность, зрелость и самоуважение. Заключённого под стражу Кулешова в годы войны вернули работать на какой-то военный завод, чтобы использовать его по специальности. «На заводе у меня был персональный конвой, вооружённый солдат». У русских, бывает, встречается благородный тип мужчин богатырской внешности, принадлежащих к древнему роду! У них величественная стать, горделивая осанка, высокий учёный лоб, тонкий прямой нос, чуть выступающий, словно отлитый из металла, крепкий подбородок, ровные, твёрдые, как камень зубы. Движения их неторопливы, полны внутреннего достоинства. А Кулешов вдобавок к профессии инженера-химика ещё и большой знаток и любитель литературы и искусства, деликатный, образованный и воспитанный человек! «На Колыме и в Магадане очень много заключённых погибло от непосильных условий. Я с первого дня ареста боролся за выживание. Если попадёшь к ворами и бандитам, не имей с ними ничего общего... Говоришь, ничего не умеешь делать? И профессии у тебя нет. Это плохо, конечно. Но отчаиваться не следует! Гордо объяви всем, что у тебя есть профессия — каменщик! Ты же студент! Подключи свою смекалку». Когда я спросил: «Какой способ вы нашли, чтобы выжить?» — Кулешов рассмеялся. «Гюго с Бальзаком спасли меня, — ответил он. — Я смолоду занимался в самодеятельном театре. Сначала работал суфлёром. Сорок три пьесы наизусть знаю! У воров есть странная особенность, они любят, когда им книги вслух читают или пересказывают по памяти. Вот я и взялся им каждый вечер романы «читать»! На самом интересном месте останавливаюсь, как Шахерезада, на следующий вечер опять продолжаю. Кого-то по этапу уводят, на их место других селят. А я знай себе мелю слова в ступе. Если истории кончаются, свои придумываю!» Кулешов, рассказав без утайки, с какими трудностями предстоит мне столкнуться впереди, стал обучать меня профессии каменщика с помощью хлебных остатков. Не спеша, с толком и расстановкой он показывал, как соединять кирпичи в кладке, как класть раствор, как поднимать углы.

Я спросил у этого мудрого и великодушного человека: «Почему опять начали арестовывать тех, кто прежде уже отбыл один срок?» Впервые на моих глазах инженер смешался, чему я был немало удивлён. Сегодняшним умом понимаю, нельзя было так в лоб спрашивать, но моё любопытство тогда было безграничным. «Почему за одно и то же преступление пытаются дважды наказать?» — несколько сгладил я, любопытный, но потихоньку начинающий усваивать тюремные уроки простофиля, прямой вопрос... Ничего не ответил мне инженер, но однажды, предчувствуя скорое расставание, крепко пожал мне руку и сказал: «Тут есть какая-то причина, студент! Должен быть во всём этом какой-то глубинный смысл!» При мне Кулешова ни разу не вызывали на верхний этаж. Хотя и он, и я надеялись, что там, наверху, для нас что-нибудь да прояснилось бы.

Ладно, отбросив эмоции, предположим: у советской власти был некий резон держать Кулешова в тюрьме... Он посвящён в военные тайны, здоров, относительно молод, короче говоря, ещё поживёт. Но зачем подвергать такой участи казанца Анатолия Рязанова — сморщенного, больного, жалкого заморыша, десять лет носом рывшего мёрзлый архангельский грунт?.. Один на тысячу зеков выживший на

жуткой каторге вдовец. Отец двух дочерей. Поставь его как взрослого мужчину на весы, замучаешься мелкие гири подбирать! Он весь в пригоршню поместится. Взгляд потухший. Разденется в бане — можно строение скелета изучать... Заикается, с жидкой козлиной бородкой, по возвращении из ссылки он долго обивал пороги родного комбината «Спартак», прежде чем его взяли на работу. Смиренного из смиренных, страдальца из страдальцев, саму святость!.. А теперь вот опять этого русского с размаху бросили в водоворот Чёрного озера! У него даже сил не осталось оплакивать безвременно ушедшую на тот свет жену, по которой сильно тоскует. Много не успел он сказать ей, когда жива была... Гляжу-смотрю я на него, а в голове сплошное недоумение, в то время я ещё очень многого не понимал!.. Рязанова тоже не таскают на допросы к следователям, значит, приговор ему был вынесен ещё до ареста... Что ещё хочу сказать, Анатолий и в этот раз сумел вернуться из ада. Упиваясь долгожданной свободой, бродил по улицам и переулкам Казани и несколько раз встречал Рязанова. Дважды побывавший в дьявольских силках старик ещё сильнее сдал, ходил, опираясь на палочку, а потом надолго исчез. Встретившись с ним снова, я не узнал Рязанова... Один глаз удалён, второй вперился в меня. Похоже, что узнал меня Анатолий. Дыхание хриплое, неровное. Сдерживая кашель, он спросил: «Как тебя зовут-то, подсажи, запомнятовал же?» Небритый, мотня штанов сползла чуть ли не до колен, шея болезненно искривлена... О Тенгри, — прошептал я про себя, — зачем же ты так жестоко наказываешь детей своих, зачем калечишь их в тюрьмах и на каторгах?.. Больше я Рязанова не встречал...

Хочу помянуть добрым словом ещё одного казанца, вернувшегося из «хаджа». Фамилия у него была Авдеев. Пятидесятилетний мужчина казался мне тогда очень старым. Может, Авдееву и пятидесяти не исполнилось, в тюремной камере очень трудно точно угадать возраст человека. Работавший вдали от бурных событий, в медицинской лаборатории в Харбине, Авдеев раздобыл, отрастил брюхо. Натерпевшийся в тюрьме немало издевательств из-за своей комплекции репатриант на момент нашего знакомства представлял жалкое зрелище. От его пуза не осталось и следа, брюки, с которых по тюремным порядкам были срезаны пуговицы, не держались на поясе, постоянно сползали. Левая рука Авдеева, словно приклеенная к поясу, поддерживала штаны. Меня этот человек поразил своей искренней верой и несгибаемой набожностью. Ничего не расстраивало Авдеева, ни тюрьма с её теснотой, ни скудное питание. Этот немало повидавший на своём веку человек переживал лишь из-за того, что не может как следует молиться! Вдобавок с него сорвали нательный серебряный крестик. Авдеев, выбрав участок тюремной стены почище, выцарапывает крест, незаметный взгляду иблиса-надзирателя. А его нагрудный крест всякому виден! Каждое утро он «обновляет» заточенной спичкой процарапанный на коже символ. «Чистое место в тюрьме искать, только в грех себя ввергать. По всем углам или кровь, или слёзы набрызганы!» — пытаются вразумлять Авдеева сокамерники, но их слова он оставляет без внимания. А те, сверху, тоже знают про выцарапанный на груди крест, время от времени вызывают его, чтобы поиздеваться. Соберутся с десяток жеребчиков и, тыча в «татуировку», наперебой ржут. Авдеев молча сносит хохот и насмешки, но его веру в милосердие и справедливость божьего сына никто и ничто не может сломить. Авдеев тоже благополучно вернулся в Казань, мы частенько встречались с ним во время прогулок, подолгу разговаривали. Со временем и он куда-то пропал. Как же он сумел выдержать все издевательства и посягательства на святое, бедняжка!

Среди заключённых Чёрного озера обнаружилась ещё одна группа. Счастливо избежавших кровавых когтей революции эмигрантов-россиян, осевших, пустивших

корни на чужой земле, обзаведшихся потомством — именно в сорок восьмом стали арестовывать и сажать в тюрьмы. Я продолжаю уже с высоты прожитых лет задаваться вопросом: что за злоеший год это был, сорок восьмой? Почему мы до сих пор не можем узнать и дать оценку кошмарным тайнам этого года?!

Легионеры, легионеры, татарские легионеры... Я поначалу думал, что в тюрьму попадают только те военнопленные, которые поддались на немецкие уговоры стали легионерами. Но позже, соседствуя со многими бывшими солдатами, слушая рассказы об их непростых судьбах, я начинаю понимать, что среди арестованных много обычных красноармейцев, волею судьбы оказавшихся в немецком плену. Сейчас таких «преступников» можно встретить во всех камерах. Они томятся в застенках Чёрного озера без суда и следствия по два года и более. Ну да, побывали в плену, но родину не предавали, это не раз доказано на различных фильтрационных пунктах, когда их личные дела многократно просеяли через грубое и тонкое сито проверки. Если хотя бы одна неделя из жизни в плену оказывалась «непрозрачной», то их тут же отделяли до окончания войны от остальных и передавали в комендатуру! Главная их вина — остались в живых! Сейчас, собрав вместе военнопленных и легионеров, маринуют их в надежде, что рано или поздно обнаружатся какие-нибудь подозрительные факты. Я встретил в камере одного татарина: седовласый, высоколобый, интеллигентного вида. Если не ошибаюсь, он был откуда-то из-под Мензелинска. Дважды неудачно бежал из фашистских лагерей. На третий раз смог уйти от погони и добраться до французских партизан! Сражался против фашистов. После открытия второго фронта англичане забрали его с собой. Имея тысячу возможностей остаться в Англии, преданный своей родине татарин, тоскующий по ней, возвращается в Татарстан... Героическая личность, но всё равно не избежал ареста! Никакой вины на нём нет, казалось бы, но на Чёрном озере считают иначе: «Среди пленных не может быть невиновных, нужно только найти эту вину!» Именно такая директива спущена им сверху... Год сидит человек, два, под конец третьего года он ломается: «Подпишу любую бумагу!» После этого на него вешают всех собак. Получив положенный совершённым преступлениям «четвертак», он покидает Чёрное озеро. Другого выхода у него нет!..

На Чёрном озере есть камеры и на шесть человек. На третьем этаже. Одновременно со мной там находилось трое легионеров. Один из них, худой, высокий кряшен по фамилии Константинов, заставил меня заново погрузиться в раздумья...

Перевод Наиля Ишмухаметова

Р.С. Роман-воспоминание Аяза Гилязова «Давайте помолимся»! В переводе на русский язык Наилем Ишмухаметовым запланирован к выпуску отдельной книгой в 2017 году Татарским книжным издательством.

ЕГО ПРАВДА, ЕГО МОЛИТВА

Прискорбно, что в наш век высоких технологий в литературу хлынули фарцовщики от писательского ремесла. Но радует, что этой псевдолитературе есть альтернатива — великая и могучая мировая литература. От Гомера до Габдуллы Тукая и далее без останков. Да, подлинная литература жива. Достаточно сказать, что мы современники таких великих прозаиков, как Фёдор Абрамов, Виктор Астафьев, Василий Белов, Даниил Гранин, Валентин Распутин, Александр Солженицын, Аяз Гилязов, Амирхан Еники, Мухамет Магдеев. Это самые настоящие писатели. И у них есть самые настоящие читатели.

Что не может не радовать. Порадуйтесь же и вы, открывая первые главы этой книги. Её автор — удивительный человек.

Аяз Мирсаидович Гилязов (1928-2002) — один из тех татарских писателей, чьё творчество ознаменовало собой целый этап в истории татарской литературы. Народный писатель Татарстана, лауреат Государственной премии ТАССР имени Г. Тукая и Государственной премии РСФСР имени М. Горького, заслуженный деятель искусств ТАССР и РСФСР, он по праву может считаться одним из самых талантливых и самобытных представителей татарской культуры XX-XXI веков. За годы творческой деятельности, охватывающей собой несколько десятилетий, им создано масштабное литературное наследие, которое внесло неповторимый вклад в культуру татарского народа и обогатило национальные литературы, став частью общемирового литературного процесса.

Аяз Мирсаидович Гилязов вошёл в литературу сложившейся личностью, человеком со своей выстраданной общественной позицией, со своими выношенными творческими принципами. За плечами у него, кроме филологического факультета Казанского университета, учёба на Высших литературных курсах в Москве, ещё университеты коллективизации, когда в стране ломался вековой крестьянский уклад, Отечественной войны, в горниле которой погибли отцы и старшие братья многих его ровесников, шесть лет тюрем и лагерей, сделавших, по его собственному признанию, из него писателя. Это во многом определило специфику творчества Аяза Гилязова. Судьба писателя могла бы стать учебным пособием по истории татарского народа.

«В России „страхи умирают...“, — так, перефразируя Евгения Евтушенко, охарактеризовал «оттепель» начала шестидесятых Аяз Гилязов. Документы, сохранившиеся в архиве, свидетельствуют о том, что уже тогда писатель задумывался о создании произведения о своём лагерном прошлом. Повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и стихотворение Е. Евтушенко «Страхи» превратились для него в знаковые произведения эпохи.

На волне этих настроений Аяз Гилязов написал повесть «Три аршина земли», которая вызвала горячую дискуссию не только в местной печати, но и вылилась на страницы центральных газет. Травля повести растянулась на долгих два десятилетия. Не раз писатель признавался, что это произведение — предмет его особой гордости, превратилось в незаживающую душевную рану.

В письме к переводчику повести И. Гиззатуллину 5 февраля 1964 г. Аяз Гилязов с горечью пишет: «Гляжу на русских и восхищаюсь. Они намного нас опережают, им свойственно терпение, широта души. Среди них есть такие, как Твардовский, как Маршак, которые, когда Солженицын принесет свое произведение, принимают его как «литературное чудо». Наше старшее поколение писателей (и им идущая вслед молодёжь) в состоянии оценить литературный процесс только исходя из соображений своей личной безопасности. Привыкли бояться, трястись от страха. Тех, кто был в состоянии высказать мысль, уничтожили в 37 году. А сейчас правит бал кучка трусов, мастеров скрывать свои истинные мысли. И мы по воле небес оказались в их власти».

Вот почему татарский писатель решился осуществить свой замысел лишь в 1990-е годы. Произведение «Йәгез, бер дога!» («Давайте помолимся!») было создано в период обострения национально-этнических отношений в нашей стране. Судя по архивным документам, писатель приступил к работе 8 октября 1989 года. На написание итогового произведения у Гилязова ушло три года. Писатель завершил работу 5 октября 1993 года. Он черпал силу и веру в себя в наследии русского классика Ф.М. Достоевского. Как известно, именно этот писатель проложил своими автобиографическими «Записками из Мёртвого дома» путь к теме каторги в русской литературе. Ориентиром для татарского

писателя стала и повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Аяз Гилязов по достоинству оценил также степень внутренней свободы, раскованности, которую позволил себе К. Паустовский в «Золотой розе».

Жанр «Давайте помолимся!» определён автором как роман-воспоминание. Это мемуарный текст, в котором А. Гилязов соединяет историко-документальное видение эпохи с обстоятельствами личной жизни. Обращение писателя к форме мемуаров предоставило широкие возможности для задействования элементов различных жанров. В романе-воспоминании именно молитвенный сюжет-архетип является отправной точкой для воссоздания макродиалога. Роман-воспоминание, по замыслу автора, должен был вылиться в текст-молитву.

В этом новаторство произведения. Оно не укладывается в рамки «лагерной прозы». Роман-воспоминание является исповедальным словом писателя, обращённым к татарскому народу. В этом романе Аяз Гилязов предстаёт писателем национально-художественного стиля мышления. Это проявляется в кристаллизации литературных традиций. Национальный менталитет татарского народа находит выражение через образный ряд (внутренняя форма), так и через язык, воплощающий образы (внешняя форма). А. Гилязов стремится раскрыть перед татарским читателем богатство национальной жизни, истории, различные особенности национального характера, богатство литературного языка. При этом, национально окрашенное эстетическое сознание А. Гилязова, «работающее» на философском уровне, как бы снимает свою национальную ограниченность, потому что вполне осознаёт себя как форму общечеловеческого.

Впервые роман на татарском языке был опубликован в 1993 году на страницах журнала «Казан утлары» («Огни Казани»). В 1997 году в Татарском книжном издательстве роман увидел свет как отдельное издание. В 2013 году произведение вошло в состав «Избранных сочинений» писателя. В 2015 году Наиль Ишмухаметов осуществил перевод произведения на русский язык. В Турции ведётся работа по переводу «Давайте помолимся!» на турецкий язык. Надеемся, что исповедальное слово писателя найдёт свой отклик в душах современных читателей.

***Милеуша Хабутдинова,
кандидат филологических наук***

ИМЯ В ПОЭЗИИ

ФИЛИПП ПИРАЕВ

РАНЕННЫЙ ФЕВРАЛЬ

* * *

Поскольку истина одна,
но правд неисправимо много —
не наша, в общем-то, вина,
что мы четвертовали Бога,
что разменяли красоту
на манифесты и каноны,
по эту сторону и ту
подняв потешные знамёна.

Не мы, а правды ходят в бой,
производя себя в кумиры,
оставив нам, борясь с судьбой,
жить в этом лучшем из размирий,
где сто веков огонь и дым,
зато всегда найдётся дело
и проходимцам, и святым,
и красным армиям, и белым;

где прав и врач, и костолом,
и мазохист, считая лишней
границу меж добром и злом...
и даже ты, когда твердишь мне,
помимо прочей чепухи,
что большей блажи нет на свете,
чем без конца кропать стихи
в то время как семья и дети...

А я спокоен, как ландшафт —
пишу себе, стараясь высечь
из кремня слов одну из правд,
важнейшую из сотен тысяч.

А там — пусть, истиной не став,
сгорит она, как все, впустую...
Я существую, значит, прав.
Я прав, а значит, существую.

ГИТИКА

О, мой учёный друг, ты знаешь много гитик!
Но как же мне, певцу, в теорию облечь,
что раненый февраль слезой из сердца вытек
и ветер обратил в рифмованную речь?

Не мучился ли я, невосполнимо тратясь
на спящие в шкафах пудовые труды,
не резал ли гортань о ледящий градус
в надежде овладеть искусством немоты?

Буравил душу снег, дела катились к чёрту,
от свинга фонарей кружилась голова,
пытаясь отыскать заветную реторту,
из сумрака стихий родящую слова.

Проблескивал намёк сквозь марево дороги,
пытал морзянкой звёзд, подмигивал с икон.
И чем же я могу похвастаться в итоге? —
увы, не дался мне магический закон.

Так не суди меня за песни, что не спеты,
и пусть отрежешь ты: мол, это не всерьёз.
Но, кажется, судьба и гитика поэта —
как раненый февраль, пронзительный до слёз.

* * *

В фонарном круге — человек,
от счастья сам не свой,
глядит, как полночь сыплет снег
из чаши мировой.

И человек бросает смех
в искрящуюся тьму,
поняв, что снег идёт для всех,
а слышно — лишь ему.

* * *

Здравствуй, мама, я вновь у могилы твоей.
Мир, как прежде, и свят, и порочен.

И всё тот же ползёт по плите муравей,
и ромашковый бриз вдоль обочин.

Не волнуйся: твой сын и здоров, и женат,
не сквалыга — а что ещё надо?
И у внуков твоих в крыльях ветры звенят —
ты была бы, конечно же, рада.

Можно даже сказать, всё идёт хорошо —
то ли выпал билет в лотерее,
то ли стал я честнее и строже душой
или просто с годами мудрее.

Я давно отличаю друзей от врагов,
с дурачьём и судьбою не спорю
и снежинкам всю жизнь удивляться готов,
и люблю, и не ведаю горя.

Разве только всё чаще с тоскою гляжу
в чумовые глаза листопада
и ручьи по весне, и берёзовый шум
научился ценить как награду.

Разве чуть подустал от людской беготни,
хвастунов и базарного крика.
А за то, что поэт, ты меня не вини —
ведь у счастья различные лики.

* * *

Роняет штукатурку парапет,
желтеет в лужах мёртвая вода.
У пересохших рек названий нет —
к чему же эта надпись у моста?

В пустое русло сколько ни входи —
всё так же глух и неподвижен зной;
лишь стоны чайки, сбившейся с пути,
окатят вдруг солёною волной.

Я имя и черты твои забыл,
брожу средь битых стёкол и камней.
Мелеет память — остаётся ил.
Прольётся туча — вырастет репей.

РЫБАК

Звёзды в небе, в воде и на том берегу.
Ты стоишь мимо Волги, впадающей в осень,

устремляя задумчивый взор к рыбаку,
что плывёт по течению, вёсла отбросив.

Он плывёт, как звезда, — никуда не спеша,
вдоль оранжевых бакенов тысячелетий,
ни за дрожь ветерка в париках камыша,
ни за волны судьбы пред тобой не в ответе.

Он скользит меж миров, прикорнув у руля,
он застыл в фиолетовой точке покоя,
созерцая, как маленькой лодкой Земля
очарованно катится Млечной рекою.

* * *

Тайна реки — в час, когда все
спят,
и облака застыт луне
взор,
воды морей катит она
вспять —
к яслям времён, в храмы родных
гор.
Видишь, встаёт из глубины
свет,
чуешь, дрожит нервами свай
мост? —
это спешат, пряным ветрам
вслед,
пить небеса братства морских
звёзд.

* * *

Больничный двор — как мысли о побеге:
сколь ни флиртуй, как марку ни держи —
сквозь прутья, загипсованные снегом,
глядишь на городские этажи.

В палате время, точно капли в вены,
течёт угрюмо, вечность за другой,
и ум, набухший эскулапской феней,
кричащим зубом рвётся на покой.

Вся в звёздной сыпи, ночь бесцеремонно
покашливает вьюгой, и луна,
слепя, как лампы в операционной,
дробится в стёклах и лишает сна.

И мечешься: «ах, если б в небо птицей!»
Потом вздыхаешь: «если б да кабы» ...
и любишь жизнь — за то, что ей не скрыться
от ледящих скальпелей судьбы.

В МАРИЙКЕ

Не верь попам, приятель мой:
наш мир затем лишь создан,
чтоб годы солнечной смолой
текли по этим соснам;

чтоб нас, отвыкших от чудес,
гугукая, как совы,
весь день гонял марийский бес
вкруг озера лесного.

Глядишь — в который раз она,
та самая поляна;
грибник с глазами колдуна,
мычащий полупьяно,

мол, берег рядом, видит бог...
Но мы мотаем вёрсты,
чтоб, одурев, свалиться с ног
у мрачного погоста,

где идол грозно шепчет ввысь
о том, как непокорно
и яро с жизнями сплелись
языческие корни...

И вновь тропа сквозь глухомань —
бредём на луч багровый,
платя гудящим духам дань
своей крещёной кровью —

всё для того лишь, чтоб луна,
вдруг выведя к опушке,
потом всю ночь лишала сна,
звения тебе на ушко,

что звёзды дальних деревень —
не более чем признак
того, что всё обман и тень...
и сам ты, братец, призрак.

* * *

Если долго учиться молчать
у погостов, руин и закатов —
на челе замерцает печать
сопричастности тайнам Гекаты.

Ты прочтёшь перекрёстки судьбы,
глядя в грозную лунную книгу,
и поймёшь, как слепые волхвы
правят путь по свиному крику.

Ты услышишь, как в недрах земли
бьют кирками в гранитные стены
души тех, что небес не нашли,
и сражаются корни растений.

Станет облик твой юн и суров,
верен лук, и дыхание спокойно,
ибо счисливших гроздья миров
не пугают ни время, ни войны.

Но когда хлынут горлом слова,
чтобы веку поведать об этом —
их развеет ночная листва
ветерком серебристого света.

* * *

Знать, тебе суждено быть солдатиком стойким
и с корыстью вести нескончаемый бой —
раз твоя принадлежность к творящей прослойке
пропечатана в сердце шестою графой.

Видно, краем шагать до последнего часа —
твой исполненный горького счастья удел,
если глянец ливрей и кровавых лампасов
ни лобзать, ни к себе примерять не умел.

И палить тебе в храмах бессильные свечи
за торгующих флагом свободы жлобов —
коль назло бухенвальдам и правилам речи
с человеком разумным рифмуешь любовь.

ЧЁРНЫЙ ЯЩИК

От земли до небес — годы чёрной работы,
от небес до земли — пара ярких минут.

Мародёры растащат куски самолёта,
но однажды в золе самописец найдут.

Слушай, мир, как пилот, с турбулентностью споря,
надрываясь, вытягивал к сердцу штурвал
и, вдохнув напоследок родные просторы,
с благодарностью имя любимой призвал.

Ты не бойся, душа, мародёров могилы:
видишь, звёздные ноты роняя за лес,
нас рифмуют со всеми, кого мы любили,
несгораемые самописцы небес.

* * *

Мне хочется, чтоб в небе кто-то был —
пусть непонятный и в обличье строгом, —
но чтоб, когда мы обратимся в пыль,
и память нашу, и мечты сберёг он;

чтоб знать, что у души надёжный тыл,
когда её томит насущность хлеба,
и чтоб он нас хоть чуточку любил...
поскольку без любви — на что нам небо?

БЕНЕФИС ПЕРЕВОДЧИКА

НИКОЛАЙ ШАМСУТДИНОВ

ТАТАРСКИЕ МЕЛОДИИ СИБИРИ

БУЛАТ СУЛЕЙМАНОВ

ВДОЛЬ ПОЛЕЙ

Бескрылый поезд вдаль стремится — птицей,
И песни зреют, что верны полям,
Мелодиям их...

Вглядываясь в лица,
Я из окна смотрю по сторонам.

Стучат колеса сердцу в такт...

Не малость —

Пшеница... рожь...

Вот — родина твоя!

Позолотила летняя усталость

Твои родные древние поля.

Близки душе — и та река в туманах,

И ручейки, как ртуть...

И, верно, тут,

В лесах твоих, в таинственных урманах

Лесные девы, говорят, живут.

«Тук-тук...», — стучат колеса,

лёгкость в теле...

Но, радостное сердце бередя,

Желты поля, как будто поседали —

От ожиданья беглого тебя.

ОЗЕРО ЛЕБЯЖЬЕ

Вечер...

Озеро Лебяжье,

Свой костёр джигит разводит

В саду молодости.

В пламя

Он бросает звёзды с неба,

Как любовь свою бросает.

Жизнь горит, уходит в небо

Ярким пламенем,

Но парню

Всё равно, поскольку в жизни

Всё у парня — впереди!

И старик неподалёку

Тоже свой костёр разводит

В саду жизни, на закате

Своих чувств, надежд...

Неспешно

Он по волосам проводит,

Дует на костёр. Бессильно

Опадает пламя.

Мёртвый,

Не горит костёр,

Холодный

пролетевшей жизни пепел...

Я ВЕРНУСЬ

Живу в Казани...

Дни мои итога,

Течёт Идель и навевает грусть.

Чего же мне желать ещё?..

И всё же

В объятия Сибири я вернусь!

Пройду тропой отца в родных урманах,
Равниною на лыжах пробегу...
Но песни,

вы заблудитесь в буранах,
Замёрзнете, продрогшие, в снегу...

В СТЕПИ

Влекущие струны горячих
ковыльных ветров...

Гортанные песни...
Мелодии мира? Атаки?

Горят перед взором стоянки
раскосых костров...

Далёкие предки... Полынные скифы?
Кипчаки?

Песчаные песни протяжны,
как версты в степи...

Плывут косяки — только пыль
над ковыльною ленью

Земля моя — дом!
Как окно, моё небо — слепит,
Горит надо мною сквозь пёструю вязь
поколений.

Замру на мгновенье,
замру, потрясённый, без слов —
Мне душу волнует гортанное, дикое скерцо...

Зовущие струны горячих ковыльных ветров
Идут через сердце,
гудят и растут через сердце.

ДОЖДЬ ЛИСТЬЕВ

Дождь листвы над планетой,
Над вечностью —
Жёлт и зелен, оранжев и ал...
Пусть беда обойдёт человечество!
Я грядущее — сердцем обнял.
Дождь листвы — над осенними рощами,
Над заплаканным,
скорбным лицом

Земли — Матери...
Светятся площади.
Озарённые вечным Огнём...
Дождь листвы
над проспектами светится,
Лист на камне горит, как звезда.
Мы пришли в этот мир,

И нам верится —
Мы уже не уйдём никогда!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Город спит...
Ночь раскинула звёздный шатёр.
Снегопада мелодия тихо струится.
Снег ложится на землю.
Как белый ковёр,
Ясным светом ложится на тихие лица.

В белом сказочном кружеве я...
Не жалею,
Снег, своей чистоты!
Пью целительный воздух,
Где, сверкая в протяжном огне фонарей,
Опускаются с неба мохнатые звёзды.

Беззаботней ребёнка мой снег,
И не жаль —
На деревьях, на девушках нежно белеет...
Проходя по земле, он смиряет печаль,
Как ни странно, он души озябшие — греет.

Чистый снег Новогодья!...
Нет чувства сильнее,
Чем любовь —
Неизбывная,
необоримая...
Мне б тропинку узнать, где проходит
любимая, —
Чистым снегом упал бы я под ноги ей!

В СИБИРИ

Сибирь моя — видна ли из Казани?
Там — снегопад,
там — колдовство пурги...
Дрожащий оленёнок — наказание! —
Тоскуя, плачет посреди тайги.

И хоть бы солнце дало весть какую,
Что ищет оленёнок свою мать...
Он тонко плачет, бедный,
он тоскует.
Мрачна тайга — в ней мать не отыскать...
Беда скользит по следу волчьей стаей,

Как страшно!
 Но — с дороги не свернуть,
 И он пошёл, пошёл вперёд, листая
 Снега, снега...
 Стремится детство в путь.

От грустных мыслей никуда не деться,
 Следы мои — перемела пурга...
 В тайге плутает,
 плачет моё детство...
 Необозрима — хмурая тайга.

ИРЕК МАХИЯНОВ

ВИСЯЧИЙ МОСТ

Память юности далёкой — мост висячий
 над рекой,
 Он ворчит, не умолкая, под тобою,
 подо мной...
 Старость, милый мой, не в радость —
 кости стонут в час ночной,
 В час сырой...
 Покоя просит он над стылою рекой.

Мост висячий,
 Видишь, рядом девушка одна стоит,
 В глубине очей зелёных по ночной
 звезде горит...
 Что со мною происходит?
 Почему я постарел?
 На душе моей тоскливо: что задумал —
 не успел...

Мост висячий, я вернулся вновь,
 как в радостные дни,
 Навсегда вернулся...
 Ты мне свежесть чувств былых верни,
 Неизбывную!
 Мой облик ты, мой мост, не позабыл?
 Ну, а коли позабыл ты, то мечту мою убил...

Мост висячий, где стоял я,
 там другой теперь стоит
 И молчит, как я...
 Печально на пустой воде блестит
 Свет луны...
 Два грустных взгляда, одиноки,
 неспроста
 Встретясь, обнялись, как прежде,
 серединою моста...

ДАВАЙТЕ ЖИТЬ!

Уйти от судьбы невозможно, и точно,
 Родные мои, не в заветный ли час
 Вы сердцем восприняли песню,
 И тотчас
 Как лица, друзья, посветлели у вас!
 Народы, вы — песни, баллады и дойны...
 В минувшем оставив свой песенный след,
 Народы дружны — государства спокойны,
 И мир, воцаряясь, нерушим на Земле.

Давайте же петь!
 Вдохновенную душу
 Не одолевает печаль,
 ведь народ
 С душою поэта — я суть не нарушу... —
 Язык не забудет и не пропадёт...

Любите ж, народы,
 любите поэтов!
 Давайте на песни настроим сердца,
 Что вешнею бурей аплодисментов,
 Ликуя,
 народного встретить певца!

СИМВОЛ БЫТИЯ

Не ощущаю я ветер —
 играя,
 С лаской не сдувший прядку со лба...
 Мне безразлична краса полевая,
 Коль не шумят в ней густые леса...
 Не ощущаю я почек брожение,
 Если не брызнут листвою в окоём...

Ч т о
облаков кучевое движение,
Коль не прольётся на землю дождём?...

МОИ СТИХИ

Вы — мои бурные, ранние вёсны,
Девушки юности звонкой моей,
Благоуханье цветов моих,
Блесны
Звёзд —
Над ветрами с родимых полей.

Вы — мои самые светлые зори,
Над ивняками,
Просторные дни,
Счастье высоких рассветов по взгорьям
И бесконечных бессонниц огни.

Вы — моё поле, в чьих хлебных объятьях
Слушал я песни,
И, крепче молвы,
Ближних друзей моих рукопожать,
Птиц караваны по вёснам —
всё вы...

МОЙ ЛАНГЕПАС

Муки дороги сравнимы со смертною мукой,
Есть поговорка такая...
Но, знаю, не раз,
Пусть упаду я, как камень, в пути,
не со скукой —
С болью, приду — приползу к тебе,
мой Лангепас!...

Тут, на морозах, крошивших железо,
судьбою
Стали дороги твои... И. просторы любя,
Тот, кто, напорист, прошёл испытанье тобою,
Верь мне, уже никогда не забудет тебя.

Тут, средь болот, у тайги, её тощенькой
кромки,
Встал городок
и, заботы своей не тая,
Словно одна колыбель, он сплотил нас,
негромкий,
Став кораблём на великих волнах бытия.

Здесь — белорус, и татарин, и русский,
ликуя,
Строят свой город...
Проспекты его так светлы!
Ах, как по вёснам вскипают твои сабантуи —
Неоспоримо и веско обильны столы!

Ты, в переводе, звучишь — «Остров белок»...
Ты — остров
Юности нашей. И, коль я поэтом слыву,
Ведь принимаю весь мир твой
и чувствую остро,
«Мой Лангепас!» — я тебя с упоением зову.

ПОЛНОЧЬ

Полночь... Сколько мыслей в голове!
Без друга,
Сердце одиноко — утешенья нет...
Ветер свирепеет, разыгралась вьюга.
Затмевает окна безнадежный снег.

Полночь... Отмечаю, что мечта — Пегасом
Землю облетела,
нет тебя нигде...
Где живёшь ты, радость?
Не замёрзла, часом,
Думы поверяешь солнцу иль звезде?..

Полночь — злой зимою,
и мороз — до дрожи,
В небе тучи скрыли звёзды,
и — невмочь! —
Воет волк голодный, растревожив души,
Видно, без добычи он остался в ночь...

Одиноко сердцу.
Гонишь прочь сомненья,
Чтобы не остаться одному с тоской.
Жар в тревожном сердце,
не уняв смятенья,
Не облегчишь свежей ключевой водой.

Полночь — лишь зимою так длинна,
снег в окна,
И часы застыли — в думах о тебе...
Впрочем, утешая, что не одинок ты,
Ветер свищет, тоже одинок,
в трубе.

НАДИЯ ЮСУПОВА

ГАРМОНИ МОЕЙ ДЕРЕВНИ

Спустился вечер на деревню.
В скуке
Мерцают звёзды...
Вдруг, спугнув луну,
Гармони переливчатые звуки
Прорезали нежданно тишину...

И девушкам не спится — паутинкой
Мелодия скользит от чистых губ,
И лунною
 таинственной тропинкой
Они спешат, взволнованные, в клуб.

Божественна гармония гармоней
В руках парней...
Как ладно, мастерски
Они играют! И душе – просторней
В родимой Чебурге...

Где ж огоньки? –
Деревня в дрёме,
 спят спокойно листья,
В полночном небе – месяц...

У крыльца,
Гармонь ли виновата,
гармонист ли,
Что так страдают девичьи сердца?...

СВЕТ ОЧЕЙ МОИХ

Над селом моим — месяц.
Прекрасный, задумчивый вечер...
С неба лунный струится свет...
Сколько ж медленных лет
Проливается он на село моё?
Тихий, он вечен,
И в широких глазах твоих
Ясен таинственный свет.

О, великая тайна вечернего мира...
О, прекрасная песня сердечного мига...

Свет в девичьем окне,
В моём дивном окне сед ночами.

Как вместились в него
Вся вселенная, мир, наконец?
Месяц обнял меня
Серебристыми, радость, лучами,
Я влекома к тебе
Твоей песней в глубинах сердец.

Лунный свет не согреет ни летом,
ни в зимы...
Согреваюсь в лучах твоих глаз,
мой любимый.

В мир в волшебном окне
Я гляжу, не могу наглядеться,
Небо звёздное в нём,
Его тайный призыв не погас.
Звёзды делятся тайнами,
И — не боли, моё сердце! —
Меня месяц ревнует
К мерцанию пристальных глаз.

Осенью любовь испытующим взглядом,
Так прожить бы весь век наш,
возлюбленный, рядом!

Как таинственна лунная ночь.
Обливая ресницы...
Свет очей твоих ярче —
Пронзительных лунных лучей.
Он, волнуя надежды,
От глаз твоих ясных струится,
Ибо ты — свет очей моих,
Свет моих тихих очей...

Почему ж эта ночь упоительно так хороша? —
Потому что, любимый, ты рядом,
родная душа...

БЕССОННАЯ НОЧЬ

Мучительная ночь моя — бессонная ...
Спит всё село,
Вселенная,
семья...
Лишь я не сплю, и до рассвета, томная,
Тяжёлых глаз всё не смыкаю я.

Ненастно небо,
 словно осень поздняя,
 Холодная, безлунная, — невмочь!
 Не искушай тоской меня,
 беззвёздная,
 Бессонная, мучительная ночь!
 Но — вот заря!
 Птиц утреннее пение...
 И, неизбежно глядя на восток,
 Я уловила под окном движение —
 То вздрогнул испугавшийся цветок...

Чего он испугался?
 Я заметила
 Его испуг... И стыдно мне пока,
 Что стала я, неловкая, свидетелем
 Печальной тайны нежного цветка,
 Как подсмотрела...

Не суди, застенчивый,
 Таящийся и слабенький, прости...
 Мне близко то, что пережил ты, в венчике,
 Когда от глаз досужих не уйти.

Подобное окну, что вдаль распахнуто,
 Не проклиная — славя бытие,
 Любимому открыто,
 благодатное,
 Всё бьётся сердце бедное моё.

Мучительная ночь...
 Но всё ж, по совести,
 Я и к себе, и к милому строга,
 Всё ж пылко благодарна я бессоннице,
 В ней завязалась первая строка...

САГИТ САГИТОВ

ПО ВЕСНЕ

* * *

Нетерпеливый,
 по весне
 Расцвёл подснежник на земле —
 Подарок милой...
 И я прошу, судьба, ответь! —
 Как не стареть и не болеть
 Моей любимой?

Я так хочу, средь бед и тризн,
 Чтоб обернулась наша жизнь
 Весенним раем!
 Но, как подснежник средь зимы,
 Мы — временные гости, мы
 Всё ж увядаем...

Но лебедь, как ни лупят зло,
 За лето ставит на крыло
 Своё потомство...
 Ну, так давай свой век, чудак,
 Мы проживём достойно,

как

Жизнь ни несётся!..

Люблю весну за мощь,
 за ярость половодья!
 Уносит беды все — с весеннею водой...
 Я счастлив и влюблён...
 Я счастлив, что сегодня
 Вы, близкие друзья, пируете со мной...

Люблю, когда, зенит стогами доставая,
 Пылает сенокос! Но более всего
 Люблю мелодию татарского курая —
 Страдает в нём душа народа моего.

Любимая моя, ликую и хмелею,
 Встречая всякий раз!
 Единственной — живу
 И не переживу...
 И всё же нет милее
 Сибири, что давно любимую зову!

ПИСЬМО СЫНУ

Детские письма любви и доверья,
 Как всколыхнули вы душу мою!

Звонко трещат от мороза деревья
В нашем суровом сибирском краю...

В хмурых урманах работал я... Слепо
Нефть под землёй прозябала. Тогда
С наших планшетов – в бездонное небо
Неудержимо росли города.

Вьюгами их заносило по крыши,
Дела хватало, мой сын, молодым...
Что объяснять?..
Ты, конечно же, слышал
Про Усть-Балык, Сомотлор и Надым?

Где бы меня по тайге ни мотало,
Не осуждаю я участь свою.
Мама твоя справедливо пеняла,
Что забываю в работе семью.

О, как редки были встречи с тобою
В эти горячие давние дни!
Пусть называют «годами застоя»
Время, вспоившее юность! Пойми,

В детстве воспитан я был пионером,
Не изменился я, ставший седым...
Чем вы живёте? Кто вам – примером?
Что ты на это ответишь, мой сын?..

ЗАХИД АКБУЛЯКОВ

МАЙСКАЯ ЗАРЯ

Огромное солнце на майской заре...
Лучами его – мир зелёный согрет,
Звучит он,

и вечность звучать он готов
Заботой стареньких наших часов...

Лопатка для хлеба – у мамы в руках,
В печи каравай...

Дом уютно пропах...
Непроспанный, знать,
и, видать, не в себе,
Спешит бригадир наш к последней избе...

«Победа! Победа!» – нам слышится.
Вдруг
Лопатка упала из маминых рук,
И та, словно мучаясь давней виной,
Застыла, смущённая, передо мной.

Ау, моё детство!
Простой эпизод?
Но сердцем он крепко усвоен,
и вот
Виски мои в щедром, густом серебре,
Но рвусь я душой к победной заре,

К открытому клубу,
Встречая родных,

Нас с радостью мама ведёт – четверых.
Ликуя,
исполнены мирной любовью
Счастливые односельчане мои.

Душа переполнена внешним теплом,
С надеждою почки гудят о своём.
Всплакнул инвалид –
он опять о войне,
Пусть беды свои он утопит в вине...

Бедовые,
с криками, в голубизну
Росли мы, часами играя в войну.
Но мне никогда,
никогда не забыть
Всё то, что в войну довелось пережить...

Простая заря деревеньки моей.
Меж нами полвека, жалей не жалей...
О, свет, окрыляющий душу мою! –
Поэтому, сед,
и живу, и пою...

Т Ы

Свет любви, незабвенный и чистый,
Потаённо горит на губах

И не тает любовь,
как лучистый
Вожделенный нектар на губах.

В глубине неумёного взгляда
Светит летняя голубизна,
Не уйти от него,
И не надо! —
Ибо горечь утраты — страшна...

Я люблю твою нежность. Такая,
Мне покоя она не сулит,
Но в лучах её,
не остывая,
Жизнь моя молодеет, кипит.

Сладок стан твой...
Смежая ресницы,
Наклонись ко мне, ангел любви.
Притяжением звёздной зарницы
Озаримы рассветы твои...

МЕЛОДИИ БУЛАТА

По рощам, потерявшим соловья,
Я грустно прохожу, Булат...
Воочью,
Мелодии печали и любви
Ношу в душе, потерян, вплоть до ночи.

Булат... Булат мой...
Тоже одинокий,
Как будто бы молчу в ночи — с тобою
Они, твои мелодии, чисты —
Как ясный небосвод над головою.

Ембаево, ты похоронен здесь,
Где минареты высью одержимы,
Растут в зенит...
Как думы ни горьки, —
Мелодией Булата излечимы.

По рощам, потерявшим соловья,
Я прохожу,
Куда иду — не знаю...
Но песню неизбывную свою
С твоей — светло и бережно сливаю...

ЛЮЦИЯ ПАТРИНА

ОДИНОКАЯ БЕРЕЗА

На окраине деревни, над рекой,
Одинокая,

стоит, шумит берёза...
Почему же так печальна ты?
Открой
Свои думы мне, высокая берёза!

Неизбывная,
кого-то она ждёт,
Вдаль глядит, печалась каждою весною.
Ждёт по зимам, ждёт по вёснам —
каждый год,
Крону пышную вздымая над собою.

А сегодня ей не холодно — одной,
Потому что он вернулся к ней,
беспечный,

Он с чужбины к ней вернулся, дорогой,
Друг далёкий, друг залётный,
но — сердечный.

Что ж за праздник выпал ей! —
он прибежал

И прижался...
Под зелёными ветвями,
Вспоминает он, как долго тосковал,
Обнимает её жадными руками.

А она ему, берёза, про своё,
Как ждала его, забытая, отчаясь...
Горько тлеет в росной памяти её,
Как ушёл он от неё, навек прощаясь.

В этот вечер всей деревней к ней идут,
Полушалки в небо тихое взлетают...

ГОЛУБЬ

Шумно пляшут,
песни громкие поют,
Вкруг берёзы хороводы заплетают.

И — шумит она... Поёт ли?
Ей невмочь —
Она дружеским объятием согрета.
Он приходит к ней, хмельной от счастья,
Ночь
Коротая с ней до летнего рассвета.

А под ними просыпается река,
Этот парень ищет счастья ли, покоя...
Он с чужбины к ней пришёл, издавека,
Увлекаемый подспудною тоскою.

Он, играя на гармонии, обойдёт
Всю деревню... Себе места не находит...
И берёза, обмерев уже, поймёт,
Что опять он, переменчивый, уходит.

Не грусти, моя берёза, не грусти...
Под венозною корою сердце бьётся?
Неуёмный,
он пока ещё в пути,
Но, тоскуя и вздыхая, он вернётся...

Он вернётся,
загорелый, молодой,
И друзей он приведёт к тебе с собою,
Снова праздник, как и давешней весной,
В сто гармоник
развернётся над рекою!

О, голубь, облетающий село,
Зачем садишься ты ко мне на крышу?
Всё моё сердце грустью истекло,
За этой грустью — ничего не слышу...

Ты снова прилетел ко мне, спеша,
И, как порой себе я ни перечу,
Ромашкой распускается душа
Распахнутым крылам твоим навстречу.

Воркуя, как ты горд!
Не улетай...
Подругу ждёшь? Вечернею порою
Я тоже одинока — так давай
Разделим одиночество с тобою!

Молчала я, вместилище тщеты,
Печаль давно взяла меня в науку.
Спасибо, птица, — услышала ты
Мою тоску,
мою любовь и муку...

Лети в луга, мой голубок,
в своей
Призывной песне друга обретая.
Увы, другие страсти у людей,
Поэтому живут они — страдая...

ФАРИДА УТЕШЕВА

МОЕМУ НАРОДУ

Жила, не отвергая веру предков,
Я — не судья ей...
Но, из года в год,
Я причащаюсь ей, хотя нередко,
Судьба, бывает и наоборот.

В Аллаха верю я!
Светла природа
Исконной веры!

Но — грущу порой:
Откуда ж ты, кошунственная мода
На нашу веру?! Стала ты — игрой...

С землёй сравнив мечети,
позабыли,
Как, из земли исторгнув горький гул,
Пытали, убивали и травили
Неверные —
седобородых мулл!..

Но, верная, я верила от века:
Муллою будь,
Иль коммунистом будь,
Но только — оставайся человеком,
В достоинстве — верши кремнистый путь!

Довольно,
мир, погрязший в преступлениях!
Молюсь — прошу я, горькая, себя,
Чтоб в будущем
грядущим поколениям
Не выпала та горькая судьба!

ЛЕТНЕЕ УТРО

Заря восходит,
пылкая, стремится,
Пьянит красой и о любви поёт...
И удивлённо приумолкла птица,
Прервав внезапно пение своё.

Усыпанная росами — меж нами,
Светло подымая удивлённый взгляд,
Душа живёт — прекрасными цветами,
Что расточают страстный аромат...

Какое волшебство,
какая сила
Призыва — в ярких солнечных лучах!
Оно, большое солнце, разбудило
Подспудный свет в раскрывшихся
сердцах.

Люблю тебя!
В объятьях солнца — тесно
Лежит земной зелёный окоём,
И в этот миг,
мерцающая, зреет песня
Там, в сердце очарованном моём...

РАКИП ИБРАГИМОВ

БАБУШКА ВЕРНУЛАСЬ ИЗ ГОРОДА

О н а опять вернулась...
Непонятно,
Чем плохо ей у сына, ей-ей-ей?!
Три дня прошло, как просится обратно,
К себе, в деревню...
Что случилось с ней?

Волнуется невестка:
«В самом деле,
У нас ей лучше... Что ей там, в селе?!
Захочет отдохнуть — мягка постель ей,
Покушать — изобилие на столе...

Газ под рукой, вода... Дом у дороги...
А магазин! А баня! А кино!
Ходить пешком... — зачем трудить ей ноги,
Когда кругом автобусов полно?!
Что ни проси — оденем и обуем,
Носи на счастье,
милая, носи!
Что, скучно тебе, бабушка? —
любую
Соседку к себе в гости пригласи!
Ан нет, не ест, не пьёт она —
неловко
Уже перед соседями... Молчит...
«В деревню!.. А иначе — голодовка!» —
Она, прервав молчание, твердит.

Из книги «Поэзия тюменских татар»

ПОЭМА

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

КОВЧЕГ

1

Боже, за что — не знаю —
милость Твоя дана:
море, купель земная,
плещет у ног. Видна
вся полоса залива
между скалистых гор.
Хочется быть счастливым,
всё остальное — вздор!
Сердце, забудь о боли!
Парус зовёт вдали.
Моря на свете больше,
чем на Земле земли.
Лишь небеса бездонней.
К тайнам сокрытым нить
в тёплых морских ладонях
хочется ухватить.
Буду с волной лизаться,
вдруг и услышу гул
древних цивилизаций —
их океан вдохнул...

Я по судьбе протопал,
кажется, тыщу лет.
Небо грозит потопом,
море молчит в ответ.
Как бы ни заносило —
к берегу плыть верней.
Берег. Ковчег. Россия.
Мир устремился к ней.

2

Берег. Ковчег. Россия.
Порт отправленья — Крым,
как бы ни голосили
недруги — «скрытымным»!¹
Зубы у них скрипели...

Снился поэту сон:
русские песни пели

1 «Скрытымным» — новояз, словечко, придуманное поэтом Андреем Вознесенским.

Киев и Вашингтон.
 Пусть позакрыли двери!
 Кремль, продолжай, не трусь!
 В вещие сны поверю,
 если сплотится Русь.
 Правда и сила с нами.
 Русский другим не волк.
 Мы всей страной встанем
 скоро в «Бессмертный полк»,
 как сыновья Победы,
 дочери тех, кто спас
 мир. Пусть отцы и деды
 смотрят с небес на нас
 В войске они Христовом,
 «смертию смерть поправ».
 Каждый с мечом и словом,
 каждый пред Богом прав...

3

«Будьте отцов достойны!» —
 шепчет морской прибой,
 помнящий кровь и стоны,
 помнящий смертный бой —
 в сорок четвёртом битву
 за Севастополь, Керчь.
 Русские шли с молитвой
 в огненный этот смерч.
 Чья была крепче жила,
 дать ответ не берусь.
 Сколько же ты сплотила
 разных народов, Русь?
 Русский, грузин, татарин...
 Павших — поди, спроси —
 кто там пассионарен
 был на святой Руси?
 Белый ты или красный
 (этих спроси и тех),
 русскими не напрасно
 их называли всех...

Крым — Ушакова слава!
 Бьётся волна в гранит.
 Тихая Балаклава
 тайны свои хранит.
 И адмирал Нахимов,
 и рядовой матрос
 здесь подтверждали имя —
 непобедимый росс!..

В море впадают реки...
 Оторопев, смотри —
 вырублены навеки
 в скалах монастыри.
 Дух православной веры
 нам, Инкерман, открой!
 Мощи, а не химеры
 спрятаны под горой.
 Вздогнув, очнись от страха:
 не на тебя ли взгляд —
 души святых монахов
 сквозь черепа глядят.
 Вечности пряжу вяжут
 в костнице. Рядом — Спас.
 «Мы были вами, — скажут, —
 вы превратитесь в нас...»¹
 Здесь же, у Инкермана,
 прямо под той скалой —
 пропасть, как шрам, как рана
 страшной войны былой...
 Молнией боль искрится,
 нервы свивая в жгут.
 Истинные арийцы
 пленных держали тут
 хуже скота. Без пищи.
 Были овчарки злы.
 Люди («не меньше тыщи»)
 падали со скалы.
 «Прокляты и убиты».²
 Лагерь расстрелян был.
 В бездне морской сокрыты
 тысяча их могил.

4

Русская ностальгия.
 Бунин, Шмелёв, Куприн...
 Передралась Россия.
 Вбит в самый комель клин.
 Брат с топором на брата.
 Наземь летят кресты.
 Тройка летит куда-то.
 Русь, очумела ты?

1 Речь идёт об Инкермановском Свято-Клементьевском мужском монастыре. Костница — маленькая келья за стеклянной дверцей, за которой выставлены черепа усопших монахов со словами: «Мы были такими, как вы. Вы будете такими, как мы».

2 «Прокляты и убиты» — название последнего романа В.П. Астафьева.

Нехристи из потёмок
 ринулись править в ней.
 Правду узнай, потомок,
 из «Окаянных дней»¹.
 Матушка, не по силам
 мир на себе держать?
 Гнев перетёк по жилам,
 вытеснив благодать.
 Удаль у нас безмерна.
 Норов наш — без границ.
 Смутно на сердце, скверно
 меж разъярённых лиц.
 Видеть вражду — мученье.
 Не остановишь шквал.
 Всех оглашённых чернью
 Пушкин не зря назвал...

Как вам в Париже, в Ницце,
 Бунин, Шмелёв, Куприн?
 Русское сено снится
 в хрусте чужих перин?
 Не перевозмочь и в Ницце
 «Лета Господня»² крах.
 Лучшие — за границей.
 Прочие — в лагерях.
 Правда всегда упряма,
 словно слеза из глаз:
 «Сколько зарыто в ямах!» —
 горький рязанский сказ...³

5

— Павшие — все — храбрее
 выживших, — говорил
 старый десантник, грея
 внучке ладошку. Плыл
 клин журавлиный к югу,
 может, к Сапун-горе,
 где он могилу другу
 выдолбил на заре...
 И фельдшерица наша
 в клубе, приняв «грамм сто»:
 — Я — санитарка Маша, —
 плакала. — Помнит кто

1 «Окаянные дни» — книга И.А. Бунина о революции и гражданской войне в России.

2 «Лето Господне» — одна из лучших книг о русском православии И.С. Шмелёва.

3 «И сколько зарыто в ямах...» — строка из поэмы С.А. Есенина «Анна Снегина».

с передовой подружку?
 Я между мин ползла,
 а своего Ванюшку
 вынести не смогла.
 Мы целовались вместе,
 а воевали врозь...
 Лей! Я «махну» и «двести»,
 а зубоскалить брось!
 Вёл нас товарищ Сталин
 к славному рубежу.
 Лучшие ТАМ остались,
 вот что я вам скажу...

Лучшие — там. В сраженьях
 русский народ ослаб?
 Но Родионов Женья⁴,
 воин и Божий раб,
 перед бандитом с шеи
 так и не снял креста,
 жизнь положивши, смея
 путь повторить Христа.

6

К Чёрному морю ликом
 русский стоит солдат.
 Всяк, кто со злом и лихом,
 ну-ка вертай назад!
 Слева нагрянут орды —
 выжгут всю степь дотла.
 Справа — Европы морда —
 помнит о ней скала.
 Нож или камень в спину.
 Кто там? Залётный вор?
 Братская Украина,
 древний славянский спор...
 Вежлив солдат чрезмерно.
 Между орущих толп
 встал он, присяге верный,
 несокрушимый столп.
 Камни летят с обеих —
 нет! — с четырёх сторон.
 Русские? Значит, бей их,
 в ствол загоняй патрон!
 Русский себя погубит,

4 Евгений Родионов — русский солдат, казнённый боевиками-террористами в Чечне в мае 1996 года за отказ сменить веру и снять с груди православный крест.

русский врага спасёт.
Кто нас таких полюбит?
Кто нас таких поймёт?
Прыгнуть на бомбу? Пофиг!
Спас! Обречённо стих.
Русского слова «подвиг»
нет в словарях других.
В небо, что нет синее,
смотрит герой из тьмы:
«Были враги сильнее,
но победили мы...»¹

Между цивилизаций
тысячу лет стоим.
Терпим. Не ждём оваций.
Пост не отдать другим.

7

Звёзды горят. На Млечный
держим в ковчеге путь.
Все мы уйдём, конечно.
Русь остаётся пусть!
Пусть паруса белеют —
ветер их в клочья рвёт.
Кто-то ведь уцелеет?
Кто-то ведь мир спасёт?..

1 «Были враги сильнее, но победили мы» —
цитата из стихотворения поэта Николая Рачкова

Я написал поэму.
Сын, закачай в планшет,
чтобы однажды — в тему! —
вспомнить отца завет.
Родину не меняют,
веру не предают.
Русские это знают,
песни о том поют.
Жизнь — утоление жажды,
брызг океанских взвесь.
Счастлив я был однажды
с мамой твоею здесь.
Память об этом свята.
Спор бестолков с судьбой.
Горькая та утрата
нас обожгла с тобой...
Шторм не один изведав,
помним спасенья для —
кровью отцов и дедов
полита вся земля.
И потому — святая —
в звёздных огнях, в дыму.
Сын, я с тобой мечтаю
вновь побывать в Крыму.
Выйдем на берег, скажем
миру всему в упор:
— Чёрное море — наше!
Всё остальное — вздор.

С ДУШОЮ, СВЕТЛОЮ, КАК ЛУЧ

Доминанту мироощущения Мадияра Хазиева, художника из Набережных Челнов, преподавателя, более всего, пожалуй, выражает солнечный свет. Ещё в Казанском художественном училище от своего наставника Ш. Шайдулина он воспринял традиции «лучизма», авангардного направления в искусстве начала XX века.

В качестве эпиграфа ко всему творчеству художника можно было бы представить его картину «Врата рая» (1996), где изображён золотисто-жёлтый чертог с ведущей к нему дорожкой, сотканной из зелёной травы и солнечных лучей. Пишет ли художник портреты близких ему людей или исторических лиц, натюрморты или пейзажи, картины на исторические темы — всё пропускает он сквозь призму солнечных лучей. Благодаря этому происходит чудо превращения образов, выполненных в реалистичной манере, в романтические картины, излучающие радость и теплоту («На пасеке», 1995; «Бабье лето», 1997; «Жаркое лето», 1997; «Восточный натюрморт», 1997; «Караван», 1997; «Сирень», 1999). М. Хазиев следует и традициям Б. Урманче, воспринимая наивный оптимизм в показе народной жизни, и приёмы декоративно-плоскостного изображения, и традиции импрессионистического стиля, одной из особенностей которого было растворение изображаемых предметов в свето-воздушной среде. Импонирует ему и творчество В. Кандинского с его пристрастием к живописной передаче музыки окружающего мира. Один из любимых художников М. Хазиева — Густав Климт, австрийский художник начала XX века.

«Золотой стиль» Г. Климта, явленный им в портретах красавиц из знатных аристократических родов Вены («Портрет Сони Книпс», 1898; Портрет Адели Блох-бауэр I», 1907), М. Хазиев стремится реализовать при создании образов деревенских девушек («Галиябану», 1998; «Молодые», 1998) и героинь татарских легенд («Тахир-Зухра», 1997; «Портрет Алтынчеч», 1998; «Две царицы. Сююмбике и Нефертити, 1999).

В «золотом стиле» Г. Климта основную роль играет цвет золота, он употребляется в разных символических смыслах. На его ранних картинах золотой цвет излучали священные предметы, а позднее, в «золотой период» творчества (1905-1907), золото подчёркивало чувственную красоту женщин-аристократок, на портретах они написаны светлыми красками, в блеске драгоценностей, в окружении цветов. Цвет золота — и в фантастических орнаментах, напоминающих византийские мозаики, в них «прочитываются общечеловеческие темы» (например, любовь Адама и Евы на картине «Поцелуй», 1908).

Цвет золота М. Хазиев использует для передачи природной красоты татарских девушек. На картине «Алтынчеч» («Золотоволосая», 1998) глаза и волосы девушки золотисто-жёлтого цвета, они почти сливаются с золотисто-коричневым фоном, на-

поминающим цветную пыль лучистов. Золотоволосая как бы на наших глазах возникает из сказочного мира природы.

М.Хазиев даёт свою реализацию тенденций «золотого стиля», опираясь не на византийские традиции, как мы это увидим у Г.Климта, а на приёмы татарского народного декоративного искусства. Однако М.Хазиев, как и Г.Климт, на первый план выдвигает общечеловеческую тему.

Художник с интересом относится и к картинам А.Лентулова, умело использовавшего узоры разноцветных полотнищ и занавесок на ярмарочных павильонах. На картине М.Хазиева «Жаркое лето» на ярком декоративном фоне стены хлева с прислонённой к нему лестницей, сельскохозяйственной утварью в проёме двери стоит женщина в белом платье, вся освещённая солнцем, кормит цыплят. Огромная стена отражает солнечные лучи всеми цветами радуги. Она будто увешана разноцветными ковриками. Тёплый жёлтый, медовый цвет заполняет землю и всё пространство за стеной. Силуэт женщины в белой одежде становится композиционным фокусом, выражая представление художника о гармонии человека и природы.

Ряд работ художник посвящает образу матери («Молитва матери», 1995; «Тоска матери», 1996; «Мать в белом платке», 1997). В этих портретах царит белый цвет, он вытесняет даже любимый художником золотисто-жёлтый цвет. «Очевидно, художник писал не просто портрет своей матери, но Матери вообще, — замечает Ш.Абдулвалеева по поводу картины «Молитва матери». — Полнота этой женщины, уютная закруглённость её форм как бы олицетворяет собой щедрое

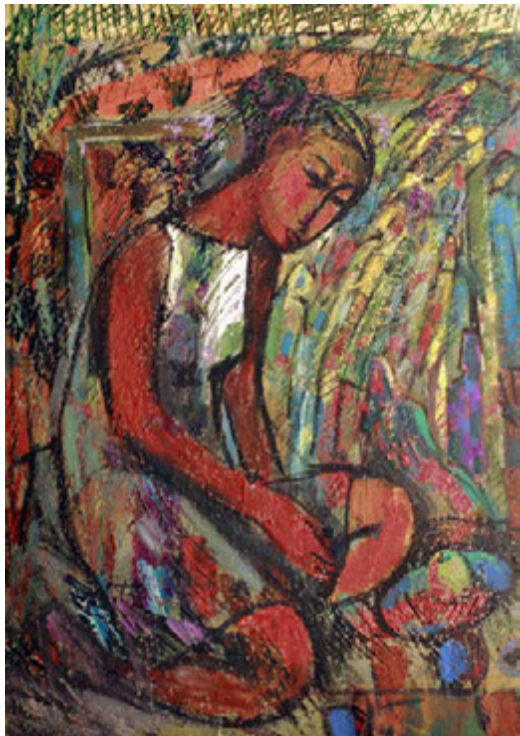
ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ...

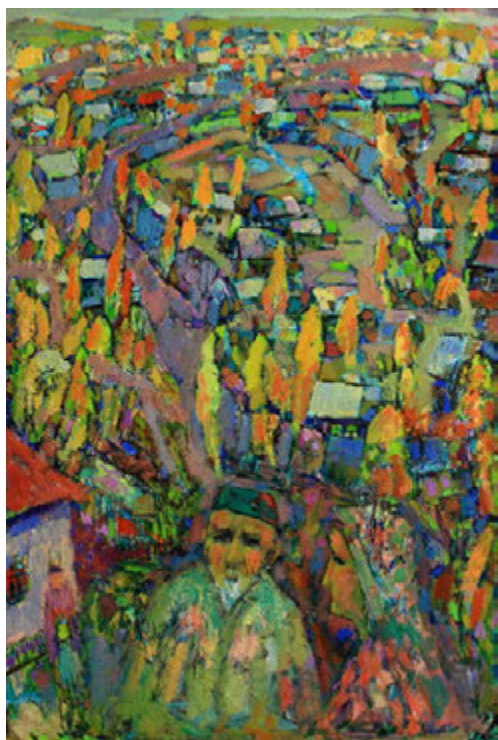
В родном доме. 2011 г. Х.м. 85×120

Встреча Тукай и Зайтуна Мавлюдова. 2011 г. к.м. 100×70

Девочка с яблоком. 2008 г. орг. м. 90×70

Бабые лето. 2012г. к.м. 100×70

Башня Сююмбике. 2012г. Х.м. 120×80

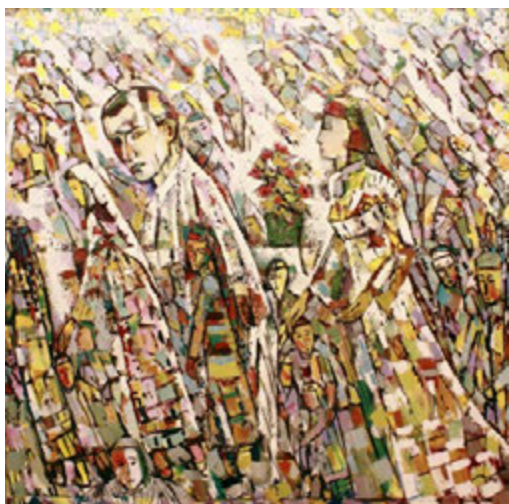

Ага-базар в Булгарах. 2011г. Х.м. 100×120

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ...

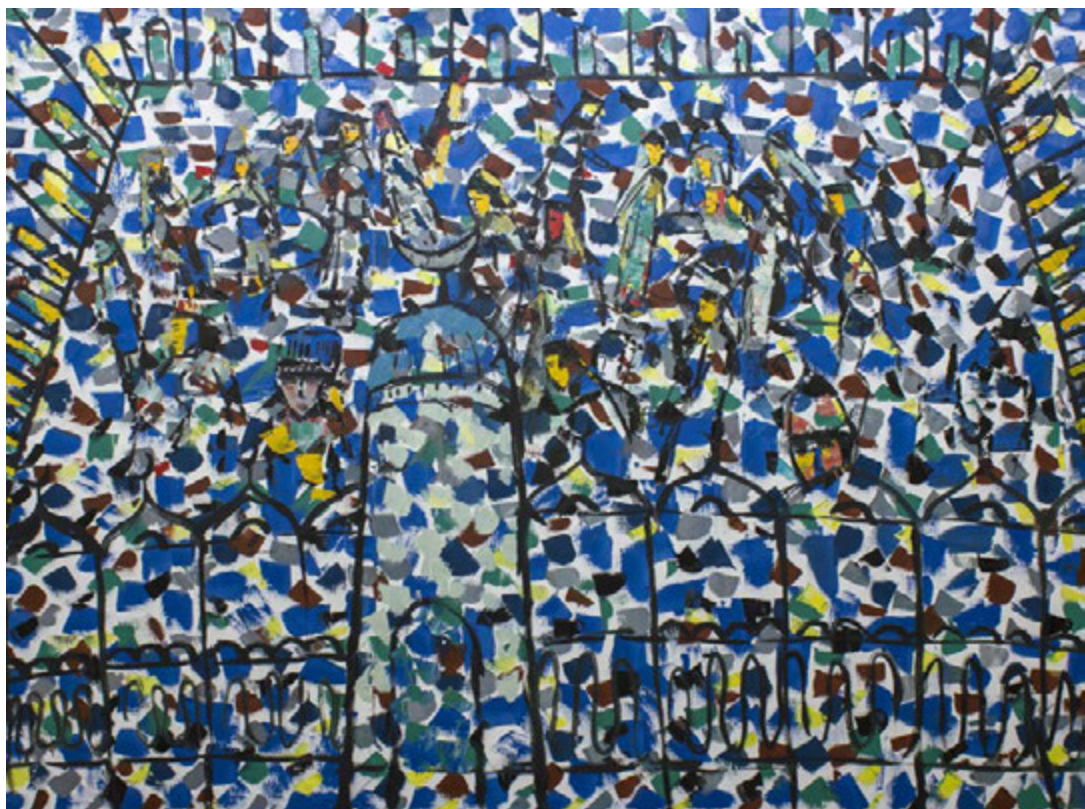
В день полнолуния. 2012 г. Х.м. 90×90

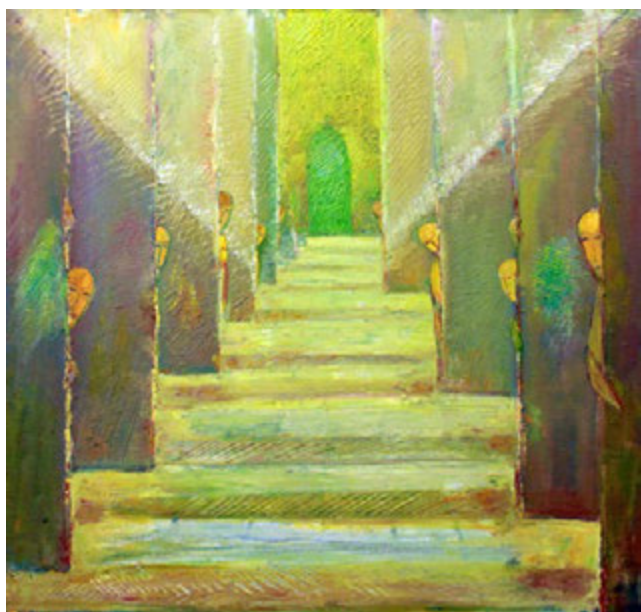
Весна с Тукаем. 2011 г. Х.м. 120×120

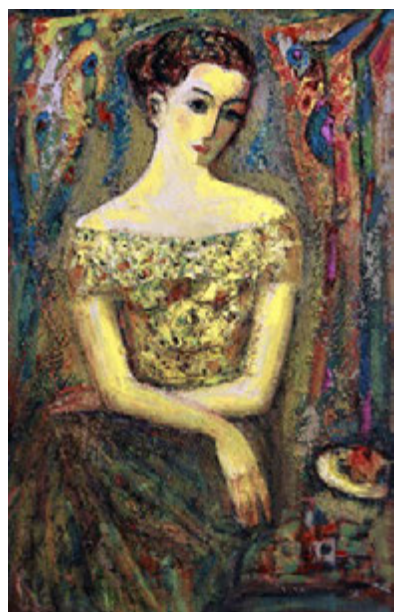
Девушка и море. 2012 г. г. Х.м. 90×80

Гарем. 2013г. Х.м. 120×150

Кто там. 2006г. Х.м. 86×90

Лилия. 2009г. к.м. 84×55

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ...

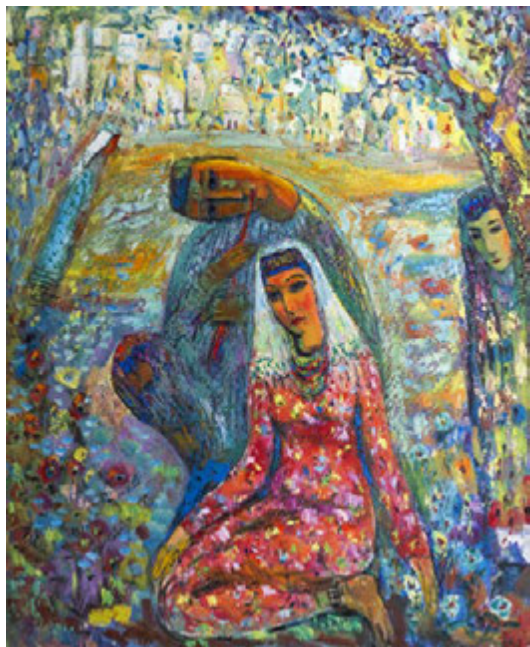
Караван. 1988г. Х.м. 100×140

Из серии Лето в Калмии. Летний вечер. Х.м. 100×120., 2013г.

На окраине деревни. 2010г. К.м. 70×100

Мелодия курая. 2013г. Х.м. 120×100

Осенний натюрморт. 2012г. Х.м. 50×40

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ...

Посвящается Матиссу. 2012г. Х.м. 86×90

Предки. 2009г. Х.м. 60×70

Праздник. Щипка гусей. 2010г. Х.м. 60×80

Сююмбике. 2005г. ст. Фольга, тушь, темпера. 60×50

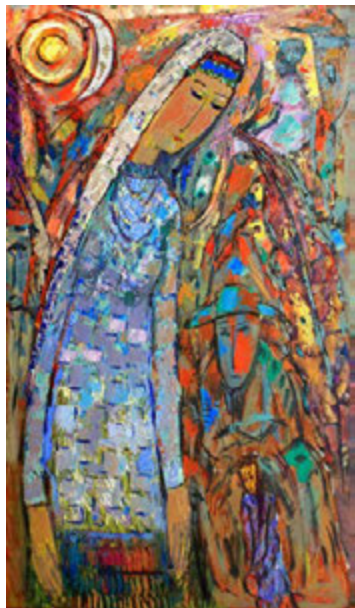

Теплый вечер. 2009г. К.м. 70×100

Зов предков. 2008г. Х.м. 85×95

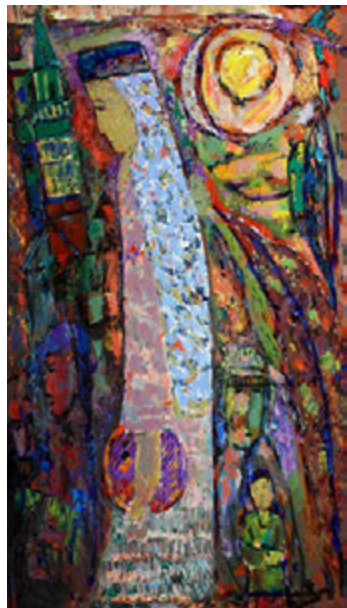
Триптих Мать и дитя

Левая часть. Молодая мать.
2012г. Х.м. 120×70

Центральная часть триптиха.
2011г. Х.м. 110×75

Правая часть. Бабушка
2012г. Х.м. 120×70

животворящее начало природы, плодородие Земли, гармоническую завершенность плода. Воздух картины пропитан светом, кажется, что от Матери исходят лучи и освещают собой весь дом, придавая высокий смысл предметам крестьянского быта».

Экспрессионистическое сгущение ярких, «гогеновских», красок на фоне заката на картине «Последний луч» (1998) настолько меняет контуры реальных предметов, что деревья в лесу, тянущиеся к небу, как живые существа, оранжево-красная дорожка, причудливая расцветка закатного неба ассоциируются с образом иной планеты. В размытых очертаниях и живописных пятнах, проступающих сквозь оранжево-красный луч заходящего солнца, как бы начинают пробуждаться таинственные космические силы. Изображённый на картине кусочек родной земли предстаёт как часть космического мироздания.

В отдельных картинах («Г.Тукай и XX век», 1997; «Сумерки», 1998) М.Хазиев использует стилистические приёмы кубизма. На картине «Г.Тукай и XX век» в центре — фотографически точно нарисованный портрет поэта на золотисто-солнечном фоне. Портрет помещён в обстановку комнаты, изображённой в геометрических формах (разноцветные прямоугольники, треугольники, квадраты). Посредством кубических абстракций передан дух «машинной» цивилизации технического XX века. Рама, в которую заключён портрет, как бы символизирует «железную клетку мира» (Г.Тукай), из которой поэт пытается вырваться в солнечную даль. Налицо контраст между образом поэта и «механистическим», бездушным миром. (На других картинах Г.Тукай изображён реалистически в обстановке татарской деревенской жизни).

В картине «Сумерки» точно такая же обстановка, но место портрета занимает проём окна в золотистом солнечном сиянии. В правом нижнем углу изображена деревенская женщина, облик и одежда которой также выдержаны в геометризованных формах. Контраст между человеком и «механистическим» миром снят, всё изображённое кажется причудливыми цветными бликами и линиями уходящего дня.

В картинах М.Хазиева на самые различные темы светонесущие лучи покрывают многоцветный декоративный рисунок, смягчают контуры и резкость отдельных красок, создают атмосферу лиризма, выражающего любовь художника к родному краю.

АНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

ПАВЕЛ ПАНОВ

КАЗАЦКИЙ ПОП

Такие звериные гривы у людей встречаются редко — густая, не прoderёшь никаким гребнем, в кудряшку, мелким бесом, с проседью. Такой рыкающий бас должен был достаться ушкуйнику... с кистнём... И эти могутные чресла мало соответствовали смиренному православному сану, но вот таким и был отец Александр. Откуда он взялся в храме Успения Божьей Матери — прихожане не знали, поговаривали, что батюшка сей — не из семинаристов, а из мирских, хлебнул он жизни моряцкой, похаживал с геологами, а потом, после какого-то жизненного потрясения, пришёл к Богу. Когда он пел: «Да исправится молитва моя... Жертва вечерняя...» — тоненькие огоньки сиротских свечек подрагивали, серебряная церковная утварь позвякивала. В храме Успения Божьей Матери если что и было от православных корней — так эта утварь, один старый крест и медный колокол, вздёрнутый перед церковными дверями на деревянную шарагу — колоколенки-то не было. Один купол самодельный... Не было пока и самого храма — власти для отправления религиозных нужд отдали приходу старый Дом Культуры. Сняли Ленина, внесли Христа, помахали кадилом и запели нестройно, но истово.

Настоятелем храма, местным епископом был владыка Феофантий — с бородёнкой набок, тщедушный, умненький монах (поговаривали, и правда, девственник). К отцу Александру прихожане потянулись сразу. Сперва предпенсионного возраста интеллигентные прихожанки — уже отгулявшие своё, отгрешившие, потом — народ всякий... И последними, присмотревшись, пришли казаки.

Сперва-то по мелочи: «Благослови, батюшка, оружие». Десятка два кавалерийских шашек, артиллерийских палашей, фехтовальных эспадронов, парадных не на точенных побрякушек, просто — самоделок, и даже турецких ятаганов и японских штык-ножей, всё это с кощунственным лязгом и скрежетом было обнажено перед алтарём.

Понятное дело, казачков из храма отец Александр погнал, оружие освятил в одной из старых казарм десантного полка, отданной новоиспечённому казачеству под штаб. Есаулы и сотники, хорунжие и рядовые — они казаковали в свободное от службы и работы время, искали себе применение, собирали силу. Власти их не трогали, заигрывали осторожно, но больше смотрели как на ряженных, приглашали то — в почётный караул, то в президиум, то детишек на лошадаках покатасть.

Однажды местный мэр Мерилов сказал атаману Сапрыкину, улыбаясь не то одобрительно, не то насмешливо: «Службы ищите, казачки? А вы наведите порядок на рынке!»

Развесёлые ряды городского рынка раскинулись прямо под окнами городской мэрии, сразу за уцелевшим памятником Ленину. Гортанные выкрики кавказцев, мяука-

ющий говорок корейцев, привычный русский мат долетали до окон бывших партийных кабинетов, тревожили. Порядок на рынке, собственно, существовал. Спортивные ребята с короткими стрижками собирали по вечерам дань, мгновенно и беспощадно гасили любой конфликт, сами назначали цены на товары. И «навести порядок» на рынке значило одно — переподчинить рынок мэрии. «Я казацкой кровью эту грязь поливать не буду», — сказал тогда несколько театрално атаман Сапрыкин и удалился.

И вот в это время к казачкам пришёл отец Александр.

— Некрещёного народу много народилось, неприкаянного, — сказал он. — Пойдём, казачки, погуляем, дело Божеское сотворим.

План был хорош — пройти на плотах и резиновых лодках по главной реке Ламутии маршрутом казаков-землепроходцев да по пути народ окрестить. И все вначале, как водится, вдохновились — решили обмыть начинание. Поп пил, не чинясь, — по полстакана, отмахиваясь широким крестом от самогонной нечисти. Казачки разгрызали смирение, заговаривали о Боге, намекали на сотрудничество. Сперва — крестить народ походным приёмом, а потом и вообще задружить надолго.

Экспедицию решили не откладывать и отчаливать уже через два дня. Отец Александр пришёл на берег реки в энцефалитке, болотных сапогах, с толково уложенным рюкзаком, сел на корму, перекрестился, сказал: «С Богом!» — и двумя сильными гребками вывел лодчонку на прибрежную стремнину.

Ещё с десяток лодок под казацкими хоругвями, императорскими самопальными штандартами, Андреевскими стягами и знамёнами военно-воздушных сил СССР, — всё это тронулось за ним следом.

Деревушки вдоль реки были одинаково скудные, подрёмывающие, выжидающие чего-то. Но народ шёл, крещение принимали дружно, отец Александр в раззолоченной рясе служил спокойно и вдумчиво, поливал склонённые головы речной водицей, пахнувшей ледниками недалёких гор, давал целовать крест. На жалобы деревенских — мрём, мол, — отвечал просто:

— В Бога веруйте да погост в порядок приведите.

— А то что?

— Передохнете все.

Атаман Сапрыкин успевал за это время переговорить с местными мужичками — кого-то посватать в казаки, с кем-то договориться об охране нерестилищ и заповедника, успевал узнать про дела фермерские, тут же наладить небольшую коммерцию.

Так и плыли. Почти семьсот километров и по полторы крещёных души на каждый километр, как подсчитал атаман Сапрыкин.

По ночам у костра атаман Сапрыкин заводил с отцом Александром душевные разговоры.

— Я уважаю Христа, — говорил атаман, поглаживая тонкие калмыцкие усики. — Много знал, много сам умел, людей за собой вёл... Атаман был! Ну, в смысле есть... А вот Бог-отец, прости мою душу грешную, какой-то нервозный мушшина. Ну, неправильно себя повели граждане, проживающие в городах Содом и Гоморра, так он их с лица земли стёр. А потом и совсем на людишек потоп напустил, стихийное бедствие. Ты же — Отец! Ты же умнее должен быть! Терпёж иметь! Вот я — отец. Породил троих казачат. И вот начни они у меня шkodить... Так что я их — в ведре помойном топить должен? Ну, выпорю... Объясню потом — за что выпорол. А топить... Нет.

— Каша у тебя в голове, атаман. Гречневая, — говорил отец Александр, помешивая в котелке. — Читай Священное Писание до тех пор, покуда не поумнеешь.

Атаман посмеивался, довольный:

— Нам, казачкам, в Бога верить положено по традиции, нас сейчас всерьёз не воспринимают. Маскарад, мол, устроили. В церковь заходим — не знаем, с какого места креститься начать! Это ничего, обвыкнем. Ты нас учи, отец Александр.

— Искренне ваше желание — учиться?

— Надо. Пока время есть. Казак — это свобода, воля. Много свободы — плохо. Разбалуются казачки, уничтожат их...

— Как в Содоме и Гоморре... Верно, атаман?

— Святая правда, отец Александр.

— А сейчас вас не могут уничтожить?

— За ненадобностью? Нет, присматриваться будут. Оставят. На всякий случай. Землю пахать будем, плёточками помахивать... Деньги у нас уже появились. Много денег будет — много силы. Тогда нас голыми руками не возьмёшь.

Еловой палочкой трогал угольки в костре отец Александр, дышать им давал, а сам думал о том, что человек к Богу приходит тремя путями. Одни — по традиции ходили в церковь всей семьёй, и деды ходили, и весь род крещёный. Вот и прижилась душа в храме. Другие — от беды, от потрясения, от безнадёги нашей. Третьи — от великого ума, как Менделеев, Эйнштейн — они Бога, как планету Нептун, на кончике пера, сперва вычислили, а потом уж уверовали. А вот атаман Сапрыкин — от всего понемножку? Не дурак, про Бога-отца, про Космос рассуждает... Потрясений у атамана тоже хватало — через Афган, Чечню прошёл атаман... В Приднестровье был.

— А что, атаман, ты тут Бога-отца за Содом и Гоморру осуждал, а я тут краем уха слышал, как ты казачкам рассказывал о казни. В Приднестровье... казачки ваши... снайпера...

— Снайпершу. Сука, прости Господи... Лет восемнадцать... Откуда-то из Прибалтики. Чемпионка по стрельбе, весь приклад в зарубинах — наши жизни считала. Их там называли «белые чулки». Говорят, платили хорошо за нашу кровь.

— Казнили?

— Ага. Два дерева согнули, за ножки стройные привязали... кишки петлями... Я три дня куса в рот взять не мог, спирт жрал, рукавом занюхивал.

— Вот когда ты казнил...

— Не я это. Видел только. А разве неправильно? Сказано же: «Око за око».

Вот так они и спорили. А под конец экспедиции всё чаще намекал атаман отцу Александру — стать казацким попом. Не то, чтобы служить пойти, а чтобы только у него одного казачки все требы справляли. К другому-то и не пойдут казачки... А ведь надо! Как без Бога-то?

И стал появляться отец Александр и на казацком круге, и дома у атамана, на дальних охотничьих заимках, в русской бане с парком свирепым. Сперва катался на стареньком казацком «Джипе-Чероки», а потом ему всем миром «Тойоту» поновее справили.

Станичники своему казацкому попу радовались, а тут ещё их и Президент народом назвал, Указом узаконил.

Нравилось казачкам и то, что ведёт себя отец Александр попросту, по-свойски. Был он вдов, пришло время, и присмотрел себе молодую бабёнку, будущую матушку. Казаки это одобрили: «А что, это у православных позволяется...» Ночь-заполночь заруливал к ней отец Александр — казачья жизнь расписания не знает, — поэтому и застал однажды с обнаглевшим от страха мужичком.

— Если у вас любовь, дети мои, так я и повенчать могу, — сказал отец Александр. — А если блуд... — и показал тяжёлый волосатый кулак, пахнувший благовониями.

«Да я... да ты...» — полез на него хилой грудью мужичок и тут же получил свою толику смирения от хлёсткого по-матросски удара в зубы. А батюшка забрал вещички и вернулся на свою квартиру — бобылём доживать.

История эта наделала много шума в городишке, который и спалто, похоже, под одним одеялом. Владыка Феофантий, епископ, гневно блестя очечками, сжимая в кулаке свою жидкую, мягонькую бородёнку, грозился отлучить от церкви, жаловаться в Синод, написать статью в газету. Но тут пришёл атаман Сапрыкин, коленопреклоненно помолился, поцеловал епископу ручку, попросил смиренно принять на храм пожертвование от казачков. Слабая рука владыки Феофантия дрогнула от увесистого пакета с деньгами, но он всё же сказал — тихо и упрямо:

— Не подобает православному священнику...

— Ваше высокопреосвященство! — так же тихо возразил атаман. — Вы, как монах и девственник, сможете понять — я уверен! — что плоть иногда бывает сильнее духа. Будем молиться за него.

Перед Пасхой, дня за два, атаман Сапрыкин, перетянутый ремнями, поплёскивая латунными вензелями на погонах, возник перед отцом Александром.

— Хотим праздник для народа устроить, отец Александр, — сказал он, помявшись. — Детишкам — бесплатное угощение, концерт небольшой, на лошадках покатаем.

— Дело Божеское, — согласился казачкий поп. — Где намерены всё это мероприятие провести?

— На площади, больше у нас негде. Разрешение у властей я уже получил.

— То есть, рядом с храмом?

— Не совсем. Ближе к почте.

— Дерзайте, дети мои.

— Там у нас в программе есть ещё парашютные прыжки. Полковник Терехов даёт на два часа вертолёт. Десантура поможет с парашютами.

— За крест над храмом своими куполами не зацепитесь?

— Шутите, отец Александр... У меня все профессионалы, в затыжном прыжке водку из горла пьют.

— Ну-ну...

— Благословение бы получить перед прыжками...

— Приходите.

— Мы хотели вас попросить это сделать в воздухе, в вертолёте то есть. Понимаете, будет телеоператор с областного телевидения, это он просил, ему нужны эффектные кадры. Что ж, нам, казакам, нужно почаще напоминать о себе! Да и вам тоже...

Владыко Феофантий, узнав о затее казачков, возмутился:

— Игры бесовские! Аки ангелы возжелали с неба слететь! Не позволю!

— Я не могу отказать прихожанам в требе! — твёрдо сказал отец Александр, глядя на епископа сверху вниз.

— Кто ты есть? Неуч! — ехидно сказал епископ Феофантий, сцепив пальцы на круглом молодом животике.

— Я людей крещу, — тихо возразил отец Александр... Тысячи уже окрестил, погосты по всем деревням освятил...

— Окормляться-то от этого мы лучше не стали! Бесплатно требы творишь!

— Казаки храму деньги жертвуют. И будут жертвовать.

— За грехи твои!

— За дела мои...

Поссорились они тогда безнадёжно. На задворках военного аэродрома, куда привезли отца Александра, рядом с острокрылыми стратегическими бомбардировщиками стоял вертолёт с латанными пробойнами на фюзеляже, и по борту, в пять рядов, звёзды — боевые вёхлы.

Полковник Терехов, коротко козырнув атаману, сказал негромко:

— Благословите, отец Александр! — Неловко ткнулся холодным носом в руку священнику, потом добавил со смешком. — Мне сейчас военком звонил. Ему из окна кабинета видно, как ваш непосредственный начальник, епископ Феофантий на площади молится. Стало интересно — почему на площади? Что у Бога просит? Послал дежурного выяснить. А владыко Феофантий, знаете, просит господа не допустить поругания храма. Да так аргументировано просит: мол, не дай ты им, Господи, лётной погоды, нарушь механизмы вертолётные и муфту сцепления...

— Господь ему судья, — сухо ответил отец Александр.

— Бог-то — Бог... — пробормотал полковник. — Ладно... Прогноз — отличный, видимость — миллион на миллион, ветер — три метра в секунду, вертолёт в отличном состоянии. Готовы, господин атаман?

— Так точно, господин полковник.

— Товарищ полковник... Через десять минут — колёса в воздухе. Выполняйте!

— Есть.

Задрав хвост, сотрясая грохотом бетонку, вертолёт оторвался от земли, круто потянул к облакам. Казачки — в форме, при регалиях — тесно сидели вдоль бортов, и парашюты горбатили их. Отец Александр, уверенно ступая по кренящемуся, вибрирующему полу подходил к каждому, благословлял, давал целовать крест.

Молоденький телеоператор крутился рядом, заглядывал в лицо холодным выпуклым глазом телекамеры. Накренившись в боевом развороте, вертолёт начал нарезать круги над городом, атаман Сапрыкин, рывком сдвинув дверь, смотрел вниз, хищно прищурившись.

Наконец, он откачнулся от обреза двери, впустил в салон ревущую, свистящую, бьющую тугим ветром пустоту и прокричал:

— Первая тройка! Встать! Готов? Пошёл!! — И трое казачков быстро и ловко попрыгали вниз, распластавшись в воздухе.

Отец Александр ещё раз перекрестил их в спины, глянул в блистер — летят, родимые, парят.

— Готов? Пошёл!! — И ещё трое привычно вышли из вертолёта. После каждого прыжка вертолёт слегка подрывало вверх, и пилоты мягко осаживали его.

— У меня тут трое перворазников, новичков, то есть, — прокричал на ухо отцу Александру атаман. — Волнуются ребята...

Взрослые, уже с проседью мужики показались священнику бледными, испуганными, они явно чувствовали себя неловко, стянутые ремнями основного парашюта и «запаски». После каждого прыжка один из них — бородатый, с рваным шрамом на щеке казак — обводил глазами оставшихся, словно подсчитывая, когда его очередь. Ему и выпало прыгать последним. Короткими шажками он подобрался к развёрзтой двери, сделал падающее движение вперёд и вдруг вцепился скрюченными пальцами за какие-то кронштейны, вертолётные рёбра. Атаман Сапрыкин быстро и виновато оглянулся на священника, угрожающе помахал кулаком перед носом телеоператора: «Не смей снимать!» — и начал отдирать побледневшие пальцы мужика от металла. Мотая головой, пятясь, мужик начал садиться прямо на пол. Сапрыкин, пытаясь его удержать, сам оскользнулся и упал на колено. Два человека, упакованные в парашюты, боролись внутри вертолёта, в двух шагах от засасывающей, притягивающей пустоты.

— Отказник... твою мать! — услышал отец Александр бешеный крик атамана. — Встать!

Пилоты, косясь через плечо на возню в салоне, развернули вертолёт ещё на один круг.

— Встать!! — орал Сапрыкин, дёргая мужика за шиворот. — Что ты делаешь?! Забыл, что на круге решили? Отказникам — плеть! Выпорют ведь старого дурака по голой жопе... из казачества выгонят... хрен ты тогда землю получишь... Встать!!

Голова у мужика вяло болталась, и атаман вlepил ему пару хлётских затрещин.

— Эй, командир! — проорал из кабины пилот. — Возвращаться будем?

«Друг, зайди ещё на один разворот!» — показал ему жёсткими руками атаман. Отец Александр, скорбя, подсел к струсившему казачку, с другой стороны, толкаясь парашютом, упал на одно колено атаман Сапрыкин.

— Васёк... Господин подхорунжий... — начал торопливо говорить старому казачку атаман, оглядываясь на пилотов. — Нельзя нам сейчас казаков позорить. Надо прыгнуть, Вася... Ты Афган прошёл, Чечню, ты мужик смелый, ты сможешь!

— Там — не убили, здесь — не хочу! — лязгая зубами, вдруг проорал казак.

— Ты же знаешь — всё надёжно... я сам твой парашют укладывал... первый раз всем страшновато... девчонки прыгают... дети прыгают... я сам с тобой прыгну...

— Тебе-то что? Как два пальца... ты водку в воздухе пьёшь...

— Вот он с тобой прыгнет! — быстро сказал атаман. — Прыгнешь, отец Александр?!

В глазах казака появилось осмысленное выражение.

— Отец Александр тоже будет прыгать первый раз. Причём без подготовки... Бог вам поможет... — торопливо кричал атаман.

— Я, собственно, не имею права... В рясе... — начал отец Александр. — К тому же епископ наш, владыко Феофантий...

— Батюшка!! — яростно заорал атаман. — Души православные не токмо молитвой спасать можно! Говорю же — его выпорют принародно... нагайка-семихвостка... в каждом хвосте по винтовочной пуле зашито... выпорют и из казачества выгонят... Ни денег из казацкого банка, ни земли... Он сдохнет, это я точно знаю!

Глаза казачка начали снова тускнеть.

— Хорошо! — прокричал отец Александр. — Что я должен делать?

— Ничего! Сейчас я вам помогу надеть парашют. Он откроется сам, вот эта стропа выдернет купол. Нужно только выйти из вертолёта... просто сделать шаг! Я буду спускаться рядом, и крикну, что делать дальше, будет хорошо слышно. Всего один шаг, отец Александр!

Путаясь в рясе, отец Александр влез в лямки парашютного ранца. Атаман обряжал его — что-то застёгивал, подтягивал, потом подтолкнул к двери: «Готов?!» Земля,

в серых квадратах городских кварталов, с речкой, по которой бежали слепящее солнце и облака, птицы, летящие под ногами, — всё это вдруг слегка накренилось, маня и поддразнивая, ветер туго хлестал в лицо, растрёпывая бороду священника, выжимал слёзы из глаз.

— Готов?! — снова он услышал голос атамана Сапрыкина. — Пошёл!!

И последнее, что услышал отец Александр перед тем, как шагнуть в пустоту, был весёлый крик пилота:

— Ну, Витёк, сукин сын, сейчас он и попа без всякой подготовки выбросит!..

А потом все звуки исчезли.

Сдавило дыхание, наперсный крест ударил вдруг по зубам, священника перевернуло в воздухе, дёрнуло и, как во сне, медленно и бесшумно начал распускаться над головой светло-серый купол парашюта. Одновременно он видел, как уходит в вираже вертолёт, уронив маленькую человеческую фигурку, и тут же — рывок, и наступила плывущая тишина, и охватило тёплое и спокойное небо.

Подёргав за натянутые верёвки парашюта, отец Александр удивился их надёжности, поглядел вниз — под носками его старых яловых сапог проплывал купол церкви... потом вспомнил про струсившего казачка, заглядывался, — а он висел под куполом, совсем рядом, чуть выше, кричал или пел что-то сумасшедшее и весёлое.

Снова с грохотом и присвистом прошёл над головой вертолёт, из чрева его чёртом вывалился атаман Сапрыкин, камнем полетел вниз, и совсем рядом, почти на том же уровне, где висел отец Александр, распаковался с хлопком и беззлобным матерочком.

Отец Александр засмеялся и крикнул:

— Эй!

— Всё нормально, отец Александр! — тут же отозвался атаман. — Над головой у вас... посмотрите! Клеванты... две красные бобышки... палочки такие, на верёвочках... потяните за правую... сильнее! Всё! Вот так и идём! Сядем в скверике, на травку, ноги держите вместе... всё!

Внезапно земля заторопилась, стала надвигаться всё быстрее и быстрее, побежала куда-то вбок, отец Александр ещё успел услышать крик:

— Священник на парашюте, ахти, господи!

Чей-то знакомый дискант прокричал:

— Ряженный!! — И на этот голос, накрывая его куполом, в крутом развороте пошёл атаман Сапрыкин.

И тут же отец Александр мгновенно увидел на земле отдельные травинки, и сразу же земля не больно ударила в ноги, и он упал не столько от неловкости, сколько от желания прижаться к ней — такой твёрдой и надёжной.

Ветерок вздувал наполовину погасший купол, перебирал стропы, трепал полы задравшейся рясы. Набегал от площади развеселившийся народ. Кто-то уже помогал отцу Александру расстегнуть парашютные замки, а ему всё хотелось полежать ещё минутку на траве, прижаться к ней бородой, вдохнуть запах — земляной, весенний, сочный...

АНДРЕЙ УБОГИЙ

ANAMNESIS MORBI, ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

Путешествий за жизнь накопилось немало: каждый год доводилось куда-нибудь съездить, сходить или сплавать. Но случилось, что из-за проблем с позвоночником я сделался «невыездным». Какие уж там рюкзаки и байдарки, когда и самого-то себя я носил еле-еле?

Но, когда уж совсем загрустил, я подумал: а разве болезнь — это не настоящее путешествие? Разве те перемены пространства и времени, и тебя самого, что случаются в ходе болезни, не стоят того, чтоб их вспомнить и описать?

Зачем, в конце концов, мы путешествуем? Ведь не только затем, чтоб сменить декорации жизни; путешествуем мы для того, чтоб на фоне переменявшейся вокруг нас обстановки встретить самих же себя. Что останется в нас, в наших душах, когда поменяются и пейзаж за окном поезда или автомобиля, и язык, на котором с тобой говорят, и те блюда, которыми потчуют гостя? В конце концов, цель наших странствий — мы сами; заберись хоть на Эверест или Северный полюс: пока не найдёшь там, не встретишь себя самого — всё будешь считать путешествие неудавшимся, незавершённым.

Конечно, есть путешественники, стремящиеся не столько обрести самих себя в странствии, сколько, напротив, забыться в калейдоскопе новых стран, городов и людей и, таким образом, от самих же себя отдалиться. Когда человек не выносит себя самого, он может впасть в дромоманию, страсть к перемене мест; но разговор о причинах и следствиях этой измены себе самому завёл бы нас слишком уж в сторону: возможно, что и Агасфер, Вечный Жид возник бы тогда в поле нашей беседы...

Предыстория такова. Большой любитель лыж, я и десятилетнюю дочку Дашу стал приучать к этому делу. Ей лыжи сразу понравились, и она так ухватисто, ловко бежала за мной по лыжне, словно не первый сезон уж стояла на лыжах.

А март выдался — будто специально для лыжников! В ночь подморозит, днём разогреет, да ещё чуть подсыплет ночного снежку — и лыжня по утрам была словно припудрена снежным искрящимся пухом. Скольжение было отменным, и мы с женою и дочкой убегали порой далеко: не хотелось сворачивать к дому. Докатили как-то аж до Городни, где сохранилось имя Наталии Петровны Голициной, послужившей Пушкину прототипом Пиковой Дамы. Да и денёк был пушкинский: «Под голубыми небесами великолепными коврами, блестя на солнце, снег лежит», — а дом Пиковой Дамы розовеет вдали, среди чернеющих лип...

На обратном пути Даша устала. Несколько раз она падала, рукавицы и шапка уж были мокры, и лицо девочки выражало страдание: «Да когда ж, наконец, мы доедем до дома?»

И я решил взять её на буксир — точно так же, как когда-то меня, семилетнего, тащил по лыжне мой отец. Сцепил две лыжных палки, подал один конец дочери, за другой взялся сам — и мы покатили.

Я бежал быстро, отведя руку с палкой-буксиром назад, и чувствовал, как мой позвоночник похрустывает от такой напряжённой и скрученной позы. Но ещё не угасший спортивный азарт и, главное, радостный смех моей Даши, которой буксир очень нравился, — это всё не давало остановиться.

Пробежав так около километра, пришлось всё-таки прекратить буксировку, потому что я чувствовал: с позвоночником что-то не то. До дома ещё кое-как докатил, переоделся и полежал на полу. Боль вроде стихла, и я решил: обошлось.

Но на самом-то деле всё только начиналось. Среди ночи я проснулся от сильной и нарастающей боли в спине, ягодице и левом бедре. Боль по характеру напоминала сильную судорогу; только, в отличие от судороги обыкновенной, она не прошла за минуту-другую, а длилась и длилась.

Что было делать? Ну, покатался я по полу, порычал-постонал — с одной стороны, опасаясь будить, беспокоить домашних, а с другой понимая, что одному мне не справиться. Казалось, катался я долго, — на самом же деле прошло минут пять.

Проснулась жена.

— Что с тобой?!

— Не знаю, — процедил я сквозь зубы. — Наверное, нерв ущемился...

Лена сделала мне укол обезболивающего — но это была, что называется, мёртвому припарка. Боль чуть затихла минут на семь-восемь, а потом навалилась с новой силой: как будто укол её лишь раззадорил.

— Вызывай, Лена, «скорую», — сдался я.

Бригада приехала быстро, минут через двадцать. Медиков, одетых в синюю униформу, я встретил, лёжа на полу: о приличиях как-то не думалось.

— Что с вами, коллега? — присев рядом со мною на корточки, осведомилась женщина-доктор.

— Видимо, грыжа диска с компрессией нерва, — собрал я остатки врачебных, куда-то враз испарившихся, знаний. — Болит очень сильно...

— Я вижу, — сказала с сочувствием доктор.

— Сделайте, если можно, укол посильнее — и везите в больницу.

Неожиданно, прямо скажем, началось моё путешествие: мартовской ночью, на жёстких холодных носилках «УАЗа», который, лязгая и громыхая, катил по пустынной Калуге, а я, чтоб отвлечься от боли, старался представить: какой перекрёсток, какой поворот мы сейчас проезжаем, и скоро ли — Господи, хоть бы скорее! — больница?

Так я стал пациентом неврологического отделения. Больница, где я оказался, в позапрошлом веке была известна как Хлюстинская богадельня. Она и сейчас оставалась, по сути, заведением «Бога для»: приютом измученных и несчастных людей. В неврологии лежало много стариков и старух, перенёсших инсульт: или совсем бездвиженных, или хромающих еле-еле, по стеночке. На грубом, но точном медицинском жаргоне таких больных называют «валежником». Словно деревья в лесу, они уже отстояли свой век и рухнули, но жизнь ещё теплилась в них, и Хлюстинская больница старалась, по мере возможностей, эту жизнь поддержать.

«Пациент», в переводе с английского, означает «терпеливый». В самом деле, терпеть было главной работой в больнице. Терпеть боль и тоску, морщиться от уколов и рук массажистки и, главное, терпеть собственную телесную немощь, столь пока непривычную.

Тяжелее всего была первая ночь. Не раз вспоминал я испанскую поговорку «День бел, ночь черна». Да, ночь черна — так черна, что не видно просвета ни в ней, ни в той боли, с которой даже укол промедола справлялся минут на двадцать. Ни лежать, ни сидеть я не мог; боль немного стихала, лишь когда я ходил. Вот и приходилось ночь напролёт ходить по больнице, по гулким, ночным, бесконечным её коридорам.

Василий Великий молился: «Даруй мне, Господи, трезвенным умом и бодренным сердцем всю настоящего бытия ночь перейти...» «Ночь перейти, — бормотал и я про себя, ковыляя-хромая. — Вот именно, что перейти...»

А перейти её было непросто: уж очень был длинен и труден тот путь. Казалось, что время течёт по бредовому кругу, вливаясь само же в себя, повторяясь — как повторяются те коридоры и лестницы, по которым я брёл. Впервые в жизни я шёл, ставя целью преодолеть не пространство, а именно время: мне было нужно дойти — до рассвета. И, как случалось в походах сбиваться с пути и блуждать, потерявшись в пространстве? — так же точно, казалось, блуждал я во времени. Сколько я ни смотрел на часы, уже запрещая себе этот частый нервический жест — время словно застыло, и утро не приближалось. «Может быть, я иду не туда, не в том временном направлении — может, я двигаюсь в прошлое?» — уже посещала меня диковатая мысль.

А прибавить сюда полусвет коридоров, вздохи и стоны больных по палатам да боль, что тащил я с собой, словно ношу, да прибавить усталость: уверен, что этот ночной переход вполне потянул бы на спортивную категорию сложности. Но главное было в другом: в той тоске, что сгушалась в душе. Казалось, что вся моя жизнь, в её прошлом и будущем — точно так же мутна, беспросветна, бессмысленна, как этот унылый и тягостный путь по ночным коридорам больницы...

Больничное утро — особое и драгоценное время. О том, что ночь пройдена, говорит ещё даже не утренний свет в тёмных окнах палат — о рассвете больным сообщают шаги, голоса медсестёр, разносящих термометры и начинающих делать уколы. Эти звонкие, столь долгожданные голоса — словно утренний крик петухов деревенскому жителю: они возвещают о том, что ночь, наконец, отступает.

И все, что казалось таким безнадёжным, мучительным, страшным — бледнеет, мельчает, теряет свою колдовскую угрюмую силу. Уж на что бы, казалось, для боли нет разницы, ночь на дворе или день? — но и та ощутимо слабеет к утру.

А мы, инвалидная наша команда — те из нас, разумеется, кто ещё может ходить — встречаем друг друга в дверях процедурного кабинета или у столика лаборантки особыми, радостно-солидарными взглядами: «Что ж, мол, друг, ещё одну ночь мы с тобой отстояли, отбились...» Есть, правда, потери и в наших рядах: вон, в конце коридора, каталка, и длинный белеющий свёрток на ней.

Но зато поступает к нам и пополнение: лифт из приёмного поднимает носилки с краснотелой и тучной, натужно хрипящей старухой. С ней двое детей — или, может быть, внуков? — и санитарка громко кричит: «Эй вы, родственнички! Что ж вы стали, как пни? А ну, помогайте её перекладывать...»

С утра начинается наше лечение: уколы, капельницы, процедуры. Интересно и непривычно следить, как что-то делают с твоим телом: как его раскладывают по ку-

шетке, колют иглами, давят и мнут, то вливают в него растворы из разных флаконов и ампул, то прикладывают гальванические пластины и пропускают сквозь тело ток. Но в глубине напряжённого самосознания всегда живёт ощущение, что твоё тело — это не совсем ты. Нет, конечно, тебе оно близко, знакомо, оно неразлучно с тобой вот уж сорок два года; но ты чувствуешь, что твоё существо помещается где-то в другом, не поддающемся точному определению, месте. Эта суть, сердцевина — то самое, что называется «я», — конечно, зависит от тела, но всё же ведёт совершенно особую жизнь. Телу может быть плохо — его, скажем, мучают голод, усталость, а душе, как ни странно, в такие минуты бывает порой хорошо. Или тело, напротив, в порядке, оно сыто, одето-обуто, и в нём ничего не болит, но душа изнывает в тоске, беспокойстве, томлении или печали.

Вот лежишь на столе, массажистка уверенно мнёт твою поясницу — вот-вот, кажется, она разберёт тебя на отдельные мышцы и кости, — а ты чувствуешь, как телесные ощущения приходят к тебе всё-таки — со стороны. То, что гладит и давит, и мнёт массажистка — есть всё же не ты, а какое-то внешнее (с тобой, разумеется, связанное) существо.

Этот опыт болезни действительно важен, отраден. Ибо что столь же ярко, доходчиво может нам показать: мы не сводимся к телу — а значит, скорее всего, не кончаемся с ним? В этом старом, но вновь освежённом и поэтому как бы впервые открывшемся знании содержится столько надежды и утешения, что уже ради этого стоит всерьёз поболеть. И, как ни странно, но в дни болезни я был весел чаще, чем когда был здоровым. И это веселье приходило ко мне, несмотря на усталость и боль, и на множество разных житейских проблем, обострённых моим нездоровьем.

Больничная пища — особая тема. А уж в таком отделении, как неврология, где обычно лежат долго, неделями, обед становится чуть ли не главным событием суток. День делится на «до обеда», и «после обеда». Меню предстоящих кормлений — любимая тема разговоров больных. Буфетчица, раздающая суп или кашу — очень значимый здесь человек. Ну, ещё бы: она же кормилица, она заменяет для многих, лишённых неделями дома, — хозяйку.

Кастрюли и баки с едой поднимают на лифте. Сегодня нам всем повезло: по коридору, вместо привычного запаха хлорки или лекарств, разносится упоительный запах горохового супа.

Почему лишь в больнице гороховый суп так хорош? Никогда и нигде он не достигает той степени совершенства, как здесь. А больничный так густ, ароматен, что хочется есть, закрывая глаза и постанывая от наслаждения — ибо слов в языке не достанет, чтоб выразить всё восхищение кулинарным шедевром. Жаль, что тарелка пуста стремительно — ложка уже подбирает последние кубики рыжей моркови и кольца варёного лука, — и ловишь себя на желании диком для взрослого человека: взыть, да вылизать опустевшую эту тарелку!

Вот и говори после этого, что мы мало зависим от тела и, в частности, от желудка. Не одно, впрочем, тело радуется больничной еде: ждёт обеда и наша душа. В неприютности голых больничных палат, коридоров и лестниц, в той казённой тоске, что всегда наполняет такие места, — очень важно бывает порой ощутить что-то тёплое, как бы домашнее, то, что утешит тебя и согреет живым ощущением дома. Больничная пища поэтому — символ уюта среди неприютных и злых сквозняков, на которых так трудно болному...

Наевшись вкуснейшего супа, вздремнув, наконец, полчаса (еда — это лучшее из снотворных), я, поднабравшийся сил, продолжаю поход по больнице.

Сейчас, пока ещё день, путешествовать много приятней, чем ночью. И настрой у тебя совершенно другой, и боль днём слабее, да и встречаешь не только таких же, как ты, бедолаг, едва волочащихся по коридору, но и, например, молодых медсестёр.

Стараешься даже поменьше хромать: когда навстречу, стуча каблучками, в коротком халатике спешит местная фея. Красивые лица сестёр неприступно строги — я же, мол, на работе, мне некогда думать о пустяках! — но всё остальное — и запах духов, и тугое бедро в распахнувшемся снизу халате, и блеск юных глаз — говорит о другом. Тебя обдаёт словно ветром движения, юности, жизни — а следом сжимается сердце, поскольку вдруг чувствуешь, что тебя самого этот ветер навряд ли уже понесёт...

Тут вступает ещё одна тема: Эрос больницы. На первый взгляд, она кажется неуместной: о том ли, мол, думать, когда захворал? И разве в больнице возможны какие-то токи эротики?

Не только возможны, но нота эротики именно здесь, в этом доме страдания, скорби и смерти звучит с редкою силой.

И здесь нет кощунства. Здесь всё нормально — насколько нормально быть может болезнь, смерть, любовь. Не раз мне случалось услышать от разных людей, побывавших в критических ситуациях, что даже в палатах реанимации у них оставалось одно — не последнее ль в жизни? — желание: овладеть молодой медсестрой, что склонилась над ними.

Что это — бред умирающих? Или особое сладострастие смерти? Или груди сестры, что вот-вот, кажется, выпадут в вырез халата, — они излучают такую живую и мощную силу, пробуждают такое желание жить, что как будто зовут умирающего: «Не уходи! Вернись в жизнь — там, куда ты уходишь, такого не будет...» Эрос здесь как бы вступает в последнюю схватку с Танатосом — и, случается, богу любви удаётся вернуть человека, которого смерть уж считала своей добычей.

Это всё не фантазии и не досужие домыслы. Известно, что в лучших американских госпиталях, в отделениях кардиореанимации работают сёстрами, в основном, филиппинки — самые, может быть, сексапильные женщины в мире. И вот именно их сексапильность есть главный критерий в отборе на эту престижную и непростую работу. Американские кардиологи проверили и убедились: да, именно силы, которые будит Эрос, порой возвращают нас к жизни — и эти глубинные, тайные силы куда эффективней лекарств.

Есть и ещё объяснение феномену такого предсмертного сладострастия. Организм, предназначенный гибели, как бы старается, даже в самый последний момент, оставить какой-нибудь след по себе, сохраниться — хотя бы в потомстве. Тогда им, вот-вот отбывающим в небытие, движет некий дух рода — дух, в котором, по убеждению Шопенгауэра, и заключается наша бытийная сущность. И биологи нам подтвердят: да, в природе, когда индивиды находятся в состоянии стресса — то есть, им угрожает опасность исчезнуть — тяга особей к совокуплению чаще всего возрастает, чтоб таким образом подстраховаться популяцию от вымирания.

Так что связи Танатоса с Эросом очень сложны. То эти два божества откровенно враждуют, стремясь овладеть человеком всецело, то вдруг выступают в союзе. Порой даже кажется: стоит на сцену явиться Танатосу — тут же, как тень или двойник, появляется Эрос.

Но и Танатос нередко сопутствует Эросу. Несомненно, что в стогах и хрипах оргазма, в содроганьях соития человек ощущает нечто потустороннее, смертное. Тот, кто исходит в конвульсиях «живейшего из наслаждений» (выражение Лоренса Стер-

на), пребывает, по сути, в агонии, в схватке с самим же собой. В этот длящийся миг он стремится исчезнуть, не быть — и, действительно, на какое-то время он почти исчезает...

Недаром то чувство тоски, оглушенности и пустоты, что медики именуют «*depressio post coitatum*», оно как бы нам говорит: да, ты умер, ты больше не нужен во всём этом мире, ты сделал своё и тебя как бы нет; то, что ещё продолжает дышать, шевелиться — всего лишь пустая твоя оболочка...

Далеко мы, однако, ушли от тарелки с гороховым супом. Но где, как не здесь, не в больнице, поговорить о серьёзных вещах.

Время шло, и маршруты мои становились длиннее: я уже выходил из больницы, совершая прогулки по городу. Сидеть мне по-прежнему было нельзя, лежать я мог очень недолгое время — так что только ходьба была более-менее сносным для меня состоянием.

Так много, как в нынешнем марте, я ещё никогда не ходил. Боялся за ноги: как они выдержат? Но от спортивного прошлого ещё оставался запас, и мышцы, суставы и связки ещё мало-мальски держали. «Ничего, — говорил я себе в утешение, — зато я теперь вроде киника: живу на ходу». О греческих школах киников и перипатетиков я знал очень мало — то, что последние, скажем, во главе с Аристотелем прогуливались вокруг храма Аполлона в Афинах и вели при этом разговоры о возвышенном, но всё равно, хоть и знал я немного, эти самые перипатетики-кинники мне очень нравились. Недаром и слово «циник» — титул, которым так часто жалуют нас, докторов, — происходит всё от того же «кинника». Стало быть, в чём-то мы их наследники и продолжатели. Например, в том, что стараемся называть вещи своими именами — в этом ведь, кажется, и состоит наш врачебный цинизм?

И ещё мне нравился в киниках тот дух свободы, игры, парадокса, без которого задыхается мысль. Мысли, брошенные на ходу, ненароком — часто самые плодотворные мысли. Да и просто мне нравилось то, что греческие мудрецы добровольно выбирали тот образ жизни, к которому меня принуждала болезнь. «Терпи, малодушный, — говорил я себе, — вот приличные люди же были — и за счастье считали ходить. А что ноги гудят — это мелочи, к этому можно привыкнуть...»

Город был слякотен, сыр — как положено городу в марте. Но весенняя неопрятность его тротуаров и улиц, обычно так раздражающая — мне, истомившемуся в больнице, была даже мила. Капли влаги висели на сучьях обрезанных лип, на троллейбусных проводах, на козырьках ларьков, а лужи мерцали в павлиньих разводах бензина. Всё это, в сущности, было красиво — как было красиво и то, как подфарники тормозящих у светофоров машин отражались в оттаявшем, мокро-зернистом асфальте.

Интересно, что взгляд молодеет, когда тело уже неспособно перемещаться с прежней непринуждённостью: он словно старается компенсировать ограниченность передвижений в пространстве. Видишь то, мимо чего прошагал бы и не заметив — если б двигался так же, как раньше.

Это было похоже на лёгкое опьянение: когда люди, предметы, слова вдруг становятся глубже, значительней и интересней, чем они представлялись до этого. Словно прежде ты торопился по жизни, и запарка житейских дел не давала тебе отдышаться, прислушаться и оглядеться; а недуг придержал тебя: «Ну, куда ты торопишься, мил-человек? Ты остынь, оглядись — а то так и проскочишь по жизни, её-то саму не заметишь...»

Чаще всего я ходил к рынку: именно рынок, со всей гомонящей его суетой-пестротой, представлялся подобием целого мира — и наблюдать его было всего интереснее.

Рыночный мир включал в себя множество разных миров. Так, был мир обуви. Тут пахло кожей и клеем, и весеннее солнце горело в сиявших колодках бесчисленных туфель, ботинок, сапог. Покупатели примеряли обновы, становясь на картонки, лежащие в мартовской сочной грязи — а наклонно стоящие на земле зеркала услужливо отражали их ноги, почему-то гораздо более длинные и красивые в зеркале, чем на самом деле.

Был мир дублёнок и шуб, и царивший здесь нафталиновый запах — чем-то грустный, всегда воскрешающий в памяти детство. Сезон зимней одежды кончался, и продавцы уж махнули рукой на торговлю: они собирались по двое-трое, пили водку из пластиковых стаканчиков и закусывали жареными пирожками. А вокруг колыхались от свежего ветра высоченные стены из шуб...

Джинсовые ряды были забавны тем, как молодые девицы примеряли тугие, в обтяжку, штаны. Они смешно оттопыривали перед зеркалами задки и так хлопывали, оглаживали их ладонями, как будто они в это время размышляли-мечтали уже не о джинсах, а вовсе о чём-то другом...

Любил я ходить и в скобяные ряды. Особый покой опускался на душу при виде всех этих свёрл, жестяных уголков, плашек, метчиков, гаек, гвоздей. Изобилие скобяного товара убеждало в том, что любую поломку или неполадку можно исправить, и по этому поводу нет особых причин волноваться. С поломкою тела, конечно, сложнее — тут шурупами-скобами не обойдёшься, — но всё же и тело, хотелось бы думать, ещё подлежит кой-какому ремонту. «Ничего-ничего, — думал я. — Что-то подтянем, где-то подмажем — ещё, глядишь, ноги походят...»

За ларьком, где приём стеклотары, слышался чей-то поющий, охрипший и низкий, уверенный голос. Сразу даже не скажешь, мужской или женский; даже увидев певца в длинном чёрном пальто, я не сразу сообразил, кто же он. «Всё-таки женщина», — решил я, присмотревшись. Это была, скорее всего, старая зечка, недавно вышедшая на свободу: её худое и жёсткое, бурого цвета лицо — лицо индейского вождя — пересекал грубый шрам, седые волосы выбивались из-под вязаной шапочки, а взгляд был направлен куда-то поверх тасовавшейся перед нею толпы.

Она пела самозабвенно, с надрывом. Кое-какие слова я запомнил, поразившись тому, сколь не вяжется нежно-любовная песня с грубым, как будто из жести и дерева, обликом старой певицы. Она пела:

Зачем бросал сирень-цветы

Ты мне в полночное окно?

И, хоть внешность её говорила иное — какие там полночные цветы? — но сердце верило всё-таки голосу, хриплому и настоящему. Верилось: да, были ночь и окно, и был тот, кто бросал гроздь сирени — была, словом, жизнь, от которой остались лишь песня да голос...

Главное в путешествии даже не то, как меняется мир, по которому странствуешь; главное то, как меняешься сам.

И вот когда я пытался осмыслить итоги последнего странствия — того, что устроила мне болезнь, — то оказалось, что это едва ли не самое важное путешествие из всех, которые я совершал. Из прежних походов я не возвращался настолько другим, чем когда, отболев около месяца, вернулся к привычной мне жизни: то есть опять начал спать лёжа, сидеть и ходить на работу.

Но, пытаясь выразить, в чём же именно я стал другим, я вынужден прибегать к определениям противоположным. Скажем, я стал мягче и твёрже одновременно. Так,

я стал больше жалеть пациентов: ибо и сам побывал в этой тягостной роли. А уж личного опыта не заменит ничто — и врачу, как теперь я уверен, полезно порой поболеть самому.

А твёрдость, которой, я думаю, тоже прибавилось, проявляется в том, что теперь на невзгоды и тяготы жизни я стал смотреть с точки зрения проблем более серьёзных. Размеры житейских невзгод как-то сразу уменьшились рядом с болезнью. И жить, отболев, стало легче, как это ни странно.

Конечно, за месяц болезни я постарел. Когда вдруг из активного крепкого мужика, из любителя бега и лыж превращаешься ну, не то чтоб совсем в инвалида, но в человека с явно ограниченными физическими возможностями — это, конечно, несладко. Но, с другой стороны, я отчётливо чувствую, как за время болезни помолодел.

Так, я узнал, как же это, оказывается, непросто: всего-навсего делать шаги, переступать по земле. Совсем как младенец, который вот только-только начал ходить, я оценил и почувствовал счастье и, вместе с тем, невероятную сложность прямохождения.

Помолодел я и в том, что мне теперь стало всё интересным. Когда ходишь медленно, волей-неволей обращаешь свой взгляд и внимание на предметы ближайšie, самые обыкновенные — те, что раньше вовсе не замечал. Это тоже, по сути, особенность взгляда ребёнка — того, кто способен часами, без усталости разглядывать щепки, травинки, каких-то букашек и мух, с упоением рыться в каком-нибудь хламе. Недаром же говорит нам народная мудрость: «Молодость приходит с годами». Вот, похоже, она и пришла — вернее, болезнь привела её за руку.

Но ведь и окружающий мир изменился, пока я путешествовал вместе с болезнью. Это тоже, конечно, одно из чудес нашей жизни: как, отчего, в какой странной связи находятся перемены твоей, освежённой болезнью, души с переменами внешнего мира? Мир сделался ощутимо теплее, добрее и ближе. То есть ближе, добрее и лучше сделались люди — потому что у них появилась возможность и повод помочь, пожалеть. В том, что мир не без добрых людей, убеждаешься именно в дни, когда сильно хворашь.

Всё, в общем, просто: болезнь, словно клич, созывает всех тех, кто готов и способен помочь. Поэтому в окружении заболевшего чаще всего возрастает количество добрых, хороших людей. Люди же прочие, те, кого наша болезнь и мы сами не очень-то интересуем, остаются поодаль. Вот и выходит, что мир в дни болезни становится лучше — настолько, что кое-кто из заболевших стремится продлить болезнь, уходит в неё, не желая опять оказаться в чужом, равнодушном к нему окружении.

Так что позитив у болезни огромен, и всякого рода хвала в её адрес ничуть не надуманна.

Не знаю, вполне завершилось ли это моё путешествие — больная нога ещё о себе напоминает, зато знаю, что по обилию впечатлений, по тем переменам, какие оно принесло, путешествие это является самым пока что значительным в жизни. Но, если даже оно завершилось или почти завершилось, всё равно нет причин горевать. Здоровья с годами, конечно же, не прибавляется — так что впереди, я уверен, ждут новые странствия.

Я. УДИН

ЗЛОВЕЩИЙ БУКЕТ

БЕСЦЕЛЬНАЯ ПРОГУЛКА

Шёл по улице. Моя тень шла рядом со мною. Я был недоволен собою. Был недоволен окружающей жизнью. Как мне избавиться от себя жену и дочь, думал я, как избавиться ни в чём не повинных людей от моей беспросветной многолетней хандры — и всего вытекающего отсюда. Я не умею устраиваться в этой жизни, не умею зарабатывать деньги и самое жуткое для меня, думать о завтрашнем дне. Уже много лет так — боюсь задумываться о грядущих бесконечных житейских проблемах. И мне всё время жалко жену и ребёнка. Я прямо снедаем жалостью к ним, и жалость эта от неумения обеспечить им нормальную жизнь. Я шёл по улице, и мне жить не хотелось — так всё осточертело. А тень моя бесшумно плыла подле, и была безмятежна и легка. Ничем не обременена. Краешком сознания я уловил, что завидую своей тени. Хорошо бы, чтобы меня не стало, а тень моя осталась. Моя тень без меня. О-о, нет, нельзя эдак долго рассуждать, нельзя! Хватит! — возмутился я и зашёл в ближайшую рюмочную, заказал 150 граммов водки и стакан томатного сока. Сосед по стойке, солидный на вид человек в тёмных очках, протянул руку со стаканом в мою сторону, и мы чокнулись.

— Тсс,— поднеся палец свободной руки к губам, сказал он с таинственным видом. — Тсс, ничего не говорите, нас могут услышать. Нужно быть осторожным — за мной всюду следят.

— Кто?..

— Мои же, мои. Так и ходят по пятам. Хотя и не знаю их в лицо, но они и здесь, и здесь следят за мной.

— Да кто же вы-то? Откуда?..

— Тсс, тсс. Этого нельзя говорить. Подписку давал. За это меня — раз! — и нет башки.

Я усмехнулся — и выпил: водка была тёплая и противная. Сок прохладен и приятен. Чуть поодаль два вполне приличных на вид молодых человека вели задумчивый разговор:

— Не-ет, тут уж, браток, я не вру, тут мне врать нельзя, нет, хоть убей, а не смогу соврать...

— Отчего эт?..

— Да как можно! Я ж с ним того, я ж с ним раков ловил, целый мешок наловили, как же я могу соврать, если раков вместе ловили?..

Выйдя наружу, я встретил давнюю мою знакомую и, узнав, где и кем она служит, спрашиваю, нельзя ли мне устроиться к ним на работу. Она отвечает, что, в принципе, можно и записывает мой телефон, мою фамилию, имя и отчество. После говорит с лёгким смущением и досадою в голосе:

— Что это за фамилия у тебя — с такой фамилией разве тебя куда устроишь?..

Я чуток растерялся и ничего ей не ответил. Да и отвечать особо было нечего. Всё это давно мне знакомо. Я был ещё невинным юношей, влюблённым в невинную девушку. Целыми вечерами, взявшись за руки, мы гуляли по тихим улицам города и всё о чём-то говорили, впрочем, говорил преимущественно я, она же всё больше молчала, изредка восхищённо заглядывая мне в лицо. Потом я провожал её домой, провожал до самых дверей квартиры. Она жила с одной лишь матерью, без отца. Было похоже, мать очень любила свою дочь и часами ждала её в прихожей, ибо, как бы поздно и как бы неслышно мы ни подступали к двери, моя подружка не успевала всунуть ключ в замочную скважину, как мать отворяла дверь и говорила спокойно:

— Пришла, моя полуночица? Ну, быстрее проходи, а то сейчас продует меня.

Матери было лет тридцать пять, наверное, а может, и того меньше. Моложавая, малого росточка, смуглая женщина с блестящими тёмными глазами на широко улыбающемся лице, она мне нравилась, но, скорее, не сама по себе, а как мать моей подружки. А я ей, казалось, не нравился, она никогда не заговаривала со мной. Так, глянет мельком и без интереса и отвернётся. Но однажды, когда я зашёл за своей подружкой и не застал её, мать пригласила меня в дом. Усадила на кухне за стол и стала поить чаем. Почти ни о чём не спрашивала, всё как-то странно и пристально, не отводя взгляда, смотрела мне в лицо своими блестящими тёмными глазами.

— Конкретно против тебя я ничего не имею, — сказала наконец. — Но ты должен знать: моя единственная дочь никогда не выйдет за нерусского.

Я был поражён. Потому что, помимо всего, сама она тоже мало походила на русскую. Как бы там ни было, фраза была произнесена, и я сидел, сгорая от неловкости и пряча глаза, точно не она, а я совершил какую-то несусветную подлость. Вдруг она как-то нервно хохотнула, порывисто встала и, неожиданно сев ко мне на колени, начала целовать меня. Что со мной было, что я тогда испытывал, честно говоря, не помню, или, точнее, вряд ли смогу передать словами, но знаю, что она затащила меня в постель и деловито, старательно, с жадной нежностью лишила невинности. Потом поспешно, едва накинув на голое крепкое тело халатик, почти силком вытолкала меня, ошеломлённого, из квартиры — и я ушёл, чувствуя себя как в смутном и горячем, жутком своей стыдливостью, сне, ушёл навсегда — не видел больше ни своей подружки, ни её матери. Кстати, и сама подружка почему-то не искала меня, не пришла ко мне, хотя и знала, где я живу...

Помню ещё более странное, совсем уж дикое подобное же недоразумение. Лет двадцать пять назад в нашем городе учился один мой земляк. Отец его по национальности — удин, мать — русская. На третьем курсе парень решил жениться — и тут такой скандал разразился: мигом приехали мать с отцом и стали решительно отговаривать сына от опрометчивого поступка. Особо старалась мать — она и слышать ни о какой женитьбе не хотела. Но сын упрямился, женюсь, мол, и всё, никто мне не указ. Так они бились долго, изо дня в день всё более ожесточаясь, к тому же и меня пытались вовлечь в свои семейные распри, но я всё отмалчивался, не желая встревать в чужую интимную жизнь. Но всё же однажды я не выдержал и сказал матери моего земляка:

— Татьяна Ивановна, что вы так убиваетесь, пусть закроет третий курс и женится себе. Что в этом такого?..

— Да я разве против? — возразила она. — Пускай хоть завтра женится, но только на своей — на удинке. А то, вишь ли, на русской вздумал жениться.

— Помилуйте, вы же сама русская, — удивился я.

— Какая я тебе русская! — вспыхнула она. — Какая ещё русская, когда более тридцати лет замужем в вашем селе? Нет и нет, на русской он женится только через мой труп...

Но сын всё же тайно сходил в загс и зарегистрировал свои отношения с любимой девушкой. А спустя полгода у молодых родился ребёнок. Однако жить им совместно всё равно не дали и к концу учёбы вовсе разлучили — увезли сына в родное село и там женили на местной девушке. Правда, от ребёнка, от внука, не отказались, к внуку приезжали каждый год и всячески ублажали.

Бесцельно прогуливаясь, я добрёл до рыночной площади и остановился, чтобы купить пачку сигарет. Кругом роилась людская толчея, шумная и бестолковая, как и пред всяким рынком. Тут моё внимание привлекла картина: за маленьким столиком сидела старуха и торговала семечками, орешками из стаканов. И среди этого шума-гама к столику старухи подлетали воробьи и воровали орешки. Как скоро я заметил, воровали не семечки, тыкваенные или подсолнечные, а исключительно одни орешки — фисташки, фундук, арахис. Старуха держала в руке палочку и часто стучала ею по столешнице, отгоняя наглых воробьев, но они всё подлетали и отлетали, подхватив клювиком очередной орешек и не обращая на старания старухи никакого внимания.

— Пирожки! — с едва заметным акцентом кричала опрятно одетая женщина-армянка с тяжёлой сумкой в руках. — Кому горячие пирожки!..

И то и дело прибавляла-твердила, как бы оправдываясь перед кем-то:

— Это после обеда я пирожками торгую. А с утра я целительницей работаю. Народной целительницей!..

Не знаю почему, наблюдая за всем этим, я стал чувствовать себя гораздо лучше. Тут меня хлопнули по плечу. Я повернулся и вижу: стоит мой приятель и улыбается, разведя руки для объятий. Мы горячо и шумно здороваемся и какое-то время беседуем о том о сём. Его я, однако, не спрашиваю о работе, с ним я уже работал, и мы не сработались. Он довольно успешно занят бизнесом и хорошо живёт. Так считается. Всем необходимым обеспечен. Даже с излишком обеспечен. Кажется, блага так и текут к нему в руки. Так и текут. Все даётся легко и непринуждённо. У него одна черта в характере — что бы он ни делал, о чём бы ни говорил, ни договаривался, неизменно произносит привычное:

— А что я буду с этого иметь?

Совершенно ничего — ни одного шага, ни единого жеста не совершает без этой фразы. Подчас доходит до нелепости, до маразма: тот же вопрос задаёт и жене, и дочери. Самое, пожалуй, дикое, я заметил: он не одинок — таких типов нынче много среди предпринимателей средней руки. Очень много. Я же при всём моём желании не могу быть таким. Я даже пробовал — года три крутился в коммерческой фирме этого приятеля, но сломя голову бежал, едва не спившись от тоски и убогости той жизни.

— Так ты чего здесь делаешь-то? — любопытствует приятель.

— Да вот курево купил, — отвечаю, и он брезгливо морщится.

Я курю дешёвые сигареты, и он всегда этим недоволен.

— Да брось ты их! — предлагает и теперь. — Кури вот мои.

Я молча отказываюсь. Чего ради, думаю, закурю такие шикарные, когда назавтра придётся возвращаться к привычным.

Это давний спор между нами. Помнится, как-то едем в его роскошном автомобиле. Я дымлю, как всегда, своим дешёвым табачком. Он не выдерживает, резко осаживает машину, выскакивает из салона и скоро приносит два блока американских сигарет. Блок «Парламента» — себе, блок «ЛМ» — мне, протягивает со словами:

— Подарок тебе. От меня.

— Извини, но я не возьму.

— Ну, чего, чего ты куришь эти вонючие? — возмущается он. — Вот я принёс тебе хороших и тоже крепких сигарет.

— Спасибо тебе, конечно, — отвечаю. — Не обижайся, но я не буду.

— Ну, почему, почему — не пойму? Почему — можешь объяснить?..

— Могу. Ты вот выскочил и купил сигарет мне вдвое дешевле, чем себе. Тем самым ты сказал и себе, и мне — насколько мы с тобой разные. Ты осмысленно поставил себя выше — и мне это, конечно, не могло понравиться. Нет, ты не думай, я без обиды говорю. У тебя своё место в жизни. У меня — своё: и мне моё место дороже. Я ж тебе не говорю: брось свои дорогие — кури мои дешёвые. Ты мне принёс сигарет заметно дороже моих и заметно дешевле своих. Понимаешь, в чём дело? Я не хочу из-за тебя на время становиться другим, чем я есть на самом деле. Зачем же ты этого хочешь, когда сам же указываешь мне моё место, то есть до своего уровня всё равно не подпускаешь?..

Он ничего не отвечает. Он сидит в хмуром напряжении за рулём.

Кстати, он ни за что не садится на трамвай или в троллейбус. Уже лет десять не ездит на общественном транспорте.

— У меня чё, денег, что ль, нет, — возражает, когда предлагаю одну какую-то останковку проехать на трамвае. — Я те чё, чумной какой, туда лезть — в этот гадюшник. Позориться...

К тому же он считает себя патриотом. Но весь-то его патриотизм заключается в том, что, покупая водку, он усердно и со злостью сдирает с бутылки этикетку, проинося:

— Ах, значит, «Самсон» называется русская-то наша водка? Ах, значит, «Самсон»!..

Или, скажем, как-то при мне, глядя на женщину с лицом восточного замеса, он спросил:

— Вы татарка, что ли?

Но её подруга живо возразила:

— Ты что, рехнулся, какая она татарка, она моя соседка.

Ай да подруга!..

А как он не хотел, когда мы только познакомились, как не хотел, чтобы я оказался нерусским.

— Ну... ты ведь всё равно русский, — говорил с доброй надеждой в глазах. — Хотя, может, как ты говоришь, корни твои нерусские. Сам-то себя русским считаешь?.. Нет?.. Разве?.. Но всё равно: говоришь-то, думаешь-то по-русски? Ну и вот, значит, ты совершенно русский человек. Вот и хорошо. Очень хорошо...

У него четырёхкомнатная квартира. Отменная двухэтажная дача. Дочь учится на третьем курсе престижного вуза. Словом, у него есть всё, чего он хочет. Но он несчастлив. Неприкакая и одинок. Родители его умерли. Единственная сестра, едва сводящая концы с концами, не общается с ним, преуспевающим и не очень чутким братцем. Жена тоже отошла от него, живёт лишь интересами дочери. И он не знает, куда себя деть, поработав месяц-другой и заработав кучу денег, запивает месяца на

три, на четыре или на все полгода. Пьёт дико и тупо, выхлёстывая литра по три водки в сутки, и так до полного беспамьятства, до полусмерти. После ложится или силком кладут его в больницу — и ставят на ноги. Потом всё повторяется по кругу...

Прожив с женой более двадцати лет, он жалуется, что она не любит и, в общем-то, не умеет готовить еду. У них дома, мол, вечные скандалы из-за этого. А я помню, как в молодости, когда его жене следовало учиться вести дом, хозяйство, она каждый вечер после работы ходила в клуб заниматься аэробикой. Хотя в этом не было никакой нужды — она от природы худа, стройна и изящна. Аэробика просто была модна тогда, и она изо дня в день пропадала в клубе, часами дрыгала ногами и вертела задом, а он тем временем ходил по магазинам, закупая продукты, забирал ребёнка из садика, после безропотно ждал её на скамейке перед клубом, играя с ребёнком и поглядывая на часы.

— Ты что, не знал, что баба мешок, что положишь, то и несёт? — говорю ему. — Что ж теперь-то жаловаться?..

Очередной запой, как всегда, безобразен, пьёт, не зная ни меры, ни дня, ни ночи, с хроническими семейными скандалами. Жена его позвонила мне, просит подойти и уговорить дружка. Прихожу и вижу: развалился мой приятель в одних трусах в кресле, с опухшим лицом, обросший грязноватой щетиной и почему-то без верхних зубов, вернее, лишь с двумя зубами на верхней десне. Сидит и поносит жену: вроде затевает развод, раздел имущества, размен квартиры и прочее.

— Я-то разведусь! — кричит жена. — Избавлюсь от тебя! Мне что! Я враз замуж выйду. Я все ещё ничего из себя. А ты, ты-то куда денешься?..

— Я тоже... замуж, — шепелявит он. — То есть... это самое... женюсь тоже.

— Ты? На ком, милый?! Кому ты нужен такой?.. А вообще-то найдёшь себе какую-нибудь беззубую алкашку. Будете на пару зубы искать. Как встанете утром, так сразу оба под кровать — зубы шарить трясушимися руками...

Он уже не слушает жену. Он встал и, отозвав меня в сторонку, деловито спрашивает:

— Слушай, как ты думаешь, я воняю? Только говори честно.

— Что ты имеешь в виду — перегаром, что ли?

— Нет. Ну, потом, что ль, противно — воняю?

— Кто ж тебя знает, — ответил я, оглядывая его с головы до ног, вконец запущенного, как бы на все махнувшего рукой. — Ты хоть моешься?..

— Моюсь, конечно. Хотя — сам понимаешь... в таком состоянии...

— А чего ты спрашиваешь-то? Что случилось?

— Да менты забрали меня — пьяного, посадили в машину и повезли. Вдруг остановились — и говорят: «Выметайся отсюда, на хрен, ты воняешь!..» — и выкинули меня прямо посреди улицы.

— Ну, раз менты почуяли, значит, и вправду воняешь, милый человек. Надо следить за собой. Мыться почаще.

В глубине души он, конечно, человек простой и добродушный.

— Как смело ты ведёшь себя с женой, — с откровенной завистью говорит однажды мне, став невольным очевидцем мелкой семейной стычки. — Как просто и прямо. — И совсем уж с грустью: — Что ж, значит, уверен в себе...

— Хочешь, расскажу тебе отличный анекдот? — предлагает вдруг. — Хочешь, а?..

И, не дожидаясь моего согласия, рассказывает свой любимый анекдот. Он рассказывает его всем подряд и каждому по много раз. Вот как он выглядит — анекдот этот:

Пьяница, неизменно приходил домой поздно ночью, пошатываясь, проходил в комнату, садился на диван и снимал ботинки. Снимет один и — хлоп об пол со всего

маху. Снимет второй — тоже самое, об пол изо всех сил. И так из ночи в ночь. Как-то поднялись к нему соседи, что жили этажом ниже, и давай совестить его: ты чего, мол, такой-сякой, спать людям не даёшь? Ты можешь дурацкие свои ботинки тихонько класть на пол?.. Он обещал, что впредь ничего такого не повторится. На другую ночь, как всегда, вернулся домой пьяным, снял один ботинок и, как и прежде, хлоп об пол. Тут вспомнил о соседях — второй ботинок уложил бережно и лёг спать. Через полчаса звонок в дверь, ворвались те же соседи снизу: ты чего, ирод, второй ботинок никак не снимешь? Мы сидим и ждём, и ждём, мы спать должны или нет?..

— Ну, как, хороший анекдотик, а?..

— Да, — говорю, — ничего анекдот...

В начале запоя он обычно целыми днями сидит в баре неподалёку от дома. Мне тоже приходится пропадать с ним, поскольку без меня, без сопровождающего, без страховки, он не может обойтись. А ближе меня у него, считай, никого и нет, кто в нужный момент мог бы подсобить. Вот он встаёт из-за стола уже в изрядном подпитии и, обращаясь ко мне, говорит:

— Пойду схожу домой, но ты не думай, я ещё вернусь. Только денег возьму.

— А вдруг обманешь? — шучу я.

— Я-то? — отвечает. — Я никогда не обманываю. С кем выпиваю — тех никогда не обманываю. Ты это... жди меня, я мигом туда и обратно.

И уходит, слегка пошатываясь и с чрезмерно серьёзным лицом.

Придётся ждать — куда ж денешься. Приятель мой, во-первых, пока вдрызг не напьётся, не уйдёт отсюда, во-вторых, когда нальётся по самую макушку, не способен будет уйти. Я выйду на улицу, остановлю машину, с кем-то на пару загружу совсем обмякшего приятеля на заднее сиденье, потом, подкатив к подъезду его дома, опять же с великими трудами выгружу из салона, на лифте подниму на четвёртый этаж и из рук в руки сдам жене. Всё как всегда. Хотя жалко, конечно, тратить время на такие пустяки, когда сознаёшь, что вот сейчас, сию минуту, от тебя секунда за секундой отбывает твоя единственная жизнь, уходит неумолимо, и ты как бы зримо видишь эти убегающие, беспрестанно отмирающие секунды — частички твоей жизни, — что может быть страшнее?!..

ЗАВСЕГДАТАИ

Многие постоянные посетители этого бара давно мне знакомы. Вон сидит вроде пышущий здоровьем человек. С аппетитом уминает целую курицу-гриль, запивая апельсиновым соком. Но я знаю, что он трижды в неделю ходит заниматься йогой. Лечится гомеопатией. Пьёт настой каких-то диковинных трав. Горстями принимает таблетки. При этом целыми днями ест и пьёт с удовольствием. Спрашиваешь его:

— Что у тебя конкретно болит-то? От чего лечишься?

— Врач говорит: мне грозит ранняя импотенция. Вот...

Против него устроился крепкий, атлетического сложения красивый парень. Он всегда внимателен и предупредителен с людьми. От всех и от всего шутками отделывается. Но иногда видно, что внутри у него всё кипит и клокочет, хотя из последних сил говорит с неизменной мягкой интонацией, с дежурной улыбкой на лице, единственное, что его выдаёт — зримая игра желваков. Теперь он, прихлёбывая пиво, рассказывает, как лет восемь назад работал в одной фирме, оптом торговавшей вином и водкой, и вот, как водится в таких заведениях, стал выпивать, сперва так, не крепко,

для настроения, потом втянулся и запил как следует, то есть с утра до вечера и с вечера до утра, круглые сутки, домой даже не уходил, пил месяца три, после его мать пришла к хозяевам фирмы и попросила уволить сына, что и было сделано в тот же день, и мать сказала ему, буквально за руку выводя на улицу:

— Берись за ум, Павел. Бросай пить — и женись. Быстрее женись — а то пропадёшь.

— И в эту минуту вижу, — говорит он далее, — навстречу нам идёт девушка. Хорошенькая такая. Подхожу к ней и говорю: девушка, выйдешь за меня замуж? Она оглядела меня, помолчала и говорит: за тебя — выйду. Так пошли в загс? Пошли, отвечает. В тот же день подали заявление, а вскоре и расписались, и вот живём уже восемь лет, и любим друг друга, и пацан наш скоро в школу пойдёт...

Все ещё миловидная молодая женщина стоит у стойки. Она выпивает часто и безалаберно — с кем попало и где попало. Она и сейчас пьяна, кричит каким-то парням:

— Что ж это вы, подлецы, вчера бросили меня? Не взяли с собой?

— Так мы с девочками по вызову гуляли. Зачем ты-то там нужна?

— Ну и что? Купили б мне бутылочку — сидела б себе тихо в уголочке, а вы б кувыркались со своими девочками...

Раньше она была замужем. Совсем тогда ещё юная, тоненькая, с такими длинными дымчатыми бровями, с виду казалась невинной девчонкой. Мужу было все тридцать. Он был худ, тщедушен, но отлично играл на бильярде. Зашибал деньги в ночных клубах, за ночь, бывало, десятки тысяч, но и тратил без оглядки, в основном, на неё, на жену молодую, упреждал любую её прихоть, одевал, как куклу, всюду с собой таскал. Она была хороша, конечно, вся улыбчива и нежна, чуток подвыпив, тёплым грудным голоском песенки распевала в застольях.

Собрались мы как-то отдохнуть на даче — трое мужиков вместе с мужем-бильярдистом, исключая водителя. Шепчемся промеж себя: надо бы женщин каких-то взять с собой — а то заскучаем в мужской компании или обопьёмся. Как услышала такое юная жена — говорит: не нужно никого. Тихо так говорит — шепотком, — чтобы муж не слышал: не нужно, мол, никаких женщин. — Как так? — спрашиваем. — Нас двое, да муж твой, да шофёр — целая орава получается: надо кого-то брать. — Не надо! — уже злится она, злится с весёлой, игривой и озорной, обещающей задоринкой в глазах. — Меня одной, что ль, не хватит? Не надо никаких шалав! — А муж-то твой? — возражаем. — Муж-то как? — А он уснёт после пяти-шести рюмок и будет дрыхнуть без задних ног...

Страшнее всего человека ломает водка. Незаметно, постепенно, исподволь рушит психику, характер, семью, всего человека. Я по себе знаю, во всяком случае, ничего я так не боюсь за последние годы, как водки, как себя, когда я пьян и необуздан, непредсказуем. У-у, как я ненавижу себя наутро после пьянки!..

Да, жуткая, страшная штука — водка. Вдвойне страшнее — когда пьёт женщина. В молодости была у меня подружка, сухошавая, изящная, но еле заметно припадала на одну ногу. Однако была маняща, дразняща — глаз не отвести. Помню, ушёл на работу, оставив её одну, вернулся в полдень.

— Ой, от тебя папой пахнет! — прильнула ко мне.

— Как это?..

— Железом, мазутом, папой в детстве.

— Я, считай, детдомовская, — сказала в другой раз. — С пятнадцати лет без родителей, по общагам. Так что не обижайся, если что не так говорю или делаю.

— Поцелуй меня! — говорила в людных компаниях. — Быстро поцелуй меня в щёку, чтобы все видели!..

Как для неё было важно, чтобы все видели, что она тоже любима.

Бывало, раз по семь за ночь, закусив зубами подушку, чтобы не огласить дом утробным своим воплем, билась в моих объятиях — и всё, казалось, не могла насытиться. Когда ни проснись, сидит на краешке дивана и смотрит на тебя.

— Ты чего не спишь-то? — спросил как-то. — Чего не ложишься?

— Нет, спать я не буду, — ответила. — Ты спи, отдыхай. А я посижу тут до утра. Нельзя мне спать.

— Отчего нельзя спать? — с улыбкой спросил я. — Что за дичь?..

Помолчала, смущённо глядя на острые свои колени, потом тихо:

— Во сне я писаюсь. Болезнь у меня такая. Понимаешь?..

А утром, не разбудив меня, ушла и больше не вернулась — исчезла навсегда. Как я ни искал её — не мог найти. Прошли годы, и как-то случайно увидел её издали. Увидел — и ахнул! Дико пьяная, растрёпанная, с размытыми следами былой красоты, стояла посреди улицы и кричала кому-то визгливым голосом:

— Я не проститутка тебе, не продажная тварь! Я честная советская блядь!..

— Пятьдесят грамм самого лучшего коньячку и лимон с сахаром! — отчётливо произносил каждое слово, обращаясь к бармену женщина с иссиня-чёрными крашеными волосами, с дрожащими при ходьбе щеками и тяжёлыми ногами. Потом, выпив коньяк и мельком глянув на меня, издаёт ещё один звук: — Ха!..

На что у неё есть полное основание, ибо я отверг её, считай, нанёс ужасное оскорбление этой редкостно вульгарной женщине. Не помню, как я попал к ней. Народу было много. Чуток выпили, и она стала то ли в шутку, то ли всерьёз перебрасываться с подружкой такими фразами:

— Что, меня — такую красивую — и не захочет? Быть того не может!.. Ты-то ладно, но я, я-то ему понравлюсь? У меня и квартира, и обстановка, и сама — баба что надо!..

А где-то через часок заманила меня в соседнюю комнату.

— Денег, денег у меня! — начала хвастаться. — Машину куплю, даже не сомневайся, холодильник всегда будет битком набит. Нет, так сразу не отказывайся, не бойся, посиди спокойно и подумай. На вот, закури хороших сигарет. Я тебе дело предлагаю. Ты мне с первой минуты приглянулся. Как увидела, так и сказала себе: он мой. Нет, не внешне, не только внешне. Ты не думай, мужиков за мной ухлёстывает — отбоя нет. Баба-то я видная, но мне чистой, культурной жизни хочется. Не трусь, клянусь, я буду верна тебе и покорна, вообще в невидимку превращусь...

У неё ещё жила мохнатая собачка — ласковое, доброе существо, всё путалась между ног хозяйки, заискивающе виляя хвостом и поскуливая. Собачку звали Кузьма. Но вот имени женщины я не запомнил...

Интересно, конечно, сидеть в этом баре. Какие судьбы, характеры и нравы проходят пред твоими глазами. Однажды встретил здесь красивого, статного грузина с густой чёрной бородой. Говорил, что впервые за тринадцать лет пьёт пиво. Я поинтересовался: отчего так? Он начал рассказывать, что семью его расстреляли в абхазскую войну, а он чудом спасся, уехал в далёкий сибирский город к знакомому монаху и стал жить при монастыре послушником.

— Теперь вот приехал сюда по приглашению знакомого монаха, — признался он. — Если понравится, может и останусь при местном монастыре.

Он сидел за столом, большими, жадными глотками отпивал пиво и говорил обо всём громким, уверенным голосом, и всё норовил угостить соседей по столу пивом или водкой, и всё справлялся, нет ли в зале грузинов, и сетовал, что обратился к самому богатому грузину нашего города за материальной помощью и тот — «гад!» — от-

казал, не помог, а вот хозяин заведения, где мы сидим, хотя и не грузин вовсе, узнав о его беде, без лишних слов ссудил пять тысяч рублей, и через каждые десять-пятнадцать минут поминал убиенных своих детей и жену. И в меня вкралось сомнение: а не мошенник ли он, не на жалость ли давит, не промышляет ли вымышленным или, ещё хуже настоящим своим горем?..

Каждый день появляется здесь высокий, худой и опрятный старик. Ему без малого девяносто лет. Он в очках с толстыми линзами. С лёгкой бамбуковой тростью в руке. Выпивает стакан или два дешёвого креплёного вина. Всё норовит завести беседы с молодыми посетителями. Не всегда получается — и тогда сидит молча, с улыбкой поглядывая по сторонам. Однажды стал рассказывать:

— Молодая девица вот тут сидела. Напилась и пристала ко мне: ой, дед, у меня такого древнего старика ещё не было. Пойдём, отдамся тебе. Я ей говорю: я б с удовольствием, красotka, да вот беда — уже лет двадцать не фурычит у меня. А она мне: пойдём, дед, пойдём, я всё сама сделаю, мне просто интересно, как с такими дедами бывает, не бойся...

— А если по правде, — спросил мой приятель, — как это... в своём возрасте на женщин смотрите? Чего-то от них до сих пор хочется... ну, душою, что ли, хотя бы глазами... хочется?

— В том-то и штука, мил человек. Даже сны откровенные снятся...

Бегом заскочил, одним махом выпил стакан водки и бегом же удалился крайне неприятный тип. Он вечно куда-то торопится, точнее, делает вид, что торопится, мне же доподлинно известно, что ничем дельным он не занимается. Я давно заметил, чем более человек энергичен, чем он подвижнее, деятельнее, тем меньше в нём внутренней жизни. Самые неуёмные люди — суть пустые люди: они ни о чём особо не думают и ни в чём особо не сомневаются. В лучшем случае — затвердили какие-то элементарные правила поведения и несколько незыблемых истин человеческого общежития, чем и пользуются во всех ситуациях. Повторяю, он мне омерзителен, прохиндей этот, и в первую очередь вот почему: умерла его мать восьмидесяти с лишним лет. Участница Великой Отечественной войны. А он не зарегистрировал её смерть в загсе или где там ещё положено, и уже больше года получает за мать её солидную военную пенсию — и рад безмерно. Ходит и всем рассказывает, как ловко он провёл власть и как безбедно стал жить.

Ему уже далеко за пятьдесят, но всё ещё моложав, кругл и крепок. Он всегда берёт себя. Своё здоровье. Свою душу. Свои нервы. И никогда не хворает. Не простужается. Не подхватывает инфекций. Он наверняка проживёт сто лет. Но что толку — у него сегодня ни жены, ни детей, ни друзей истинных, ни любимого дела. Одинокому и самовлюблённому легче оставаться здоровым и гладким и таким крепким — что не ущипнуть. Его и правда невозможно ущипнуть — я пробовал и немало удивился.

Как-то он бесцеремонно встрял в чужой разговор и говорит с усмешкой:

— Да вашему Пушкину цена в базарный день три копейки. Лежит всюду на прилавках — никто не берёт. Кому он сейчас нужен?..

— Как то есть? — возражают ему. — Ладно, нынешняя задуренная телевидением молодёжь так думает. Но ты-то вырос в менее хамские времена, ты-то должен понимать, что...

— Да ничего я не должен, — перебивает он. — Коли не берут — значит, не является ценностью.

И поворачивается, уходит походкой победителя. Или вот что он сказал, остановив меня посреди улицы, сказал с каким-то торжеством в тоне:

— Ты скоро умрёшь!

— Как это? — опешил я.

— Ты два или три раза в книге своей говоришь о своей смерти, более того, даже представляешь... рисуешь себя в гробу. А этого делать не следует. Кто такое о себе пишет, и до конца года не доживает. Есть такая мистическая примета. Так что знай — очень скоро ты умрёшь.

Выложив всё это, он энергично пожал мне руку и поскакал себе дальше. Я же долго стоял обескураженный — не тем, конечно, что он мне сказал, скорее тем, каким тоном сказал. Иногда еле сдерживаюсь, чтобы не ударить его. Это прямо моя беда. Могу запросто и неожиданно для самого себя вклеить пощёчину подлещу. Во всю жизнь только и делаю: боюсь своей непредсказуемости. Я вообще более всего боюсь самого себя. Многим страшен окружающий мир. Мне же страшен я сам.

Я понимаю, что в споре с такими людьми частенько выгляжу нелепым и вздорным. Но я такой — и ничего с этим не поделаешь. Меня часто упрекают: чего ты всё разоряешься, всё равно людей не переделаешь, так что пощади хоть свои нервы. Всё переноши терпеливо и молча. Не знаю, насколько правы мои советчики, не знаю. Вместе с тем меня давненько интересует природа умолчания. Я много наблюдал за людьми и вот что понял: один из природного такта умалчивает. Другой из трусости — из страха, как бы чего не вышло. Третий — из высокомерия, из ложного чувства превосходства над другими. Между тем, умолчание — грех, умолчание — зло, умолчание — преступление. От умолчания гибнут цивилизации. От всеобщего нашего умолчания погибла огромная страна. Как ни крути — прекрасная страна.

К тому же моя жизнь все ещё противоречит двум христианским заповедям: не противиться злу и жить для ближнего. Пока не могу не противиться злу — как я того ни желаю. Жить исключительно для ближнего тоже не удаётся: занят слишком личным делом. Иногда я думаю: может, весь фокус не в беспрекословном исполнении этих заповедей, а в стремлении к ним — в непрекращающемся движении к совершенству. Поскольку, как мне сдаётся, совершенный человек — уже не живой человек. Пусть лучше я буду глупым и слабым, как, скажем, однажды в этом же заведении: сидели с друзьями в тесном кругу и спорили о литературе. Все мы в той или иной мере были несчастливы. Все это подспудно чувствовали, но никто не признавался вслух. Мы вели мучительную жизнь, но хорохорились друг пред другом, топя свои неудачи и редкие удачи в водке и бесплодных спорах. Тогда же с рюмкой в руке я почему-то вспомнил, как давным-давно малым ребёнком сидел возле жарко натопленной жестяной печурки и ел печёную айву. Запах печёной айвы ударил мне в нос — и я прослезился.

— Всё — набрался, — сказали мои товарищи по несчастью. — Допился!..

ЛЮДИ ТАМ ХОРОШИЕ

Ко мне подсаживается симпатичный паренёк и сразу же с улыбочивым бахвальством признаётся, что пьёт уже неделю. Пьёт не просыхая. Пьёт с друзьями и без них. И мне предлагает:

— Отец, — говорит, — выпей со мной за мои двадцать пять. День рождения у меня. Выпей.

— Да-а, — отвечаю. — Долго же баба мучилась, рожая тебя. Аж целую неделю тужилась — а всё разродиться не могла.

Он ни черта не понимает — хлопая глазами, смотрит на меня и бормочет:

— Мать у меня — баба хорошая. Мать есть мать. Я её уважаю. А ты выпей со мной, отец, выпей за мои двадцать пять. Я тебя очень прошу. Страсть как люблю, когда со мной выпивают...

Потом как бы забывается на время — сидит, сронив голову на грудь и смежив глаза. Дремлет, мирно посапывая. Минут через десять, встрепенувшись и мутными глазами уставившись мне в лицо, серьёзным тоном говорит:

— Далеко-то я хорошо вижу. Очень даже хорошо. Могу вон разглядеть на той дальней крыше, как... спариваются две мухи...

Я невольно усмехаюсь. А он уж несёт совершенно иную несусветицу.

— Не-э, от водки я не дурею, — говорит. — От водки никогда. Но от нервов — да, от нервов зверею. Раз жену чуть не зарубил.

— ?

— Да начала напраслину возводить, мол, изменяешь мне, то да сё... Я не стерпел — съездил по мордахам раза два, она визг подняла. Я её скрутил, швырнул наземь, взмахнул даже топором... но тут что-то произошло во мне, что-то вроде щелчка... Отбросил топор, пошёл напился и всю ночь ходил с ребятами по деревне и всё песни горланил...

Я не знаю, отчего последние годы так много пью. Причин, видимо, немало. Но более всего, кажется, люди пьют от чувства безысходности. Ведь сколько лет в нашей стране за труд не платят. За профессионализм — не платят. За талант — не платят. Платят только за предприимчивость — и как это убого, гибельно и оскорбительно. Меня тоже многое оскорбляет в нынешней повседневной жизни, как и всякого нормального человека. Приходится каждый день преодолевать в себе чувство оскорблённости — иначе озлобишься на всё и вся.

— Не хочешь выпить со мной такой штуки? — предлагает мне бармен — добрый мой знакомец, показывая стакан с напитком каштанового цвета.

— А что это? Коньяк, что ли?

— Да нет, ром. Вчера тут пили одни. Оставили почти полбутылки.

— Спасибо, но ром я не стану.

Помнится, в детстве, да, пожалуй, в детстве, наверное, это было или, может, в подростковом возрасте: купил на базаре бутылку рома «Негро». Меня послали за покупками, я сэкономил денег и купил. Почему? Для чего? Бог знает. Тогда я не пил — само собой. Ничего, кроме домашнего вина, не пробовал. Вероятно, в книгах читал или в кино видел, как люди пьют ром, и вот тоже купил. Пришёл домой, и что тут началось. Нет, ругали не так сильно. Насмехались больше. Ещё бы: в селе у всех подвалы ломаются от виноградного вина и алычовой араки, а я купил выпивку. Потеха. Я долго объяснялся-оправдывался, что это редкий напиток, что вкуснятина и прочее. Нахваливал всячески, и мать сказала — ладно, откроем на Новый год и попробуем. Я со страхом ждал Нового года, боялся — а вдруг гадость окажется. Сильно переживал, и не выдержал, конечно, загодя откупорил бутылку — попробовал: какая это была мерзость, знал бы кто, какая вонючая мерзость.

С тех пор я не пил ром!..

За окном проходят мои соседи: жена молодая, миленькая, всегда улыбчивая, а муж страшно ревнует её, преследует повсюду, каждую минуту контролирует, и скандалят, само собой, часто и жёстко, прямо до мордобоя, с криком-гамом на весь дом, случается, она уходит от него, правда, ненадолго, на день-другой, не более, хотя ей и есть куда уйти насовсем, имеется квартира, но из родни никого, отец давно помер, мать же прошлой зимой отравилась газом вместе с четырехлетним внуком и тремя подружками: сели выпивать, а на газовой плите чайник стоял, вода закипела, залила горелку, но они всё пили и ничего не почуяли. Такая печальная история...

— Земляк, можно присесть к тебе?

- Присаживайтесь, конечно.
- Ты какой нации, если не секрет?
- А если секрет, что тогда-то?..
- Ничего страшного, само собой.
- Я такой же человек, как и все...
- А я армянин, земляк, армянин!

«Начинается!» — подумал я, зная, что у армян один недостаток: они всегда помнят, что они — армяне. И бравируют этим — тем, что они армяне.

Господи, да разве в наши дни всеобщей американизации — это недостаток!?! — тут же одумался я.

- Простите, земляк, я из очень малого народа...
- Я просто хочу рассказать тебе одну историю...
- Какую историю? Да и зачем она мне?..

— Э-э, земляк, мне ведь говорили, кто ты... Очень прошу тебя, послушай меня, а то я приезжий, может, больше не свидимся...

Здесь знают, что я пишущий человек, и довольно часто обращаются ко мне с подобными предложениями. Обычно я терпеливо выслушаю всякого, не желая никого обидеть. Соглашаюсь и сейчас:

- Валяйте, коль уж хотите, рассказывайте...

И он поведал мне следующее.

Как вывезли нас из той бойни, я откололся от своих, взял семью и прямым ходом махнул туда. Почему именно туда? А я там в армии служил — только поэтому. Приехали, четверо детей, жена да я, да два чемодана с детской одеждой, приехали и стоим на вокзале. Что дальше делать, не знаем. Стоим себе и стоим, полдня простояли, потом я решился, подхожу к милиционеру: так и так, говорю, беженцы мы — не подскажете, куда обращаться? И он, чуток подумав, выкладывает мне адрес нужной конторы. Едем. А там, будто ждали нас, особо не расспрашивая, перечисляют на выбор районы и деревни, куда можем, значит, поехать. Все названия, как на подбор, красивые, но нам не до красоты, нам бы скорее работу и жильё какое-никакое. Так и говорю властям: мне всё равно, куда ехать, лишь бы всё ладно было. Да? — удивляются они. Да, подтверждаю я. Что ж, говорят они, это уже попроще, а то обычно ваши только в столицах мечтают устроиться, права качают. И звонят в одну деревню, в другую, третью, и находят, наконец, подходящую, где и жильё, и работа, и школа с детским садиком имеются. Короче, подсобное хозяйство от какого-то крупного предприятия. Согласны? — спрашивают. Конечно, согласны, отчего не соглашаться, если всё так путём. И они начинают толковать, как добраться до той деревни: и на словах объясняют, и на бумаге для верности пишут. Такие вот хорошие люди. Даже интересуются: есть ли у нас деньги? Есть, говорю, есть, спасибо. Тогда переночуйте где-нибудь, говорят, а завтра с утра на поезд. Вас там будут ждать, встретят и все устроят.

Утром садимся в поезд. Езды всего четыре часа. Сидим себе в вагоне, радуемся потихоньку, что ловко так всё вышло, без особых мытарств то есть. Но немножко и переживаем, всё ж не очень ясно представляем, что за условия окажутся, что за люди. А дети, особенно младшие, вовсю разыгрались, носятся по вагону. А вагон полон народу. Что? Нет, не электричка. Поезд пригородный. Всего три вагона с мягкими такими креслами. Дети, значит, озоруют, бегают по проходу, веселятся, и может, не всем это нравится, я покрикиваю на детей, но их не унять. Да и понятно: впервые из села выехали, все в диковинку, ошалели. И как знал я — скоро проводница шум поднимает. Я извиняюсь, встаю, усаживаю детей. Но она никак не успокоится. Я ещё раз

извиняюсь: малые дети, говорю, несмышлёныши, не понимают, простите. Но она всё не отстаёт, орёт во всю глотку: наши ребята, кричит, там у них каждую минуту жизнью рискуют, кровь проливают, а они шляются без конца, ездят и ездят, дыхнуть от них нечем. И всё в таком духе. Мы сидим, молчим — а что скажешь? Она у себя, среди своих, и говорит, что душе угодно. Не запретишь. Но вот беда — матерится безбожно. Виданное ли дело, чтобы женщина так ругалась. Жена с детьми от стыда не смеют глаз поднять. Я же сижу и думаю: а что, если и мне обложить её? Тогда, может, уймётся? Но не могу решиться. Всё же чужая сторона, да и совестно как-то, вокруг ведь люди. И виноватым почему-то себя чувствую, будто всю эту кавказскую войну лично я затеял. И молчу, взмокнув от напряжения. Я молчу, но жена начинает препираться. Да, жена не выдерживает, смело так, бойко выговаривает проводнице. А той хоть бы что — ещё с большей злостью разоряется. И дети, младшие наши, то ли от страха, то ли от обиды, заливаются слезами. Плачут. Беззвучно так плачут, только слёзы с кулак катятся по щекам да плечики вздрагивают. Я уже держусь из последних сил, кажется, сейчас вот встану и прибью эту зловредину. Но тут — спасибо им — нам на помощь приходят люди, со всех сторон берутся упрекать проводницу, дружно отчитывают её, стыдят, возмущаются. А она всё не робеет, огрызается, как бешеная. Словом, что долго говорить, так вот, с горем пополам, приезжаем на место. Выходим из вагона, а нас никто не встречает, да и вообще вокруг ни живой души, одни мы сошли с поезда. Стоим и оглядываемся. Кругом степь голая, и где-то там вдалеке, километрах в двух, виднеется деревня. Растерянные, долго смотрим в ту сторону — а что издали высмотришь? Надо идти. Трогаемся потихоньку по мягкой грунтовой дороге, что тянется к деревне, идём себе молча, нехотя, прямо еле волочим ноги. Так тоскливо, тошно на душе, — хоть возвращайся! А куда вернёшься, если тебя из родного села выдворили? Деться некуда, тащимся через силу, но вскоре справа от дороги показывается кладбище, маленькое, чисто убранное, и, знаешь, глядя на это ухоженное кладбище, как-то ободряемся, увереннее чувствуем себя.

А в деревне и вправду хорошо встретили. Небольшая такая деревенька, всего-то две улицы, и дома все одинаковые, четырёхквартирные, коттеджами называют. И половина — пустые. Так что, как увидели, что с нами четверо детей, сразу полдома выделили, две квартиры то есть, тут тебе и приусадебный участок двойной, огород сажай, и коровник опять же, и сарай там всякие, погреба, все двойное. И вода прямо во дворе, нет, не колодец, колонка, нажимаешь так сверху — течёт сильной, мощной струёй. Что ещё? Магазин через три дома, клуб рядом, хотя он нам вроде и ни к чему, но всё равно хороший клуб, новый, чуть дальше школа, детский сад. Всё близко. Удобно. Живи — не хочу. А? Нет, газа нет. Углём топят. Это зимой. А летом, значит, газ привозной, в баллонах. Никаких проблем. Но главное не это, главное — люди там хорошие. Не все, конечно, хватает и лодырей, и алкоголиков, но директор хозяйства — отличный мужик. Среди работяг тоже есть двое-трое. А остальные — женщины, бабы, как их там называют. Почти все в возрасте, пожилые. Так вот эти самые бабы, когда мы приехали, в самый первый день, у нас ещё ничего не было, ни еды, ни посуды, ни постели, эти бабы принесли нам и два ведра картошки, и луку ведро, и сала свиного шмат, и посуду кое-какую. Все даром, учти, бесплатно. И по дому прибраться помогли, полы там помыть, окна, всё же долго нежилая, запущенная была квартира, грязная. И потом каждый день наведывались, узнавали: всё ли ладно идёт, не нужна ли подмога? Я тебе так скажу: там у них всё на этих бабах держится. Всюду они. Куда ни ступишь — одни бабы. Чем мужики заняты — не поймёшь. Их не видно. Утром ещё, у конторы, появляются несколько человек, а после уж, в течение дня, все куда-то деваются. Не найдёшь никого. А? Говорю же, маленькая деревушка. Народу тоже малая горстка: со всеми

старухами, с детьми, наверное, около трёхсот человек. А работающих — в десять раз меньше. Так что люди позарез нужны. Вот тебе пример: жена пошла дояркой... Что? Нет, сперва не хотела, два дня уговаривали, но когда согласилась и вышла на работу, доярки на ферме, сплошь пенсионерки, на радостях выплясывали вокруг неё. Кроме шуток, побросали свои дела и стали плясать: молодая, мол, пришла работать. А сам я, значит, разнорабочим согласился, куда пошлют, то есть. Опять же не нарадуются. Работаю исправно, а что важно — не пью, выпивох больно уж боятся. Дети тоже всем довольны. Старшие в школу ходят, младший — в садик. И учиться там гораздо легче. Дети сами признаются. Да и чего не учиться, когда во всей школе всего сорок три ученика. Только вот младший пацан, что в садик ходит, никак не привыкнет. Не хочет по-русски говорить. Особенно в садике. А? Да знает, знает русский, дома-то, бывает, щебечет. Но в садике — ни в какую! Целыми днями молчит, насупившись. Всех сторожится. Воспитательницу измучил. Спрашиваешь его: ты чего это, негодник, молчишь-то в садике? А он тебе: а чего это я буду по-русски говорить, пускай сами по-нашему говорят. Да ведь они не знают языка нашего, объясняешь, как же им говорить? А моё какое дело, отвечает, я по-ихнему знаю, пускай и они по-нашему знают. Ну что ты ему скажешь, одно слово — ребёнок, не понимает...

Я тоже рассказал этому человеку историю. Замечательную историю из прошлого своего родного села.

Говорят, он был хорошим парнем. Говорят, он был даже лучше своих сыновей. Говорят, ты же сам видишь, разве от плохого парня могли вырасти такие ребята?..

Я не знаю, не могу знать, каким он был на самом деле. Он скончался задолго до моего рождения. Но история, оставшаяся после него, но жизнь, заложенная им, всё ещё продолжается.

О его детстве и юности мало что мне известно. Скорее всего, он ничем особым не отличался от своих сверстников. Так же ходил в школу, так же шалил, как и вся сельская пацанва, лазал по деревьям, разорял птичьи гнёзда. Потом, окончив школу, года на три отбыл из села — выучился в городе на зубного врача и приехал обратно. И всё, пожалуй. Из той поры уцелела лишь одна его фраза. Сельчане вспоминают, будто, собираясь удалить больной зуб, обычно он то ли в шутку, то ли всерьёз говорил пациентам:

— Только не кричи, милый, прошу тебя, не кричи, пожалуйста, а то у меня сердце слабое...

Такой-то человек, когда грянула война, вместе с пятьюстами сельчанами ушёл на фронт. Многих, конечно, побило на той бойне, многие погибли, а иные пропали без вести, но он, провоевав все четыре года, остался жив. Израненный, заметно покалеченный, он вернулся домой победителем. Да к тому же с молодой женой. С русской. Родом из далёкого сибирского городка. Опять же не очень ясно, какая она была обликом или норовом. В селе сплошь утверждают: хорошая была, куда лучше многих сельчанок. Говорят, он её на руках носил, а она его с ложки кормила.

Но так счастливо они прожили недолго. Успели народить двоих детей, и у него дали о себе знать фронтовые раны: слёг в больницу, месяца три помучался и скончался. Жена погоревала, погоревала с год, взяла детей и уехала в свой сибирский городок. Да и что ей было делать в чужом селе, среди чужого языка? Сельчане думали — всё, больше не свидятся. Но нет, она не порвала с роднёй покойного мужа. Слала письма, открытки. Лет пять спустя и сама с детьми объявилась. В гости. На другое лето снова приехала. И на третье. И так из года в год. Кто знает, как они там жили в своём сибирском городке, как сводили концы с концами и откладывали средства на

дорогу, но каждое лето приезжали, одолев тысячи километров. Скоро дети выучили язык, стали совсем своими. А когда поступили в институты, бывало, и без матери, одни приезжали. Ни одного года не пропускали. Теперь давно обзавелись семьями, и мать умерла, и у самих уже взрослые дети — а всё приезжают на родину отца. Всё приезжают. Приезжают...

КАВКАЗЕЦ

— Лучшее в человеке, в другом ли народе — принимаем как должное: не замечаем и не ценим, — увлѣкшись, говорю я с задором и витиевато. — А худшее — и замечаем, и осуждаем, и презираем, и пытаемся всё перекроить под своё понимание и разумение. Ещё вот что интересно: мы много думаем о своих врагах. Тратим на них время и нервы. Тратим жизнь. Но совсем не думаем о друзьях: просто знаем, что они есть, что мы их любим — и только. Ведь это странно. Вместе с тем человеку нужно всего лишь помнить, что все люди, добрые и злые, любящие и ненавидящие, глупые и умные, талантливые и бездарные, все в одном и близки мне, и сродни со мной, и неотделимы от меня: все мы увязаны в единый зловещий букет неминуемой грядущей смертью. Вопрос в том, многие ли думают о всеобщей и неотъемлемой родственности меж всеми людьми?..

— Я не очень образованный человек, земляк, и многие твои слова не понимаю, — помолчав, говорит мой армянский собеседник.

Я, наверно, исподволь надрался и забыл, что сижу в баре, а то с чего бы стал рассуждать так длинно и туманно. Неловко как-то вышло.

— Простите, пожалуйста, — говорю. — Меня, кажется, понесло...

— Это ничего, земляк. Одно я знаю точно: все ссоры между нациями из-за глупости случаются.

— Ещё из-за каких ничтожных глупостей, — соглашаюсь я. — Все склоки мира от глупости...

Помнится, когда забрали ребёнка, дочь мою, из роддома, как много людей собралось в нашей квартире: моя мать, тѣща, тесть, моя сестра, её взрослая дочь и, кажется, ещё кто-то, не считая, меня и жены, как все радовались и поздравляли друг друга с новорождённой... и как в этот же день случился шумный скандал. Тесть мой взялся стирать пелѣнки, мать моя увидела, как он, засучив рукава, принялся за дело, громко возмутилась:

— Это что за позор такой — полный дом женщин: мужчина пелѣнки стирает!

— Не беспокойтесь, сваха, он и за своими детьми стирал, — стала успокаивать моя тѣща. — У него это лучше всех получается.

Моя мать молча зашла в ванную и попыталась отнять у тестя постирушку. Но тот наотрез отказался уступить своё место. А тѣща моя всё настаивала: не беспокойтесь да не беспокойтесь. Но моя мать — как истинная южанка — была категорична: либо сейчас же избавьте мужика от бесстыдства, либо ноги моей больше не будет в этом доме. И пошло-поехало, все зашумели, заговорили разом, закрывшись на кухне, чтобы не разбудить спящего младенца. Я держался в стороне, ни во что не вмешивался. Когда страсти на кухне совсем накалились, я незаметно покинул квартиру. Вышел во двор без определённой цели и увидел, что пока мы колготились в тесной кухоньке, отшумел весѣлый весенний дождь. Ещё капало с деревьев, с карниза дома. Пред соседним подъездом, на скамье под тополем, сидела соседка-старуха, всегда неряшливая и дурно пахнущая. Она жила одна с тремя собаками и девятью кошками. Две её дочери своими семьями проживали в нашем же доме, но не общались с матерью

из-за её сумасшедшей привязанности к кошкам и собакам. Я издал кивком головы поздоровался со старухой.

— Моего Джульбарса не видали? — спросила она.

— Нет, не видел, — ответил я и закурил, наблюдая за четой жирных городских голубей, которые, степенно обходя лужи, шествовали по каким-то своим интересам. Громко хлопнула дверь дальнего подъезда — и оттуда с шумом выскочили парень с девушкой и, взявшись за руки, весёлые, молодые, счастливые, устремились прочь. У девушки была русая коса, и она достигала аж до щиколоток. Никогда раньше такой длинной косы не встречал.

— Джульбарс пропал, — сказала старуха как бы самой себе. — С утра убежал куда-то и всё не возвращается.

Был обычный будничным день. Я стоял посреди двора. Моей дочери было всего пять дней от роду. Моя родня спорила — кому стирать пелёнки: женщине или мужчине. А впереди была ещё долгая жизнь...

У меня есть друг малого росточка. Он всегда шумен, подчас даже, кажется, нарочито шумен, как в разговоре, так и в смехе, в движениях, в шарканье тапками, во всём. Быть может, всем этим он компенсирует как свой малый рост, так и известные комплексы, кто знает. Иногда чудится, что он во всём вконец запутался. Скажем, он сам сознаётся, как нелегко ему ладить с матерью, вообще с роднёй, но в то же время желает, чтобы будущая жена во всём устраивала его мать и жила, собственно, как она, имела те же взгляды, убеждения. Не могу в точности определить — отчего так происходит. То ли у него напрочь отсутствует воображение, то ли... нет, впрочем, это раньше я многое в нём списывал на отсутствии воображения, теперь я думаю, что это не совсем так, точнее, есть и это, конечно, но всё-таки многое от тех примитивных правил поведения, что он затвердил сызмальства. Я долго наблюдал и записывал за ним, но он, в сущности, может быть определён двумя словами: слишком правильный. К тому же он всегда весь как на ладони. Всё у него на уровне явных поступков. В нём ничего не сокрыто. В нём нет и тени, и намёка на тайну, загадку. Только изредка — может — обида на кого-то или на что-то.

Я всегда подозреваю, знаю, уверен, что вокруг множество людей, которые и умнее, и добрее, и талантливее, и красивее меня. А он считает, что все кругом такие, как он, что все люди одинаковы. Если спросить у него: является ли чей-то образ жизни, мыслей для него идеалом, он, без сомнения, ответит: нет. Он ещё согласится, что кто-то живёт лучше в материальном отношении, но чтоб кто-то мыслил, чувствовал, видел иначе, нет, такого не то что не бывает, а если и бывает, то это неверно. Кстати, это великое заблуждение миллионов, считать, что ничего, кроме их понимания жизни, уровня ума, способностей, желаний, на свете нет. В этой связи, о чём бы ни шла речь, в чём бы его ни упрекнули, его девиз:

— Как все, так и я. А что?

— Ничего! — скажешь грубовато. — Неужели никто не думает (не делает, не поступает) иначе?

— Никто! — отвечает уверенно, неколебимо. — Никто!

— Так ли уж никто? А этот... как же?..

— Да он один такой. Один!

— Ну, так вот: тут один, там один, а там ещё один, Значит, не все? Не все всё же, а?..

Случается, выговариваю ему, мол, если человек к сорока годам не определился, если он не сформировался как личность, если он всё ещё живёт тривиальным принципом «как все, так и я», то ждать от него нечего, дескать, страшнее ничего не быва-

ет — походить на всех, стремиться походить на всех. Тогда он молча смотрит на тебя. Пристально смотрит и твёрдо, даже — может показаться — злобно. Но он не зол. Я это знаю наверняка. Да и вообще дело не в том, что те или иные люди злы, нетерпеливы, грубы, крайне себялюбивы. Будучи вполне сносными, они как смерти боятся маломальской сложности, всячески избегают её, выстраивают свою жизнь до скучного просто и примитивно: хорошо — плохо, горько — сладко, чёрный — белый, холодно — горячо, не допуская никаких промежуточных ощущений.

Ему в своё время — лет двадцать назад — родители купили костюм, но он не стал его носить из-за цвета: слишком он тогда казался броским — обычный светло-зелёный костюм классического покроя. А сейчас, как сам признаётся, не отказался бы. Сейчас просто многие носят яркие вещи. Тут он весь: всегда и во всём ориентироваться на толпу.

Атмосфера кавказских условностей удушающая. Они губят всё живое в человеке. Мне это хорошо известно — сам там вырос. А он буквально напичкан ими. Весь как бы соткан из здравого смысла и житейских условностей и вытекающих отсюда комплексов. Он и хотел бы, наверное, да не в силах уйти от своей сути. А она, суть его, весьма замкнута, зажата глубоко внутри и мала. У него вообще всё малое: как известно, и сам мал ростом, и жильё мало — проходишь по длинному коридору в метр шириной, а там три махоньких отсека — комнатки, и бизнес его мал, ничтожно мал, едва концы с концами сводит, но не бросает, не возвращается обратно в школу — он раньше учительствовал, — лишь однажды повезло и он заработал немного денег, и всё, далее стал жить с надеждой на очередное везенье.

Иногда он показательно щедр. Как мне думается, однако, это не что иное, как та же компенсация очевидных своих недостатков. Безоглядно швыряя деньги, он как бы выбирается из самого себя, вырастает до уровня других или даже поднимается выше. Часто это очень заметно. Как все маленькие люди, он горд и себялюбив до заносчивости. Например, он не может зайти ко мне без гостинца. Чем-то он даже похож на японца. Так же может долго и монотонно в чём-то копошиться, так же исполнительен, безынициативен, так же подчинён однажды заведённому порядку, так же образцово вежлив. Сам он признаётся, что в детстве с помощью линейки рисовал дерево. В сущности, во многом и сегодня он остался тем же. Ему это органично подходит — линейка и карандаш.

Его характеризует и то, как он говорит о еде:

— Вот сейчас приду домой, долмы поем, мать, наверное, долму приготовила. А может, и котлеты с чесночком. Посмотрим.

Или — отказываясь от чужой стряпни — твердит скороговоркой:

— Нет, не буду, спасибо. Нет, спасибо, я недавно поел. Сытно так поел, с аппетитом. Нет, первое я вообще не ем. Только мясное. В любом виде: жареное, варёное — всё равно. Сосиски, окорока, ветчину. Колбасы всякие. Нет, рыбу не уважаю. Только мясо.

Раз он чуть не женился. Но не вышло — девушка отказала. Сперва она была не прочь выйти за него, но ставила какие-то условия. Скажем, она говорила:

— Н., после училища мне б хотелось поступить в институт. Хотя бы на заочное отделение.

— Нет, надо выбирать одно, — возражал он. — Либо замужество, либо учёба. Мне нужна жена, а не студентка в доме.

— Н., мне б самой хотелось ладить свою семейную жизнь.

— А что ладить? Всё уже готово: будем жить с моими родителями. Ты будешь сидеть дома, детей воспитывать, я — зарабатывать деньги. Всё давно продумано.

— Н., давай не торопиться, — говорила она. — Что ты гонишь, дай подумать, приглядеться к тебе.

— Знаешь, — отвечал он, — у меня на тебя, на то, чтобы долго ждать тебя, встречаться, тара-бары разводить, ни времени, ни возможности нет. Я делом занят. Все мои дни расписаны.

— Ну, со всем этим я как-то не согласна. Всё во мне противится тому, что ты говоришь. Я так не могу.

— Почему не можешь? Ты такая же, как все. Две ноги, две руки. Что ты хочешь — не пойму? Те условия, те стерильные условия, о которых ты мечтаешь, никто тебе не создаст. Никто!..

И так обо всём. Ни тени сомнения в чём бы то ни было.

Я говорю как-то ему:

— Знаешь, женщинам хоть в одном повезло: они сидя на унитазах справляют малую нужду. Оказывается, это очень удобно. Я тоже с некоторых пор подсаживаюсь...

— Да ты что, — возмущается он, — мужик и сидя писаешь!? Позор какой. Я бы ни за что не стал. Ни за что!..

ПРИЧУДА

Я с детства очень любил разглядывать людей, будь то мужчина, женщина, ребёнок, старик, старушка — все были чрезвычайно интересны мне, и я пристально и жадно засматривался им в лица. Сидя здесь, в этом баре, созерцая и слушая разных людей, штрих за штрихом складывая портреты, характеры и судьбы, я, собственно, говорю и о себе, но делаю это чаще всего не прямо, а неким окольным путём. Для ясности приведу пример. Работая диспетчером в ночную смену, я каждый вечер в окне дома напротив видел пару: её и его. Обычно они сидели за столом — и ужинали. Он — по пояс голый. Она — в лёгком халатике. Издали казались красивыми. Я с удовольствием наблюдал за ними. Чем они были интересны мне? Да тем, наверное, что во мне происходило в ту пору. Тут важно моё внутреннее состояние. Важна моя тогдашняя жизнь. Чтобы написать себя истинного, иногда достаточно дать эфемерный образ жизни в окне напротив, памятуя, что искусство — всегда рядом с тем, что хочешь сказать...

В бар заглянул Костя Т., поздоровался со мной и пошёл по своим делам. Он год уже как не пьёт. Закодировался. И потому, наверно, всегда грустный и как бы на кого-то обиженный. Костя — обрусевший немец. Впрочем, обрусели его предки по отцовской линии. Сам он считает себя русским человеком.

— Какой я немец, — говорит. — Ни языка не знаю, ни обычаев. Одна фамилия немецкая — более ничего.

Это и правда так. Хотя и немецкое, без сомнения, в нём есть: к примеру, его аккуратность как в одежде, так и в манере держаться среди людей. Но и русского в нём немало — даже очень немало. Чего только стоит его любовь к русским народным песням. Он их знает великое множество и с удовольствием поёт в компаниях. Лучше всякого русского поёт.

Однако друзья настаивают, хотя и шутливо, но и не без основания настаивают:

— Нет, что ни говори, а самый что ни на есть настоящий немец Костя. Он же все наши старинные песни поёт без запинок. Где это видано, чтобы русский человек знал все слова песен и каждую пел до конца?..

Вот и бармен разговорился — и всё о том же ведёт речь, о заразе проклятой, гибели нашей, пьянке. Рассказывает какому-то мужчине, сидящему на высоком табурете против него:

— Тогда я работал официантом в ресторане. Как-то пришли к нам три женщины, красивые, роскошно одетые, строгие на вид. Сели за стол к одной из наших официанток. Хозяин как глянул на них, подозвал меня и говорит:

— Обслужи их ты, скорее всего, они из каких-то проверяющих органов. Будь предельно внимателен и предупредителен.

Я стал обслуживать, стараясь исполнить малейшие желания женщин. Так и изгибался, так и извивался возле них, заглядывая каждой в рот. А они так важно вели себя, что, заказывая то или иное блюдо, даже не смотрели на меня, точно и не человек кружился вокруг них. Ладно, думаю, сидите себе, отдыхайте, поглядим, что дальше будет. Я не первый день в ресторане, и не таких ещё видел. И как знал, прошло где-то часа полтора, они закусили и выпили, значит, как следует, и куда только делась вся их важность! Стали так разнузданно вести себя, так хохотать, такие дикие вопли издавать, переговариваясь меж собой, потом встали из-за стола и начали так безобразно, задирая юбки чуть не до пупка, выплясывать, что все посетители только на них и глазели. Одна даже с разбегу села на шпагат, чем привела всех в восторг. После чего один пузатенький дядечка, одиноко сидевший за одним из моих столиков, не терпеливым жестом поманил меня и с весёлым блеском в глазах заорал:

— Дружище, поставь ей за мой счёт бутылку шампанского — пусть ещё разок шмякнется на шпагат!..

Бывало, сживал я в этом баре и с Геннадием Васильевичем Колесовым. Правда, редко это случалось, не любил он людные места. А так, работали с ним бок о бок. Обедали всегда вместе, то у меня в кабинете, то у него — и так в течение двух лет. Неизменно вдвоём и неизменно с бутылкой водки. Ели, пили и молчали, по преимуществу молчали, сидя друг против друга. Я смотрел ему в лицо, он смотрел мне в лицо. Казалось, я любил его. Казалось, он любил меня. Хотя что могло быть между нами общего — людьми разными и по жизненному пути, и характерами, и возрастом: он лет на десять старше. Но вот такие тёплые и немногословные, чуткие отношения сложились меж нами. Я его почти ни о чём не спрашивал. Он меня тоже. Но иногда он, подвыпив, говорил, что, выйдя на пенсию, уедет в деревню, отремонтирует старую отцову избу и станет жить-доживать свои дни вдали от городского шума и суеты.

— Дотянуть бы до пенсии, — повторял он с мечтательной грустью. — Ещё он спрашивал: — Будешь приезжать ко мне в гости?

Я молча кивал, и он улыбался, счастливый, и с упоением рассказывал о каких-то непритязательных мелочах деревенского быта. О простых ежедневных хлопотах обыденной жизни. Говорил — и глаза его светились неподдельной радостью. Я слушал его — и тоже чему-то радовался.

Совсем безобидный вроде человек, но вот появился с разбитым лицом, с синяком под глазом и весь в расстроенных чувствах. Интереснось:

— Геннадий Васильевич, что это с вами?

— Ох, лучше не спрашивать. Не спрашивать и не отвечать. Всё дурь моя, дурь голая — более ничего.

— Да что такое? Что стряслось-то?

— Стыд и срам — вот что. У каждого русского своя причуда, когда он пьян, а я... я ж выкидываю такие коленца, когда переберу, хоть плачь наутро, хоть вешайся, на белый свет тошно глядеть.

— Не томи, Геннадий Васильевич...

— Чего уж там. Дурья у меня башка... Сын у меня в милиции служит, хороший парень, тихий, спокойный, старший лейтенант. Так у меня привычка с некоторых

пор: как выпью, переодеваюсь в его милицейскую форму, выхожу в город, начинаю приставать к людям, документы проверять и, главное, всех учу уму-разуму, воспитаю. А вчера, наверно, на дерзких нарвался, или учуяли, что не мент я, или ещё чего, но бока мне намяли здорово...

Я очень удивился, так это было не похоже на него. И в который раз убедился, каким сложным, каким странным, каким чудным, оказывается, может предстать самый простой и ясный человек.

Вскоре я уволился с той работы, и мы стали видаться редко. А в прошлом году средь бела дня его нашли мёртвым в скверике возле дома. Какие-то изверги проломили ему череп, а был он всё в той же злополучной милицейской форме сына. Что тут скажешь, не дожил Геннадий Васильевич Колесов, милый и добрый человек, до столь желанной пенсии, только и всего...

Всё-таки я напился и совсем забыл о времени. Вышел из бара только вечером и отправился восвояси в густеющем сумраке. Уличные фонари почему-то не горели, и луны, наверно, не было, лишь окна домов светились разноцветными шторами. Так что дневная моя тень напрочь исчезла. Тень моя умерла, и я шёл по тротуару в хмельном одиночестве. Шёл хотя и крепким, как мне казалось, уверенным шагом, но часто останавливался. Стоял в потёмках и бормотал себе под нос какую-то невнятицу. Мимо меня проходили какие-то люди. Чуть дальше проезжали машины с включёнными фарами. Но я ничего не замечал и ничего не слышал. Я бубнил что-то своё и по привычке то и дело твердил, что надо прийти домой и всё это записать. Я и пришёл и записал — и вот что наутро из всего записанного сумел отгадать-прочитать:

Мне хочется быть сильным и сдержанным, дочка, но ты знаешь, что я не могу быть таким, во всяком случае, не могу быть таковым долго. Я слаб и часто слезлив и не только потому, что с раннего детства уязвлён страшной безотцовщиной, но и потому, что, кроме отца, я утратил ещё и родину: как малую, так и большую. Давно уже нет ни моего родного села, ни моей страны. Но ты знай, что я ошмёток великой державы — и никто, никогда и никак не заставит меня отречься от своего прошлого. Потому что без прошлого, дочка, нет человека, нет семьи, нет народа, нет отечества. А у тебя пока есть и отец, и мать, и родина, — и будущее. Сегодня ты моя единственная отрада, пожалуй, и как представляю, что ни меня, ни твоей матери нет на свете, отжили своё и ушли, а ты, дочь моя, семья моё, слёзы мои, гордость моя, тень моя светлая, как представляю тебя взрослой женщиной со своими детьми и внуками, почему-то хочу и вижу тебя исключительно счастливой матерью и счастливой бабушкой в справной и достойной стране.

Вот какой я чудак, дочка, вот какой неисправимый оптимист, вот какая скрытая сила таится во мне!..

АМИР МАКОЕВ

ЗОЛОТЫЕ АПЕЛЬСИНЫ

Временами я открываю таинственную дверь, за которой слышен печальный гул детства, и полужаркая тропинка ведёт меня в мир сновидений и несбывшихся мечтаний. Там бродят призраки моих надежд, в тёмном чулане заброшенного дома сиротливо уютятся деревянные лошадки и плюшевые медвежата, в неухоженных парках затянулись паутиной сказочные избушки, покрылись плесенью карусели и причудливые фигуры резных истуканов. Там уже не носится ветер по верхушкам деревьев, и опустевшие сады заросли сорной травой. В тёмных подземельях давно умер последний мышиный король, и куда-то подевались весёлые беззаботные гномы. А некогда величественный океан уменьшился до размера небольшой лужицы, и на нём уныло застыли потемневшие паруса моих кораблей...

И кто-то очень похожий на меня садится там на холодную каменную плиту и, разбирая беспорядочно разбросанные в памяти события, отыскивает первые мои радости и обиды, наивные мечты и первую жгучую боль. Этот мир ему кажется теперь настолько маленьким, что он, не сходя с места, может дотянуться рукой до всех чужестранных земель, волновавших моё воображение, повернуть направление рек, собрать в ладонь далёкие звёзды ночного неба и пересыпать их из руки в руку. А душевные движения, переполнявшие меня то мучительной сладостью, то безысходным отчаяньем, представляются ему ничтожными и смешными перед лицом вечности.

Но в этом опрокинутом мире, несмотря на годы, отдавшие меня от него, живёт в лесной глуши одна не утихающая боль. Каждый раз она встречает меня грустной полуулыбкой, садится рядом и, положив мне голову на грудь, тихо дремлет, успокоенная появлением родной души. Спустя какое-то время, чем-то встревоженная, она начинает едва слышно, стыдась своих слёз, плакать...

Но вот откуда-то доносится торжественная дробь заячьего барабана, слышатся отдалённые сигналы грузовичков, сирены пожарных машин. Ночное небо вспыхивает зарницами, раздаются выстрелы оловянных солдатиков, и с криками «ура» они идут в наступление. Мир снова набирается красок, зацветают сады, птичий гомон и смешанный запах цветов наполняют мою комнату. На башнях начинается полуденный перезвон старинных часов, а на фрегатах и галерах вздуваются ослепительно-яркие на солнце паруса, и пушки палят в знак отплытия к дальним странам. Впереди интересная и бесконечная жизнь.

И в самом деле, мир казался мне вечным, и тот вопрос у меня появился неизвестно, как и почему. Он возник у меня в тенистом парке между мороженым и тёплым пузыристым лимонадом, и отец как-то странно посмотрел на меня — то ли рано мне интересоваться вопросами вечности, то ли бог знает, кто посеял в голове ребёнка

подобные мысли. Так или иначе, ему пришлось ответить: «Да, сынок, все мы будем жить всегда. Земля? Земля тоже, сынок, она вечна». И тогда я высказал свои опасения, что она может разломаться пополам как в том фильме, показанном накануне. В образовавшуюся огромную трещину падали автомобили, дома, люди и животные. «Папа, а что если ты поедешь на работу, и мы окажемся по разные стороны такой трещины?» — «Я построю мост и переберусь к вам с мамой. И не говори больше глупости».

Мои глупости оказались на удивление пророческими. Мой мир разломался пополам, и я не знаю, кто в том больше повинен — отец или мать. Нет, отец не мог теперь построить мост и перебраться к нам. Трещина, возникшая между ними, была гораздо страшнее и больше, и никакие мосты вселенной не могли уже их соединить.

Он мог видеть меня лишь в условленные дни и часы.

Мы с мамой жили в другой (очень богатой) семье, и каждый его приход за мной почему-то всех нервировал — особенно мою маму. Через неё это передавалось отчиму, его брезгливой матери, не выносившей и минутного присутствия моего отца у ворот. Она называла его нищим, оборванцем, не сумевшим заработать достаточно денег, чтобы содержать достойно семью, а все его учёные работы никому не нужны, раз за них не дают приличных денег. Не очень-то старуха жаловала и своего сына, дерзнувшего привести в священный дом своих родителей жену с чужим ребёнком, когда на свете столько хорошеньких молодых девушек.

Всё это отец знал и нетерпеливо переминался с ноги на ногу, пока меня оденут и выведут к нему.

Мы с отцом легко переступали моря, заснеженные горные вершины, взлетали выше грозовых туч и видели, как живительные струи дождя орошают безбрежные лесные дали. Неожиданно мы оказывались где-то на задворках планеты в освящённых волшебством царствах, встречали там то добродушного воина-великана, то злобного карлика с длинной бородой верхом на громадном петухе. Блуждали по сырým коридорам страшных лабиринтов в поисках сокровищ, а, найдя, едва уносили ноги от беспощадных преследователей.

Мир вокруг меня оживал лишь в рассказах отца, а с другими я погружался в странное сумеречное состояние и в бесприютной тоске ожидал день, когда он вновь явится за мной.

Память не выдаёт мне подробностей того последнего вечера — то ли за многие годы она ослабела, то ли не желает будоражить и без того ноющую боль. Память стыдливо отворачивается, как бы уклончиво пожимает плечами на мои вопросы, мол, дело давнее, столько прошло, всего не упомнишь, да и были мы с тобой тогда в весьма юных летах. И мать с отчимом тут ни при чём, ты их навещаешь, они тебя любят — что ещё человеку надо? И гони от себя эту боль — что уселся с нею в обнимку? — пусть доживает благополучно свой век в лесной глуши, собирая орешки и ягоды на зиму. И не ходи ты больше на эти развалины — что проку в том?

Тяжкий и нудный разговор с памятью понемногу воскрешает дом на улице великого пролетарского писателя, в котором мы тогда жили. Снова высаживаются деревья вдоль тротуара, зажигаются фонари, расставляются даже урны возле скамеек, и в этом навечно погружённом во мрак городе ненадолго загораются луна и звёзды.

Я вижу несмелый силуэт отца, приближающийся к нашим воротам. Вот он, высокий и худой, с вечно спокойным, даже отрешённым взглядом, идёт по вымощенной плитками дорожке к двери и звонит. А там, в чреве громадного дома нахожусь я, подкрутив все свои заводные игрушки, чтобы враз их запустить по комнате назло ненавистой старухе. Но вот я слышу родной голос: «Вы меня простите, понимаю,

что не вовремя, но только я завтра уезжаю, мне надо что-то важное сказать сыну, мы погуляем часок и вернёмся». Мать сердито ему говорит, что поздно уже, ведь виделся со мной только позавчера. А он своим ласковым, певучим голосом: «Да мне нужно очень, ты же понимаешь, у меня, кроме него, в этом мире никого нет». Я выскакиваю навстречу ему из комнаты, а оттуда несётся за мной разноголосица скрежета и визга закрутившихся шестерёнок. Мать хватается за голову: о, боже, я скоро с ума сойду! — и бежит в мою комнату. Мы не ждём её и, сняв с вешалки мои куртку и шапку, тихо выходим.

Нам кажется, что в этом мире нет никого, кроме нас. Мы идём, большие и счастливые, задеваем головой звёзды, загоняем шаловливый осенний ветерок себе в карманы и верим, что теперь ему оттуда не выбраться. В конце тротуара начинаем ступать осторожно, чтобы не нарушать покой маленьких суетливых людей, готовящихся ко сну, подошвами своих ботинок запросто крошим горы, моря и океаны нам как бы ни почём, а здесь — ах, чёрт возьми, сынок, что мы с тобой, два гиганта, наделали! — порвали электрические провода и свалили столбы. Берём друг друга за руки и убегает, а вслед нам летят отравленные стрелы туземцев, огненные струи драконов, леденящий вой проснувшихся чудовищ. И там, на краю вселенной, сворачиваем за некий прозрачный угол и оказываемся в чудном поле, куда отец меня прежде не водил. Перед нами проходят дымчатые силуэты вечных странников. «Видишь, сынок: вот Дон Кихот и Санчо Пансо, а это Гамлет, я тебя ещё познакомлю с ним, а вот и Одиссей, ты его узнал, надеюсь, ведь я много о нём тебе рассказывал».

Усталые, мы садимся на камни, отец запускает в карманы руки: «Вот ведь забыл, взял тебе апельсинов и забыл. Их всего четыре, но посмотри, какие они большие. Обрати внимание, сынок: облитые светом луны, они кажутся золотыми, возьми вот, поешь». Я отказываюсь — у нас есть, сейчас не хочу. Он смотрит на меня разочарованно: «Хорошо, я отдам их, когда пойдёшь домой». Он помолчал немного, но всё-таки не стерпел: «Вот и ты уже говоришь «у нас». Как мне больно, сынок, это слышать. Как бы я хотел вернуть всё сначала. У нас могла быть ещё девочка, сестрёнка тебе, если бы она появилась, всё у нас было бы по-другому, но мама не захотела, она её... не захотела». Простая душа, я радостно объявляю ему, что у меня будет сестренка — мама сказала. Он медленно заносит руки над головой, обхватывает её и долго так сидит.

В чёрном поле не видно его лица. Я тоже молчу, глядя на таинственных призраков, выходящих из ночи. Вот идёт старик с опущенной головой, а за ним плетётся шут, оба отчего-то усталые и измученные. За ними следует толпа людей, над головой одного из них, идущего впереди, что-то странно светится. Появляется беззаботный мужичок в чалме верхом на ослике... Отец поворачивается ко мне: «А, всёмотришь, с ними в своей жизни ты много раз ещё встретишься». Он готовится к серьёзному для него разговору со мной: «Понимаешь, я должен завтра уехать, коммерсантом вот заделался. Видишь ли, надо деньги зарабатывать, хотя не моё это дело — торговать, я ничего в этом не смыслю. Уеду, что называется, в заморские страны, гостинцев тебе привезу, каких здесь и не видывали. Я ради тебя всё это делаю. У тебя всё должно быть от меня, я твой отец — понимаешь? Мои деньги будут чистые, они тебя потом согреют. А знаешь, какие деньги у твоего отчима, ах, если бы ты знал, какие это деньги. Но маме нашей это всё равно, ей, понимаешь, всё равно. Ты знаешь, почему мама нервничает каждый раз, когда я прихожу? Я — это её вина перед нашей семьёй, постоянное напоминание о своём грехе. Видишь ли, у взрослых бывают такие провинности... Что я говорю, что это я?! Из ума совсем выжил. Не надо бы мне всё это тебе говорить. Да и не поймёшь ты сейчас ничего. Это я так — сам с собой. Прости. А мама у нас с тобой очень красивая, она должна иметь много денег, ей надо красиво

одеваться, красиво жить. Она очень красивая, не зря этот урод просто свихнулся от неё, не посмотрел даже, что семью разрушает. Но это ничего, сынок, мы с тобой всех победим. Главное, чтобы ты был со мной, и я всё преодолею, я на всё пойду, у меня, кроме тебя, нет никого».

Мы медленно бредём к дому, не желая расставаться. В эту осеннюю ночь морозно, и отец согревает мои руки в своих горячих ладонях. Стук наших шагов разносится эхом по пустынным улицам. Я прижимаюсь к отцу и не хочу его отпускать. Я ещё не ориентируюсь во времени, не представляю, насколько длительны сроки, которые он будет отсутствовать, и боюсь, что это надолго. Отец молча смотрит куда-то вверх на звёзды, а я жмусь к нему всё плотнее и ощущаю под своей рукой апельсины, тяжело оттягивающие карманы его куртки.

У дома нас ожидали отчим и его водитель. Заметив нас, они вышли из машины. Отчим остался у ворот и как мог ласково позвал меня: «Ступай скорее в дом, мама с ума сходит, а вы спокойно гуляете среди ночи». Он попытался увести меня во двор, но я стал сопротивляться, потому что видел, как водитель, этот неотёсанный громила, подошёл к отцу и отвёл его в сторону. Я не думал, что моему отцу угрожает опасность, просто он никогда не прощался со мной, не сказав каких-нибудь нежных слов. И я ожидал их услышать, тем более что он уезжает. Водитель встал перед отцом в нахальную позу: «Ну что ты изводишь людей, что ты бедную женщину каждый раз доводишь до истерики, дали тебе дни и часы, так посещай соответственно им». Отец выглянул из-за его плеча: «Ребята, дайте мне по-человечески проститься с сыном, потом поговорим, не следует ему всё это выслушивать». И тогда он хотел обойти его и направиться ко мне. Вот он сделал шаг в сторону — этого гиганта не так-то легко обойти, — навстречу мне засияла его улыбка. Он весь уже потянулся ко мне: «Сынок, иди сюда». Но громила выкинул руку вперёд, преграждая ему дорогу: «Приятель, ты не понимаешь, что тебе говорят?» Одним махом он откидывает отца назад (делает, что ему велено), да так сильно — не рассчитал гигант свою мощь, — и отец, задев его ногу, падает. И в этот момент я увидел, как из его карманов выпали апельсины и покатались по тротуару. Я рванул было к нему, но отчим успел схватить меня за шею и, задыхающегося от слёз, потащил в дом...

Словно одинокий призрак, я брожу теперь по опустевшему дому. Посмотрите: заводной паровозик съехал с рельсов и свалился с моста в реку. Автокран врезался в домики, построенные из кубиков, и разрушил их. Обезьянки и бельчата застыли в нелепых позах, исчерпав силу сжатых пружинок. На них лежит пыль десятков лет, и стеклянные их глаза, некогда глядевшие на меня, как живые, мертвецы потускнели, а заводные устройства проржавели основательно, больше их уже не завести.

Изредка сюда залетает ветер в поисках живой души, стучит ставнями, листает зачем-то страницы разбросанных на полу книг, но не найдя для себя ничего интересного, спешит удалиться. Иногда в одной из комнат можно услышать плач матери. Я нахожу её и сажусь напротив: «Скажи, мама, что стало с отцом после того, как он уехал?» Она вскидывает на меня обожжённые слезами глаза: «Отстань, отстань от меня, жестокий сын, неужели ты хочешь добить меня?!».

И снова в этом немом царстве я остаюсь наедине со своей болью. Мы долго сидим молча, но затем и она встаёт, также грустно улыбается и неслышно уходит в свою лесную глушь. Она знает, что я никогда уже её не покину.

А что отец? Наутро, как и следовало, они с товарищем загрузили большую машину каким-то ходовым товаром и уехали в другой, далёкий от нас город. Недели через две близ незнакомого городка, в лесополосе была обнаружена их машина — её разграбили и подожгли неизвестные люди. Об отце и его напарнике больше никто ничего не

слышал. Говорят, в те времена подобных происшествий было множество, и гибель двух коммерсантов, незвано прибывших в этот край, лишь скупо отразилась в отчёте местного следственного отделения как не раскрытое преступление.

И по прошествии стольких лет меня не перестаёт обжигать одна мысль, когда я думаю об отце: неужели он, любивший меня больше жизни и видевший своё счастье лишь во мне, убит какими-то случайными бандитами и покоится среди глухого провинциального лесонасаждения в наспех вырытой яме под сугробами снега. И я, единственное родное ему существо, не могу уже ничего изменить, не могу никому отомстить. Перед глазами неизменно встаёт та нелепая сцена его падения: бессильно опавшие руки, его лицо, по-детски исказившееся из-за постыдной оплошности на глазах у сына, разлетевшийся от натяжения замок его куртки и эти четыре апельсина, принесённые мне в дар. И какая-то странная, неисчерпаемая годами жалость к отцу, какой у меня никогда ни к кому уже не было...

Мир, оставшийся мне от отца в наследство, понемногу выцвел и разрушился. Я теперь не знаю, где тот поворот на краю вселенной, за которым находится чудное поле с вечными странниками. Без отца я не могу представить себя гигантом, смело шагающим по миру в поисках приключений. И не помню заветные слова, которыми смог бы оживить пустынные улицы своего детства.

Снялся с рыночной площади и уехал в неведомые страны весёлый балаганчик бродячих артистов. Цыганский табор, собрав свои пожитки, ушёл в ночное небо прямо по звёздам. А мои приятели, оставив свои игрушки в песочницах, разбежались кто куда.

Навечно здесь установилась та осенняя промозглая ночь, какая была в ту последнюю встречу с отцом. Беспокойный странник-ветер метёт по улицам обрывки афиш, обёртки от мороженого, останки флажков и лопнувших парадных шариков. А по ночам слышно, как он скорбно воет в водосточных трубах...

Мир этот опустел, и никто здесь больше не живёт. Но каждый раз, когда я думаю об отце, кто-то очень похожий на меня опускается возле нашего дома на колени и подбирает с земли золотые апельсины, облитые лунным светом...

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЗУРБАГАНА

Вечером принесли телеграмму: «Руслан умер...» Я долго и тупо разглядывал текст и никак не мог понять, почему два этих слова стоят рядом. Всего лишь месяц назад он появился у меня в час ночи — немного уставший, чем-то взбудораженный, но радостный от того, что снова в Челнах. Он завернул на КамАЗ из своего родного Чистополя, куда привёз к родственникам на лето сына Юру. До четырёх мы просидели на кухне, спать не хотелось, а когда кончилось курево, Руслан сказал:

— Грех в такое утро дома сидеть, пойдём по городу, наших разбудим.

— Ты же устал.

— Всё равно не усну...

В 1971 году Руслан был среди тех, кто пришёл на первое занятие камазовского литобъединения «Орфей». Ребята собрались вечером, отработав смену на стройке. Почти на всех были резиновые сапоги и ватники, причём на каждом ватнике несмываемой краской или извёсткой было написано название только что покинутого родного города. И эти атрибуты были не модным поветрием, а необходимостью — сапоги помогали форсировать непролазную строительную грязь, а по надписям земляки узнавали друг друга. В те годы такие узнавания были радостными, шумными. Они часто перерастали в дружбу.

«Отцом» литобъединения, то бишь его первым руководителем, провозгласил себя Валера Суров, впоследствии ленинградский писатель, нынче, к сожалению, тоже покойный, а в то время начинающий прозаик, успевший к своим двадцати пяти годам поработать слесарем на заводе, проходчиком в забое, корреспондентом в газете. На КамАЗе он работал монтажником. С Русланом они были ровесниками. Когда все перезнакомились и сборище более или менее уюмонилось, Валера ошарашил молодые дарования вопросом:

— Выкладывайте, кто зачем сюда пожаловал: кто хочет сразу печататься, а кто хочет учиться писать.

Дураков не нашлось, и все решили сначала поучиться. И только Руслан молчал.

— Ну, а ты зачем пришёл? — спросил его Валера.

— Да вот, думал земляков встречу.

— А откуда ты?

Руслан повернулся к благородному собранию спиной. На ватнике его красовалась надпись «Зурбаган».

— Это где же такой город, — выдал кто-то нечаянно свою литературную неосведомлённость.

Руслан презрительно посмотрел в его сторону и разочарованно вздохнул:

— Грина надо читать.

Более проницательные и начитанные (особенно девушки) отреагировали по-другому:

— Руслан, миленький, да мы тут все твои земляки!

— Сомневаюсь...

— Грина любишь? Ты что — мечтатель? — вклинился в разговор Суров.

— Да, — продолжал иронизировать Руслан. — У нас с Грином было трудное детство. Нам ничего больше не остаётся — только мечтать.

— А что пишешь — стихи или прозу?

— Верлибры. Справка для неграмотных: верлибры — это безразмерные стихи. Я недавно в «Литературке» вычитал: «Зачем стихам размер? Ведь это ж не ботинки» ...Если хотите, я вас немного поэпатирую.

Руслан говорил, слегка заикаясь. Заинтриговав всех и выдержав паузу, он прочёл:

Белая лошадь под розовым зонтиком

чёрную воду старательно пьёт...

— А дальше?

— Всё.

— Негусто, — сказал Валера, — хотя и интересно. Только непонятно, почему ты считаешь эти стихи безразмерными. Это же дактиль! Прочти ещё что-нибудь.

— Пожалуйста:

Сегодня думал я о смерти,

бродил по лужам,

щурился на солнце.

Сегодня встретил я двадцать девять

беременных женщин.

И решил, что не страшно умереть.

Кто-то засмеялся. А Суров впервые посмотрел на Руслана серьёзно и оценивающе. И уже без иронии сказал:

— Вот это — настоящее. А про лошадь фокусы.

...Господи, как давно и как недавно всё это было! Мы вспоминали по пути «орфеевские» были и легенды, когда действительно двинулись к Пашке Юлаеву и Инке Лимоновой, заранее зная, что они не обидятся за столь ранние визиты, а, напротив, обрадуются, увидев Руслана. Так и было... Мы шли по едва начинавшему просыпаться, но уже нагретому ранним летним солнцем городу, в котором провели молодые свои годы, в котором я остался, потому что здесь моя родина, а он шесть лет назад переехал в Москву, потому что из «орфеевских» пелёнок давно вырос. Руслану хотелось, как он однажды сказал, чтобы профессиональная писательская среда проверила на зуб — крепкий ли он орешек.

В столицу он приехал поздней осенью с пустыми карманами и с сумкой через плечо, сшитой им самим из мешковины. В сумке лежали рукописи рассказов, которые Руслан начал писать в последние камазовские годы, и тех самых верлибров. Некоторые стихи я помню наизусть и, наверное, буду помнить всегда. Как они запали в душу, так там и остались:

Внезапно разлюблю,

разбившись о воспоминания,

и буду долго смотреть

в холодное небо,

пока ты не растаешь в синеве

дальним облаком...

Но оказалось, что времена Велимира Хлебникова давно прошли, и Москва уже давно даже поэтов принимает по одежке. Несколько месяцев Руслан провёл на грани отчаяния. Прописаться по лимиту и устроиться на работу оказалось не так-то просто. Нужна была куча справок, которых у Руслана, естественно, не было.

Впрочем, к тридцати годам такого рода трудности ему были не в новинку. Детство его прошло почти без отца. В предлагаемом рассказе о мальчике Мансуре речь идёт как раз об этом. Человека, говорят, формирует окружающая среда. Если бы Руслан смирился с этой житейской «мудростью», он бы легко мог оказаться на дорожке, печально известной

Р. Галимов и Н. Алешков. Начало 70-х годов

многим юным правонарушителям из так называемых трудных семей. Но мужество души человеческой заключается, может быть, в умении не поддаваться искушению неблагоприятных обстоятельств, в любых условиях оставаться способной к милосердию, состраданию, жертве, смелому поступку. Собственно говоря, вот об этом Руслан и писал. Чаще всего он исследовал собственный характер, его истоки.

Руслан сумел противостоять среде. Он воспитывался сам, по капле выдавливая из себя раба неблаго-

приятных обстоятельств. Конечно, при такой напряжённой работе души без потерь не обходится. И даже его близкие друзья не всегда понимали, что яростность его характера, непредсказуемость его поступков — от неутолённой жажды добра, от какого-то природного, инстинктивного желания немедленно восстановить справедливость. Руслан ненавидел любую фальшь в человеческих отношениях и чуял её за версту. В людях он ошибался редко, а молчать не умел...

Мир, говорят, всё-таки не без добрых людей. Интерес к литературе у подростка Руслана сумел пробудить казавшийся странным в провинциальном Чистополе, интеллигент по фамилии Мезандронцев, «сиделец» сталинских времён, бог весть откуда взявшийся там. К таким необычным личностям Руслана всегда и тянуло. Была у него и бабушка — неграмотная, но мудрая татарка, которую потом в своих рассказах о детстве он ласково назовёт «абейкой». Она передала внуку великую науку бескорыстия.

Вот и в Москве, в какую-то свою нелёгкую минуту Руслан раскопал в записной книжке телефон поэта Арво Метса, сотрудника журнала «Новый мир», с которым встречался ещё в Набережных Челнах, и позвонил ему. И произошло то, что бывает не так уж часто — душа откликнулась душе. Руслана услышали, поняли и поспешили помочь. Арво Антонович сделал всё, что мог: приютил Руслана на некоторое время в своей квартире, помог устроиться на работу проходчиком «Метростроя» и опубликовать в камазовской подборке «Нового мира» несколько верлибров.

Вскоре трое из нас, оставшихся в Набережных Челнах, поступили на заочное отделение Литинститута, и каждый раз, приезжая на сессию, мы вновь встречались с Русланом, радуясь тому, что его судьба на глазах меняется к лучшему. У него появилась семья, а также своя комната, в которой никто не мешал стучать на старенькой пишущей машинке. Руслан начал заниматься в литературной студии при Союзе писателей СССР. Там разглядели в бывшем «орфеевце» дар прозаика, направив его в реалистическое и самобытное русло.

Кстати, о самобытности. Руслан показал мне однажды внутреннюю издательскую рецензию, в которой его рассказы определялись как «постшукшинские» или «поствампировские». Если говорить о традиции, то, может быть, это и верно, ибо, как известно, на голом месте ничего не растёт. Без творческого принципа «Нравственность есть Правда», пострадавшего Василием Макаровичем Шукшиным, Руслану вообще представлялось немыслимым братья за перо. Он чувствовал это всей кожей. Он нёс людям правду о своём времени, о той среде, в которой жил, работал, мучился и любил.

Он был абсолютно глух к конъюнктуре. Как-то, в то давнее советское время, я показал несколько его рассказов знакомому прозаику. Тот прочёл и, отметив талантливость рассказов,

сказал, что больше всего завидует наивности их автора. Он, дескать, пишет, словно не зная, что всё это невозможно опубликовать.

А ведь верно. Руслан искренне удивлялся, когда ему возвращали из редакций такие вещи, как, например, публикуемый здесь рассказ. Что, в самом деле, в нём запретного? Безоглядная искренность, глубина переживаний, неожиданность и неоднозначность ситуаций? Так ведь это и есть настоящая литература. И хорошо, что она наконец-то пробилась сквозь все идеологические «нельзя!», «не пущать!». Только горько, что не все настоящие писатели, в том числе и молодые, дожили до наших дней, когда всё можно. Правда, я не сомневаюсь в другом: Руслан Галимов из тех же нравственных соображений не принял бы сегодняшний беспредел, кем-то названный свободой слова.

Конечно, была какая-то литературная школа, в которой брал уроки Руслан Галимов. Но вряд ли тут следует ограничиваться одним-двумя именами. Обладая богатой интуицией, он безошибочно находил близкое себе у классиков и у современных писателей, соотносил, сравнивал это с тем, что пытался сделать сам. В последние годы его тянуло, например, к творчеству одного из красивейших людей русских, к творчеству Чехова. Не будем забывать и о сохранённой с детства любви к Александру Грину. Кто знает, может быть, именно из такого странного, на первый взгляд, сплава мечты и суровой реальности выходили персонажи рассказов Руслана, главным из которых был он сам. От многих своих ровесников он отличался как раз «лица не общим выраженьем», что заметили такие известные мастера, как Юрий Нагибин и Юрий Трифонов. Рассказы и стихи Галимова появились в еженедельнике «Литературная Россия», журнале «Сельская молодёжь», альманахе «Парус», журнале «Литературная учёба» и других центральных изданиях.

«Главное для меня, — не раз говорил Руслан, — найти интонацию. Есть интонация — есть писатель». Сейчас, когда я перечитываю его рассказы и стихи, мне кажется, что от найденных им интонаций проистекает свет, печаль и нежность самого Руслана. Язык его рассказов скуп, прост и точен, а богатство интонаций, как некий музыкальный фон, создаёт объёмность и многомерность его коротким и незамысловатым сюжетам. Я читаю и думаю, вспоминая надпись «Зурбаган» на камазовском ватнике Руслана, что нелегко было окатиться его другом, но ещё труднее стать его литературным земляком.

На седьмом Всесоюзном совещании молодых писателей, проходившем то ли в 1976, то ли в 1977 году, рукопись рассказов Руслана Галимова была рекомендована издательству «Молодая гвардия». Под названием «Сказочник» эта рукопись вошла в книгу трёх молодых авторов и была удостоена диплома ЦК ВЛКСМ. Как нужна была эта поддержка Руслану, как бы она помогла ему, редко встречавшему в жизни не только признание, но и понимание. Но увы... До выхода этой книжки он не дожил несколько недель.

Та нелепая телеграмма оказалась верной. Руслан Галимов умер 11 августа 1982 года от лейкоза — острого заболевания крови. Болезнь скрутила его за неделю. Знал ли он о её существовании раньше — остаётся только предполагать. Похоже, догадывался, хотя и никому не говорил об этом. Руслан по ночам, недосыпая, пока не лёг в больницу, продолжал работу над рукописью второй книги. Наверное, он торопился.

В последние годы он тянулся к своим близким и друзьям с какой-то особенной нежностью, словно спешил отдать каждому что-то хорошее, за что-то отблагодарить. Его жена Лида вспоминает: «Было часов шесть вечера, когда он вернулся из Набережных Челнов, уставший и измотанный. Тут отдохнуть бы, расслабиться. Но вдруг Руслан вспомнил, что именно сегодня обещал приехать к одному из своих друзей в Обнинск. Тот прислал тревожное письмо, плохо было человеку».

И Руслан вновь заторопился в дорогу. Он, как никто из нас был лёгок на подъём, особенно если надо ехать туда, где нужна его помощь...

Николай АЛЕШКОВ

РУСЛАН ГАЛИМОВ

ГЕРМЕС

(рассказ)

Мансур сидел на берегу и перелистывал «Легенды и мифы Древней Греции». Книгу он выменял на фонарик «Даймон» и велосипедный насос. Насос, конечно, ему теперь не нужен, а фонарик мог бы ещё пригодиться, но, как говорится: мен-мен не размен, а сто коробок спичек.

Несколько картинок было вырвано, но и без них книга была интересной. Там боги, один другого сильнее, а главный у них, Зевс, однажды превратился в луч света.

Мансур, сощурившись, смотрел на солнце. Гелиос, раскалившись от собственной температуры, плавился на поверхности реки.

И ещё запомнился покровитель путников и посланник богов Гермес с крылышками на пятках. Мансур повертел ногой. От стоптанного каблука осталась на песке полоска, она тотчас же заполнилась водой, песок по краям ополз, и набежавшая волна стёрла маленькую ранку пустого берега.

«Вот уеду я, — думал он о себе с жалостью, — и пусть они ищут». Куда уедет, он ещё не решил, но жить дальше второгодником у него не было сил. Вообще-то он бы смог и второгодником, но сегодня утром приходили из школы. Мансур сразу спрятался.

Разговаривала с ними соседка тётя Нюра, а она уж такого наговорит... Хорошо, что матери дома не было. Мансур поёжился. Будто Мансур виноват, что от неё опять дядя Саша ушёл. Сама же в баню собирала. Вот, мол, мужики мои, мочалка вам, веник с базара. И рубль им ещё дала на пиво, как будто он пиво любит... А они как вышли из ворот, дядя Саша сунул ему в руку сумку и говорит: «Иди сзади меня». Подумаешь, с ним рядом он и сам бы не пошёл, надо больно, чтобы видели, и так дразнят. Сумка-то не тяжёлая, да только дядя Саша как с кем остановится, так и говорит: мол, племянник за мной увязался, братан...

И ждёшь, и ждёшь его, ну сколько можно ждать, а подходить нельзя. Но ведь если собрались идти в баню, надо идти. А он всё стоит, разговаривает. Тоже мне, родственник, нашёл себе братишку.

Вот Мансур и вернулся домой. Оставил ему сумку и вернулся.

Если надо, он сам сходит в баню, один. «Спину потрёте друг другу...» Натёр бы я ему спину. Вот погоди ещё, вырасту, так натру, что больше не придёшь к нам. Жили ведь без него...

Мать разоралась, но не тронула в тот день, а дядю Сашу выгнала, так ему и надо.

Целую неделю его не было, не показывался, а сегодня мать сама пошла к нему, напудрилась, губы накрасила...

Наверное, мириться будут. Однажды ночью проснулся и под подушку залез, стыдно стало от того, что слышал. Так под подушкой и уснул.

Эх, войны нет, пошёл бы он тогда в армию, сыном полка, а вернулся бы в орденах, тогда мать побоялась бы тронуть, а этого дезертира он бы в шею выгнал — и в тюрьму. И в школе не оставили бы фронтовика на второй год.

При воспоминании о школе он с отвращением сплюнул.

Он, может быть, больше всех знает, а его даже на осень оставили. На что уж Курленков с Мишуковым, вообще ни бум-бум, а их всё равно перевели, потому что говорить много умеют, ничего не знают, а болтают что попало.

В прошлом году летом в деревне заходили к одной старухе, а мать как узнала зачем, стала абейку ругать, мол, на знахарок деньги тратит. А бабушка сама пенсию получает, и ему алименты приходят. Правда, мать говорит, что мало, но пять рублей — ого какие деньги! И они с абейкой ничего там не потратили, платок подарили, а этих платков у неё в сундуке столько, что парус можно сшить. Абейка так и сказала: платки мои, как хочю, так и буду ими распоряжаться.

Мать ничего на это не ответила, не верит она в знахарок. Пусть не верит, Мансур тоже не очень-то верит и даже боялся сначала, что к колдунье его приведут, а они там чай с мёдом пили, а потом над его головой замок открывали, обыкновенный замок, и никакого колдовства не было, только всё молитву заставляли повторять: «Ля иляхы алла мухамеде расулюлла» — красивые непонятные слова, но заикаться он так и не перестал.

Вдали проплывали белые пароходы. Мансур с надеждой смотрел на них: как стоит он на самой верхней палубе рядом с капитаном и сурово смотрит на провожающих, и весь класс с завистью машет ему руками, а учительница стоит в белом платье с его портфелем и кричит: «Мансур, Мансур, ты перешёл в пятый класс, ты перешёл в пятый класс!..»

Мансур поднялся, сунул книгу за пояс и решительно зашагал в сторону пристани.

Из Казани подходил пузатый пароход, давая длинный причальный гудок. На нём он уедет. Мансур оглянулся.

Пробежала собака, опустив мочальный хвост, и остановилась, заметив, что Мансур полез в карман. Собака стояла, наклоня голову то в одну, то в другую сторону. Мансур подошёл к ней и протянул кусок хлеба. Собака осторожно взяла его и отошла в сторону, бережно опустила хлеб на землю.

С реки пахло свежестью и непонятно тревожным запахом. Собака наступила одной лапой на хлеб. Загрибок у неё поднялся, и она тихо зарычала, защищая себя, Мансура, свой хлеб и голый берег, и долго провожала Мансура, пока он не скрылся за развалившимся сараем.

Пароход замер у дебаркадера, отдыхая перед дальней дорогой, и только внутри у него ещё бушевала механическая жизнь, которая торопила дальше, а дебаркадер, слегка накренившись, засмотрелся на белый пароход, наверное, завидуя в душе, что ему всю жизнь стоять на приколе, а пароход куда хочет туда и плывёт.

Мансур ласково погладил перила дебаркадера. Вокруг стояли взрослые с узелками, чемоданами, корзинами, мешками, некоторые женщины прижимали к лицу платки, шумно сморкались. Он подумал: если провожают, то зачем так плакать? Пусть сами едут, если деньги есть. А денег у взрослых всегда много.

И тут он только обратил внимание на окна. Они были с решётками.

А на носу парохода стоял часовой с винтовкой, который время от времени прохаживался по палубе. Из окон выглядывали чьи-то жёлтые лица.

Мансур так и замер, вперив взгляд в винтовку. Часовой время от времени поправлял её за спиной, то ли просто показывая всем, то ли хвастаясь, что у него есть такая винтовка. А на дебаркадере тем временем появился ещё один солдат, но без оружия.

— Граждане, прошу разойтись! — сказал он. — Не положено здесь стоять.

Мансур прижался к перилам. «Наверное, шпионов везут», — подумал он. Но что-то было их слишком много, да и тётеньки не стали бы так плакать. Старушка одна с мешком всё совала картошку солдату, чтобы передал он внуку. Солдат, разозлившись, стал ругаться:

— Да кормим мы их! — И закричал в окна: — Скажите, кормят вас или нет?

— Кормят! Кормят! — весело ответили из-за решёток.

— Вот видишь, — обернулся солдат к бабке.

А дяденька один в очках всё шёпотом упрашивал солдата:

— Вы, пожалуйста, передайте узелок с едой, там папиросы и кусок колбасы... Ничего другого нет, я же понимаю...

А что он понимал, Мансур не догадался. Потом офицер вышел, посмотрел молча, повернулся и ушёл на берег. Наверное, на базар. Тут сразу все загалдели вокруг солдата. Тот махнул рукой и сказал:

— Ладно, давайте ваши передачи, но чтоб...

А бабка всё с картошкой лезла, и солдат ей сказал, чтобы она лучше папирос купила, пока пароход стоит.

— Ты уж покарауль, сынок, мешок мой, пока я сбегаю.

Все засмеялись, а солдат буркнул:

— Ладно, иди, бабуся, покараулю.

Какой-то дяденька сказал рядом с Мансуром:

— А за побег им того — два года.

Мансур заворожённо смотрел на «бывших» людей, которых охраняли теперь сердитые солдаты. «За что же их?» — мелькнуло у него в голове. Спросить кого-нибудь Мансур не решился: было боязно. Осталось только вслушиваться в разговоры...

— Мам, ты не расстраивайся, — говорил один, с бледным лицом.

— Да что я, как-нибудь, уж смотри там, Володя, веди себя хорошо, может, раньше отпустят, — отвечала заплаканная тётя.

— Жди, бабуся, с похвальной грамотой вернётся! Ха-ха! — загромыхало где-то внутри.

Несколько новых людей прильнуло к решёткам. В железных прямоугольниках лица казались удлинёнными и без ушей.

«А я бы пролез, — подумал Мансур, — пролез и убежал».

И, словно отвечая на его мысли, другой мужчина, в соломенной шляпе, опять сказал кому-то:

— А за побег им того — ещё два года накинута.

Мансур насторожился. Собираются бежать? Если бежать, надо сразу же в воду. И под дебаркадер, только воздуха надо больше набрать. А там под мостки засесть, и никто не увидит. Все подумают, что уплыл и утонул.

Мансур глубоко вздохнул и терпел, сколько было сил. Собака не найдёт, выдохнул он. А можно было бы до вечера просидеть, а утром в школу, к первому уроку...

Или попросил бы винтовку у солдата и сам поймал бы бандита, и повёл бы его мимо школы, перед первым уроком. А он здоровый дядька, руки за спиной связаны. Идёт и оглядывается, а Мансур ему: иди, иди...

Внутри парохода опять загомонили.

— Это что у вас там? — немного успокоившись, спросила тётя с платком.

— Наверное, ужин, мам.

— Ты уж напиши, как приедешь.

— Напишу, напишу, мам.

— Костюм-то, наверное, продадим? Сосед дядя Вася говорит, что купит своему Косте. Продать или не надо? Выйдешь, так мы новый тебе справим.

— Как хотите...

Из соседнего окна выкинули селёдку, и она, ударившись о борт, шлёпнулась в воду между дебаркадером и пароходом.

— Плыви, рыбка золотая!.. — закричали вслед из окон.

— Смотри-ка, вас и селёдкой кормят.

— Кормят, мам, кормят, всем кормят.

Часовой кому-то сказал, и окна закрыли щитом.

Мансур поправил книжку за поясом и задумался: а был ли в Древней Греции покровитель жуликов и бандитов? Такого вроде не оказалось, не вспомнил, и ему стало интересно. У всех есть свои покровители, а у этих нет.

Мансору уже расхотелось ехать на этом пароход. Ему вдруг показалось, что он грязный и что на нём далеко не уедешь, тут же поймают, как вот этих. Мансур начал медленно пробираться вдоль перил и наткнулся на солдата, который равнодушно глазел на пароход, на мазутные разводы и лениво сплёвывал в воду.

— Мансур, — тихо окликнули вдруг. — Мансур!..

Мансур оглянулся и никого не увидел.

— Мансур! Сосед! Смотри сюда. Сюда.

Мансур растерянно посмотрел вокруг и увидел в окне чье-то знакомое лицо.

«Кто это, кто это меня зовёт?» — Мансур покраснел.

Его действительно окликнул один из этих...

— Мансур, это я, вспомни, сосед твой, Петька.

И Мансур действительно узнал рыжего дядю Петю, которого ещё зимой посадили за драку.

— Ты наших никого здесь не видел?

Мансур, растерявшись, отрицательно pokrutil головой и еле выдавил из себя:

— Нет, не видел...

Ему было стыдно, что у него есть такой знакомый; но дядя Петя вроде хороший, он таких змеев запускать, что вся улица ахала: он и Мансору давал подержаться за нитку.

— Мансур. Сбегай к нашим, пожалуйста, скажи им, что меня перевозят в райцентр. Пусть хоть курева принесут. Слышишь, ну сбегай, пожалуйста. Мансур, помнишь, как мы с тобой рыбачить ходили...

Мансур заволновался, не зная, что ответить, и отошёл на шаг от перил. О рыбалке он не помнит, забыл... Солдат обернулся и внимательно посмотрел на Мансура.

— Я сейчас! — вдруг вырвалось у него. — Я быстро. Жди, я сейчас...

Он кинулся вдоль берега к дому, задышав и повторяя про себя:

— Я сейчас, дядя Петя, я скоро!

Уже совсем без сил он выскочил на свою улицу, пробежал мимо своего дома и влетел на соседний двор, в сени, в двери...

— Д-дядя Коля, д-дядя Коля, там Петя на пароход, в т-тюрьму его везут. У него к-курева нет, там п-пароход стоит.

— Какой ещё пароход? — Дядя Коля поднялся из-за стола и подошёл к Мансору.

— Петьку, что ли, везут?

— Петьку, Петьку, — обрадовано затараторил Мансур, — в тюрьму его...

— Так ему и надо, — зло оборвал дядя Коля. — Вон мать четвёртый месяц из-за него, подлеца, не встаёт, так и скажи ему. Наблудил, пусть и отвечает, никакого курева ему не будет. Так и скажи. А погоди-ка, погоди, а ты откуда знаешь?

Но Мансур, уже не слушая, выскочил на улицу и бросился к своему дому... Матери ещё не было. Мансур крутнулся на кухне, схватил хлеб, сахар, из комода вытащил папиросы (мать дяде Саше ещё купит) и полетел обратно.

Возле брёвен, на которых он сидел до этого, остановился передохнуть и увидел, что пароход, медленно разворачиваясь, отходил от пристани.

Кульки его рассыпались. Он подбирал с земли кусочки сахара, слёзы застилали глаза.

Мансур выпрямился и опять увидел ту собаку.

— Вот видишь! Я бежал и не успел, а он ждал меня. А я не успел, вот видишь...

Собака, зайдя со стороны, осторожно подбирала остатки передачи.

МИЛЛИОНЫ ЛИЦ, КОТОРЫЕ Я ЛЮБИЛ КОГДА-ТО

* * *

* * *

Прекрасно общаясь
со своими соотечественниками
на одном из прекраснейших языков
мира,
мы до сих пор ещё
пытаемся договориться,
не понимая друг друга.

Однажды я долго шёл
за хромым человеком
/ нам почему-то было по пути/.

Потом мы расстались.
Он пошёл к себе домой,
я захромал в свою сторону.

* * *

* * *

В одном маленьком доме
в одном маленьком городе
живёт маленькая женщина
с маленьким сыном.
Часто, просыпаясь по ночам,
она успокаивает его
своими слезами,
прислушиваясь к шуму
дальних поездов
и прислушиваясь к тишине
своего сердца.

В двух зеркалах
я одновременно увидел
два своих лица
и опешил от возмущения:
одно
мне радостно улыбалось
другое
горько плакало.

Но я не был ни тем
и ни другим.
В эту ночь я
пытался выяснить
каким меня видят
люди.

где даже на кладбище люди
к своим близким
приходят по праздникам с пропусками.

И ты живёшь в этом странном городе,
живёшь, как все,
хотя ты лучше, чем другие,
но ведь ты всё же живёшь среди этих
СТРАННЫХ людей.

* * *

Увы, я должен всем на свете:
друзьям, любовницам, врагам.
В моём кармане только ветер,
но скоро душу я продам

и расплачусь с долгами...

* * *

Обручальное золото
наших любимых
превратилось в медные
напёрстки наших жён.

* * *

Сегодня всю ночь
буду старательно
отрачивать бороду.

Может, к утру она вырастет,
как у старика Хоттабыча,
и тогда я смогу выполнить
любое твоё желание,
и даже уйти от тебя,
не попрощавшись.

* * *

Внезапно разлюблю,
разбившись о воспоминания,
и буду долго смотреть
в холодное небо,
пока ты
не растаешь в синеве
дальним облаком.

* * *

Я долго был уверен,
что у меня прямые ноги
и широкие плечи.

Но однажды
маленькая женщина
рассмеялась мне в лицо,
сказав, что я кривоногий
и хожу, сутулясь.

Я с удивлением заметил,
что в общем-то она права.
и с тех пор никогда не хожу
перед любимыми раздетым.

* * *

Сыграем в войну,
пока земля, двигаясь по орбите,
ещё не знает, что началась
последняя охота.
Я спрячусь за угол дома,
и ты меня будешь выслеживать,
и я буду прятаться, чтобы ты
не убил меня, когда я выгляну,
обманутый тишиной и миром.

И долго будет пуля лететь...

И убьют меня, и будут
длинные похороны,
на которых отсалютуют
из тех же винтовок,
из которых расстреливали
себе подобных.

* * *

Наверное,
моя мама
с сегодняшнего дня
будет с нетерпением
ждать холодной зимы,
чтобы похвастаться
перед соседями
тёплой пуховой
шалью,

которую столько лет
всё собираюсь ей подарить.

* * *

Люде

* * *

С молотка пустили
крест с Голгофы.
И после аукциона
вспомнили, что гвозди
можно было бы продать
отдельно.

Теперь ждут нового Христа
и нового аукциона.

* * *

Потом люди, глядя на мою фотографию,
будут долго говорить, что я неплохо,
наверное, прожил свою жизнь:
однажды я рассмеялся у фотографа
в ответ на нелепый вопрос,
есть ли в жизни счастье.

Уходят под аплодисменты актёры
и снова возвращаются. Уходят
и возвращаются.
Зрители хлопают, встают со своих мест,
торопясь на выход, покидают зал,
а тем временем актёры уходят
и возвращаются.

Вот и зал опустел, и меж кресел
снуют уборщицы, и сторожа закрывают
двери...
Актёры всё уходят и возвращаются.
И завяли цветы в руках, прошла осень
и наступила весна.

Актёры уже не уходят и не возвращаются.
Они остались на старых фотографиях
и в памяти людей, которые уходят
и не возвращаются, уходят
и не возвращаются.

СПИЧКА

Человек зажёл спичку и о чём-то задумался, а до этого он думал о своей жизни, что она у него такая же, как у других. Очнулся, когда, по его подсчётам, спичка должна была догореть, и уж во всяком случае — потухнуть. Машинально помотал рукой и только после этого заметил, что спичка не погасла. Дунул на неё. Спичка горела. Кинул её в пепельницу. Спичка не потухла. Он опять дунул, теперь уже изо всей силы, — полетел пепел, посыпались искры. «Что за чёрт!» — подумал человек, увидев на полу горящую спичку. Наступил на неё ногой и почувствовал, как нагревается подошва.

Тогда он взял спичку и выкинул её в раскрытое окно.

Спустя некоторое время он выглянул на улицу. Под окном, среди спящих цветов, мерцал огонёк.

Человек вышел из дому, поднял спичку и принёс обратно, положил её на подоконник. «Пусть горит», — сказал он и выключил свет.

Спичка продолжала гореть тёплым огнём. Человеку было достаточно этого огня, чтобы думать дальше о своей жизни, что у него она такая же серая, как и у других, никогда ничего в его жизни не произойдёт.

ЗАПИСКИ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

МИХАИЛ ЧВАНОВ

ЛЕСТНИЦА В НЕБО

Аксаковский фонд, Салаватская епархия РПЦ, Уфимский поисково-спасательный отряд МЧС России, национальный парк «Башкирия», заповедник «Шульган-таш» и телепрограмма «Следопыт» Башкирского спутникового телевидения организовали уникальную экспедицию, посвящённую 50-летию первого спуска в пропасть Кутук-Сумган и 25-летию МЧС России.

Из полученных мною государственных, общественных наград и литературных премий, нисколько не умаляя их значимость, более всего я, наверное, дорожу почётным знаком «Отличник разведки недр», присвоенным 50 лет назад мне, 21-летнему выпускнику филологического факультета, Министерством геологии СССР за руководство экспедицией Башкирской республиканской секции спелеологов и географического факультета БГУ (научные руководители Е. Д. Богданович и И. К. Кудряшов), осуществившей первый спуск в крупнейшую и сложнейшую пещерную систему Урала — пропасть Кутук-Сумган, за два года до того обнаруженную геологами А. Олли и Р. Алксне. Признаюсь, что горжусь этой страницей в своей биографии: за три сезона работы в пропасти, а мы произвели топографическую съёмку её полостей на протяжении шести километров, спускаясь всё дальше вглубь Земли, продираясь сквозь шкурудёры, плавая на резиновых лодках по подземным рекам, по несколько суток находясь там, я не потерял ни одного человека. Но уже следующая экспедиция, Московского университета, закончилась трагически: двое погибших... О непростой истории исследования пропасти свидетельствуют мемориальные доски на скалах над её жерлом, не случайно, что в туристских проспектах её называют Пастью Дьявола, хотя я категорически против этого названия.

Мне, тогда начинающему писателю, пропасть Кутук-Сумган дала возможность взглянуть на планету как бы со стороны: в пещерах, чисто психологически, иначе ощущаешь время — это словно обратный космос. В результате родилась повесть «Лестница в небо», переиздававшаяся много раз и, может, определившая в какой-то степени мою дальнейшую писательскую судьбу.

Идея юбилейной экспедиции родилась не сразу...

Положив шесть летних сезонов на исследование Каповой пещеры (дальних её горизонтов, куда до сих пор не пускают туристов, где в подземной реке незадолго до этого погиб спелеолог Валерий Нассонов), а затем Кутукских пещер, я не просто остыл к пещерам, заработав в них клаустрофобию, а стал испытывать к ним полное

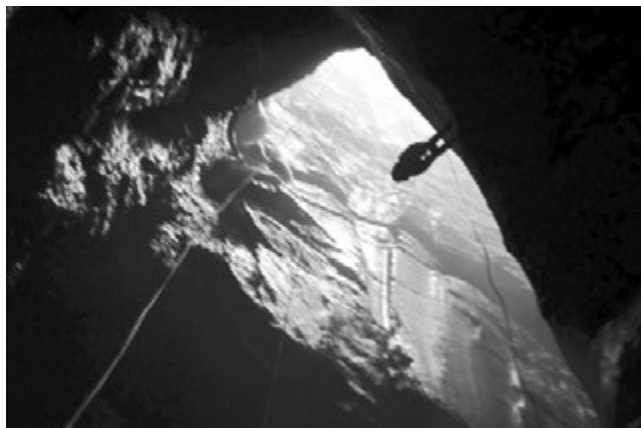
равнодушие, граничащее с отвращением. Может, это чувство бросило меня в противоположную стихию: к кратерам в то время самых грозных действующих вулканов Камчатки: Ключевского (4850 м), Безымянного, Плоского и Острого Толбачиков. Потом один из четвёрки папанинцев, академик Е. К. Федоров и легендарный полярный штурман, высаживающий папанинцев на полюс, В. И. Аккуратов попросили меня организовать экспедицию по поискам пропавшего в 1937 году при перелёте из СССР в США через Северный полюс самолёта С. А. Леваневского. Потом... Много ещё было разных непростых дорог, и меня не покидает неуютное чувство, что они, может быть, увели меня от главного, что я не оправдал наказа моего духовного наставника в литературе, большого белорусского писателя Василя Быкова, написавшего мне в пору навешивания на меня различных ярлыков и в пору его глубокой опалы: «Не слушайте там всяких... Вы можете. Многое можете. Только не надо растрачивать себя по пустякам, соберитесь с силами и напишите что-нибудь значительное, ёмкое и глубокое». Чем я только не занимался и не занимаюсь, отрывая себя от главного! В то же время, кто знает, что у человека главное? Меня не может не заставить задуматься, что читатель уже не плачет над тем, что я, умудрённый опытом, пишу сегодня, а снова и снова возвращается к моим ранним вещам, таким, как рассказ «Билет в детство», который критики в один голос определили в разряд классики русской литературы. Что-то я потерял в этих экзотических дорогах, может, главное.

Да, к пещерам я больше не испытывал интереса. Но пропасть Кутук-Сумган была для меня не просто пещера: хотя желания вернуться в неё не было, она постоянно была в памяти. И висела над моим рабочим столом фотография «Лестница в небо», сделанная мной, висящим на лестнице в жерле пропасти. Гляжу на неё и вспоминаю, как просил висящего чуть ниже меня профессионального фотографа Евгения Шарова: «Сделай снимок».

«Не получится, мало света».

«Тебе что, жалко кадра? Дай фотоаппарат!»

Дилетант часто делает возможным то, что профессионал считает невозможным, это правило касается и литературы. Эта фотография стала признанным символом пропасти, она не только на обложках почти всех переизданий моей повести «Лестница в небо». Всё дальше уходило время первого спуска, и, к удивлению нас, перво-

проходцев, с каждым годом всё больше находилось людей, которые спускались в пропасть, ставшую широко известной не только в России, «первыми». Хотя у всех «первых» названия, данные колодцам, лазам, залам на всех топографических планах пропасти были почему-то нашими. А в Черногории случайный знакомый, узнав, что я из Башкирии, воскликнул: «У вас там есть пропасть Кутук-Сумган, в которую я спускался первым». «Когда?» — спросил я его. «В 1986 году». «Ты ещё под стол не ходил, когда я в неё спускался». И тут позвонил мне мой старый друг, начальник Уфимского поисково-спасательного отряда МЧС России, одного из лучших спасательных подразделений России, Вячеслав Владимирович Климец, для меня просто

Слава, в ту далёкую пору провожавший меня в экспедицию в пропасть в роли начальника контрольно-спасательной службы областного совета по туризму: «У меня в архиве сохранился твой экспедиционный отчёт, заезжай, подарю». Я читал свой отчёт как приключенческий роман: как добирались до горно-таёжного башкирского села Бурзян самолётом-кукурузником, потом рубили сухостойные сосны на прибрежных скалах, из которых вязали плоты, как сплавлялись на них по реке Белой, разбивая плоты на перекатах, до урочища Сакаска, как поднимали снаряжение по ущелью... Я передал этот отчёт в музей Национального парка «Башкирия», на территории которого теперь находится пропасть, и в разговоре с тогдашним директором парка И. И. Якуповым родилась идея «юбилейной» экспедиции... Мои друзья, первопроходцы Владимир Камалов, Александр Жаркевич, Эдуард Нигматуллин, Рудольф Бураков, Александр Петраш с радостью приняли предложение. На мой вопрос, есть ли желание снова спуститься в пропасть, не задумываясь, ответили: «Есть!» Но как это осуществить? У нас нет никакого снаряжения. Тогда я поехал в Уфимский поисково-спасательный отряд: мой дорогой друг Слава Климец и сменивший его на посту начальника отряда Юрий Иванович Зуев сказали: «Поможем! Только напиши письмо начальнику Приволжского регионального центра МЧС России генерал-полковнику Игорю Константиновичу Паньшину. Мы — народ служивый, нам нужен приказ или разрешение. Мы посвятим этот спуск 25-летию МЧС, и с вами пойдут наши лучшие спасатели». Транспортные и технические проблемы брал на себя сопредседатель Попечительского совета Аксаковского фонда, генеральный директор Катав-Ивановского приборостроительного завода Челябинской области Динар Равильевич Сагдетдинов. Началась подготовка к экспедиции.

В октябре прошлого года на Международном литературном форуме «Золотой витязь» в Пятигорске мне подарили альбом: священники местной епархии вместе с альпинистами продолжают поиски солдат, погибших в Великую Отечественную на Марухском перевале. По возвращении в Уфу я передал альбом не столь дав-

165-метровая отвесная скала, в середине которой находится Антониева пещера

но возведённому в сан епископу Салаватскому и Кумертаускому Николаю (Субботину).

— А можем ли мы организовать нечто подобное? — неожиданно спросил он.

— Можем, — не задумываясь, ответил я — В верховьях Белой в отвесной 165-метровой скале есть Антониева пещера, в которой во второй половине XVIII века жил монах-пустынный. Есть документальное свидетельство. В мае 1770 года его келью в пещере посетил академик Иван Лепёхин, он отметил этот факт в своих «Дневных записках». Он спускался в неё по узкому уступу. Позже этот уступ якобы был разбит молнией, и пещера стала недоступной. Мы совместно с МЧС России готовим юбилейную экспедицию в пропасть Кутук-Сумган, которая находится примерно в этом же районе, мы могли бы запланировать и спуск в Антониеву пещеру. Подумайте. Что касается пропасти Кутук-Сумган, мы были бы благодарны Вам, если Вы, не спускаясь в неё, отслужили бы молебен по всем погибшим в этой пропасти, попросили бы Господа здоровья всем покалеченным и освятили бы её на предмет будущих экспедиций, сняв с неё клеймо Пасти Дьявола.

На другой день по электронной почте я отправил Владыке отрывок из «Дневных записок» академика И. И. Лепёхина:

«...разные чудеса, которые нам о сём удалившемся человеке рассказывали, побудили нас и его посетить уединение. Жилище его было посреди утёса высочайшей горы... Первый к нему приход с левой или западной стороны хотя трудноват, но, однако, не неприступен. Редкий по горе лес в слаживании по крутизне много нам вспомоществовал; да и достальное пространство, спускаясь по канату, преодолеть было нетрудно. Но самоважнейший проход поперёк горы до жилища Антонова весьма был страшен. В утёсе как бы нарочно оставленный уступок, шириною на поларшина (*аршин — 71, 12 сантиметра — М.Ч.*), а инде и менее, последнюю тропу к Антонову составлял жилищу. По оному должно было пробираться сажен до десяти, имея под собою и перед собою прямой каменный утёс. Приступок сей кончится как бы в нарочно сделанных

переходах, укрепленных вверху в половину дуги сведенными брёвнами. От оной свободный уже проход в нарочито пространный грот... В сём гроте избрал себе уединённое жилище упомянутый Антон... Не без услаждения смотрели на труды сего человека. Все нас уверяли, что без всякой помощи устроил он себе жилище, которое казалось нам быть делом многих людей. От грота вниз горы сажен на пять была крутизна, под которою остальная горы высота сажен на тридцать представляла прямой утёс. Крутизну оную сравнивал он огромными камнями, между которыми иные казались нам быть с лишком пуд в десять. От сего перед гротом произошла ровная квадратная площадь на восемь сажен в поперечнике; и поверхность ея убита была глиною с песком весьма гладко. На сей площади сооружена его храмина, из трёх маленьких покойцев состоящая. Снаружи сделана она из кирпича, который в одной горной расселине и был обжиган, а внутри стены убраны были изрядною столярною работою. В среднем покойце под полом выдолблен был в камне колодезь, наполненный холодною и прозрачною водою. Пустынника в его уединении мы не застали, но нашли только его книги, которые были все письменные (*рукописные* — М. Ч.) и содержали в себе жития разных пустынножителей. Уравнение площади показалось нам быть удивительно, да и лес, которым был наполнен весь грот, не менее приводил нас в изумление. Он складен был в порядочную на козлах сделанную поленницу, а поленье составляли сосновые бревна, длиною в полторы сажени, а в отрубе иные были в три четверти. Из всех его приуготовлений видно, что он для себя избрал трудолюбивую и богомольную жизнь,... Сие я достойным описания почёл, дабы со временем оно не подало причины к каким-нибудь заблуждениям...»

«Заблуждения» случились. Осталась тайной судьба отшельника. Покинул ли он свою келью в скале, удалившись от людей глубже в уральские дебри или даже в Сибирь, или погиб, когда якобы ударившая в скалу молния, обрушила уступ, и от молнии сгорели все его «покойцы» и книги? Но смущает такой факт: молния ударила бы, скорее всего, в вершину скалы, а не в середину её, как смущает и другой: разнёсшийся по соседним глухим деревням слух, что, не иначе, как Антоний хранит золото, может, даже Пугачёва, пугачёвцы в 1774 году разорили соседний Иргизлинский медеплавильный завод. Не убит ли он был и не сожжена ли для сокрытия убийства его келья, как были убиты несколько человек, волей горькой судьбы оказавшихся в окрестностях пещеры и не подозревающих, какую опасность она несёт в себе, уже в XIX и даже в XX веках? Я сам во время одной из экспедиций испытал к себе повышенное внимание, когда сплавляясь по Белой, остановился на ночлег напротив пещеры. Тут же появился мужик из соседней деревни Кутаново с вопросом, не альпинист ли я и не собираюсь ли в пещеру, а если собираюсь, предупредил он, то найденное надо делить пополам. Чем больше я его убеждал, что остановился напротив пещеры только на ночлег, тем большее сомнение читал в его глазах. Я предпочёл свернуть палатку и, несмотря на наступающие сумерки, поплыл дальше.

Позже спелеолог Юрий Соколов, сын нашего экспедиционного врача Виктора Михайловича, кстати, дальнего родственника С. Т. Аксакова, ездивший в первую нашу экспедицию ещё с ночным горшком, закончивший впоследствии географический факультет, тем самым нарушивший двухвековую потомственную врачебную традицию, спускался в пещеру через несколько лет после салаватских альпинистов, обнаруживших в ней закопчённые своды, остатки обгорелых брёвен, полусгнившие верёвки и ворот, которым Антоний поднимал снизу для своего жилища дрова и скромные подаяния — их привязывали к верёвке сплавщики железа с белорецких заводов, а он их благославлял на удачный путь.

— Скорее всего, уступ перед пещерой обвалился не от молнии, а от его перегруза и смещения центра тяжести, — высказал предположение Юра, — ведь Антоний увеличил его до площадки примерно в шесть метров на восемь. Такие размеры, судя по сохранившимся брёвнам, имела его хранилища. Редкой был силы и смелости человек. Ну, Лепёхин тоже, хотя он попал в пещеру уже по налаженным Антонием висячим мосткам. Как Антоний крепил брёвна под эти мостки в отвесной скале, на такой высоте — уму непостижимо! А вот с академиком Лепёхиным не захотел встретиться. Можно, конечно, предположить, что его в это время просто не было в пещере, но я полагаю, что он просто избежал встречи.

Через несколько дней после того, как я отправил епископу Николаю выдержку из «Дневных записок...» академика Лепёхина, он позвонил мне:

— С чего начинать подготовку экспедиции?

— Есть в епархии клирики или прихожане — альпинисты, бывшие десантники?

— Я сам буду спускаться, — неожиданно сказал владыка. — Со мной будут спускаться священники, казаки. Прямо в пещере будем служить по пустыннолику литию (заупокойную службу).

— Владыка, Вы не представляете, насколько сложно спускаться на верёвке по отвесной скале в 165 метров до её середины, а потом вкачиваться в пещеру и дальше спускаться вниз к подножию скалы.

— Да? Но я уже объявил о своём решении прихожанам, значит, буду спускаться.

В результате родился общий план экспедиции, тем более, что между Антониевой пещерой и пропастью Кутук-Сумган менее полсотни километров. Но это почти абсолютное бездорожье, что ставило перед нами сразу несколько технических и организационных проблем. Если перебазироваться сухопутным путём, то для переброски почти пятидесяти человек и нескольких тонн груза потребуется большое количество вездеходных машин, которыми можно окончательно разбить лесную дорогу, проходящую по национальному парку, к тому же экспедиционную неделю синоптики обещали дождливой. Можно перебазироваться водным путём, водохранилищем до бывшего хутора Сакаски, но как поднимать по ущелью к пропасти на расстояние четырёх с половиной километров несколько тонн груза? Было решено, что грузы на квадрациклах и на двух уазиках в сопровождении «шишиги» (Газ-66) отправим горами, а сами — на катерах водным путём, чтобы подняться к пропасти по ущелью налегке, а там нас встретят приехавшие на квадрациклах.

И вот мы на поляне напротив Антониевой пещеры. Совершенно отвесная скала с чёрным отверстием посередине во всей своей строгой и неприступной для простого человека красоте.

Владыка Николай, опершись на самодельный посох, внимательно и напряжённо всматривается в неё. Спасатели начинают чистить трассу спуска, камни то и дело в одиночку или разнокалиберной россыпью с грохотом рушатся вниз, в реку.

— Ну как, Владыка? — осторожно спрашиваю.

— Буду спускаться.

Я подошёл к его священническому воинству:

— Ну, что вы решили? — Мне нужно было определиться с количеством спускающихся в пещеру, чтобы поставить задачу спасателям.

— А что решил Владыка?

— Однозначно — спускаться!

— Ну, нам тогда ничего другого не остаётся, — улыбнулся протоиерей Валентин Попов, настоятель Богородице-Казанского храма села Верхотор.

Наутро я видел, что Владыка с трудом скрывает волнение. Спасатели дали сигнал: пора!

— Благословите меня, Михаил Андреевич!

— Ну, Владыка, Вы меня возвели, по крайней мере, в сан митрополита, раз благославляю епископа, — перекрестив, засмеялся я. Я понимал, что не просто, не имея никаких навыков альпинизма, впервые в жизни шагнуть с отвесной скалы в пустоту. Именно шагнуть и потом шагать по скале, а не тащиться по ней на животе, обдираясь и ударяясь о выступы.

Рядом с Владыкой по второй верёвке пошёл с телекамерой на каске Булат Каримов, ведущий программы «Следопыт». Над ними завис беспилотник, которым управлял Динар Равильевич. Главное — пересилить себя и встать на ноги перпендикулярно скале. Первые неуверенные шаги, потом всё уверенней. И вот Владыка идёт уже уверенно. Все остальные участники экспедиции напряжённо наблюдают за ними снизу, с противоположного берега Белой. Вот он надолго завис на одном месте, но уже не по причине неумелости, а по просьбе Булата Вильевича, который в таком положении решил взять интервью. Вот они уже поравнялись с пещерой и скрылись в ней. И, прежде чем шагнуть за обрыв, раскинув руки крестом, тем самым давая спасателям знак о готовности к спуску, пошли следом один за другим, как солдаты за своим командиром, протоиерей Валентин Попов, иерей Олег Кабуков, атаман Сергей Кулагин разумеется, «полковой священник» Аксаковского фонда игумен Зосима. Вот, наконец, они все в пещере, над скалой нависает тишина, словно на ней никого и не было. И можно только догадываться, как в пещере идёт церковная служба, видимо, по полному чину, потому как продолжалась не менее часа...

Потом один за другим все спустились дальше вниз к подножью скалы, где их ждала лодка, чтобы переправить на наш берег...

На другой день переброска к пропасти Кутук-Сумган. Выгрузившись из катеров, поднимаемся по Сакасскому ущелью. Ущелье, как и 50 лет назад, потрясает своей красотой, если я когда-нибудь ещё вернусь сюда, то только из-за него. Если раньше по нему можно было подняться, пусть с трудом, но даже на лошади с телегой, то после гибели хутора Сакаска за дорогой перестали следить, убирать то и дело обваливающиеся со скал глыбы. Теперь же от бывшей дороги не осталось и следа. По выходу из ущелья нас всё чаще встречают «кучки», оставленные медведями, но, к нашему удивлению, не встречают квадрациклы, хотя давно должны были быть здесь. Только уже около самого лагеря один из них появляется навстречу: оказалось, что, в отличие от нас, сухопутную группу два раза накрывал ливень, и дорогу в 35 километров наш грузовой караван преодолел только за пять с половиной часов и то только благодаря «шишиге».

И вот перед нами пропасть. Сколько ни рассказывай, пока не увидишь, не поймёшь, что это такое. Кое-кто даже не решается подойти близко к ней.

В связи со сложностью спуска и ограниченностью времени решено разрешить спуск только «юбилярам» и страхующим их спасателям.

Меня отвёл в сторону игумен Зосима.

— Никак нельзя, чтобы я не спустился. Какой же я тогда «полковой священник»?

— Ну, если сможете уговорить спасателей, — поддался я.

В семь утра, когда все ещё спят, спасатели уходят навешивать снаряжение. Вместе с ними втихомолку уходит отец Зосима.

Панихида по погибшим в пропасти и по Валерию Нассонову, погибшему в Каповой пещере. У меня на поясном ремне в память о нём альпинистский карабин, снятый

с него после его гибели. По окончании службы неожиданно просит разрешения на спуск владыка Николай. Я не знаю, как быть, но спасатели тверды:

— Владыка, Вы не представляете всей сложности спуска. Это очень опасно. Это совсем другое, чем спуск в Антониеву пещеру. Ещё сложнее подняться обратно.

Явно расстроенный, он отходит от жерла пропасти.

Я готовлюсь к спуску. Перед тем захожу за угол скалы, тайком меряю давление: повышенное. Делаю пару глотков коньяку из фляжки, давно убедился, что в таких случаях самое лучшее средство, сую её за пазуху. Меня обвязывает Юра Соколов, тот самый, отправляющийся в первую нашу экспедицию ещё с ночным горшком, а через неделю ему уже стукнет 60. И только сейчас узнаю, что в пропасть не идут за мной ни ведущий телепрограммы «Следопыт» Булат Каримов, ни телеоператор Ринат Кашапов, ни входящий в телевизионную группу спасатель 1-го класса Юрий Туманов. Спрашивать, почему — некогда, я уже, откинувшись на спину, завис над жерлом пропасти. К тому же я спускаюсь не в качестве киноактёра. В последний момент Гузель Чулпановна Хамитова, руководитель программы «Следопыт», человек необыкновенного обаяния и мужества, воскликнула: «Нельзя же так, чтобы не было снято». Она прикрепляет телекамеру на каску и параллельно со мной начинает спуск.

На первом десятке метров волнение проходит. Стена резко уходит в сторону, я зависаю в пустоте, останавливаюсь, осматриваюсь, медленно вращаясь. Пропасть шелестит то ли промозглым туманом, то ли вечностью, мимо пролетает жёлтый лист, напоминая о приближающейся осени, на Земле я этого ещё не замечал. Что я себе или кому хочу доказать? Хочу оправдаться перед собой, что три года назад не решился отправиться в экспедицию в Арктику, искать следы пропавших спутников нашего земляка, штурмана шхуны «Св. Анна» Валериана Альбанова? После долгих раздумий я отказался по причине, что могу сорвать экспедицию, вместо поисковой превратить её в спасательную: всего полтора года назад кардиохирурги вытащили меня с того света. Мне 71 год, за спиной куча болезней одна веселее другой, тяжёлая контузия и тяжёлые травмы, я не однажды шит и перешит, от нынешней моей болезни, как говорит в шутку и всерьёз мой врач (он же мой друг), может вылечить только гильотина. Я всё никак не могу приступить к своей главной книге...

Но надо идти дальше. Неожиданно попадаю в петлю навешенной поперёк стены верёвки, по которой «ходят» спасатели. Кричу наверх, там ещё слышат меня, дальше сообщаться будем только по радию, чтобы основную верёвку дёрнули вверх, а страховочную, наоборот, отпустили, и, оттолкнувшись руками и ногами от стены, переворотом через голову выскакиваю из петли, придя в восторг оттого, что я автоматически, не задумываясь, сделал это, что моё тело, как и 50 лет назад, послушалось меня...

И вот я на дне первого 75-метрового колодца: лёд, холод, шелестящая тишина, кусочек серого неба далеко вверху. Меня встречают прятавшиеся под уступом, мало ли чего я мог обрушить им на голову, спустившиеся раньше меня спасатели Илья Пахомов и Артур Мустафин и улыбающийся «полковой священник» игумен Зосима. Надо сказать, что нас, мирских, команда священников во главе с владыкой Николаем, без преувеличения, потрясла. У некоторых из нас мирских, грешных о них было представление, что кроме того, как махать кадилом, они ни на что не способны. За мной спускаются мои товарищи по первому спуску: Владимир Камалов, Александр Жаркевич, Эдуард Нигматуллин.

В три стороны идут ходы. Уже не всё помнится. Первый ход сразу же заканчивается тупиком. Второй в скором времени обрывается новым колодцем. В третий продираемся через шкуродёр только со спасателем Ильёй Пахомовым, и снова скоро нас останавливает колодец. Чтобы спуститься в него, нужно навешивать верёвки, но у нас

на это просто не хватает времени да и не было такой цели: уходить далеко вглубь пропасти, хотя, конечно, жаль, что мы не дошли хотя бы до зала Геофака, где когда-то стояли наши экспедиционные палатки, где мы, не имея возможности каждый день подниматься на поверхность, сменами жили по несколько суток, «вечерами» возвращаясь, до предела вымотанные за день, из всё более дальних и глубоких горизонтов пропасти. Но зато какое было счастье наконец увидеть небо!

Возвращаемся к стволу пропасти. Игумен Зосима начинает меня благодарить, как благодарил, когда я помог ему поехать на 70-летие Победы в Севастополь, где он служил срочную военным моряком.

— Не торопись благодарить, батюшка! — остановил я его. — Что в горах, что в пещерах, самое трудное — обратная дорога.

Увы, я оказался прав. Кто-то из «юбиляров», спускаясь, прошёл петлю, из которой так лихо, неожиданно для себя, вывернулся я, а начавший подниматься первым игумен Зосима упёрся в неё, оказавшуюся между страховочной и основной верёвками, к тому же опрокинувшись и зависнув вниз головой. Выпутаться из этой ситуации самостоятельно он не мог, нужно было вытягивать наверх, перепускать через петлю страховочную верёвку, и на помощь ему срочно «пошёл» спасатель Илья Пахомов, а мы, четверо «юбиляров» со спасателем Артуром, задрав головы, беспомощно смотрели вверх, время от времени окликая отца Зосиму, чтобы он не испытывал чувства одиночества. Каждый раз он неизменно откликался: «Всё хорошо», хотя понятно было, что хорошего мало. Я то и дело просил Сашу Жаркевича, как оказалось, единственного спустившегося с простеньким фотоаппаратом: «Снимай!». Потому как два профессиональных фотографа со своими навороченными фотокамерами тоже не решились на спуск в пропасть, их можно пожалеть, каких они лишились кадров!

Подъём игумена Зосимы в результате занял почти полтора часа. Все стояли на промозглом сквозняке, на скольком грязном леднике, задрав голову вверх! Несмотря на шерстяные носки, подмерзают ноги, да и спина начинает стыть. Наконец один за другим начинаем уходить наверх, а если говорить правду, нас попросту вытягивают наверх, потому что подъём не по верёвочной лестнице, как 50 лет назад, а по верёвке «на стременах» занял бы очень много времени, а на Земле уже приближаются сумерки, да и, может, не каждому из нас он был бы под силу... Последним из пропасти поднимается спасатель Артур Мустафин.

Теперь я знаю, что надо было повторить эту дорогу, чтобы снова испытать то непередаваемое чувство, когда на последних метрах подъёма из пропасти тебя снова охватывает волнение, переходящее в страх, что тебе что-то помешает преодолеть эти последние метры над бездной, которая, кажется, не отпускает тебя, и ты, наконец, вновь оказываешься на Земле, и тебя обволакивает густой воздух, настоянный на душице и зверобое...

Почему-то все мы, наконец, поднявшись, неосознанно опускались на колени. Потом говорили, что у всех у нас были какие-то блаженные лица.

ДАЛЁКОЕ — БЛИЗКОЕ

ВИКТОР ЛАВРОВ

ДЕРЕВНЯ МОЕЙ ПАМЯТИ

*«Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...»*

Ф. И. Тютчев

Получается, что и я «блажен», так как за свою жизнь видел немало «роковых минут» — всевозможных социальных и личных передрыг и потрясений. Мне довелось застать коллективизацию сельского хозяйства, раскулачивание крестьян, репрессии 30-х годов, участвовать в Великой Отечественной войне, быть свидетелем культа личности Сталина, наблюдать развал могучей коммунистической партии, членом которой я был 42 года, страдать по поводу распада невиданной в истории империи под названием СССР. Прожита длинная и насыщенная жизнь, и всё наше поколение, та его часть, которая ещё уцелела, стало мудрым.

Лично я также многому научился, «поднахватался верхушек», но по-настоящему хорошо постиг лишь три вещи:

- а) жизнь русской деревни 1930-х — 1940-х годов;
- б) солдатчину;
- в) женщин (шутка).

По этим трём разделам могу разговаривать, спорить, быть консультантом на любом уровне и не допускаю даже мысли, что кто-нибудь может быть более компетентным, чем я.

Солдатчина и женщины настолько полно и всесторонне отражены в литературе, драматургии, кино, живописи и т. д., что мне туда лезть не приходится. А вот деревня, в особенности старая деревня 30-х — 40-х годов, всё более предаётся забвению, разваливается, умирает даже физически. А между тем, это такой огромный пласт, такая благодатная целина, такой кладёзь для всех видов искусства, для краеведов-исследователей, для историков, лингвистов и т. д., наконец, такая нравственная пища для заскорузлых, истерзанных сердец и душ современных людей, что этой темы переоценить невозможно.

Вот я и решил попытаться написать этакий рассказ-воспоминание о русском селе 30-х — 40-х годов, по мере сил показать беды и радости крестьян той поры, их быт, труд, отдых, язык, уклад жизни и т. д.

Вероятно, мне не обойтись без того, чтобы как-то не увязать свой рассказ с моей биографией и с подлинными фамилиями отдельных персонажей. Но все мы будем в тени, на втором плане. А на переднем — наш великий, могучий, многострадальный русский народ.

Сам себе даю твёрдое слово — писать только правду, ни слова вымысла.

Заранее знаю, что эта моя работа доставит мне не только муки, но и радость. Даже в том случае, если её никто и читать не будет.

I

Каждая деревня или село расположено, как правило, на живописном участке местности, рядом с большой или маленькой речкой, имеет где-нибудь на опушке одну-две ветряных мельницы, общественные амбары для хранения зерна, называемые почему-то «магазеями», кузницу с неперменными атрибутами в виде горна, наковальни, кучи древесного угля, станка дляковки лошадей, готовой продукции.

Места у нас роскошные, сказочно красивые (речь идёт о Нижнем Прикамье) — необозримые поля, дремучие леса, пересечённая овражистая местность. Резко континентальный здоровый климат. Славятся наши места и знаменитыми людьми, родившимися или проживавшими у нас долгие годы. Это, к примеру, кавалерист-девица Н. А. Дурова, великий художник И. И. Шишкин, воспевавший красоту нашей прикамской природы, великий учёный-невролог В. М. Бехтерев, маршал Л. А. Говоров. В Гражданскую войну в наших местах сражался будущий маршал В. И. Чуйков (кстати, он был ранен около моего родного села Лекарева). Совсем недалеко от нас, в Казани, родился великий Шаляпин, а чуть подальше, в Симбирске, ещё более великий Ленин.

Почти в каждом большом и даже среднем селе есть школа, какой-нибудь магазин и церковь. Она (церковь) стоит наверняка на самом удачном и красивом месте, окружена хорошей, добротной металлической или деревянной оградой, деревьями и ухоженным кустарником.

Дома — деревянные, зачастую покосившиеся от старости, крытые соломой, редко тёсом и ещё реже железом. Надворные постройки тоже довольно ветхие — возле дома два-три хлева, сарай с сеновалом, во дворе колодец, колода для пойки скота. У зажиточных хозяев — дворы «крытые», т. е. защищены от снега и непогоды своеобразными стенами из снопов соломы. У этих хозяев есть овины, а у некоторых риги — для хранения и обработки зерна. На задах дома — огород, большой, площадью 30-40 соток, у многих — яблоневые и смородиновые сады, у некоторых хозяев имеются пчелиные пасеки, до 15-20 ульев. В этих случаях в огороде, где-нибудь возле речки, есть омшаник, куда на зиму ставятся ульи с пчёлами. В таком омшанике хорошо отдыхать летом в жару.

В редком хозяйстве нет бани. Она стоит где-нибудь на берегу речки, в зарослях смородины и ивняка. В предбаннике висят заготовленные веники. Для мытья головы готовится из золы так называемый щёлок. В бане пахнет мылом, сыростью, берёзой, щёлоком, каким-то своеобразным, ни с чем не сравнимым банным уютом. В такой бане приятно мыться в пасмурный осенний денёк — не торопясь, с веничком, с лежанием на полке. Каменка красна от жару, плеснёшь на неё ковш воды — пар клубами с шипением поднимается вверх. От жары выскакиваешь в предбанник, оттуда — в речку и снова туда, где жар и пар. После бани — чай, квас, иногда распивается чекушка.

Народ живёт трудно, много работает, не знает никаких излишеств ни в быту, ни в еде, рассчитывает каждый поступок, каждое дело, каждый рубль. В садах — только яблони и чёрная смородина, других фруктов нет — выращивать их невыгодно. Никто не выращивает, к примеру, редиску, клубнику, цветы и другую «дребедень». Львиную долю в посевах на личных участках занимает картошка. Её собирают много, вероятно, до одной тонны, а иногда и больше. Картошка — основной продукт питания как людей, так и скотины.

К обязательным для каждого села постройкам относятся также правление колхоза и сельский совет. Когда думаю о них, то первым делом вспоминаю, до какой степени они прокурены. Вдоль стен сидят на «кукырках» мужики и смолят весь вечер, почти не переставая, самосад, так что не только в углах, но и во всей комнате синё, дым такой едкий и вонючий, что хочется как можно скорее из этой душегубки выскочить. В этой связи вспоминается, что прямо в здании сельсовета, в маленьком, отгороженном от общего помещения чуланчике, постоянно жили сторож Никита Степанович Алексеев с болезненным и хромым мальчиком — сыном Алёшей. Уму непостижимо, как мальчишка выживал в такой атмосфере. Правда, он рано и умер.

* * *

Помню себя лет пяти. Мы живём в деревне прямо в здании школы, в котором отведено место для квартиры учителя. Зима. Трещат морозы, в замёрзшие окна видны занесённые снегом избы, закуржавевшие деревья, бесконечные белые поля. Вдали — тёмный лес. В ясные солнечные дни я гуляю недалеко от школы. Ближе к весне на домах, и в особенности на банях, висят огромные, сверкающие хрусталём, сосульки. Безжалостно ломаю их, использую как ружья. В масленицу на улицах жгут огромные костры, ребятишки бегают и прыгают возле них, катаются с гор на санках, на лыжах. Взрослые разъезжают на лошадях, запряжённых в лёгкие сани, называемые кошёвками. Раздаются песни-частушки, гармошка, звон конской сбруи (колокольчиков, шуркунчиков). Повизгивают девки, матерятся парни. Именно тогда, в раннем детстве, я наблюдал интересный обычай: на снег брошено сено, на нём лежат по-зимнему одетые девки, а на них — парни. Лежат парами, близко пара от пары, лузгают семечки, о чем-то беседуют, смеются, шупаются, балуются. Этот обычай был присущ лишь одному празднику, возможно, масленице.

Бывали случаи, когда из-за холода парни водили девок в бани. Об этом утром из-за следов на снегу становилось известно бабам. Утром они многозначительно говорили соседкам: «А наш-то Ванька опять Ньюрку в баню водил...»

Были зимы, когда снегу наметало очень и очень много, до двух метров и выше. Ближе к весне, когда он затвердевал и образовывал наст, под этим снегом во дворе школы детвора рыла ходы, целые улицы и переулки, и ходить по ним было очень интересно и забавно. Сколько было шуму, крику, смеха. Тут и снежные бабы, и игра в снежки, и лыжи, и борьба, и беготня.

И вот наступала весна, яркая, радостная. Боже мой, сколько было воды! Сначала она появлялась под снегом, потом образовывались ручьи, они с шумом сбегали в речку, протекавшую посередине села и делившую его на две части. Речка взбухла, превращалась в большую, шумную и грозную реку, сносила мост, так что многие ученики с «того берега» на период половодья оставались жить в школе. На реке образовывался водопад, который шумел наподобие Ниагарского, шумели ручьи и ручейки, днём светило яркое солнце, ночью немножко подмораживало, но шум внешних вод не прекращался. Из-за распутицы становились не проездными дороги.

Таких вёсен давно уже не бывает из-за малоснежья, задымлённости и загрязнённости атмосферы и т. п. Сейчас по вёснам долго лежит и не тает утоптаный грязный снег. Бывают, конечно, и лужи, и ручейки, но грязные, покрытые фиолетовым мазутом. Солнце пробивается еле-еле, душа не поёт от радости.

Лето. Деревенское лето. С купаньем, рыбалкой, ягодами, грибами, с посильной для детей огородной и домашней работой, с ребячьими шалостями и озорством. По вечерам на конном дворе ребятишкам давали лошадей, и мы верхом ехали в ночное.

Там — костёр, сказки, побасёнки, печёная картошка. Рядом пофыркивают стреноженные кони. Потом крепкий детский сон. И вот на рассвете тебя настойчиво трясут. Будят — пора ехать домой. Восходит огромное багрово-красное солнце, на траве крупная чистейшая роса. Прохладно. Влезаешь на лошадь, она плетётся домой, а ты сидишь на остром хребте, качаешься, как маятник — вперёд-назад. Лишь изредка с трудом откроешь глаза, чтобы увидеть и запомнить на всю жизнь эту Божью красоту. И опять засыпаешь.

По вечерам пригоняли стада коров с пастбы. Пастух шёл впереди стада, как командир роты на параде, через плечо волочился длиннущий кнут (мечта мальчишек). Бабы выходили из ворот, каждая брала свою корову, и начиналась дойка. Из всех дворов слышался характерный звук струй молока, льющегося в подойник.

Коров в селе было много, почти в каждом дворе, так что и стадо было не одно, а, вероятно, пять-шесть. Это я уже говорю о селе Лекареве, в котором мы жили в последние перед войной годы. Село было большое, около 500 дворов. Следовательно, было много и людей, и скота, и земли. Помню, по вечерам окончившие работу девки шли в сельский клуб. Шли рядами, в ногу, взявшись под руки, по нескольку человек в ряд. И таких рядов было много. Шли и пели частушки, на довольно-таки примитивный мотив. Но тут уж ничего не поделаешь — такой мотив был принят.

Главную же особенность лета составляла работа, неимоверно тяжёлая, отупляющая. Но об этом подробнее скажу ниже.

Ну, и, наконец, осень, моё любимое время года. Собран урожай, стоит бабье лето, летит паутина, на подоконниках созревают помидоры. На токах идёт молотба хлеба цепами, которые у нас назывались молотилами. На току становились в круг бабы и мужики и били этими молотилами по снопам, выколачивая из них зерна. Причём били не вразнобой, не как придётся, а ритмично, даже музыкально, и этих ритмов было отработано несколько — когда надоедал один, переходили на другой. Душа радовалась, когда слышалась такая музыка. Тут же, невдалеке, полученное при обмолоте зерно веяли при помощи обычных деревянных лопат — брали на лопату зерно из кучи и подбрасывали его вверх, ветром сорняки и шелуху выдувало. В этом и состояло провеивание. Это уж потом стали появляться веялки и молотилки.

Чем позднее осень, тем чище и прозрачнее воздух, и вода в речке. Начинается период свадеб и проводов в армию «некрутов» — так назывались у нас в селе новобранцы, которых призывали в армию. Об этом следует рассказать поподробнее.

На службу в армии в те времена смотрели как-то по-иному, чем сейчас. Это была, действительно, почётная обязанность каждого гражданина, как и было записано в Конституции. Не было никаких попыток отлынивания, симуляции и т. п. Срок военной службы был большой — в сухопутных войсках три года, а на флоте даже пять лет. И вот поздней осенью, как правило, в самую грязь и слякоть, проходили проводы «некрутов». Провожали всем селом, с пьянкой и песнями. Хороших, сытых лошадей запрягали в хорошие тарантасы и рыдваны с хорошей сбруей. Иногда запрягались и тройкой. В гривы и хвосты вплетались ленты, сбруя увешивалась колокольчиками, шуркунчиками, вышитыми полотенцами обвязывались дуги, оглобли. «Некрут» с друзьями, обязательно с гармонистом, сидели в повозке, все пьяные, хорошо одетые, но ужасно заляпанные жидкой грязью (может быть, даже и нарочно), разъезжали по селу, пели песни, в основном, частушки, размахивали платками. Народ высыпал на улицы, махал руками — прощался. Новобранец выходил к народу, обнимался, целовался. Сам ритуал проводов получался каким-то значительным и даже героическим, пробуждал в душах людей нечто святое.

*Подхожу к родному дому,
Дом невесело стоит.
Собрана моя котомочка,
На лавочке лежит.*

Так провожали в армию и меня, но, правда, не осенью, а зимой 1943 года.

* * *

В тёмные морозные вечера поздней осени выйдешь на улицу — небо усыпано звёздами, Млечный Путь лентой опоясывает его. Тишина, только иногда залает где-то собака. А вдали два великолепных голоса, баритон и тенор, поют какую-нибудь местную песню, которую нигде больше не услышишь. И как поют... Боже мой! Сердце разрывается не только у тех, кто слышит, но, вероятно, и у самих певцов...

*Зелёная веточка,
Ты куда плывёшь?
Берегись, несчастная, —
В море спотонёшь.
Там тебе не справиться
С бурей, с волной...*
и т. д.

II

Вероятно, самим Богом предназначено русскому крестьянину много трудиться. В самом деле, разве можно сравнить условия жизни, саму сферу обитания людей, живущих где-нибудь в средней, а особенно в северной полосе России, с жизнью, скажем, в тропиках, вообще в южных странах. Там постоянно тепло, постоянно родит земля, плодоносят деревья, почти не нужны расходы на одежду, отопление. Даже практически можно обойтись без жилья, без выращивания скота на мясо — пойдёшь в лес, застрелишь носорога, и вся деревня обеспечена мясом. Нужны фрукты — поднимись с земли, нарви бананов и опять ложись.

А на Руси? Необходимо обязательно капитальное жильё, дом. Нужно топливо на всю длинную зиму, дрова нужно заготовить — спилить в лесу, привезти домой, распилить, расколоть, высушить и потом каждый день топить ими печь. Для жизни нужно держать скот, стало быть, необходимо иметь надворные постройки, заготовить уйму корма, ежедневно эту скотину кормить и поить. Главная же сельская работа — полеводство и огородничество. Огромные массивы земли нужно обработать: вспахать, проборонить, засеять-засадить, вырастить урожай, то есть периодически полоть, окучивать, поливать и т. д. Потом этот урожай собрать, обработать и сохранить. Из-за холодного климата необходимо иметь и летнюю, и зимнюю одежду. В общем, жизнь русского крестьянина — многотрудная, и испокон веков он трудился как вол — от рассвета до заката, и летом, и зимой, и весной, и осенью. Такая многотрудная жизнь порождала и своеобразный характер мужика; он делался довольно упрямым, неразговорчивым, несколько замкнутым, постоянно озабоченным. Даже внешность крестьян становилась своеобразной: у мужчин появилась характерная сутулость, длинные, висящие, как плети, руки, довольно угрюмый взгляд; женщины к 40-45 годам становились изнурёнными, с почерневшими лицами, хронически уставшими и нравственно, и, особенно, физически. А если ещё учесть, что в период колхозного строя работали, в основном, «за палочки», то есть, по существу, за свой общественный труд

не получая ничего, то можно представить, как тяжела и беспросветна была жизнь до-военной деревни. Сейчас кажется невероятным и диким, что работали без выходных, без отпусков, без пенсий, рабочий день иногда доходил до 15-16 часов в сутки, и всё это бесплатно, и всё это — годами и даже десятилетиями. Ко всему этому надо сказать и о юридическом бесправии крестьян; у них не было паспортов, а следовательно, они не могли куда-либо уехать. Ну чем не крепостное право? А точнее — помесь крепостного права с рабством, потому что крепостные за свой труд получали хоть что-то. Это было невиданное во всем мире издевательство над миллионами людей.

И эта жизнь на глазах становилась всё хуже и хуже. В первые годы коллективизации в характере и психологии людей ещё оставались благородные человеческие черты, такие, например, как святое отношение к труду, к собственности и т. д. Со временем, в результате вопиющей обезлички и беззастенчивого грабежа, народ стал вынужден хитрить, симулировать, воровать. Вот эту разницу между началом 30-х годов и серединой 40-х необходимо различать и в моём рассказе. Я бы сказал о советском крестьянине так: чем раньше, тем добросовестнее он был, а чем позднее — тем жуликоватее. Но жуликоватее — не значит ленивее. Работали всё равно много. И если уж не за совесть, а за страх, так сказать, по нужде. А в войну — на обострённом чувстве патриотизма, невероятном энтузиазме и страхе...

* * *

Припоминается «мероприятие» по вручению колхозу так называемого «Акта на вечное пользование землёй». Мужики в это дело крепко поверили, даже торжественно поместили этот акт в коробку и ходили за село зарывать её в землю — на память потомкам. Об этом акте и об этом фарсе давно забыли, а своей земли у колхозников как не было, так до сих пор и нет.

* * *

Мои личные воспоминания о сельском труде связаны, в первую очередь, с работой на огороде. Огород был огромный, соток не менее тридцати, и засеивался обычно процентов на 90 картошкой. Для этого нужно было выпросить у председателя колхоза лошадь и произвести саму посадку (под плуг). Затем летом картофель не менее двух раз окучить тяпкой (по-нашему — мотыгой). Грядки с овощами систематически поливать (расстояние до речки метров 200). Кроме того, периодически полоть. Осенью — опять просить лошадь, чтобы выкопать картошку. Потом уложить картофель в подполье (это ведёр 200-250). В общем, работы на огороде хватало и отцу, и матери, и мне, начиная с 10-12-летнего возраста.

До сих пор помню этот процесс изнурительного труда: жарит летнее солнце, многие ребята — мои друзья или гуляют, или купаются в речке, а я с мотыгой в руках занимаюсь окучиванием. Ряды картошки длинные, метров по 100, вот и тюкаешь и считаешь в уме, сколько сделал и сколько ещё осталось. Бросить бы всё да в речку, к ребятам, в шум, гам и суету. Нельзя. И не потому, что боюсь наказания, а какое-то чувство, не то долга, не то совести, заставляет доделать работу если не до конца, то хотя бы до намеченного места. Ведь дома и кроме огородной полно работы, её тоже нужно кому-то выполнять.

Сейчас даже в уме не укладывается, как же это успевали всё делать. Скотину надо было накормить-напоить, а для этого правдами и неправдами необходимо было заготовить корм: картошку, сено, отруби и т. д. А сено, между прочим, косить можно

было только на неудобьях, в мочежинах, оврагах и т. д. Луговое сено шло только для общественного скота. Нужно было заготовить дрова, за ними съездить несколько раз на лошади в Корабельную рощу за шесть-семь км от дома. А лошадь предварительно нужно было «добывать». Привезённые дрова — пилить, колоть. А в печке они не горят — сырые. В хлевах периодически требовалось убирать навоз, менять подстилку. Корову каждый день два раза доить и т. д. и т. д. И не надо забывать, что в доме не было ни парового отопления, ни электричества, ни газа, ни водопровода, ни радио, ни телефона, ни ванны, ни душа, ни холодильника, ни пылесоса. Вдумайтесь в это! За водой для скотины и для хозяйственных нужд ходили на речку (200 метров), а за питьевой, «на чай» — думаю, не менее как за полкилометра, на колодец.

Помню, как мать стирала бельё: для этого нужно было с речки наносить воды, нагреть её в печке и в корыте перестирать целую кучу. Но самое страшное — полоскание этого белья на речке в проруби. Когда она возвращалась домой, её руки были сведены судорогой, совершенно не гнулись, и их приходилось оттирать спиртом. При этом она выла от боли.

И ведь вся эта адская работа была не главной, не основной, а как бы второстепенной, подсобной, потому что главная — это: для моих родителей — в школе, для крестьян — в поле, на фермах, для меня — учёба.

Крестьяне-колхозники просыпались чуть свет, успевали кое-что полить в своём огороде, позавтракать какой-нибудь бурдой вроде вчерашней салмы и бежать в поле, километра за два-три, а иногда и больше. Полевые работы — трудные и отупляющие: пахать, боронить, полоть, окучивать, жать и т. д. А дома брошены ребятишки одни. Они ползают, неухоженные, а зачастую голодные, по избе, по двору, дерутся, плачут, едят что ни попадя. Были и ясли, и детские садики, но их было мало, они были примитивны, и обитание в них мало отличалось от того, о котором я только что рассказывал. Возвращались с полей уже вечером, в оставшееся до темноты время успевали поужинать, покормить деток, кое-что поделывать на огороде, накормить-напоить скотину и часов в одиннадцать ложились спать, чтобы в три-четыре часа подняться снова.

* * *

Приблизительно в 15-16 лет меня назначили подручным к кузнецу Родиону Филипповичу Жабрикову. Это был интересный старик лет семидесяти, очень похожий на Карла Маркса из-за своих лохматых волос и бороды. Его кузница стояла на самом берегу речки, и занимались мы в основном натягиванием обручей (шин) на тележные колёса и свариванием тележных полуосей. По ходу работы он очень суетился, нервничал, покрикивал на меня: «Витька, раззява, давай бей молотом скорее, вишь, вся ось в окалине!» По ходу дела он всё время мурлыкал какую-то странную песенку: «Король, король, коробочка, коробочка, король». И всё, больше никаких слов, только эти.

Перед свариванием полуоси раскалялись в горне добела, в это время на них надо было посыпать песку и уж потом сваривать, то есть, соединяя раскалённые концы, бить по ним молотом. Однажды впопыхах Родион вместо песка почему-то бросил в огонь свой кисет с табаком. Вот уж мне досталось на орехи...

С ним же мне довелось однажды поздней осенью в поисках корма для коровы сходить в наши луга, это километров семь от села. Трава была какая-то грубая, типа багульника, переросшая, покрытая от мороза куржаком. И ничего — косили её косой, набивали в мешки и везли на коляске домой.

Давно, давно нет уже на свете Родиона Филипповича, а я помню его, как живого. «Король, король, коробочка. Коробочка, король».

* * *

Какие поля у нас на Каме! Глазом не окинешь простирающиеся нивы пшеницы или ржи! Недаром великий Шишкин писал свою знаменитую «Рожь» именно в нашем, лекаревском поле. Что тут добавить? Можно часами смотреть на такое колышущееся и шумящее от лёгкого ветерка море. Сколько приходит шемящих душу мыслей и в то же время как легко становится на сердце при виде этой красоты. Невольно думаешь: как много здесь вложено человеческого труда, пота, даже слёз... Ведь, чтобы получить такое поле, нужно было его обработать, вспахать, проборонить, засеять.

Я помню ещё время, когда пахали сохой, сеяли вручную из лукошек, хлеб жали серпами, молотили цепами, веяли лопатой. Был свидетелем, когда в деревню пришёл первый трактор. Это был «Фордзон» с косыми плашками на колёсах. Мы, мальчишки, толпой бежали за ним в поле и всё любовались тем, как он пашет. Потом появились другие трактора: «Универсал», «Интер» и только значительно позднее — гусеничные: ЧТВ, СТО, ХТЗ. Потом стали поступать жнейки, которые все называли не иначе как «лобогрейками». Помню, как появилась жатка-сноповязалка. Смотреть на её работу ходила чуть ли не вся деревня...

Мне пришлось работать на лобогрейке летом 1942 года. Урожай в этот год был невиданный — рожь стояла высотой более двух метров, и косить её было очень трудно. Лобогрейку тянула пара лошадей, их погонял один работник. А второй сидел сзади и маленькими вальцами сбрасывал с платформы скошенную рожь. Но поскольку рожь была, как я уже сказал, очень сильная, да к тому же спутанная, кони тянули всего несколько метров, пила забивалась соломой, и приходилось её очищать. Потом опять продвижение метров на двадцать-двадцать пять, и снова остановка. А сзади идут бабы — вяжут снопы, так что долго-то стоять нельзя: давай, давай.

Работа на лобогрейке и сама по себе была трудной, даже если и пила не забивалась. Ведь представить только, что нужно весь рабочий день ритмично, без перерывов и передышек, сбрасывать тяжёлую, влажную солому с платформы. Задержки невозможны, спутывать солому нельзя, потому что из неё необходимо вязать снопы. В общем-то, получалась работа адова, к вечеру всё болело, в особенности руки и правый бок. А уж на следующее утро — и говорить нечего, а надо было снова садиться на этот агрегат и продолжать работу.

Бывали случаи, и довольно часто, когда выходила из строя какая-нибудь деталь. Хорошо, если удавалось починить самому прямо в поле, а то нужно было выпрягать одну лошадь и верхом ехать в село, в кузницу — ремонтироваться. Нет, не зря, не зря называли эту штуку лобогрейкой — лучше не придумаешь.

* * *

Самая же интересная, хотя и трудоёмкая, сельская работа — покос. Это можно назвать праздником труда. К нему готовятся заранее — готовят продукты, отбивают и точат косы (у нас они назывались литовки), даже подбирают соответствующую «полупраздничную» одежду. И вот в назначенный день, где-то в начале июля, колонна из двадцати-тридцати телег выезжает в луга, расположенные в пойме Камы. При помощи жребия луга делятся между бригадами, и начинается косьба. Косцы идут углом, как летают гуси или журавли. Впереди ставится самый опытный работник, он задаёт

ритм. Окосево (ширина захвата) должно быть порядочным, брать мало — стыдно. Самая лучшая работа — ранним утром, по росе. Приятная это картина — идут цепочкой, углом мужики и бабы, мерно машут литовками, и слышится характерный звук скашиваемой травы. Время от времени кто-то останавливается, вытирает косу травой и точит её специальным брусом — вжик, вжик, вжик — и опять за работу. Иногда среди дня вдруг выпадет внезапный дождик — все ему рады, потому что влажную траву косить легче, да и дышится после него лучше.

По мере достижения конца участка каждый кладёт свою косу на плечо и неторопливо, немножко враскорячку от усталости, идёт к его началу, чтобы начать новый ряд (окосево).

А кругом — благоухающая природа: озёра, заросшие камышом, осокой, белыми и жёлтыми кувшинками; кусты; всевозможные птички, бабочки, стрекозы, кузнечики. Скошенная трава издаёт ни с чем несравнимый аромат, от которого кружится голова. Каких только цветов нет в траве и как богат набор этих трав! Тут и дикий лук, и конский щавель и щавель обычный, и ромашки, и всевозможные колокольчики, метёлки, мышиный горошек, гвоздички. Из травы часто вылетают вспугнутые птички, попадают ужи, ящерицы. В озёрах много рыбы, уток и другой живности. А какие дивные, просто волшебные, в лугах рассветы! На память приходят стихи Никитина:

Звёзды меркнут и гаснут. В огне облака.

Белый пар по лугам расстилается.

По зеркальной воде, по кудрям лозняка

От зари алый свет разливается.

Удивительно точно и тонко передаётся в этих стихах вся Божья благодать природы!

На период работ из косцов выделяется бригада, которая бреднем ловит в озёрах рыбу. Её налавливают огромное количество, несколько вёдер золотистых карасей, зубастых щук, скользких линий. Варится всеобщая уха. К вечеру работа заканчивается и начинается самое интересное — ужин, а после него — отдых. Кто постарше — сидят, поют песни, беседуют. Молодёжь с гармошкой ходит из бригады в бригаду — насчёт девок. По реке иногда проходит пароход. Ночью он освещён огнями, звучит музыкой. А вокруг — божественный запах скошенной травы. Идиллию нарушают только комары. Их мириады, тучи, они пищат и здорово кусаются. А спрятаться от них можно только в сделанные из прутьев и сена шалаши. Но и туда они проникают. В общем, ночь проходит почти без сна, а ранним утром — снова за литовку. А правый бок от вчерашней работы страшно болит, как нарыв, и надо его как-то разрабатывать. Эта романтика очень тяжёлого труда западает в душу на всю жизнь как прекрасное, просто золотое время.

По окончании покоса все уезжают домой, а скошенная трава остаётся в валках на месте — для просушки. Её периодически ворошат (переворачивают) приезжающие для этого из села бабы. Беда, если в эти дни установится ненастье.

Спустя несколько дней новый выезд в луга, на этот раз — грести. Высохшую траву, то есть сено, сгребают граблями сначала в копны. Потом в землю вкапывают высокие деревянные шесты — «стожары», и вокруг них, из подвозимых копён сена «вьют» стога. Для ребят-мальчишек самая подходящая работа — подвозить копны. Ну, а взрослые длинными деревянными вилами с тремя рогами подают сено на верх стога укладчику. Это работа тяжёлая, в особенности, если дует ветер.

Ну а времяпрепровождения, отдых — такие же, как и при покосе.

Сейчас всё по-другому; косят сенокосилки, сгребают механические грабли, сено, в основном, не стогуются, а идёт под пресс или на сенаж, брикетируется.

Скажу честно: мне милее прежний производственный процесс, при нём проявлялась истинная любовь к природе, а точнее — рождался подлинный патриотизм, любовь к матери-Родине.

* * *

Скирдование хлеба — тоже серьёзная и ответственная работа.

С полей в определённое место свозятся снопы и укладываются в своеобразный стог, называемый скирдой. В этой скирде снопы лежат до тех пор, пока не придёт время их молотить. Может быть, даже и до зимы. Скирда огромна, и класть её нужно умело, иначе она может «поползти», и вся работа пойдёт насмарку. Уже в войну, когда в деревне мужиков почти не осталось, председатель колхоза Тютиков сказал мне: «Ты, Витя, помог бы в скирдовании. В качестве укладчика». Я ответил, что, боюсь, не сумею. «А ты не бойся, сумеешь, только будь аккуратней», — посоветовал он. Я уложил неплохую скирду, и она не поползла.

* * *

Расскажу о молотье на «сложной» молотилке. Это довольно большая машина, которую обслуживает много народу, вероятно, человек 10-15. Принцип её работы заключается в следующем. К молотилке подвозятся снопы, они по одному, из рук в руки, подаются наверх, на специальную платформу, где находится барабан, в который задавальщик по очереди отправляет каждый сноп. Задавальщик — главная фигура на всей молотилке: он должен у каждого снопа специальным (сломанным) серпом разрезать пояс, растряссти сноп и ловко подать в барабан, чтобы было и не очень «толсто», и не очень «тонко». Долго тут не проработаешь — немеют от напряжения руки, да и опасно — руку может затянуть в барабан.

Из одного отверстия-окошечка высыпается обмолоченное зерно, из другого — выходит полученная солома. Эту солому отвозят лошади с волокушами, а волокуша — это верёвка, которой подхватывается копна соломы и волочится к стогу. Работают на волокушах ребяташки лет двенадцати-четырёх.

Особенно запомнилась мне молотба ночная — необычность обстановки придавала ей некоторую романтику. Молотилка гудит, работа идёт слаженно и споро. Никаких лишних разговоров, только слышны отдельные деловые возгласы и реплики. Примерно каждый час устраиваются перерывы — реке нельзя из-за большой физической нагрузки. Все ложатся: кто курит, кто дремлет, а молодёжь даже тут уму-дряется шутить и озорвать. Мне приходилось и на сложной молотилке работать в разных качествах, в том числе и задавальщиком, и эта работа оставила у меня самые приятные воспоминания. В ней особенно остро ощущается коллектив, твоя нужность и как бы незаменимость.

* * *

Как же оплачивался нелёгкий крестьянский труд? Скажу прямо — плоховато и даже очень. В первые после организации колхозов годы на трудовни кое-что давали, и давали, надо признать, неплохо. Бывали даже случаи, когда кто-то из колхозников отказывался от заработанного зерна и овощей. Им привозили домой, скажем, рожь, и, получив отказ, ссыпали её прямо на землю под окном.

Но год от года оплата на трудодни уменьшалась, и, в конце концов, платить на них вообще ничего не стали, а стали выдавать печёный хлеб: сначала по одному килограмму за трудодень, потом по 800 граммов, потом и вовсе по 200. А затем и эту плату прекратили. Люди стали работать «за палочки» — так стали называть трудодень. Теперь вся надежда была на личное подсобное хозяйство — в основном, на огород и на корову. Но вскоре стали и этот источник существования душить налогами. Поборы были установлены и с коровы, и с поросёнка, и с овцы — и деньгами, и так называемыми натуропоставками, то есть, молоком, маслом, яйцами, шерстью, шкурами и т. д. Додумались даже до того, что потребовали сдавать шкуры свиней: резал свинью, не сдал шкуру — под суд. В конце концов, установили налог даже с каждой яблони. Чтобы не платить налог, яблони стали безбожно вырубать, и великолепные сады вскоре пропали. Этому же способствовала невероятно морозная зима 1939-40 годов, когда яблони помёрзли. По причине уродливого налогообложения резко уменьшилось и поголовье личного скота.

Удивительно, как выживал народ в течение долгих лет этой обираловки. Всё спасение теперь было в воровстве, и оно расцвело пышным цветом. Стали воровать в колхозе и зерно, и всё, что плохо лежит, мотивируя это тем, что «всё вокруг колхозное, всё вокруг моё». Тогда правительство издало драконовский закон о привлечении к строжайшей уголовной ответственности за воровство сельскохозяйственных продуктов. Стали сажать в тюрьму за несколько килограммов украденного зерна, даже за стрижку колосков в поле, и не только взрослых, но и детей.

Страшное было время. Почти каждую весну народ встречал голодом, так как за зиму истощались скудные запасы продуктов питания. Многие шли в поле собирать прошлогоднюю невыкопанную картошку, каким-то образом добывали из неё крахмал и варили кисель, стряпали лепёшки. Они получались тёмно-фиолетового цвета. Собирали серёжки берёзы, сушили и толкли их, получали муку, из которой тоже делали лепёшки. Лебеда стала считаться чуть ли не нормальной едой. Были часты случаи массовых отравлений со смертельным исходом из-за употребления в пищу проросших прошлогодних зёрен. В такие периоды хоронили почти ежедневно и даже в день по несколько человек.

Народ зверел, дичал от голода. Я, например, сам видел, как одна молодая ещё мать, держа на руках двух малышей, гладила их по головкам и говорила ласково: «Вот бы было хорошо, если бы Ванюша умер, да и Миша бы тоже». И говорила это вполне серьёзно, искренне, по лицу было видно, что она действительно очень этих смертей желает, потому что уже измучена до предела.

Конечно, не всё население поголовно бедствовало, большая часть семей всё-таки жила более или менее сносно жизнью. Люди как-то выкручивались и даже не теряли бодрости духа — и влюблялись, и женились, и рожали детей, и гуляли, и выпивали, и шутили, и смеялись. Помню некоторые частушки тех времён:

*Всё по плану, всё по плану,
Срать велят по килограмму,
А дают по двести грамм —
Где же высрать килограмм?*

*Я в колхозе не была,
Сроду чаю не пила.
Как в колхоз вступила —
Самовар купила.*

И вот в условиях, описанных выше, внезапно началась война. И эти многожды оболваненные, обкраденные, всячески униженные люди, эти рабы подняли головы, расправили плечи и поднялись на защиту Отечества. Все поголовно, или пошли, или готовы были пойти проливать кровь, класть головы за свою «счастливую» жизнь, над которой нависла опасность. Помню, как красавец-тракторист Гриша, по прозвищу Урыныч, косая сажень в плечах, разъезжал по селу на своём тракторе, выделявая всевозможные повороты и пируэты. На тракторе — плакат: «На борьбу с Германией!»

Буквально за несколько дней село опустело: в армию забрали почти всех работоспособных мужиков, все трактора, единственную в селе грузовую автомашину, большое количество самых лучших лошадей, самые лучшие повозки. Все сельскохозяйственные работы теперь легли на плечи женщин, подростков и стариков. Оказалось, что жить можно ещё хуже, чем жили в мирное время. Теперь амбары и сусеки государством выметались буквально под метёлку, появились новые виды налогов и всевозможных сборов: госзаём, в фонд обороны, на авиационную эскадрилью, на танковую колонну, тёплые вещи для воюющих солдат и т. д. и т. п. И вот «активисты», такие как учителя, комсомольцы, приезжающие из района «уполномоченные», которых, кстати, и в мирное время было более чем достаточно, начали ходить по домам и уговаривать людей жертвовать буквально последнее, последний рубль, последние продукты, последние варежки и носки.

Усилился голод, многократно тяжелее стала работа, добавилось горе из-за погибающих и искалеченных на фронте родных. Но... народ всё равно не сломался, он продолжал и петь, и шутить, и смеяться. И свято верил в грядущую нашу победу.

В первые же месяцы войны прибыло много эвакуированных, которых народ называл «ковырянные». В 1942 году к нам в село приехала из Ленинграда целая школа-интернат. И всех их — и учеников, и учителей — как-то разместили, обустроили, дали возможность жить, учиться и работать.

* * *

Мои родители были сельскими учителями, и наша семья, хоть и испытывала иногда серьёзные материальные затруднения, но уж, во всяком случае, никогда не голодала. У нас был во временном пользовании огород, о чём я уже говорил выше, корова Аришка, несколько кур, иногда — поросёнок, а однажды — даже пара овец. Своего дома или квартиры у нас никогда не было, и это до самой смерти удручало отца. Жили в бесхозном крестьянском доме, который нам выделил колхоз и за который мы платили какую-то плату. Но по уровню материальной жизни наша семья была в селе, вероятно, где-то в первой десятке, во всяком случае, у нас был велосипед.

Для интереса расскажу, как мы питались. Ну, разумеется, у нас всегда в достатке были хлеб (его мы пекли сами) и картошка. Что касается мяса, то оно на столе было далеко не ежедневно, масло, яйца — тоже. Молоко было почти всегда, за исключением периода, когда корова была стельной. Этот безмолочный период продолжался, вероятно, два-три месяца. Такая же картина с яйцами — они были, пока неслись куры, а неслись они, думаю, месяцев шесть в году. Да не так уж много и несли. Сливочное масло периодически покупали у кого-либо из крестьян, своего масла не делали. Продавалось оно фунтами, таким кусочком в форме мяча для игры в регби. Хватало его семье на три-четыре дня, а потом — снова несколько дней, а то и неделя без масла. В целях экономии сахара чай большей частью пили «вприкуску». Мясо тоже покупалось от случая к случаю, но бывали периоды и «весёлые» — когда резали поросёнка или подросших за лето молодых петухов. В летнее время было в избытке овощей, в

особенности огурцов и помидор. Часто ели рыбу, дары леса (грибы, ягоды). В общем, питалась наша семья, можно сказать, нормально, но, конечно, несравненно хуже, чем мы питаемся сейчас. А ведь мы, повторяю, были в материальном отношении где-то в числе наиболее обеспеченных в масштабах нашего села.

Должен сказать, что в рационе семьи абсолютно отсутствовали такие продукты, как колбаса, сыр, консервы, макароны, вермишель, рис, фасоль. Уже не говоря о таких вещах, как виноград, апельсины, другие цитрусовые (кроме лимонов, которые хоть и редко, но были), даже арбузы. Многие из этих вещей я, пожалуй, даже не видел до самого моего призыва в армию, а если и видел, то буквально один-два раза. Так, скажем, сыр приходилось пробовать в пароходном буфете, колбасу — во время поездки в Казань и т. д.

Любимым блюдом в наших местах были пельмени — и по праздникам, и по другим торжественным дням у кого была возможность, их всегда стряпали. В особенности массово их делали в какой-то осенний религиозный праздник. Тогда даже в школу многие ребяташки приходили с пельменями.

Ну, а основной продукт — картошка. В каких только видах её не ели, и пока она была — семья существовала нормально. Правда, если сидели на ней одной, то зачастую у маленьких детей развивался рахит: живот становился большим, а ножки — тоненькими и кривыми.

* * *

Плохо кормился и скот. Лошади были обобществлены, и в каждой бригаде, а их в колхозе было десять, имелся свой конный двор. В первые годы коллективизации каждый хозяин частенько прибегал, наблюдал «свою» лошадь, подкармливал её, смотрел, нет ли потёртостей и т. д. Со временем это прекратилось, и лошади стали хиреть, худеть, превращаться в кляч и одров. Кормов до весны не хватало, лошадей в стойлах подвязывали на верёвках, чтобы не падали. Навоз и жижу убирать не успевали, были случаи, когда в сильные морозы ноги животных вмерзали в эту грязь и ломались. Был большой падёж общественных лошадей, коров и особенно свиней.

Не лучше дело обстояло и с домашним скотом. Кормов тоже не хватало, и тогда на корм пускались соломенные крыши домов. Даже если солома была прошлогодняя, даже позапрошлогодняя, совершенно уж почерневшая. Эту солому рубили, парили, кто мог, подсыпал в неё отрубей, а то и просто так, и этой штукой кормили коров и другой скот. Крыши в шутку называли съёмными.

В то же время в селе было стадо коней, которые содержались в нормальных условиях. Это так называемый «фонд РКК (РКК — рабоче-крестьянская Красная Армия), то есть это были лошади, предназначенные для армии. Для них существовала отдельная конюшня, их нормально кормили, и они не работали. Сбруя — в порядке, чистота — образцовая. В таком же состоянии были и кони в пожарной команде. Хорошая конюшня — это сказка, это поэзия. Во всём порядок: в стойлах чисто, лошади вычесаны, сбруя — с иголочки. Но главное — запах! Великолепный, невероятно приятный запах конского навоза, мочи, пота, кожи, смолы, сена и чего-то ещё, присущего только конюшне. Лошади стоят, лоснятся, хрюмают свой овёс. Тишина. Умиротворённость.

III

Каким бы не показалось это странным, но при такой вот невероятно трудной, можно сказать, невыносимой жизни, люди села умели и отдыхать. Да ещё как отды-

хать! Они смогли сохранить и приумножить вековые традиции села, религии в обычаях, ритуалах, песнях, фольклоре и т. д. Мне за свою жизнь удалось повидать немало различных проявлений народного, да и классического искусства. Но всё же основными учителями в этой области, которые сформировали культурную составляющую моего существа, мою подлинную русскость, стали не только Пушкин и Чайковский, но и лекаревские бабы, мужики, старики и старухи. Может быть, даже последние сыграли основную роль.

Натрудившись в полях и на фермах, трудовой народ вечером шёл домой, спешил ещё кое-что сделать по хозяйству, накормить и «образить» детей. И редко когда группа женщин шла без песен. И как хорошо пели! Задумчиво, с разделениями на первые-вторые голоса и подголоски. Песня лилась над полями и чем больше крепла входила в силу, тем сильнее возвышалась душа, тем меньше чувствовалась безысходность и нужда:

*Вдоль по улочке, да по Шведской,
По слободушке, да немецкой.*

* * *

Молодёжь после ужина спешила «на лавочку». Почти на каждой улице было оборудовано специальное место — скамейка или просто бревно, где по вечерам собирались парни и девки. Сидели, лузгали семечки, пели частушки, плясали, дурачились. В общем, как сейчас говорят, общались. И это общение давало хорошие плоды — здесь зарождались знакомства, дружба, любовь и даже семьи. В сущности, здесь все друг друга знали, как облупленных. Не то что сейчас, когда добрая половина браков совершается случайно, после мимолётного, короткого по срокам знакомства. Поэтому эти браки быстро и распадаются. А в сёлах разводов практически не было.

Осенью и зимой в разных концах деревни проводились «вечёрки». Организаторами их были девки. Они договаривались с какой-нибудь одинокой старухой и «снимали» у неё на ночь избу. Каждая вносила по две-три ложки керосину для лампы, и на этом приготовления к «балу» заканчивались. С вечера в избе собирались девки и парни, садились на лавки вдоль стен и, собственно говоря, начиналось то же, что бывало летом на «лавочках». Пелись песни, лузгались семечки, играла гармошка или балалайка. Девки плясали так называемую «трясучку» — самый распространённый сельский танец, который ещё называли «в три ноги». Его можно было плясать и под собственное пенье, и это было даже интереснее:

*Пастух выйдет на лужок —
Заиграет во рожок.
Хорошо пастух играет,
Выговаривает.*

*Я за то люблю Ивана,
Что головушка кудрява,
Что головушка кудрява,
А бородушка кучерява.*

Подобных плясовых песен было много, и все они были хороши. А теперь, скорее всего, забыты. Парни курили, матерились, шлёпали девок по задницам, а те в ответ только благодарно ржали. «Бал» продолжался до трёх-четырёх часов ночи, так что некоторые периодически залезали на полаты, спали два-три часа и снова включались в празднество. Атмосфера в помещении была ужасная, зачастую даже лампа гасла от

недостатка кислорода. Пол сплошь был покрыт шелухой от семечек. Кроме табачного дыма, пахло овчиной, валенками, потом, дешёвым одеколоном. Вот такое было амбре.

Вечёрка в селе была не одна, а несколько, так что парни частенько переходили с одной на другую. Репертуар и режиссура были везде одни и те же. Были случаи выпивок, но немного и «не помногу», вероятно, из-за безденежья; случались драки, иногда с поножовщиной, в основном, из-за девок.

Была и разновидность вечёрок, когда девки собирались «пряхть». «Приходите сегодня к Нюрке пряхть». Девки приходили, приносили с собой прялки, садились на лавки и пряли из кудели пряжу. К ним заглядывали парни, но «мероприятие» проходило не так шумно, во всяком случае, без плясок. В основном, пели песни и болтали о чём придётся.

* * *

Особо надо рассказать о свадьбах.

О, это интересный и сложный ритуал, я его досконально не знаю, но кое-что помню и попытаюсь описать.

Ну-с, перво-наперво жених засылает к родителям невесты сватов, и происходит предварительная договорённость: «сговор» о свадьбе, о приданом, о том, где будут жить молодые и т. д. После этого собираются «запойки» — близкие к жениху и невесте люди выпивают, обсуждают детали предстоящей свадьбы.

Следующее мероприятие — «блины». На них происходит примерно то же, что и на сватовстве, и на запойках, но круг участников расширен, и из еды — одни блины. Интересная деталь: когда сидят за столом, то жирные от блинов руки вытирают о голову дружки. Он сидит довольный и безропотно подставляет голову очередному.

Ну, а дальше — венчанье (это когда работала церковь) и сама свадьба. Здесь так много деталей и такая сложная режиссура, что я боюсь ошибиться. Подругами невесты поются специальные свадебные песни, причём в определённой последовательности. Откуда они эти песни узнали, когда и где разучивали? Девчата все нарядные, услужливые, несколько опечаленные предстоящей разлукою с подружкой-невестой. А она (невеста) сидит за столом с гостями, и её лицо закрыто большущей шалью, так, что чуть-чуть видны только нос и глаза. Это она изображает свою печаль по поводу ухода из родительского дома, считается, что она безутешно плачет.

Перед свадьбой жених подъезжает к дому невесты на тройке лошадей, украшенных лентами, полотенцами, бантами, бубенчиками, в сопровождении друзей, обязательно с гармонистом. Все нарядные, все под хмельком. С жениха собравшийся народ требует выкуп. Родители невесты подносят ему на подносе рюмку водки и лишь после этого впускают в дом. Больше он в течение всей свадьбы пить не имеет права, так же, как и невеста.

Родители благословляют молодых иконой, дают им в руки ручник-полотенце и с ним ведут за стол. Зевак — полная изба, даже во дворе и возле дома — толпа народу. Многие лезут к окнам — досмотреть, потому что в двери не пробьёшься. Хозяйка периодически «подносит» этой публике водочки — пьют по очереди, из одной и той же стопки. Чтобы никто потом не мог сказать, что он был на свадьбе и ему там даже «не поднесли».

Свадьба продолжается иногда несколько дней, и каждый день — по особому сценарию. Молодых ежедневно катают по селу на лошадях, с песнями, с гармошкой.

* * *

Зимой, в сочельник, Рождество и святки, девки гадают. Почему-то это мероприятие проходит, в основном, в банях, при свечах. Участники гадания должны расстегнуть на своей одежде все пуговицы, развязать все завязки, быть внимательными и серьёзными, иначе может ничего не получиться.

Ребятишки ходят по домам «славить». В святки ходят ряженые. Правда, их «наряды» весьма примитивные. Это вывороченные наизнанку полушубки, сделанные из кудели бороды и усы. Вваливается такая компания на вечерку, пляшет, топочет, толкается, потом выскакивает на улицу, на мороз, и двигается на другую вечерку, и там повторяет свой репертуар. Основные участники, конечно, мальчишки и девчонки. Казалось бы, что может дать для души такое действо? Пожалуй, что ничего, кроме ощущения радости жизни, озорства, чувства товарищества и, как это ни странно, — чувства патриотизма. Кому что: кому Санта Клаус, богатый и нарядный, кому не менее помпезный Дед Мороз, а кому — описанный примитив.

* * *

Был в селе и клуб. Сначала в бывшей церкви, о которой я ещё скажу ниже, а потом в специально построенном деревянном доме. В церкви поступили так: сделали сцену, поставили штук двадцать скамеек и на этом переоборудование закончилось. Даже настенные фрески и вся роспись купола остались нетронутыми — так годами и проходили в клубе «мероприятия». Основным таким мероприятием была кинопередвижка. Кино привозили в село приблизительно раз в месяц, на лошади. Как сейчас помню — привезли новый, шумевший фильм «Чапаев». Дело было в весеннюю распутицу, в яркий солнечный день, когда блестели лужи и ручьи, чавкала растаявшая дорога. Киномеханик сидел на своих ящиках в телеге и играл на гармошке. На небольшой палке был укреплен красный флаг. Это происходило где-то в середине 30-х годов, когда кино было уже звуковым, и это новшество вызвало невероятно сильную реакцию у населения. А до этого было немое кино. Киномеханик показывал его по частям, между которыми были перерывы. Чтобы получить электричество, нужно было крутить вручную привинченную к скамейке динамо-машину. Делали так: хочешь посмотреть кино бесплатно — будешь крутить в течение части динамо. У всех желающих киномеханик отбирал шапки — открутил свою часть, получай шапку.

* * *

Иногда приезжал и давал представления клоун не клоун, фокусник не фокусник — какой-то универсал. Он мог делать всё: плясать голыми ногами на битом стекле, съедать разбитое ламповое стекло, запивая его водой. У него на голове кололи топором дрова, разбивали молотом большущие камни; когда он лежал, ему на грудь клали ворота и на них становилось двадцать мужиков. Он же проводил сеансы гипноза, пел, плясал, играл на бутылках, наполненных водой. И он же, в загримированном виде, продавал на своё представление перед его началом билеты. Это был щуплый и измученный жизнью человек с характерным лицом бродячего провинциального артиста. Гримировался он под клоуна: лицо размалёвано белой и красной краской, нос, как помидор. Костюм — жёлто-коричневая блуза с жабо и такого же цвета широченные штаны. На голове — шапочка с помпоном, туфли тоже с помпонами. На сцене он кудахтал, топтался и пел по-петушиному, растягивая в стороны штаны, и был очень

похож на эту птицу. Я до сих пор не могу понять, как это он мог в единственном числе давать целый концерт да ещё с такими сложными номерами?

* * *

А при школе работал кружок художественной самодеятельности. Руководили им мои родители, а участвовали учителя, сельский «актив», ученики старших классов. Ставили довольно сложные спектакли: Островского, Чехова, ещё чьи-то. Дело было поставлено довольно серьёзно, и спектакли получались очень неплохие. Особенно запомнилась работа по подготовке спектаклей: репетиции, изготовление костюмов, декораций, реквизита и т. п. Запах закулисья — грима, кремов, вазелина — я помню и сейчас. Участники не жалели на эту работу времени и относились к ней серьёзно и с большим чувством ответственности. Они тащили из своих домов предметы одежды, мебели, посуды, украшений — для использования в спектаклях. В день спектакля всё село гудело — готовилось, народ валил валом. Никаких билетов не было, представление проходило бесплатно. Тёмный и наивный зритель, узнавая в артистах своих знакомых, сначала гоготал, подавал им различные реплики, а потом, поддавшись сюжету и игре артистов, визжал и плакал от переживаний.

Был в школе и хороший струнный оркестр. Им руководил прекрасный молодой человек, великолепный учитель, остряк и хохотун — интеллигент, мой кумир и любимец Николай Александрович Потягунин. Этот оркестр тоже давал концерты в клубе и тоже успешно.

Со спектаклями и концертами иногда выезжали (на лошадях) в соседние сёла. Было весело и радостно.

Впоследствии мне много приходилось видеть самодеятельных представлений, и, скажу честно, лучше наших, лекарственных, не видел почти никогда. Или это только кажется?

IV

Хочу несколько слов сказать о церкви.

Когда мы в 1933 году приехали в Лекарево, она ещё была в хорошем состоянии — исправной, ухоженной и чистой, но служба в ней уже не шла, и она была закрыта на замок. Помню, как мы, мальчишки, доставали через зарешёченные окна палкой с гвоздём на конце церковные книги, которые были свалены в кучу где-то в районе алтаря. По масштабам села наша церковь была очень хороша: хорошей архитектуры, с великолепными иконами на позолоченном иконостасе, фресками на стенах и росписью купола.

Стояла она на пригорке, так что была видна издалека, окружена хорошей, добротной оградой, кустарником, небольшими деревьями, а рядом, со стороны алтаря, росла огромная, пышная старая берёза. Приятно было ходить по церковной территории, по выложенным большими каменными плитами дорожкам, любоваться золочёными крестами на двух церковных маковках, рядами больших и малых колоколов на колокольне, читать надписи на могильных плитах.

И вдруг откуда-то поступило распоряжение — кресты и колокола с церкви снять. Делалось это варварски: колокола прямо с колокольни сбрасывали на землю и они при этом не только разбивались на куски сами, но и ломали стены и всевозможные архитектурные выступы на стенах и крыше. Кресты долгое время пилил пилой мужик, сидя верхом на луковке, но так и не смог допилить до конца. Тогда их зацепили

верёвками, снизу за верёвки взялись мужики и — раз-два, взяли! — сломали оба. Падая, кресты тоже обезобразили фасад. А кругом на это варварство глазело полно народу — давали советы, шутили, смеялись. Диву даёшься, как быстро и легко нашлись желающие поучаствовать в осуществлении этого кощунства. Только старухи по углам у себя дома молились, как перед концом света. Эти ортодоксальные христианки ну-тром чувствовали неестественность и греховность совершаемого акта.

Вскоре в церкви сделали клуб, о чём я уже писал, через несколько лет — хранилище для зерна, потом — склад сельскохозяйственной техники, в конце концов — склад горючего. Всё. В 70-х годах храм окончательно превратился в руины, так что едва ли возможно его восстановить — легче построить новый.

Территория вокруг церкви, изрытая тракторными гусеницами, превратилась в сплошную грязь, размешанную и залитую мазутом, автолом, керосином. От ограды не остаюсь и следа, от окружавших храм деревьев и кустарников — тоже. И стоят эти руины до сих пор, наводя на жителей если не ужас, то тоску. Никакие новостройки, никакие новшества в селе не будут теперь радовать глаз, пока этот олицетворённый позор «красуется» на своём месте.

Ещё раз хочу сказать о великолепной росписи стен и купола храма. Это была работа не какого-то доморощенного богомаза-самоучки, а наверняка большого мастера, может быть, даже знаменитого художника. Не известно также, куда пропали десятки, а может быть и сотни икон, среди которых наверняка были уникальные. Скорее всего, их изрубили и сожгли. Так разделились с «опиумом для народа».

* * *

1937 год. Как-то незаметно вдруг стало обычным делом по утрам недосчитываться некоторых жителей села. Кто-то по ночам за ними приезжал, забирал и увозил в районный отдел НКВД. Иногда, очень редко, некоторые из них возвращались, при этом загадочно молчали, ходили как в воду опущенные. А чаще всего люди пропадали бесследно и навсегда. Появилось словечко, вернее, два словечка — «враг народа». У людей возникла подозрительность, недоверие друг к другу. Поползли слухи, вошли в моду доносы, наветы. И пошло, и поехало. Каким бы это сегодня ни казалось диким, но тогда люди верили этой ерунде, удивлялись только тому, как ловко маскировался тот или иной «враг народа», как умело он втирался в доверие к окружающим.

А незадолго до этого в село приехали на постоянное жительство новички — жена Бакина и её муж Епифанов. Она какими-то судьбами стала председателем сельсовета, а он был просто на подхвате, ходил в военной форме, ничего не делая, и лишь рассказывал селянам, как он когда-то был лётчиком. Так вот, теперь точно известно, что людей арестовывали и уничтожали по доносам этой самой сексотки Бакиной, будь она трижды проклята. И куда она потом делась — неизвестно.

Моих родителей эта волна репрессий почти не коснулась, но отец, конечно, изрядно переживал. Ведь его отец, а стало быть, мой дед, был священником, а значит, персоною нон грата, субъектом особого интереса героев-чекистов.

Был такой случай. В школу приехал для проведения проверки инспектор РОНО по фамилии Кадергулов. Поскольку в селе никакой гостиницы не было, и ночевать этому инспектору было негде, отец пригласил его переночевать у нас. А через некоторое время Кадергулов оказался «врагом народа». По этой причине отца несколько раз вызывали в ГПУ, на допросы.

Причины арестов иногда были до нелепости просты: то подозреваемый спел какую-нибудь частушку (чаще всего нецензурную), то рассказал политический анек-

дот. А то был виноват в том, что эти анекдоты и частушки слушал и не донёс «куда следует».

Помню, дед рассказывал, как следователь всё подбивал его кого-то оклеветать, давал прозрачные советы и т. д. Тогда дед сказал: «Как же я могу утверждать, что у Вас на лбу рога, если это не рога, а роговые очки». И следователь отстал.

Вспоминается и период так называемого «раскулачивания». Это конец 20-х — начало 30-х годов. Кое-что я помню, а именно торги, продажу отобранного при раскулачивании имущества. Его раскладывали прямо на улице села: сундуки, перины, подушки, тулупы, полушубки, сарафаны, предметы домашней утвари, конской сбруи. Хозяева стояли поблизости и в голос плакали.

Как правило, «кулаков» вместе с семьями после ограбления отправляли на вечное поселение в Сибирь. И они были рады, что так легко отделались. А вина их чаще всего состояла в том, что они имели вместо одной лошади или коровы две или три.

А каким невероятным трудом, какой жесточайшей экономией досталась эта лишняя лошадь или корова, никем не учитывалось — голытьба злорадствовала и ликовала.

* * *

В селе была семилетняя школа. Стояла она в центре села, в ложине, и была деревянной, под железной крышей. Территория школы была обнесена забором из штакетника и по всему периметру обсажена тополями. Кроме основного школьного здания были и надворные постройки: домик директора, квартиры уборщиц, сарай и сарайчики, конюшня для школьной лошади по кличке Скворчик. Внутри школьного здания было приблизительно восемь-десять классных комнат, длинный коридор, учительская. В другом месте села у школы было ещё два небольших здания. Условия для осуществления учебного процесса были, конечно, тяжёлые: печное отопление, освещение керосиновыми лампами, недостаток в учебных пособиях, учебниках, даже в обычных тетрадях. Был даже период, когда вместо тетрадей пользовались старыми газетами. Но, несмотря на это, школа работала хорошо — давала ученикам неплохие знания и осуществляла нормальный воспитательный процесс. Так получилось, что подобрался хороший коллектив учителей, подлинных энтузиастов и подвижников. Почти каждый из них был личностью в самом высоком смысле этого слова, и сейчас, через 50-60 лет, передо мной стоят как живые эти святые люди: Иван Григорьевич и Анна Николаевна Заморевы, Михаил Алексеевич и Ксения Фёдоровна Лавровы, Николай Александрович Потягунин, Павел Николаевич Алексеев, Александр Дмитриевич Ванюшин и многие другие.

Хорошо была организована не только учёба, но и, в особенности, внешкольная работа, поэтому дети не спешили после уроков сразу же бежать домой, как это делается сейчас, а старались пробыть в школе как можно дольше, потому что интересно было находиться в коллективе. Ведь дома многих ждала нужда, темнота, беспросветность, холод в избе, и в этой же избе зачастую телёнок, ягнёнок, поросёнок. В школе было уютнее и интереснее. Ребята с увлечением занимались в кружках: литературном, драматическом, шахматном, хоровом, струнном и других. Это отчасти объясняется, вероятно, и тем, что тогда учащиеся не были обременены такими техническими средствами, как радио, телевидение, кино и т. д.

В особенности коллективизм проявлялся при подготовке к каким-либо праздникам, например — к встрече Нового года. Все были заняты: сами делали игрушки для ёлки, подарки учителям и друг другу (хотя и примитивные), рисовали пригласитель-

ные билеты и программы праздничного вечера. Даже сами вручную стригли ножницами из раскрашенных старых газет конфетти, потому что настоящих конфетти вообще в продаже не было, а дети даже не знали, что это такое. Благодаря разыгравшейся фантазии и бурной инициативе, ёлка получалась великолепной — с яркими выступлениями, всевозможными сюрпризами, с выдумкой, с музыкой, танцами, песнями, стихами, играми. Не беда, что большинство игрушек были самодельными, даже наоборот — они получались необычными и оригинальными и вызывали у всех интерес. От таких праздников ученики получали хороший заряд радости и оптимизма.

Мне не забыть, как я и мои друзья — Вася Кузнецов, Миша Егоров, Павел Васильев, другие ребята — длинными осенними и зимними вечерами приходили в школу, выпрашивали себе лампу, шли в какой-нибудь пустой класс и часами по очереди вслух читали какую-нибудь увлекательную книгу. В частности, так читали только что вышедшую «Как закалялась сталь», произведения Гоголя, «Запорожец Подкова» и другие.

Когда лампу добыть не удавалось, сидели в классе в темноте и беседовали обо всём на свете: о гражданской войне, о чертях и ведьмах, о дружбе, о любви, о сексе, о «врагах народа» и т. д. и т. д. Строили предположения — кто кем будет, когда повзрослеет, и захочет ли потом признавать своих старых друзей.

Вот прошло 60 лет. Мы пока, слава Богу, живы и по-прежнему дружны и хоть редко, но встречаемся. При этом, как самое золотое время своей жизни, вспоминаем эти свои разговоры в тёмном классе деревенской школы, когда вся наша жизнь была впереди и казалась бесконечной.

Сейчас приходится только удивляться — как на всё хватало времени. Я уже указывал на кучу всевозможной работы дома, а к этому ещё надо добавить учёбу, клуб, самодеятельность, вечёрки, чтение, комсомольские дела, дружбу с девушками... Но основным делом всё же была учёба, и учились мы неплохо. И вроде бы не очень уставали, и всё делали с интересом, с огоньком.

Лекаревская частушка:

*Не о том я плачу-вою,
Что чужая сторона,
А о том я плачу-вою —
Прошла молодость моя.*

* * *

Несколько слов об одежде. Все — и стар, и млад, и мужчины, и женщины — в обязательном порядке ходили с покрытыми головами: мужчины летом в фуражке (картузе), зимой — в шапке, женщины летом в платке («фатке»), зимой — в шали.

Как сейчас вижу: по улице навстречу друг другу идут два мужика. Поравнявшись, обязательно и тот, и другой снимали фуражки, причём делалось это довольно живописно, со своеобразным жестом рукой. Где-то в середине 30-х годов из города стала проникать мода — ходить по улице с непокрытой головой. Я одним из первых на селе осмелился на такой шаг — ходил, как по углям, чувствовал себя как без штанов, было стыдно, тем более, что я был рыжий. Мужики показывали пальцами и качали головами с укоризной.

Но я отвлёкся. Продолжаю об одежде. Ну, разумеется, мужчины носили рубашку, брюки, пиджак, зимний пиджак (пальто), а чаще всего — полушубок. Зимой обувь были валенки, летом — лапти. Женщины ходили в кофте, юбке, пальто в виде пиджака, которое называлось манарка; на ногах зимой валенки, летом — лапти. Чулки

во все времена года у них были шерстяные (в том числе и в летнюю жару), без чулок женщины не ходили никогда. Самой популярной обувью были, конечно же, лапти, потому что они были наиболее доступны (их плели, в основном, сами, да и стоили они дёшево) и удобны в носке. Многие их носили даже зимой. Ну, разумеется, у зажиточных людей в ходу были и сапоги, и ботинки, и валенки-чёсанки с галошами. Но всё-таки это была обувь как бы парадная, а не повседневная. В большой моде были галоши, особенно у женщин. Их носили просто на чулок, вместо лаптей. Зимой, когда ехали куда-нибудь в дорогу, то поверх обычной одежды надевали бараний тулуп, или зипун, или чапан.

Морозным до звона зимним днём хорошо ехать на лошадке в санях-розвальнях, закутавшись в тулуп. От него пахнет овчиной, пылью, какой-то псинкой, в общем — домом, теплом, уютом. Тишина. Монотонность. Только поскрипывают полозья, иногда фыркает лошадь, где-то вдалеке зазвонит встречный колокольчик. А ты мечтаешь, в голову приходят всевозможные аналогии, отрывки песен, стихов:

*Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь...*

Только вёрсты полосаты попадаютс одне...

Женщины никогда не носили никаких брюк или штанов, разве что при зимних работах на морозе, например, при поездках в лес за дровами — и то украдкой, чтобы не видели люди.

В моде у мужчин были рубашки-косоворотки, носили их с шёлковым кручёным пояском. Носить рубашку навыпуск, не подпоясавшись, как носят сейчас, считалось неприличным. У женщин — кофты с узкими рукавами, а на плечах пышные. Юбки — широкие в складку, а с середины 30-х годов вдруг стали узкие, в обтяжку, как мешки. Из тканей самыми популярными были ситец, сатин и домотканое суровое полотно (портяная ткань). Купить одежду в сельском магазине было почти невозможно, разве что «на шерсть» да «на яйца». На этот счёт была даже шутка, из-за которой мужик Кормилай попал в тюрьму. Ну, правда, не навечно — через некоторое время вернулся. Покупали, как правило, отрез (и опять же с большим трудом), а потом шили сами. По домам ходил свой доморощенный портной со своей швейной машиной и всех обшивал. Пока он шил, семья его поила и кормила, а по окончании работы — платила деньги.

Надо сказать, что в праздничные и торжественные дни из сундуков и кладовок всё же доставались хоть и старые, но очень неплохие вещи: платья, сарафаны, плисовые и бархатные жакеты, женские сапожки с двумя ушками, шали, полушалки, мужские шубы-борчатки и т. п. В общем, было на что посмотреть.

* * *

Перехожу к трудной, но важной теме — к языку. Обойти эту тему никак нельзя, поскольку в наших краях язык был очень красочен и колоритен. Надо сказать, что свои диалекты, особенности разговорной речи бывают в каждой местности и даже в каждом селе. Так, у нас, например, было много слов, которых обычный русский человек вообще не знал. Например, тряпка называлась рямушкой, женское пальто — манаркой, приспособление для плетения лаптей — коточик, бить — бучить, ударить — бузнуть, платок — фатка, ныть — вяньгать, издеваться — диковаться.

В разговорной речи применялось много старых, полузабытых слов: баский — красивый, баять — говорить, восетта — недавно, на днях, пошто — зачем, почему, здынна — ерунда, нонсенс.

Многие слова были исковерканы: «гумага», «он меня изменил», «ковда», «ада, а то уду», «неколи», «разболокайся», «естоль», «ись», «пра», «напомочь», «долго ли нет ли», «потяпор».

На язык местных русских оказывал немалое влияние язык татарский, в ходу были такие слова, как «айда» (пойдём), «башка» (голова), «ашать» (есть, кушать), «салма» (лапша) и другие. На лексикон сельчан влиял также и язык наших соседей: удмуртов, марийцев, мордвы. Например, пелись частушки, которые никто не мог перевести на русский и смысл которых неизвестен.

*Зильбар, зильбар зилляся,
Зильбарбашен илляся,
Синдугашен балалары,
Икебу арасын да.*

*Неужели тон пурычвол,
Юбо бордыч пырчеккот,
Неужели тон тугане,
Туа монэ люкичком.*

*Сербиянка, сербиянка,
Сербияночка моя.
Киша иш таным бариа,
Хады рыш таным кая.*

В общем-то, язык отличался оригинальностью, определённой певучестью, какой-то старой русскостью. Для интереса попробую первую пришедшую в голову фразу сказать по-лекаревски:

«Я недавно встретила Авдотью. У неё очень красивый платок. Я ей говорю: «Когда же ты его купила? Почему мне не показывала?». А она говорит: «Разве это платок? Это же тряпка».

«Я восетта встрела Авдотью. У неё фатка, баска ли нет ли. Я баю: «Ковда же ты её купила? Пошто мне не показала?» А она бает: «Разе ж это фатка? Это же рёмушка».

Здесь же хочу сказать и о прозвищах. Они были очень распространены — до такой степени, что иногда не знали ни фамилии, ни имени человека, а звали его лишь по прозвищу. Прозвища отличались оригинальностью и остроумием. Попытаюсь вспомнить некоторые из них:

Андрей Толкушка
Матвей СССР
Фома Тощай
Андрей Бутырка
Степан Барнаул
Павел Потяпор
Колька Пола
Костя — лепёшки
Андрей Барма
Васька Голец

Андрей Утлый

Ваня Идол

Константин Симпантический

Моё прозвище было — Шкет (в смысле, «шкилет» — из-за моей худобы).

У брата Евгения — Буратино (по той же причине).

Интересно, что прозвища были не только у детей, но и у взрослых — приклеивались к человеку на всю жизнь, а зачастую переходили к детям.

Между прочим, я уверен, что, например, истинного значения слова «утлый» в селе никто не знал. А вот прозвище такое было.

* * *

Эти прозвища, мелкие обиды и ссоры не влияли на взаимоотношения между людьми. Они, эти взаимоотношения, были, в основном, хорошими и добрыми, основанными на христианских постулатах. Когда кто-то оказывался в беде — вся деревня спешила на помощь или, как у нас говорили, — «напомочь». Особенно ярко это проявлялось в отношении погорельцев. И моральный облик людей был высок, несмотря на их вопиющую темноту. В подавляющем большинстве случаев молодые девчата свято, я бы сказал, железно хранили свою девичью честь, почти не было разводов. По отношению к женщинам лёгкого поведения применялся простой, но очень жестокий метод воспитания: у них ночью мазали смолой ворота. Это был страшный позор для всей семьи, вся деревня об этом судачила несколько дней. Конечно, бывали случаи, когда эта кара оказывалась несправедливой, не без этого. Но... лес рубят — щепки летят.

Коля, Коля, Николай,

Коля-Николашка,

Ты меня не обмани,

Как Параньку Яшка.

V

Во всех сельских домах было много тараканов. Стоило заглянуть в какую-либо щель рядом с печкой или под шесток, чтобы увидеть эти полчища: сидят, шевелят усами и потихоньку как бы шуршат. У самок сзади висит такое яйцо, в котором, вероятно, помещается будущее потомство. Борьба с этими насекомыми проводилась одним по-настоящему эффективным методом: когда на улице стояли трескучие морозы, семья уходила на пару дней к соседям, а в своём доме открывала настежь окна и двери, и тараканы вымерзали.

* * *

В целях экономии керосина, а также из чувства романтики в домах было принято по вечерам не зажигать огня — «сумерничать». На дворе непогода, воеет ветер, а дома тепло, горит раскалённая докрасна железная печка, семья разместилась на лавках вдоль стен, на полатах, на печке. Беседуют о том, о сём, планируют, как жить дальше, — что в первую очередь сделать, к кому и зачем сходить, что купить. Беседа плывёт неторопливо, спокойно, в полусонной дреме. Кто-нибудь из ребят принесёт семечек, насыплет на раскалённую печку, желающие начинают грызть. Можно поджарить и

горох — тоже вкусно. Можно — нарезанную кругляками картошку, а ещё лучше — испечь её в горячей золе. Иногда такое сумерничанье продолжается часов до девяти. Потом зажигают лампу, ужинают, пьют чай. И пора спать ложиться — до утра.

* * *

В летнюю уборочную страду весь воздух пропитан жаром и запахом зерна, потому что зерно повсюду — в полях, на токах, в амбарах, на открытых площадках, на телегах подвод, даже в церкви. В особенности аромат зерна ощущается к вечеру, к концу работы. Он как бы волнами поднимается от раскалённой земли.

Казалось бы, о какой нужде может идти речь — вон, сколько хлеба, целые горы. На самом же деле он в основной своей массе подлежит вывозу, сдаче государству. Обозы с нагруженными телегами ежедневно отправляются в город, люди едут безропотно, даже весело, как на праздник, иногда с флагами, плакатами, транспарантами. Никому и в голову не приходит, что это грабёж. И так годами, десятилетиями.

* * *

Опишу среднюю крестьянскую избу, точнее — дом, поместье.

Открывая ворота, попадаешь во двор. Он, как правило, ухожен, подметён, так что чувствуется хозяйская «справность»: дрова — в поленице, навоз — в определённом месте, а не разбросан, где попало, инвентарь, сбруя — тоже. Входим на крыльцо, с него попадаем в сени. Из сеней ведут две двери: одна в кладовку (клеть), вторая — в избу. В этой избе большое место занимает русская печь — с лежанкой, с «печурками» для сушки варежек и носков. На самой печи можно спать. В переднем углу комнаты — образа, иконы. Они стоят на полке, называемой божницей. Это — место хранения всевозможных ценных бумаг, документов, денег. Перед образами висит лампадка. Под иконами — стол, как правило, без скатерти или клеёнки, а просто чисто выскобленный ножом. Над столом висит керосиновая лампа. При входе — большая самодельная деревянная кровать, покрытая пёстрым лоскутным одеялом. К потолку привязана детская люлька, в некоторых избах стоит домашний ткацкий станок. Пол чистый, не крашенный, тоже, как и стол, выскоблен косарём до желтизны. Стены оклеены газетами, реже — обоями, а чаще всего — просто бревенчатые. Где-нибудь на видном месте висит большая застеклённая рама с фотографиями родных и близких. Особое место среди фотографий занимают солдаты-красноармейцы, в руках — шашки наголо. Вдоль стен — широкие лавки. Около печи отгорожена небольшая кухня. В доме, как правило, имеется кошка, иногда — собака (обязательно во дворе), в холодную погоду бывают и ягнята, и козлята, а иногда и телёнок. Вот и всё.

В этой избе и гостиная, и столовая, и спальня для всей семьи. Забыл ещё сказать, что на окнах почти всегда стоят горшки с цветами (герань, «ванька-мокрый»). По праздникам полы застилаются самоткаными половиками из разноцветных лоскутков и тряпок.

В таких избах есть своеобразный уют, этакий русский шарм. Даже запахи специфические — свежеепечённого хлеба, подметённого полынным веником пола, сыромютной овчины и т. д., которые можно коротко, но ёмко определить знаменитыми словами: «Там русский дух, там Русью пахнет».

Когда семья садится за стол, перед каждым лежит деревянная ложка и толстый ломоть хлеба. Тарелок нет. На середину стола ставится большая плошка со щами или кашей, и все едят из неё. При этом нужно строго соблюдать существующие веками

правила: зачерпнул ложкой суп, отправил его в рот, а ложку после этого обязательно положи на стол. Пережди, прожуй, откуси хлеба и только после этого бери свою ложку, черпай суп. Неси его в рот. Ложку — на стол. Не будешь соблюдать этот порядок — будут считать тебя обжорой («он ест без передышки»).

Когда съели щи, миска со стола убирается, кладётся деревянная дощечка, на ней — мясо. Глава семьи его разрывает на кусочки, стучит ложкой по столу — можно мясо есть, но опять же не торопясь, а степенно, с таким видом, будто ты и есть-то вовсе не хочешь, а просто поддерживаешь компанию. После еды хозяин сгребает со стола хлебные крошки себе в ладонь и отправляет их в рот. Этим демонстрируется уважение к хлебу.

Почему-то сейчас представляю себе за этот трапезой отца моего друга Васи Кузнецова, Александра Герасимовича по прозвищу Соломон. Седой, как лунь, подстриженный «под горшок» старик, крутой, прижимистый, хозяйственный. Он очень любил рассказывать один и тот же анекдот; как поспорили русский поп и татарский мулла — кто быстрее пробежит расстояние. Поп побегал, а борода и волосы цепляются за кусты, мешают. Мулла побегал и, поскольку у него и голова, и борода обриты, — прибежал первым. Вот и всё. Я слышал от Александра Герасимовича этот анекдот только раз. Он очень его любил, от души, хоть и сдержанно над ним смеялся. А других анекдотов, вероятно, просто не знал да и не хотел больше знать, вполне достаточно было одного.

Однажды он спросил меня: «Али правда бают, что вот люди песни поют, а им за это ишо и деньги платят?» (имея в виду профессиональных певцов-артистов). Он считал, что пение — это отдых, удовольствие, делается это для души. Но чтобы за это получать деньги?.. Он бы меньше удивился, если бы платил певец.

В селе было много и бедняцких домов, вызывавших чувство жалости и сострадания. Стоит такая халупа, покосившаяся, одним углом вросшая в землю, так что крыша касается земли, с маленькими, едва пропускающими свет двумя окошками. Крыша взъерошилась от полусгнившей соломы, во дворе жижа из грязи, перемешанной с навозом, пройти можно только по брошенным в эту жижу камням и дощечкам. А бывает, что никакого двора вообще нет: стоит эта халабуда торчком, кругом заросшая бурьяном, лебедой и полынью, загаженная дерьмом.

Надо честно сказать, что нужников в деревне было мало, ходили по нужде или в хлев, или «на зады» дома, где начинался огород. В избе — темнота, теснота, смрад, грязь. Из мебели — один стол да какая-нибудь табуретка. Печка дымит, греет плохо, хозяева круглые сутки в зимней одежде. Здесь же телёнок или ещё какая-нибудь скотина. А запаха! Чем только тут не пахнет; вот уж действительно — несравненно хуже, чем в конюшне. И так прозябают годами, зачастую всю жизнь. Точно так же, вероятно, жили бедняки-крестьяне и сто, и двести лет тому назад, ещё при крепостном праве. Те же лапти и онучи, рубаха и штаны из холстины, еда-тюря из хлеба и кваса.

Часто вспоминается один житель села — молодой парень Васька Голец. Чудак, шутник, юморист, «душа общества» и на вечерке, и на лавочке, и в клубе. Особенно потешно он плясал. Надо было видеть, какие колена он выделявал. Получалось что-то вроде кавказской лезгинки, татарской апыны и русской барыни одновременно. При этом особенно характерно было его лицо: серьёзное, даже строгое, с отрешённым, бесстрастным взглядом. Зрители покатывались со смеху, наблюдая этот танец. Помню, моя мать как-то спросила его: «Вася, ты, наверное, счастливый человек?» — «Я? Я светло-зажиточный», — ответил тот.

В селе было три брата Бородины: Иван, Александр и мой сверстник Константин. Они были очень похожи друг на друга, все боевые и видные. Старший Иван (Лепёш-

ка) какое-то время был даже председателем колхоза, т.е. «шишкой». Саша и Костя с войны не вернулись. С Иваном произошёл такой случай: он дезертировал с фронта, тайком вернулся домой и жил тайно то в бане, то в чулане, то на чердаке. Приехала из района милиция и вместе с председателем сельсовета Василием Архиповичем Никитиным пошли в дом к Бородининым — искать Ивана. Рассказывает Вася Никитин: «Обошли мы всё подворье, заглянули на сеновал, в хлева, в баню. Потом вошли в дом. Я зашёл на кухню, подошёл к печи, открыл заслонку, а он — там... Лежит, смотрит на меня с мольбой. Закрыл я заслонку и говорю вслух: «Нет его тут. Не такой он дурак, чтобы дома скрываться. Ему прямой расчёт прийти с повинной — тогда его простят. А так если найдут — расстреляют». На другой же день Иван явился в военкомат и покался. Вскоре опять был отправлен на фронт, уцелел, дождался конца войны и вернулся домой. Жив и сейчас.

* * *

Начало 30-х годов. На бревне сидят мужики, беседуют, курят. Вокруг бегают дети, в том числе и я. Речь идёт о высоком — о Боге, о церкви, о Святом писании. Один из собеседников говорит: «Слышь, я ить читал свято то писаньё, прочитал. Тама написано — придёт время, вся земля опутатца железной паутиной, будут летать железны птицы, бегать железны кони. Люди разделятца, и будет война, страшна ли, нет ли! Будут летать огненны шары и всех убивать и всё сжигать. И, почитай, все люди погибнут. А победят неверные».

В каком писании прочитал это старик — неизвестно. Но похоже, что его предсказание сбывается.

* * *

Была в Лекареве одна семья с такой же фамилией — Лекаревы. Их дом стоял на самой окраине села, как бы на отшибе — в низине, на берегу речки. А противоположный берег — крутой, горой поднимается над домом. Всё поместье окружено, как стеной, высокими тополями и ивами. Этот дом и это место, да и сама семья, были окружены ореолом загадочности и таинственности. О хозяине этого дома по селу ходила легенда. Но что-то в этой легенде, вероятно, было и правдой.

Говорили, что этот Демид Лекарев был вором высокого класса — воровал с помощью гипноза. Подъезжал, например, на лошадях к какому-нибудь амбару, беседовал несколько минут со сторожем. Тот отпирал замки и двери, и после этого воры беспрепятственно грузили, что им было нужно, в частности, мешки с мукой, и уезжали. Через некоторое время сторож приходил в себя, но было уже поздно. Сельчане долго терпели этого человека, несколько раз предупреждали, и в конце концов устроили самосуд и решили его убить. Били на льду замёрзшей речки всем селом, а он только стоял и посмеивался — ничего его не брало. Вдруг кто-то принёс железный курок от телеги с двумя ушками. Увидел это Лекарев и заплакал: «Ну вот, теперь пришёл мой конец». И его этим курком убили.

И осталось у него две дочери — Оля и Валя. Старшая, Ольга, работала в нашей школе учительницей, а Валя была моей ровесницей, ученицей этой же школы. И она была первой моей любовью. Я хорошо помню, как мы в компании других ребят бегали с ней по вечеркам, валялись в сугробах, заглядывали в окна. Как я писал ей письма, получал письма от неё, дарил какие-то ленты. Как первый раз поцеловал. Как не спал ночами, думая о ней. И продолжаю это долго.

Летом 1938 года вдруг пришло горе — семья Лекаревых уезжала навсегда на Урал. Как им это удалось — не знаю. Может быть, даже не добровольно. Но помню нашу последнюю, прощальную встречу. Мы всю ночь просидели с Валею на горе над её домом. Наши сердца разрывались от горя. Мы клялись друг другу в вечной любви. Вот и рассвет наступил, и соловьи запели снова после небольшого перерыва, и пастух стал собирать своё стадо. Пришёл конец нашему счастью. И мы расстались навек.

Что может быть трогательнее, романтичнее, чем первая любовь? Прошло более полувека с этой поры, а я до сих пор её вспоминаю. И чем старше становлюсь, тем вспоминаю чаще и всё с большей грустью.

Как же после таких воспоминаний я могу не любить Лекарево! Именно село, именно Лекарево, и сделало меня тем, кто я есть. А другим быть не хочу. Да и поздно уже.

ОТ РЕДАКЦИИ. *Эти воспоминания написаны в начале девяностых годов минувшего столетия. Сведения о самом авторе, Викторе Михайловиче Лаврове, которого уже нет в живых, читатель найдёт в конце номера, в разделе «Наши авторы»*

ИВАН ШИШКИН: «ВО МНЕ ВСЁ РУССКОЕ...»

Шишкина называли царём леса. За то, что знал его как никто другой из русских художников, любил безмерно и замечательно передавал свои впечатления на холсте.

Ещё в юности пленили его могучие прикамские леса с синеющими просеками, с душистым запахом травы и хвои. Он надолго уходил из дома, взяв бумагу и карандаш? — изучал скульптуру сосновых стволов, стараясь, чтобы рисунок жил.

— Бездельем маешься, — упрекнул одобрения сосед.

— Почему бездельем? — возразил Иван.

— Труженик горб гнёт, руками своими делает дело...

— А художник? Разве не гнёт горб, разве не руками пишет картины?

Он, наконец, сказал родителям:

— Я уезжаю.

— Куда, если не секрет? — спросил отец.

— В Москву. Учиться живописи.

Мать приняла известие со слезами: как это можно, из купеческого сословия да в художники! Вечно будет ходить в грязной рубаше, как те богомазы, что пишут сейчас иконы для нового храма. Но отец поддержал Ивана.

Иван распрощался с родными. Возок катился с пригорка на пригорок по широкой равнине, качались по сторонам от дороги спелые хлеба, и то ли брели, как вечные странники, то ли стояли дозорными богатырские сосны. Так и запомнился отчий край, дорогая сердцу Елабуга: соснами под чистым небом среди хлебов.

В Московском училище живописи Иван Шишкин серьёзно занялся изучением природы, много работал, и о его упорстве слагались легенды. Записал в дневнике: «Природа всегда нова ... и всегда готова делиться неистощимым запасом своих даров, что мы называем жизнью. Что может быть лучше природы?»

А жилось ему в ту пору трудно: безденежье было частым. Отец почти не помогал, его купеческие дела шли плохо. Но письма от отца приходили бодрые — талантливый он был человек и неугомонный. «Хочется восстановить башню в Елабуге, на Чёртовом городище. Там когда-то был город Гелон. Булгары построили. Войны были извечные, люди не могут без войн, хотя по крови все братья — от одного корня идут. Персидский царь Дарий неподалёку скифов разбил, зимовал в Гелоне, а весной, как только просохло, сжёг город дотла и ушёл. Силу свою показывал. Но разве же в этом сила? Построить город, вот где сила нужна. А разрушить — это ведь просто...»

Время шло. Рос в Иване Шишкине дар живописца. Всё чаще мечталось ему о Петербурге, об Академии художеств. Друзья отговаривали: питерские академики не благоволят москвичам. Но Иван был уверен в себе. Зимой 1856 года он отправился в путь. В Академии представил к экзаменам несколько рисунков и пейзажей, и сразу за один из них ему присудили Малую серебряную медаль — первую в его жизни награду. На вручение награды требовалось явиться во фраке и в белых перчатках. Шишкин отказался:

— Я рисую без перчаток. Отчего же награду за свою работу должен получать в перчатках да ещё белых? — И не пошёл на акт. Но это не испортило его отношений с Академией, хотя некоторым профессорам дерзость Шишкина не понравилась.

Работал Иван неустомимо, был самым сильным рисовальщиком среди пейзажистов. Брался ли за изображение леса или отдельного дерева, всё получало истинный вид, без малейших прикрас. Пейзажи Шишкина выставлялись в Москве и Петербурге, а за один из них он получил Большую золотую медаль и право на заграничную поездку.

— Зачем мне чужие страны? — отбивался он. — Во мне всё русское!

Однако Академия настаивала, и Шишкин обратился с просьбой в Совет: разрешить ему несколько месяцев провести в Елабуге, где не был два года. Просьба была удовлетворена.

И вот опять перед ним родные прикамские леса, раскинувшиеся на многие километры. А когда поднялся на высокий берег, с которого открывался вид на Елабугу, так разволновался и обрадовался, что не мог усидеть: соскочил с повозки и побежал по траве.

Он — дома! Его любят и окружают заботой — долгожданный сын!

Все дни он теперь пропадал в окрестностях Елабуги, рисовал. Сосны, сосны, сосны! Лесные богатыри! Да он и сам богатырь.

— Здравствуй, батюшка! — поздоровалась с ним однажды старушка в истёртом цилиндре.

Необычную эту женщину звали Надеждой Андреевной Дуровой, но она называла себя — Александров. Несколько месяцев от роду она выпала из окна кареты, гусары подняли окровавленного ребёнка и отдали подсакавшему отцу; с тех пор седло стало для неё колыбелью. Сорвиголовой росла девочка! В юном возрасте вступила в казачий полк, присвоив себе мужское имя, став корнетом Александровым, дралась с наполеоновскими войсками, была ординарцем Кутузова; в отставку вышла в чине штабс-ротмистра и написала записки о своей полной приключений жизни.

— Что рисуешь? — спросила Дурова.

— Сосны, — улыбнулся Шишкин. — Порой хочется взять людей за руку и повести в леса, чтобы увидели, как хорош мир!

Надежда Андреевна посмотрела вокруг, затем перенесла взгляд на этуод:

— Вы оставляете потомкам незабвенный образ Родины! — сказала высокопарно, как говорили во времена её молодости. — Да, да! Любовь к ней и веру в её будущее!

Дурова ушла, не желая отвлекать художника. Глядя ей вслед, Шишкин подумал, что могучий дух земли русской не иссякнет, пока есть вот такие хрупкие женщины с душой, высеченной из кремня.

Поездку за границу он всё откладывал, работало дома хорошо. Рассуждал: «Для работ французу нужна Франция, русскому — Россия». Только весной следующего года выехал в Германию — дальше тянуть было некуда.

Как предполагал, так и вышло: разочарования на чужбине следовали одно за другим. Шишкин искал хоть что-нибудь дорогое сердцу, — напрасно. В картинных галереях видел он пейзажи холодные или слишком красивые, к тому же они были ему

известны по репродукциям. «Мы о загранице знаем всё, — с горечью думал он, — а заграница о нас почти ничего не знает. Почему? Чем наша жизнь, наша живопись хуже?»

Однажды, сидя в таверне за кружкой пива, заметил, как за соседним столиком компания подвыпивших немцев с насмешкой поглядывает на него и что-то мерзкое говорит о России. Шишкин кое-как уже умел изъясняться по-немецки, однако сделал вид, что разговор соседей его не касается. А те не унимались. Тогда он подошёл к их столику и ткнул себя пальцем в грудь: «Я русский. Их бин руссиш. Уразумели? Прошу прекратить!» Ответом был хохот и оскорбления. Иван молча взял одного из насмешников за ворот и поставил перед собой: «Ты что, не понял? Я русский!» Остальные, опрокидывая стулья, бросились выручать своего приятеля.

Иван прошёлся медведем, расчищая себе дорогу к выходу. Оказавшись на улице, он дал волю кулакам и по нечаянности зацепил совсем некстати подвернувшегося полицейского. На другой день Шишкина вызвали в участок. Явились пострадавшие. С опаской проходя мимо Шишкина, отводили глаза. «Ого! — подумал он. — Их, оказывается, было семеро!» Полицейский начальник тоже был удивлён, спросил недоверчиво: «Вас было семеро? А он один?» И расхохотался. Шишкина оштрафовали на 50 гульденов. «Это не за них, — указал начальник на пострадавших, — это за нашего полицейского. Надо знать, господин Шишкин, кого бить...»

Едва дождавшись весны, Иван Иванович уехал в Швейцарию. Но и там ловил себя на мысли, что, находясь среди неописуемой красоты, он всё время ищет что-нибудь схожее с тем, что дорого и близко ему, — то солнечные сосны, то заросшие подорожником лесные ложбины. Бросив всё, он до срока вернулся в Россию. «О, Боже мой, я дома!» — радостно восклицал.

Иван Иванович начал много путешествовать, словно навёрстывая годы, прожитые за границей, много писал и выставлял свои произведения сначала в Академии художеств, а после того как учредилось Товарищество передвижных художественных выставок, — на выставках передвижников. Его картина «Сосновый бор», оконченная в 1872 году, стала неоспоримым шедевром: всю нежность, всё переполненное чувствами сердце своё вложил он в этот тончайший пейзаж — песню сыновней любви к своей отчизне.

В семидесятые годы Шишкин близко сошёлся с Иваном Николаевичем Крамским — художником, особенно благотворно влиявшим на его творчество. С ним он делился замыслами будущих картин и рассказал, как однажды в Москве увидел выставку Айвазовского. «Если море так хорошо на картинах, разве нельзя столь же превосходно представить и остальную природу?» — задумался он тогда. С тех пор зрела, ждала своего часа мысль о чем-то значительном, счастливом. Он чувствовал эту мысль, хотя ещё не знал, не мог себе представить, в чём она выразится конкретно. Делился в письмах к отцу: «Какая тайна и радость заключаются в окружающей нас природе! Сможет ли когда-нибудь человек всё до конца понять или это немислимо, невозможно? Всё думаю, думаю, как это перенести на холст? Да сумею ли?»

«Сумеешь», — отец не сомневался в сыне. Сам он дописывал «Историю города Елабуги», и этим светом озарена была его жизнь. Ухлопав свои небольшие средства на восстановление древней башни на Чёртовом городище, он из третьей купеческой гильдии перешёл в мещанство. Но разве в деньгах счастье? Счастье — в самой жизни.

«Верь в себя, Иван, — писал он сыну, — ты ещё такое сотворишь, что ахнем все!»

Но отец не дожил до того лета, когда приехал Иван Иванович в родную Елабугу уже маститым художником, у полотен которого, как и у полотен Айвазовского, часами стояли люди в задумчивости и удивлении: как же простыми красками можно передать столько?

Стояла отрадная пора сенокоса. Шумные, июльские дожди стремительно проносились над лесами и пашнями, коромысло радуги одним концом падало в Каму, другим — в Тойму, и всё вокруг звенело, сверкало, полнясь бодрящей свежестью. Шишкин любил солнце и день. Он много ходил и всё чего-то искал, искал... высматривал и почти ничего не писал.

Но вот он набрёл на ржаное поле и поразился его величию и размаху! Под тяжестью крупных колосьев стебли слегка наклонились, и тихий, чуть слышный, звон

плыл над полем в горячем воздухе. И откуда-то издалека, то ли из прошлого, то ли из будущего, брели навстречу могучие, состарившиеся в пути сосны. Шишкин сел прямо на траву, обхватил руками колени, и замер.

Созревшие колосья шелестели у самого уха. Низко над полем, чиркая крыльями по ржи, носились ласточки. Горизонт был затянут предгрозовой морочью, но до грозы было ещё далеко. И так волнующе-спокойно было вокруг!.. Мир словно распахнулся перед Шишкиным. То, что долгие годы теплилось в душе смутным, неясным ожиданием, предчувствием чего-то большого и прекрасного — отчётливо возникло и предстало перед глазами.

Иван Иванович поднялся и, как пьяный, побрёл вдоль поля, трогая руками колосья. В тот же день, не переводя духа, написал один за другим несколько этюдов.

— Нашёл! — восклицал он. — Нашёл, наконец!

Все последующие дни он писал и писал. Рыжая колея дороги, вильнувшая и скрывавшаяся во ржи, сосна, словно подпирающая небо своей зелёной верхушкой... Работал без усталости, жадно, с удовольствием. Лишь к вечеру начинал чувствовать, как деревенеет спина и немеют пальцы рук.

Лето кончилось. Иван Иванович вернулся в Петербург. Картина, в сущности, была начата, она жила в многочисленных этюдах, в мыслях и сердце художника. Он видел её, знал, чего хочет, работал с подъёмом и написал в короткий срок. Всю зиму с Финского залива дули сырые промозглые ветры, а у Шишкина, в его мастерской, стояло лето, и воздух был пропитан предгрозовой свежестью, запахом спелой ржи.

— Батюшки! — был ошеломлён Крамской, войдя к Ивану Ивановичу и увидев завершенную картину. Поле спелой ржи размахнулось во всю её двухметровую ширь; бескрайнее, оно выходило за рамки картины и не было ему конца. — Что же вы натворили, Иван Иванович! Ах, какое богатство!

Шишкинская «Рожь» стала гвоздём Шестой выставки художников-передвижников. Картина поражала своим композиционным размахом, и все удивлялись — как, в сущности, на небольшой площади художник смог развернуть такое огромное, поч-

ти необозримое пространство? Никто не мог сказать, откуда простота и волнующая, проникновенная поэзия? В мягкой ли, чистой зелени, обрамляющей поле, в дороге ли, уходящей в глубину этого поля, в высоком ли небе или той непередаваемой любви художника к родной земле, из которой и явилось это чудо.

Указывая на полотно Шишкина, Иван Николаевич Крамской наставлял молодых живописцев:

— Чувствуйте, ради Бога, чувствуйте, а не притворяйтесь! Пойте как птицы небесные, своими голосами! И ничего не бойтесь, никаких терний в пути, ибо к истине есть только один путь — откровение.

В произведениях Шишкина всё было восхищением перед русской природой. «Какое же это счастье, какая радость — жить, ходить по родной земле, дышать на ней полной грудью!» — думал он за работой. И всегда в его творчестве имелось то художественное нечто, что сообщало его искусству цельность, значительность и убедительность.

Однажды к нему в мастерскую пришёл художник Савицкий, хитро посмеиваясь:

— Хотите, я интересный замысел подарю?

— С чего же такая щедрость? — удивился Шишкин. — Не принято у художников раскидывать замыслами.

— Да понимаете, там фоном должен быть лес, а его я писать не мастер.

— И что? — заинтересовался Шишкин.

Савицкий изложил идею.

— Ах, и хорошо! — поразился Иван Иванович. — Ну что ты скажешь! Надо готовить холст.

Все последующие дни Шишкин находился под впечатлением разговора с Савицким, кажется, ни на минуту о нём не забывая. Делал рисунки, холст натянул на подрамник, установив чуть наклонно. Маленькая дочь, заметив возбуждение отца, забегала в мастерскую, спрашивала:

— Папенька, ты что задумал?

— А вот представь себе: вечер, потрескивают дрова в камине, а ты сидишь у меня на коленях, и мы вместе слушаем сказку.

Потом в мастерской наступила тишина — это Иван Иванович в своей старой блузе, широко расставив ноги, стоял у холста и шлёпал по нему кистью, добиваясь нужного тона.

Пришёл Савицкий, поинтересовался:

— Мажешь?

— Мажу, Константин Аполлонович.

— В четыре руки сегодня поработаем.

Савицкий писал медведей, Шишкин — утренний бор; казалось, в красно-коричневых соснах текут, пульсируя, соки, — настолько живы они были.

— Россия — страна пейзажа, — говорил за работой Шишкин. — Нигде нет таких лесов, такого раздолья, тайн и возможностей.

— Неужели вас не угнетает уединение в лесу? — недоумевал Савицкий.

— Общение с природой не может угнетать. Перед тобой открывается целый мир. Вот медведи-то ваши, баловни, не устанешь любоваться...

Шишкин вспомнил соседа в Елабуге, который однажды сказал ему: «Труженик горб гнёт, а ты бездельем маешься!» Тогда Иван Иванович даже не предполагал, какой это труд, быть художником. Упорный, повседневный. И никаких скидок, поблажек самому себе, никакого деления на «главное, основное, второстепенное» — в искусстве всё главное.

За последующим написанием картины художники переговори́ли о многом.

— Очень важно чувствовать отчий край, — соглашался Константин Аполлонович. — Что были бы Пушкин и Гоголь без этого чувства? Живёшь в России и говори от имени России.

— Надо ещё заслужить это право, — заметил Шишкин.

Когда картина была окончена, Савицкий наотрез отказался ставить на ней свою подпись:

— Что вы, Иван Иванович! Мои медведи только подмалёвок. Разве это сравнимо с вашим вкладом? Подпись должна быть только ваша.

И всё же в Москву на выставку картина отправилась за двумя подписями.

Константин Аполлонович сердился:

— Убили мы медведей и шкуру поделили! — и стёр с холста свою фамилию.

Судьба «Утра в сосновом лесу» оказалась легендарной. Нет в России уголка, где бы не знали и не любили эту картину. Люди не устают слушать лесную сказку, которая для каждого звучит по-разному. Поколение за поколением пытается разгадать тайну этого шедевра, но... это навсегда секрет.

В последние годы Шишкину было одиноко. Старшая дочь Лида вышла замуж и уехала в Финляндию, став хозяйкой усадьбы Мери-Хови где-то среди холодных неприютных скал на берегу залива. Звала отца погостить, подзадоривала: «Природа здесь неброская, но удивительно своеобразная, — так и просится на холст». Но собрался Иван Иванович далеко не сразу.

Когда приехал, его встретили радушно. Он отдыхал в Мери-Хови и работал почти с удовольствием. Написал несколько зимних этюдов, чистых, светлых по колориту. Но всё что-то силился вспомнить, когда вечерами читал стихотворение Лермонтова:

*На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.
И снится ей всё, что в пустыне далёкой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утёсе горячем
Прекрасная пальма растёт.*

Шёл к столу и тихо переключал с места на место рисунки. И вспомнил! Остров Валаам. Там, на высоком каменном холме стояла сосна. Она была не очень высока, с кривым толстым стволом, но столько в ней было внутренней красоты и силы, так мощно стояла она на скале, что пройти мимо ни за что было нельзя. Он написал с неё этюд. «Где этот этюд? Надо поискать в мастерской в Петербурге...»

Иван Иванович загорелся новой картиной и поспешил домой, чтобы скорее взяться за работу. А в Петербурге ждали его друзья, у них накопились новости, которыми они хотели поделиться с ним. Однако их рассказы мало увлекали художника, он был во власти своей новой картины «На севере диком». Она едва ли ни демонически захватила его. Писал быстро, и, казалось, легко, но всё это только внешняя сторона, главное было в душе художника. В одинокой сосне на горячем утёсе он видел себя. Душа наполнялась обидой на несправедливость жизни, рано отнявшей старшего брата, двух сыновей, Женечку — мать Лиды, и Ольгу Антоновну — мать младшей дочери Ксении. Так холодно, так неудобно было дома! И всё доносилась до Ивана Ивановича какая-то песня без светлого начала и радостного конца.

Окончив картину, Шишкин показал её друзьям, удивив необычностью избранной темы и даже каким-то не «шишкинским» решением — картина была написана в холодных тонах. Архип Иванович Куинджи долго смотрел на неё, прищурив острые глаза, качая головой: ну и ну! Нет, в самом деле, вышло что-то не «шишкинское». По его мнению, чего-то не хватало в картине. Он все присматривался так и этак. Да, чего-то не хватает. Во всех полотнах Шишкина было жизнелюбие, а здесь как будто всё умерло. Куинджи схватил кисточку, и Шишкин не успел рта раскрыть, как он ткнул ею в холст между ветвями сосны, обозначив жёлтым кадмием крохотный огонёк в студёных застывших далях.

— Вот! — кисть замерла над холстом, и Шишкин испуганно её отстранил. Но огонёк, сделанный Архипом Ивановичем, убрать рука не поднялась — он был как надежда среди безысходности.

Как ни странно, но именно этот огонёк вывел Шишкина из угрюмого состояния, в котором он находился очень давно. Жизнь продолжается, какую бы она не была, надо жить, надо, чтобы вокруг тебя было светло, ведь только светом ты и можешь отблагодарить Всевышнего за своё пребывание на земле.

Следующая картина — «Корабельная роща», самая крупная по размерам, завершила творчество Шишкина. Художник отчётливо слышал пульс времени. Возобладавшая в русском обществе «теория отрицания», выбивавшая людей из жизни, вызывала в нём гнев! Иван Иванович, и как человек, и как художник, не мог согласиться с этой теорией. В ней не было места «ни вере, ни правде, ни энергии воли». Не мог, потому что, в отличие от многих своих современников, не испытывал разлада между мыслью и духом. Тем и спасался.

Ещё молодым человеком, живя за границей, Шишкин почувствовал нечто тревожное над Россией, но в чём оно заключалось, и сам не знал. «А будущее не веселит, и сильно не веселит», — писал он на родину. И теперь это его предчувствие оказалось пророческим: в России, вставшей на капиталистические рельсы, началось беспощадное истребление природных ресурсов. «Разве не варварство, — возмущался Крамской, — желание поскорей добыть себе блага путём мошенничества, прокуживания общественного богатства, лесов, земли за целые будущие поколения?!»

Иван Иванович относился к природе с религиозным благоговением. «Здравствуйте! — ежегодно весной здоровался он с деревьями, как с родными людьми. — Вот и снова мы вместе!» Он понимал, что природа и человек в неразрывной связи между собой. Выруби лес — погибнут звери и птицы, пересохнут ручьи и болота, обмелеют реки, резко изменится климат и потеряется в людях то равновесие, которое есть лишь тогда, когда человек находится в мире с Богом и самим собой.

В его «Корабельной роще» могучие сосны тянутся ввысь, как колонны Божьего храма. Блики солнца играют в тёплых водах ручья, на камнях, на стволах. А плетень — предупреждение тем, кто варварски истребляет природу: не двигаться дальше!

Осуществление такого монументального замысла говорило о том, что художник в полном расцвете творческих сил. Однако двадцатого марта 1898 года, встав за мольберт, он покачнулся, и палитра упала на пол...

Литература для чтения:

1. Кудинов И. «Сосны, освещённые солнцем». Барнаул, 1981 г., Алтайское книжное издательство.
2. Минченков Я. «Воспоминания о передвижниках». — Ленинград, 1963 г. «Художник РСФСР».
3. Бенуа А. История русской живописи в XIX веке, СПб., товарищество «Знание», 1902 г.
4. Володарский В. По залам Третьяковской галереи. М., 1975 г. «Изобразительное искусство».
5. ГТГ. Каталог собрания. «Живопись второй половины 19 века». Т. 4, — М., 2006
6. Прытков В. Любимые русские художники. М., 1963г, АХ СССР

ДЕБЮТ В АРГАМАКЕ

СЕРГЕЙ БУДАРИН

СЕРДЕЧНЫЙ ОГОНЬ

* * *

С грустных осенних дорог
Лютых ветров помело
Прямо к избе на порог
Пламя листвы намело.

Пасмурных дней жернова
Вязнут в бору золотом.
Лунных лучей рукава
Мокнут в пруду под окном.

Запах гвоздики тягуч.
Спит у скамьи лебеда.
В бочках сверкающих туч
Плещет о донья вода.

Цаплей повисло гнездо,
Злой пустотою гудя.
Сквозь облаков решето
Сеются зёрна дождя.

Лей, дождевая вода!
Пейте, поля и луга!
Взвейся над гладью пруда
Радуги звонкой дуга!

Ты не болей о былом,
Буйна моя голова.
В жизни над всяким двором
Грома висит булава.

* * *

Ах, не зря под гармонику мая
Небо плещет мне свет на ладонь.
Разве девушка, мне дорогая,
Не придёт ко мне в звёздную сонь?

Неужели кого-то другого
Она любит, меня разлюбив?
Клён шумит у родимого крова,
Буйну голову с плеч уронив.

И ему своё сердце вручая,
Я готов, словно другу, пропеть,
Что мне та дорога дорогая,
У которой есть в локонах медь.

Может, нынче луна озорная
Так же плещет ей свет на ладонь...
Ах ты, доля моя молодая!..
Что ни свет—то сердечный огонь.

* * *

С ночи лунной, когда заалели
Перелесья в осеннем огне,
Не стучит, ни о чём не жалея,
Моё сердце в родной стороне.

Не пойму: то ль закрыл мои веки
Кто-то тайный незримой рукой,
Иль забыл моё сердце навеки
Человек, мне навек дорогой?

Ныне ночью луна так же светит.
Я стою над туманной водой.
Колыхает порывистый ветер
Крон осенних огонь золотой.

Хорошо, когда веет прохладой
С невысокой отцветшей воды,
С неуёмною тихой отрадой
Вспоминать дорогие черты.

О, лукавость очей с поволокой,
Томность милых сомкнувшихся век...
Только осень, горя позолотой,
Ни о ком не жалеет вовек.

* * *

Лунный кувшин на рассвете
Млечность тумана разлил.
На огневом бересклете
Пламя цветов погасил.

Руку мне ветер игривый
Влажным лизнул языком.
Я по осоке сонливой
К речке бегу босиком.

Мчится за мной неустанно
Ветер, как пёс озорной...
Я никогда не расстанусь
С милой степной стороной.

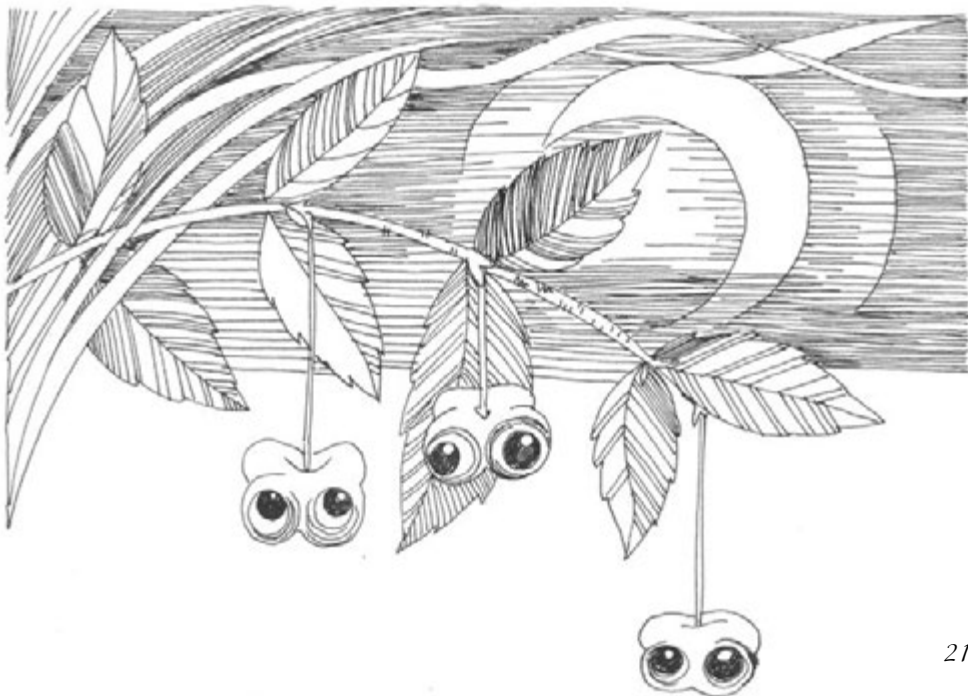
Что ж ты расплакалась, ива,
Голову низко склоня?...
Говором нежным прилива
Речка встречает меня.

Млечным туманом вскормлённый
На заливною берегу,
В край свой приволжский влюблённый,
Рухну в траву на бегу.

* * *

Льётся во мраке трескучем
Воска горячего медь.
Хлещет по стёклам плакучим
Веток безлиственных плетъ.

В поле на гулкой дороге
Рыщет волчицей пурга.
Тонет иголкою в стоге
В дымном сугробе слега.

Светит из тучи морозной
В сердце мне волчья звезда...
Я по дороженьке звёздной
Скоро уйду навсегда.

И под пурги завыванье
Милая добрая мать
Будет меня на прощанье
Нежно к себе прижимать.

Свечка прольётся в тревоге,
В слёзном дожде золотом.
И заметёт все дороги
Волчьим искристым хвостом.

В мире земном, непогожем,
Горечь испившая мать
В каждом случайном прохожем
Будет меня окликать.

* * *

Ранним искрящимся летом
В снежном метельном бреду
Млечным окутаны светом
Яблони в нашем саду.

Солнце алеет и пышет,
Цвет осыпая с ветвей.
Звонкое небо колышет
Песней своей соловей.

Яблоком жёлтым созреет
Солнце на ветке зари.
Сердце моё отогреет,
Светом любви обогрит.

* * *

Мой друг, не виновен я в том,
Что Русь, как река, меня манит.
Она ни сейчас, ни потом —
Меня никогда не обманет.

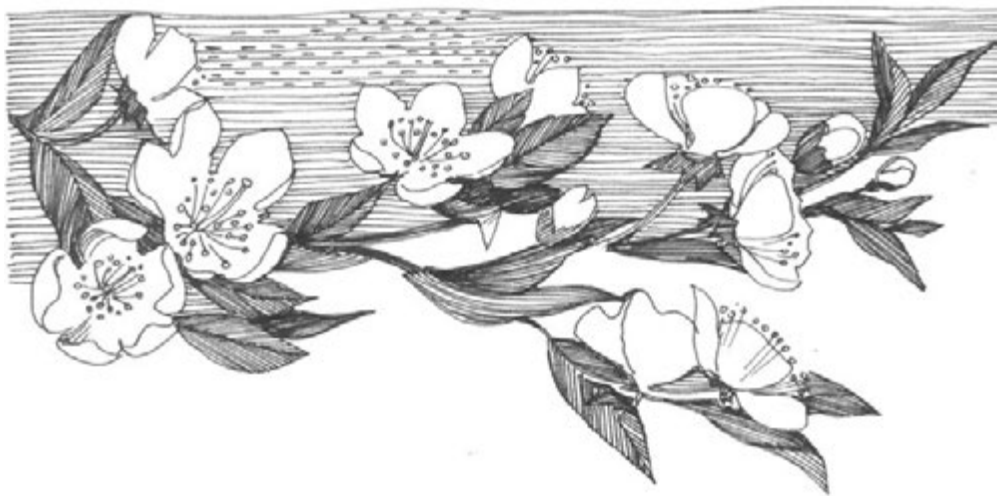
Накроет волною судьба.
Обрушит на сердце кручину...
И даже святая мольба
Не сможет раздвинуть пучину.

Хоть плеск и журчанье реки
Для жизни твоей не отрада,
Меня поминай по-мужски,
Как в реку вошедшего брата.

* * *

Русь, я спою для тебя колыбель —
Ту, что мне мать напевала,
Если визгливо скулила метель
Или во мгле завывала.

Ныне коварно метёт за окном —
Тьма непроглядная волчья.

Стужа терзает родимый наш дом,
Солнце растерзано в клочья.

Русь, я спою для тебя колыбель
Светом небесным и млечным,
Как напевала мне мама в метель
Светом незримым сердечным.

И содрогнётся родимый наш дом
С волчьим метельным оконцем.
И засияет небесный проём
Русским заплаканным солнцем.

* * *

Дорогая, пойми меня верно:
Тебя за руку я не держу.
Но и дереву осенью скверно,
Если шепчет листва: "Ухожу".

Ты уйдёшь — запрокинется крона,
Онемеет небес синева.
И застонет протяжно ворона
Ненароком прощанья слова.

Даже дереву ведомы чувства:
Без листвы и ветвям холодней!
Мне знакомо хмельное искусство —
Пить отраву остуженных дней.

Дорогая, пойму тебя верно:
Кто листвою сорвался с ветвей,
Отлетает от дерева нервно,
Ощущая утрату больней.

* * *

На лугах васильковых небесных
Стадо топчет подсолнух златой.
Погоняет коров бестелесных
Заискрившийся хлыст грозовой.

А в грозу васильки луговые
Не поют о земле дорогой.
Только свищут ветра вековые
Над свинцовою шумной рекой.

Моё сердце слезой прожигает
Грустный взор васильковых очей.
И небесное стадо рыдает
От ожогов пастушьих бичей.

Знаю, тучи разлуки сердечной
Слижут слёзы небесных коров.
И под солнечным светом предвечный
Засияет небесный покров.

* * *

...бабушке

Голос твой — песня родная.
Сердце поёт о тебе...
Помню скамью у сарая,
Запах клубники в избе.

Крону до неба вздымая,
Тополь зелёный дремал.
Бороду тополя в мае
Ласково ветер трепал.

Словно старик бородатый,
Бренный презревши покой,
Он подбородок косматый
Гладил корявой рукой.

Светлой серебряной прядью
Он мою прыть остужал...
К бабушке прямо в объятья
В сладких слезах я бежал.

* * *

С бледной ладони небес
Снял ты кольцо золотое.
Светом рассеял окрест
Веще Слово святое.

В млечной магической мгле,
В бездне космической чёрной
Встал я, чтоб жить на земле,
Светом любви обручённый.

* * *

Подхожу я к туманной дороге,
Где золотая рыдает ветла.
И в горящей осенней тревоге
Журавлей пролетает стрела.

Путь змеистый и месяц высокий
Сквозь туман предо мною блещут...
Что сулит мне мой путь одинокий,
И о чём мне так звёзды гудят?

Может, там, в стороне неизвестной,
Будет сердце слезой прожжено,
И, как месяцу в яме небесной,
Мне во тьме утонуть суждено.

И душа над землёй золотою,
Заискрится, любовью маня.
Обернётся небесной звездою.
В ней родное узнает меня...

Но, быть может, в краю неизвестном
Не сгорю я в житейском огне.
И в таинственном гуде небесном
Буду петь о родной стороне.

И весна над округой родною
Вольной птицей расправит крыла
Будет ждать меня мать под ветлою
Будет встреча, как песня светла.

ДМИТРИЙ КОТОВ

ИКОНКА НА ПАМЯТЬ

Жук упорно карабкался вверх по обгорелой травинке. Лёгкий ветер, принёсший едкий запах пороха чуть колыхнул травинку, а для жука это стало настоящим землетрясением. Он чуть было не сорвался, зацепившись одной лапкой с невидимым коготком, повисел мгновение, раскачиваясь, как акробат под куполом цирка. Но потом всё-таки ухитрился зацепиться второй лапкой, третьей и, как ни в чём ни бывало, продолжил медленно и упорно карабкаться дальше...

Он лежал, беспомощно раскинув руки, на бруствере полуразрушенной траншеи и наблюдал за жуком, ползущим по стеблю степной травы почти перед самым лицом. Собственная жизнь медленно, ритмично, но упорно и бесповоротно выходила из молодого и ещё каких-то четверть часа назад полного сил и здоровья тела. А сейчас всё вокруг превратилось в царство боли — и солнце, и воздух, и мягкая земля насыпанного бруствера. Лишь уцелевший стебель травы перед лицом не нёс никакого страдания и, продираясь измученным сознанием сквозь кровавое, вязкое марево тошноты и боли, Он загадал, что если жучок доползёт до вершины травинки и взлетит, то и Он — выживет...

* * *

Он и его взвод закончили окапываться, прикрывая фланг спешно закрепляющегося батальона. Стояло засушливое лето 1942 года. От тяжёлой работы на жаре после пешего перехода по степи пересохло горло, воды во флягах оставалось совсем чуть-чуть, а неподалёку, в трёхстах метрах, в низине, текла маленькая тихая речушка. Он, как командир взвода, разрешил двум бойцам собрать фляги у всех остальных и сходить по воду. Когда воду принесли, выпил чуть не половину фляги залпом, вытер враз вспотевшее лицо пилоткой, затем сел на бруствер окопа и закурил. Он уже почти год как был в армии, но на передовой оказался впервые.

Уже через две недели после начала войны его вызвали в военкомат. Сотрудник военкомата, немолодой капитан без трёх пальцев на правой руке, просматривал его личное дело, сидя за заваленными делами других призывников широким столом. Капитан взглянул на значок «Ворошиловский стрелок» на лацкане пиджака, уточнил, как он закончил десятилетку и предложил направление в военное училище. Он подумал — ровно две секунды — и согласился.

Спустя полгода в петлицах заатели по одному алому кубики — знаки различия младшего лейтенанта стрелковых войск. Получив отпуск на двое суток, в новенькой форме, отутюженный и отглаженный, хрустя по снегу настоящими яловыми сапогами, Он приехал домой, повидать мать и сестрёнку. А ещё — увидеть её. Ту, с кото-

рой гулял вечерами, держась за руку, которой читал стихи, танцевал на выпускном и даже один раз поцеловал. Из училища Он писал ей, Она ему, а попрощаться перед отправкой в училище они так и не успели. Состав отправили на три часа раньше запланированного срока, и Она, прибежав на станцию, увидела только пустой перрон.

Мать увидела его и заплакала. И всё время, пока Он был дома, мать не отходила от него, стараясь лишний раз прикоснуться, не отводила полного радости, восхищения и тревоги взгляда и украдкой вытирала проступавшие слёзы. А когда Он выставил на стол привезённый из училища сухой паёк — тушёнку, вязку воблы, плитку шоколада — будто восторгалась и начала суетливо готовить угощение. Впрочем, угощение — громко сказано, в доме была только картошка и квашеная капуста.

А ещё он увидел Её. У них была только одна ночь, единственная, выпавшая им в жизни, хотя тогда они, ослеплённые и задыхающиеся от неизмеримого обоюдного счастья, этого ещё не знали. И когда солнце розоватым оттенком начало отбеливать восточную сторону неба, Она надела ему на шею маленькую серебряную иконку. Он смеялся, отказывался, говорил, что это всё предрассудки, ведь они — комсомольцы, люди будущего. Но Она настаивала и всерьёз доказывала, что эта иконка сохранит Его от пули и Он вернётся живым и невредимым. У Неё было две таких, абсолютно одинаковых иконки, и Он, смеясь, на обратной стороне каждой из них выцарапал по две буквы — первые буквы Её и Его имени. Пришлось надеть на себя подарок, потому что Он не хотел Её обижать, но даже потом, в эшелонах, на фронте, рука не поднималась снять иконку. Он лишь старался сохранить своё, сокровенное, родное, от чужих глаз.

Утром все вместе провожали его на поезд, и никто ещё не догадывался, что Она уже носит под сердцем новую жизнь, крохотную, только что зародившуюся. И когда паровоз загудел, выпустил из трубы пар, дёрнул со страшным железным скрипом вагоны, Он прыгнул в дверь и, оглянувшись, увидел их — таких родных и таких бесконечно одиноких на переполненном людьми перроне — маму, сестру и Её. Сердце почему-то неприятно защемило, но совсем ненадолго...

* * *

На обочине дороги, около перевернутой повозки лежал убитый. Ласковый ветер лениво шевелил на голове светлые отросшие волосы, а из вывернутой наизнанку сумки широким веером по всей дороге разлетелись маленькие бумажные треугольники не дошедших на фронт писем. Среди них было и письмо от Неё, в котором Она с восторгом и какой-то затаённой, тоскливой тревожностью сообщала, что носит Его ребёнка. Это письмо, как и многие другие, так и осталось непрочитанным. Беспомощные, жалкие, но до боли драгоценные бумажные треугольники лежали в дорожной пыли. А прямо по ним, хищно сминая недонесённые приветы, пожелания и известия, беспощадно разрывая их гусеницами, бодро шли на восток немецкие танки...

* * *

Жук долез почти до конца травинки и попытался взлететь, но тут земля в долю секунду вспыхнула крошечным пылевым облачком, и травинка с жуком, срезанная пулей, исчезла. Он обречённо понял, что это — всё. Конец. Где-то далеко, как Ему казалось, почти на горизонте, возникли огромные тени. Они шли, неторопливо, но уверенно заслоняя солнечный свет. Он с усилием, со страшной болью попытался подтянуть к себе ставшую такой непослушной руку с наганом, который, по ощущениям, стал тяжелее раз в десять. Это получилось, и Он, сцепив зубы от нестерпимой боли, с

усилием поймал надвигающуюся тень в треугольную прорезь целика и нажал на спуск. Наган подпрыгнул в руке, оглушительно хлопнув, а он опять, продираясь сквозь боль, упрямо совмещал мушку с целиком и тенью и опять нажимал на спусковой крючок. За любимую, за мать, за сестру, за родную землю, за не родившегося ещё ребёнка, о существовании которого Ему так и не довелось узнать — за всё, чем он жил в такой далёкой от его полумёртвого тела жизни. В эти мгновенья весь мир сосредоточился для него в небольшом металлическом тельце револьвера, выбрасывающего пули навстречу наползающим теням, и Он понимал, что больше уже ничего другого никогда не будет в Его жизни. И даже когда патроны закончились, и вместо оглушительного выстрела слышался сухой шелчок ударника, Он, от боли вцепившись зубами в землю, в сухую траву, продолжал нажимать на спуск, а другой рукой сжимал небольшую серебряную иконку с нацарапанными на обратной стороне двумя буквами. До тех пор, пока немецкий фельдфебель, пожалев пулю, не проткнул Его в спину штыком...

* * *

Чистенький, блестящий «Лексус» бесшумно притормозил у небольшого металлического киоска, по причине борьбы с малыми архитектурными формами превращённого в будку охраны на краю огороженной железным забором стройплощадки. Ворота тут же открылись, машина въехала внутрь, к ней быстро подошёл ещё не старый мужчина в джинсах и рубашке навывпуск и предупредительно открыл дверь. Вылезший из «Лексуса» был немного старше, но даже на первый взгляд намного солиднее и важнее.

— Что тут ещё у вас стряслось? По графику уже должны заливать площадку, а вы всё возитесь, — Прибывший был явно недоволен. Строительство АЗС затягивалось, а, соответственно, уменьшалась запланированная прибыль, что, в свою очередь, задерживало реализацию других проектов.

— Проблема нарисовалась. Дело в том, что.... — начал было встречающий, но приехавший на дорогой машине перебил его:

— А ты здесь зачем? Бабки получаешь — решаешь проблемы.

— Вы меня не поняли. Нестандартная ситуация. Рабочие нашли кости, много костей. Черепа. Человеческие. Решили без Вас ничего не предпринимать.

— А-а-а, — задумчиво протянул прибывший, — ну пойдём, посмотрим.

Они прошли к краю стёсанной бульдозером площадки. В углу, как солома, торчали из земли кости. Издалека они были похожи на странного окаменелого ежа. Пустыми глазницами пялились на солнце поднятые ножом тяжёлой техники целые и разбитые черепа. Один из черепов молодой разнорабочий пристроил на бровку и вставил в зубы сигарету. Сигарета дымилась.

Прибывший не привык заикливаться на мелочах, пусть даже и не стандартных, — это мешало его основной жизненной цели — зарабатывать деньги, причём чем больше, тем лучше. По жизни он сам считал себя фартовым человеком. В его душе жило всего одно суеверие — будто удачу ему приносит оставленный бабушкой талисман. Именно этот талисман он действительно берёт и хранил, с какой-то детской, затаённой наивностью приписывая ему сверхъестественные возможности и тщательно скрывая это от окружающих. Всё остальное в жизни имело вполне определённую цену. Вот и сейчас он задумался всего на минуту, а затем дал чёткое, предельно ясное указание.

— Рабочих отпусти и заткни им рты, чтобы молчали. Ментов и прочих подключать и информировать не будем, они тут разведут канитель на месяц, а вы и так из графика вылетаете. Сам мотнись в соседний район, набери местных алкашей, пусть погрузят всё это... и вывози отсюда подбру-поздорову!

— Куда?

— А куда хочешь. Хочешь — в лес, хочешь — в болото, хочешь — сожги, а хочешь — можешь бульончик сварить, — улыбнулся приехавший. — Главное, чтобы без следа. Понял?

* * *

На следующий день «Лексус» с непростым пассажиром вновь заехал на стройплощадку. Работы шли полным ходом, уже начали заливать бетон. Обнаруженные накануне кости были вечером вывезены на свалку мясокомбината и выброшены там за смехотворную сумму, выплаченную начальнику охраны. Приехавший солидный мужчина, хозяин строящейся АЗС, вылез из машины и подошёл к месту, где обнаружилась причина нестандартной ситуации, повлекшей потерю половины рабочего дня. Под очень дорогими туфлями что-то блеснуло. Он присмотрелся и увидел небольшую кость — фалангу человеческого пальца, торчащую из комка земли. Вместе с костью из комочка торчало что-то блестящее. Он подозвал рабочего, тот поднял заинтересовавший хозяина предмет, вытащил небольшой металлический прямоугольник, а комок земли с фалангой пальца отбросил в сторону.

Хозяин строительства, позабыв про свой статус и присущую солидность, как обычный мальчишка, плюнул на ладонь и слюной стёр с найденного предмета остатки земли. В его руке лежала маленькая серебряная иконка, как две капли воды похожая на оставленный бабушкой и носимый на толстой золотой цепи на шее заветный талисман. Он достал его, не замечая, что пачкает дорожную рубашку грязными задрожавшими пальцами, и сравнил с находкой. Налицо была полная идентичность, разве что его иконка, носимая на шее, была заботливо упакована в прозрачный материал от швейцарской фирмы и золотую рамочку со вставленными бриллиантами. Он посмотрел на обратную сторону. Там были нацарапаны по две буквы, по две одинаковых буквы на одной и на второй иконке.

Он отошёл в тень и сел прямо на траву. Затем зачем-то достал бумажник, вытащил толстую пачку долларов, начал пересчитывать, на половине бросил и положил деньги на землю, придавив каблуком, чтобы их не унесло ветром. Пересчёт денег всегда приводил мысли в нужное русло, но не в этот раз. Он жестом подозвал своего водителя, взял протянутую сигарету и закурил. В голове роились воспоминания. Воспоминания бабушки о деду, не вернувшемся с фронта, рассказы о подаренном деду талисмане, который сейчас лежал в его руке. В сознание тенью напознала мысль о выброшенных на свалку человеческих останках. Эта тень неторопливо, но уверенно заслоняла солнечный свет.

Он посмотрел опять на иконки, а затем на зафиксированные ногой деньги. Рядом с пачкой денег росла обгорелая травинка. По ней упорно вверх карабкался жук.

Он никогда не терпел сентиментальности. Потому что твёрдо знал — в этом мире выживает сильнейший. А себя он считал достаточно сильным.

Жук карабкался вверх по стеблю, намереваясь взлететь. Но он не дал ему этого сделать, небрежно, но безошибочно и точно ткнув зажжённой сигаретой. Жучок моментально обуглился и камешком упал с травинки. А хозяин будущей АЗС поднялся, оставив находку лежать в траве, аккуратно подобрал деньги, заботливо потряхнул их от пыли, сунул в карман и вразвалочку пошёл к чистенькому, блестящему «Лексусу». Впереди было много работы...

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

ЛИЗА ТИХОНОВА

ТАК ГРУСТНО. ТАК НЕЖНО...

ОДУВАНЧИКАМ

Корнями в землю впиваясь,
Вдыхая нежными листьями,
Лето, лучистое, пёстрое,
Дети луны и солнца растут
Везде, где небо в зелени.

Не срывают цветов одуванчиков,
Не плетите венков. Не нужно.
Пусть становятся мягкими звёздами,
Сферами совершенно воздушными.

КТО ТЫ?

Упрямый, с кривыми зубами,
Вросший в землю,
Как одуванчик, корнями.
Лучистый, немного дикий.

Кто ты?
Старательно пыхтящий,
Вырывающий клочки травы под ногами,
Потный, грязный, безумно красивый,
И кем-то, кажется, до боли любимый.

Кто ты?
Сын ли далёкой звезды,
Холодной и бледнолицей,
Скрытый от глаз чужих,
Вуалью ночной прохлады.

Или потока горного,
Рокочущего вне времени.
Вскормленный бронзовой грудью
Буйных ветров с севера.

И за какие грехи вырвали подлецы,
Бросив к ногам твоим,
С нервами оголёнными
Сердце и душу мои.

О, за какие грехи...

ВЛЮБЛЁННОСТЬ

Чувство, такое светлое,
Затопило меня изнутри.
И что-то грустное, нежное,
Проросло из моей груди.

Я присяду на корточки
и зацвету...
Чтоб спустились на плечи мне
райские птицы,
Корни в рыхлую землю пушу,
Стану петь о судьбе небылицы.

РАССКАЖИ

Расскажи о внезапном рассвете,
О танцующих серафимах
На стенах любимой квартиры,
О лучах, уснувших на пятках.

Расскажи о камнях, растущих
Под землёй глубоко в пещерах,
Как они на цветы похожи,
Как хрупки они и прекрасны.

Расскажи своим голосом нежным
Обо всех чудесах на свете,

Обещаю слушать прилежно,
Только бы не болело сердце.

РОЗОВЫЙ КВАРЦ

На стенах розовый кварц.
Свои распускал бутоны.
Окна чужих домов —
Теперь прозрачные соты.

Кактусами заросло наше море.
На сотни осколков разбито солнце.
Лиловой тоской залито небо.
Так грустно. Так нежно...

Рухнул ветер на спящие груди,
Скатился к босым ногам и
Свежим глотком — поцелуем
Меня пробудил ото сна.

Ты сказал, что собрал все звезды,
Уложив их в холщовый мешок,
Обещал на рассвете в подарок
Их вплести мне в тёмные косы.

МОРЮ

Сколько миль брела по пустыне...
Все истрескались стопы, ладони,
Сотни раз моими глазами
Издыхало в агонии солнце.

Сколько миль брела по пустыне...
Чтобы снова услышать, как волны
Окропляют брызгами скалы,
Чтоб навек затеряться в прибое...

Твоей солью, о, море,
Не залечишь раны.
Так зачем же тогда мы
Умоляем о вечном покое?

СВЯТОЙ ГРУЗИИ

Свята земля твоя, Грузия!
Святы горы твои объятые
Лёгкими облачками, небом
Лазурным, чистым.
Святы люди твои

Со спелыми фруктами — лицами.
Смелыми и прекрасными,
Гранатово — алыми душами.
О, святы, святы,
Святы песни твои!
Крахмальных вершин луны,
Мелодии звёздной ночи,
Созревшего урожая,
Молочного слабого бляенья.
Свята душа твоя, Грузия!
Мила, нежна и любящая...
Свята любовь моя
К тебе — о Грузия!

ПЕСНЬ ЗВЁЗДНОЙ НОЧИ

Среди сосен, ветра и звёзд
Я найду себе дом,
Среди пения, выцветших грёз,
Синих призрачных гор
На воде серебрится колос,
Тень луны — царицы созвездий —
Бархатистый и ласковый голос
Колыхает деревьев ветви.
«Что молчишь ты, звезда пилигримов?
Отчего так печальна, угрюма?» —
Повторяя ночные припевы,
Вопрошаю у тёмного неба.

УТРОМ

С кличем победным ворвалось утро
На солнечной колеснице
с флагом пурпурным.
Прочь согнало с небесного лона
Скрюченный месяц, бледные звезды.

Сон ускользал беззвучно, неспешно,
Цепляясь шёлковой розовой лентой
За пальцы дрожащие, выступы в скалах.

Атлант расправляет плечи,
И я поднимаю веки.

ГРЯНУЛА ОСЕНЬ

Деревья скорбят об усопших,
Землю вокруг осыпая
Жухлой листвой шуршащей.

Несётся поверху ветер,
С тёмного неба сметая,
Самые хрупкие звезды.

Грянула, грянула осень!

ВЫСОКО КИПИТ СИНЕВА

Высоко кипит синева,
А земля в кристаллах воды
Завернулась, в зелень травы,
Точно лето и осень сошлись.
На плечах их пушистый плед
Белокурой девы зимы.
А весна в моём сердце живёт,
Стоит только взглянуть в окно —
На счастливом лице расцветёт.

* * *

Тень его в поле упала...
Тень его в поле упала!
Споткнулась, больше не встала.
В туманах бессонный Сант-Яго

Месяцем мял апельсины,
Чтоб мякотью их заливало
Небесные холодные щели.

Что ты плачешь, Гранада?
Кому теперь эти слёзы?
Бездвижен твой Федерико...
Тяжёлым ботинком истоптан.

Не пуля порвала сердце
Из потных ладоней солдата.
Крикливая, злая сила
Изрешетила страдальца.

Спи, душа Федерико.
Земля заберёт твоё тело.
Щебетом соловьиным
Признает любимого сына.

Тихою звёздной ночью
Вены, нутро наполнит.
Спи, мой Федерико.
Эхо твоё не замолкнет.

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ГЛАГОЛА

Книга Николая Рачкова «О Родине, о жизни, о любви» очень личная. Поэт рассказывает о главном — заветном и сокровенном — о том, что отражено в названии. Сборник объёмный — 660 страниц. И в каждом стихотворении ощущимо авторское клеймо мастерства и готовности ответить за каждое слово перед миром земным и миром небесным.

Рассказывая о себе, Рачков рассказывает о тех, кто родился в сороковые и пятидесятые годы минувшего столетия не в столичном роддоме Грауэрмана, а в крестьянской избе, в поселковой больнице, в колхозном поле во время страды. На пространствах от Калининграда до Владивостока нас таких много. Книга итоговая — из неё явствует, что Рачков всю жизнь писал исповедь поколения, не ставя, между прочим, перед собой подобной сверхзадачи. Так получилось. Иначе получиться не могло, ибо он — плоть от плоти послевоенной эпохи. Мы не только дети священной войны, но и дети великой Победы. И ещё поэт осознаёт, что талант — не только Божий дар, но и тяжкий крест...

Получив эту книгу и начав её читать, я послал автору четверостишие:

*Пусть зимой не поёт соловей —
отчего ж мои слёзы так сладки?
Друг, я плачу над книгой твоей,
где на каждой странице закладки.*

На что поэт шутиливо отреагировал — хорошо, что не заплатки. Смеюсь в ответ — в заплатках нет необходимости. А скупая мужская влага и вправду проступала при чтении. Это были слёзы общей боли и общей радости, а также слёзы от понимания разницы: мой отец после двух ранений вернулся домой в 1943-м (я появился на свет в 1945-м), а отец и сын Рачковы на Земле так и не встретились — отец ушёл на фронт, когда сын находился в чреве матери.

*Когда над Родиной набатом
Бедка качнула небосвод,
Отец мой стал простым солдатом
В тот страшный сорок первый год.*

*Идя сквозь слёзы, кровь и пепел,
Чьё сердце гневно не дрожит?
Не знаю, где он пулю встретил,
Не знаю я, где он лежит.*

*И чья рука его зарыла,
Песок иль глину постеля.
Но знаю, что его могила —
Вся им спасённая земля.*

Как необходимо этот поэтический образ закольцевал прозрение поэта-фронтовика Сергея Орлова!

*Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат.
Всего, друзей, солдат простой
Без званий и наград...*

А воспоминания о послевоенном детстве у нас общие. Некоторые детали совпадают абсолютно. Некоторые строки — дословно. Рачков: «... и мама, молодая-молодая, // Другой такой не вспомню никогда я...». Алешков: «... и мама, молодая-молодая // ведёт меня навстречу тишине». Рачков: «Я был в раю, // Но я не знал об этом». Алешков: «Я б навсегда остался в детстве, // как ангел в сказочном раю». Рачков: «Кроме Родины нет // ничего у меня за душою». Алешков: «Кроме родины нету // у меня ничего!» О заимствованиях в данном случае не может быть и речи. Мы познакомились в начале нулевых, не зная ранее стихов друг друга. Не сомневаюсь, что подобные совпадения есть и у других стихотворцев нашего поколения. Эти повторения неизбежны. Они пришли к нам из воздуха того времени, из атмосферы грандиозной эпохи, когда не хватало хлеба, но хватало всеобщей христианской любви — прежде всего, к нам — детям войны и Победы. Нас любили всем селом, а за озорство порой и наказывали всем селом. Колхозный конюх, потерявший на войне ногу, учил кого-то из нас запрягать лошадь. Солдатская вдова угощала парным вечерним молоком, когда ты «встречал» её корову из стада.

*Тихой речки прозрачное устье.
Городок на горе. Купола.
Столько счастья, и боли, и грусти
Ты мне, Родина, в детстве дала! —*

пишет Николай Рачков. Его стихи настолько прозрачны и понятны, что в особых комментариях не нуждаются, поскольку полнокровно говорят сами за себя. Их простота — волшебная. Она проистекает из деревенского фольклора, услышанного в детстве, из традиции русской классики, которую Николай Борисович изучил вдоль и поперёк, как и славную историю родного Отечества, как и «великий и могучий» язык его. За этой простотой стоит ясность, которая по выражению Л.Н. Толстого есть «удовольствие ума». Мне кажется, формулировка Льва Николаевича годится

для любого вида искусств. Таков Пушкин, таков Моцарт. Ясность не отменяет, а усиливает смысл написанного, изображённого, прозвучавшего, а также глубину и неоднозначность переживаний и автора, и его героев. Рачкову незачем упражняться в словоблудии современного постмодернизма, стремящегося только к самоутверждению и, что ещё хуже, к эпатажу. Помня об истинной — божественной — сути Слова, он пишет:

*Исчезнет всё. Но не оно.
Не отречётся, не разлюбит.
Тая бессмертия зерно,
Оно кричать о жизни будет.*

*И вспыхнет из забытых снов,
Из хаоса слепых молекул.
И колокольно, властно — вновь
Оно над новым грянет веком.*

*И человек над синью вод,
В объятьях девственного дола
И выстрадает,
и поймёт
Предназначение глагола.*

*Чтоб вновь, с душою во хмелю,
Ресницы опуская ниже,
Всей грудью выдохнуть:
— Люблю...
И задохнуться:
— Ненавижу...*

Приоритет художественной цельности и ясности ныне приходится доказывать ценителям массового «искусства» и проповедникам «другой» поэзии и «другой» прозы, признающих только авангард и, по сути, отвергающих преемственность классики, забывая почему-то, что МЫ это уже «проходили», когда ОНИ пытались «сбросить Пушкина с корабля современности». В этом споре поэзия Николая Рачкова остаётся чрезвычайно актуальной, а творческая позиция нестигаемой. Вот пример — всё-то знающая и понимающая литературная дама отчитывает поэта из провинции, зашедшего в редакцию журнала, где она «заведует» вкусами:

*Это — пето и перепето.
Нынче надо писать не так.
Исполины
среди поэтов —
Это Бродский и Пастернак.*

*И о Родине неприлично,
Чтобы громко, в полную грудь.
Риторично. Непозэтично.
Нетипично. Не в этом суть.*

*Очень, очень стихи простые.
Поискусней бы.
Посложней...*

*А глаза у неё пустые.
... И зачем я вспомнил о ней?*

Да, лучше бы — пройти мимо и забыть, как дурной сон, если бы пристрастия подобных дам замыкались в своём кругу. Но они распространяются не только на весь литературный процесс, но, к сожалению, навязываются и в образовании, влияя на молодую поросль отнюдь не патриотично. Вопреки, кстати говоря, призывам к патриотизму из самых высокопоставленных уст...

Не менее важная задача поэта Николая Рачкова — поведать о своём понимании русской истории и государственности, о предназначении и тревогах русского мира — поведать так, чтобы задеть читателя за живое, чтобы «лучшие слова стояли в лучшем порядке», если речь идёт о ремесле. И ему это удаётся.

Предназначение 1/6 части земной суши, называемой в прошлом Российской империей, потом Советским Союзом, ныне Российской Федерацией (враги позиционируют её как «империю зла»), — стоять насмерть между враждующими цивилизациями Востока и Запада, принимая удары на себя с обеих сторон и спасая мир. Называть этот исторический факт случайностью легкомысленно.

*Может быть, в стуже земной,
Ложью пропахшей и кровью,
Мир и спасётся одной
Нашей несчастной любовью...*

И далее, размышляя о причинах стояния между...

*Зачем такая доля,
Её и соль, и сладсть?
На то не наша воля,
На то не наша власть...*

Не наша — значит, Господня. Так считают русские духовники и провидцы. Так считает поэт Николай Рачков. Причём о богоизбранности у него — ни строчки. Только надежда, только догадка — именно потому, что «на то — не наша воля». О богоизбранности есть кому декларировать без нас. Иногда эти декларации оборачиваются нацизмом. А мы-то знаем, что перед Богом все равны. «Да, мы другие...» пишет Рачков и продолжает:

*Наших младенцев топтали копытом коня,
В избах сжигали, утюжили из автомата.
Мы их младенцев, рискуя собой, из огня,
Из-под бомбёжки тащили к дверям медсанбата.*

Может быть, именно поэтому в минуты, часы и годы испытаний наши святые во главе небесного воинства помогают нам. «Враг был сильней.//Но победили мы», — свидетельствует поэт. Так было не раз и в века минувшие. Тропу к желанному Китежу

Батью показал один из предателей-иуд. «Оставалось несколько сажений!», — пишет поэт, но исчез чудо-град у завоевателя на глазах. И «скрипнул хан от ярости зубами», приказав, чтобы иуды «подохли в муках в жидкой яме // Каждый с переломанным хребтом». Что же оставалось завоевателю кроме неожиданного прозрения о «бессмысленности пути»: «Вот он, локоть — // укуси попробуй. // Вот он, Китеж — // ну-ка, захвати!». Что-то подобное случилось и с Наполеоном, позорно бежавшим из горящей и пустой Москвы.

Однако — на Бога надейся, а сам не плошай. Во вторую мировую наши отцы и матери превзошли врага неимоверной стойкостью, самоотверженностью, терпением, способностью собраться в один кулак вокруг командира взвода на линии огня, вокруг маршала на Курской дуге, вокруг народного вождя, не покинувшего Кремль во время эвакуации, вокруг начальника цеха на заводе, вокруг колхозного председателя в лице русской бабы, у которой мужик был на фронте... России помогала тогда и Небесная заступница — икона Казанской Божией Матери, о чём свидетельствует история. И пусть что угодно плетут о нас мифотворцы из пятой колонны — именно мы спасли Европу от фашизма! Приходится об этом напоминать, ибо всё чаще нашу пассионарность (по Гумилёву) пытаются оспорить с пеной у рта ближние и дальние «партнёры»?

Матери наши — особая статья. Весь тыл держался на таких, как бабка Пелагея из стихотворения Рачкова:

*Семерых она взрастила
В неизбывной доброте.
Тихо лоб перекрестила,
Прошептала: «Слава Те...»*

*И опять: «Ну, дай же, Боже...»
Вот её пропал и след.
Эти старые калоши,
Этот плюшевый жакет.*

*Эти окна сельсовета,
Да в бурьяне колея.
Эта жизнь — комочек света
В грозной бездне бытия!*

Но судьбоносных испытаний в российской истории оказалось больше, чем, казалось бы, можно выдержать. Миллионы погибших говорят сами за себя. Братоубийственная гражданская война, революции унесли самых достойных и лучших. И власти (так было во все времена) ведут себя по отношению к народу не лучшим образом. «И от любви бывает больно...», — пишет Рачков былинным белым стихом. И вслед за Василием Шукшиным потрясённо думает: что с нами происходит, почему душа мельчает у того, у другого, у третьего, у тебя самого? В 1999 году Рачков пишет стихи о том, как в оны годы по чьему-то приказу была проведена санитарная чистка столиц и больших городов: «Солдат, обрубленных войной, // Всех подмели»... «Их всех, за честь родной земли // Под бомбы ставших и под пули, // Не отмолили. // Не смогли. // И рухнул мир не потому ли?» Другая крайность по отношению к фронтовику. «Он брал Берлин», а ему, судя по всему, уже в горбачёвские времена пришла «посылка из Берлина» — стена-то, дескать, рухнула: «Носки. Бельё. Тушёнка. Шоколад. // Ведь вы давно не видели всё это...»

*И гневом исказился гордый лик.
Заплакал он
И в землю что есть силы
Ударил костылём, и в тот же миг
Зашевелились братские могилы...*

А вот другой фронтовик, внук предыдущего, чудом вернувшийся из Чечни «без ноги, // с душой угрюмой»:

*Стучит костыль
о пол трамвая.
Скрипят на стыках тормоза.
И каждый, мелочь подавая,
Отводит
в сторону
глаза...*

Не могу не пересказать и «Притчу», написанную Рачковым в 2001 году, словно в переключку с ещё здравствующим тогда Юрием Кузнецовым.

*Может, это придумка — не боле.
Вышла древняя бабка на свет.
И взглянула на русское поле:
Что такое? А полюшка нет.*

*Удивилась. И слабую свечку
Подняла чуть не к самой звезде.
Посмотрела на синюю речку.
Что такое? А реченька где?*

*Бабка вышла, конечно, из Леты.
Если хочешь, возьми и проверь.
Оглянулась. Ах, батюшки-светы,
Тут погост был. И где он теперь?*

*Кобылицами ржут магнитолы.
Всюду моники вместо марушь.
Это что же, неужто монголы
Возвернулись с Мамаем на Русь?*

*Где же ты, молодецкая сила?
Но ни песен родных, ни знамён.
... И плиту над собой затворила —
До иных,
До победных времён.*

И не пробуйте упрекать Рачкова в верноподданничестве режиму, господу право-защитники, — не получится. Одна из задач истинного поэта, поставленная перед ним совестью, называть вещи своими именами. Он всегда — тот самый юродивый Никол-

ка из знаменитой пушкинской трагедии, который говорит правду царю Борису. И это свойство пришло к нему из глубин народного духа:

*Травы шумят и ветки,
Тонет в пруду закат.
Чувствую: это предки
Что-то сказать хотят.*

И — говорят:

*Ты погляди окрест,
Так уж заведено:
Каждый несёт свой крест,
Сколько ему дано.*

И — «глядят доверчиво глаза // сквозь все режимы». Глаза погибшего на фронте отца Коли Рачкова, глаза его бабушки, которая помнит

*Хлеб да любовь... Сыновья расцвели,
Соколы были, да только
Все на солдатское поле легли —
Сашенька, Боренька, Колька.*

*Муки такие — хоть камень на грудь.
Жить не хотелось, но — внуки...
Бабушка, кто бы я был, позабудь
Голос твой, слёзы и руки!*

Они глядят доверчиво на весь мир, а прежде всего — на потомка-поэта, которому и заповедано сказать о них правду. Правду о том, почему

*Другие уже не смогли бы.
Другие.
Но только не мы.*

... О лирической наполненности свода стихотворений Николая Рачкова надо писать отдельную статью. С этой задачей, надеюсь, справится профессиональный литературный критик, а не стихотворец-практик. Я могу лишь искренне восхищаться его шедеврами, радоваться его точному слову, его чуткому, любящему сердцу, интуитивно слышать его музыку, которая кажется мне родной, а иногда и завидовать — дескать, те или иные стихи или отдельные строки мог бы написать и ты, потому что чувствовал так же и то же, а написал он. Да что там говорить, окупитесь сами в красоту русского слова:

*У тамбовских колодцев,
Кубанских криниц
Неожиданно,
жаркой зарницы короче,
Из-под долгих, как сон,
византийских ресниц*

*Обожгут**васильково-славянские очи.*

Это душой поётся! Как и это:

*Вот и речка потемнела, вот и речка.
Завтра схватит её плечи тонкий лёд.
Вот и жизнь,
как будто с пальчика колечко,
невзначай, того гляди и соскользнёт...*

Поэт Николай Рачков не жалуется на судьбу. Его литературная карьера вполне сложилась, книги выходят, и премии он получает. Только вот мне отнюдь не его, а русского и российского читателя жаль. Не доходят мизерные тиражи его книг до нашей глубинки, до школьных и вузовских программ. Не звучит его голос по радио и на телевидении. И виноват в этом не поэт, а государственные чиновники и их прихлебатели, не допускающие проникновенное русское слово до народа. Первые в российской истории случилось так, что проигрывающие матч за матчем футболисты-миллиардеры оказались для власти предпочтительнее нищенствующих поэтов. Есть, конечно, прикормленный властью, так называемый кремлёвский союз писателей, состоящий из нескольких десятков привилегированных особ, которых возят по заграницам, которым устраивают книжные ярмарки и презентации, которым вручают премии, иногда — Государственные. Скажите, кто из русских писателей (из русских, а не русскоязычных!) в последний раз получал Государственную премию? Мне помнится, В. Г. Распутин, ныне покойный. И было это давненько. А прикормленные, как ни странно звучит, иногда ещё и «воюют» с «путинским режимом» где-нибудь на Болотной площади. Неладное что-то творит наша власть в своём отношении к литературе и патриотизму...

Что ж, приходится повторить — каждый несёт свой крест. Я не сомневаюсь, что поэзия Николая Рачкова живёт сегодня и будет жить всегда. Сила её в правде и красоте. Об этом пишут в кратких предисловиях к книге «О родине, о жизни, о любви», изданной в ИПК «Вести» (Санкт-Петербург. 2015) тиражом 1000 экземпляров, многие известные деятели современной русской литературы и, прежде других, председатель Союза писателей России Валерий Николаевич Ганичев: «Николая Рачкова надо знать. Он народный, национальный поэт России. Он из её глубин, он от её истоков, от земель нижегородских, от дорожек Серафима Саровского. А затем наша западная столица — Санкт-Петербург, Ленинградская область...

И стихи, стихи о родной земле, о любви, о природе, о служении Родине, о подвиге, об истории. Просто, естественно, легко, с чуткой ответственностью за сказанное. И ещё какое-то постоянное свечение, радость, грусть, но с надеждой, даже с уверенностью, что «будет тяга к родному, кровному, вспыхнет светом любви очаг...»

Есть среди кратких предисловий и отклики того, кого мы называли совестью русской литературы, и с кем недавно простились. Это Валентин Григорьевич Распутин, считавший Рачкова одним из лучших современных русских поэтов. Между ними была переписка. И вот что в одном из писем Валентин Григорьевич сообщал Николаю Борисовичу: «... Опять читаю тебя и завидую: как хорошо! Ненавязчиво и точно, всё, казалось бы, мы уже знаем, ничем нас не удивить, и почти всё ново и точно, без чего нельзя. И нигде никакой навязчивости, повсюду то, что искала душа.»

Без чего нельзя... То, что искала душа... Точнее не скажешь!

Николай АЛЕШКОВ

«ИНТИМНОЕ СОБЕСЕДОВАНИЕ» СВЕТЛАНЫ ВАСИЛЕНКО

Светлана Василенко. *«Дневные и утренние размышления о любви»* М.: Союз российских писателей, 2016

У Светланы Василенко, писателя известного и даже в начале XXI столетия прогремевшего, вышел большой однотомник, озаглавленный «Дневные и утренние размышления о любви». Однако, открыв книгу, мы убеждаемся, что это не однотомник, это много книг в одном большом томе; то есть, можно даже сказать, «юбилейное» собрание сочинений. Светлана в юности очень любила В. Маяковского, и у неё, — читаем в книге, — «был такой огромный том его избранных произведений в 600 страниц...» Вот и у неё самой, волею судьбы, «родился» и пошёл по свету собственный, почти шестисотстраничный гигант.

Весь текст «возглавлен» романом-житием «Дурочка» (1993–98). Когда он вышел впервые, журнально, в «Новом мире», то сразу был замечен, о нём заговорили.

Многие почуяли в этой «бесприютной фантазмагории» особую искренность, исповедальность, жёсткость, трагичность. Казалось бы, в повествовании жизнь при поверхностном чтении предстаёт вполне реальной: тётка Харыта привозит устраивать в детский дом немую девочку. Она всё время молчит. Не умеет говорить. Но, бывает, песни поёт. Появление этой девочки было чудесным: «На плоту приплыла, по реке, в колыбельке. На малиновой подушечке, как куколка, лежала. Я лошадку поила, смотрю — плывёт, я мужиков покричала, выловили. Она ещё грудная была, всем селом выкармливали... Сейчас кормить нечем, голод кругом, вот сдаю...». В появлении героини «жития» сразу задана сказочность — вот так, из водной стихии, обрелись на Руси чудотворные иконы, приплывали по реке, становились местными святынями... Но героиню-девочку Ганну ожидает не радость домашнего уюта, а мытарства и испытания. Судьба ведёт её по белу свету как юродивую, её глазами мы постепенно начинаем видеть причудливый, жутковатый мир. Ей открываются «бездны»: убийство сторожем детдома мальчика, гибель людей, её приютивших, аресты... Было от чего оглохнуть к этому миру, уйти в себя, впасть в своеобразный аутизм. Но Ганна широко открытыми глазами видит людей, видит природу. Вот как она (прямо медитативно!) разглядывает стрекозу: «У стрекозы было лёгкое, почти невесомое, будто не нужное ей, сухое тело. У стрекозы были лёгкие, прозрачные, как воздух, крылья. На круглой голове её помещались два огромных глаза. Они были во всю голову, и вместо головы — глаза. Она будто думала глазами. Стрекозу, словно лёгкую и невесомую душу, спустили с небес на землю — смотреть». И мы начинаем понимать, что Ганна — никто иная, как Душа. В присутствии Души всё оживает, становится антропоморфным: «Река, сверкая и извиваясь, вдруг улыбнулось Ганне злобно сверкающей, лукаво ускользающий змеиной улыбкой...». И та же река в прозе у С. Василенко может обрести особую «оптику» образа: «Речка сверкала на солнце и становилось всё меньше и меньше, будто усыхала у неё на глазах. Её уже всю можно было поместить в кружку. Хотелось выпить речку».

Разворачивается постепенно, строится событиями и характерами тканый холст народной жизни — тут и бой кулачный на льду реки, и гибель убиенного священника в проруби, и сияющий солнечно ледяной крест. Текст всё более мифологизируется.

Появляется из небытия легендарный Стенька Разин; кузнец рассказывает девочке, каким был Стенька: «В острог запрятут — возьмёт уголь, на стене лодку нарисует, попросит воды испить, плеснёт — река станет. Сядет на лодку, кликнет товарищей, и уж плывёт Стенька». И в роман развернувшийся, постепенно начинают входить в права чудеса: то девочку, убогую дурочку деревенскую, за русалочку из реки Ахтубы примут, то стихия повествования сделает её «дочкой ханской, мамынской». Претерпев насилие, учинённое над ней бандитами, она в сонном видении видит Божью Матерь. «— Ты любимая дочь Господа, — сказала Ганне. — Я? — удивилась Ганна. — Но почему я? — Ты страдала, — легко сказала Божья Мать». И тут, вопреки мыслимым канонам, в Ганне воссияла, раскрылась способность творить чудеса, излечивать. Нет, мёртвых она не воскрешала, но исцеляла страждущих. Да, читатель, вот где мы всё-таки понимаем, что это не просто повествование, а житие. Тело её осквернили, Душа осталась невинной. К концу повести Ганна чудом оказывается в своей родной семье. Повествование ведётся уже от лица её родного брата. Следует будто опрощение юродивого, очень русского по своей органике образа — и не целительница она уже, не чудодейница, а простая беременная дурочка. Именно в этой, последней части текста, когда Ганна-Надька снова, замкнувшись в себе, входит в обычный повседневный мир, брат её говорит, что он «чувствует Надькину добрую прекрасную душу, на которую накинута зачем-то глухое и немое тело, будто засадили в тюрьму, где ни звука, ни крика».

И самым важным, самым главным апофеозом повествования стала заключительная сцена, в которой деревенская Дурочка возносится над землёй, обхватив свой живот, как воздушный шар, и этим спасает планету в миг вселенской опасности, когда мир очутился на пороге Конца Света. Тут есть потрясающий сопутствующий фон этой картины: «Стояли овцы, подняв свои кроткие лица к небу», — мы слышим чуть не

библейское, иконописное по тональности звучание. Надья-Ганна своим непостижимым для неверующих «вознесением» спасает Землю, она рождает огромное красное солнце, новое Солнце. Смерти не будет, не будет ядерной войны, наступит новый, обновлённый духом мир!.. Тут не «софийность», а через страдание и муки рождения — явление миру сокровенной Природы Планеты. Вот такая скромная вселенская мистерия от Дурочки! И совсем не удивительно, что критика по выходе романа открыто говорила, что «не понимает» последней сцены. Духовное, даже чисто художественное, понять на фоне «горизонтальных», современных, густо метафорических текстов — нелегко.

В «Дурочке» немало сопутствующих главному образу персонажей. Тут и боголюбивая, жертвенная тётка Харыта, и добрая, душевная баба Маня, и злобно-одномерная дочь советской эпохи, атеистующая Тракторина; выпуклы и детские лица, и эпизодические, проходные... Действие во времени смещается; то это советские тридцатые годы с соответствующими духу времени атрибутами, а к концу — начало 1960-х, кубинский кризис, мир на грани атомной войны. Эта тема для творчества Светланы давно магистральная — в новой книге не раз она возвращается к своему родному городку Капустин Яр Астраханской области, у речки Ахтубы, к пережитым там событиям. Василенко стала полноправным и, думаю, единственным летописцем этого местечка, по которому чуть не ударили американские ядерные ракеты. И тогда все они, жители, особенно дети, при ожидании неминуемой смерти пережили нечто жуткое и великое. Ужас предсмертья учит. Жрецы древнего Египта вводили себя искусственно в предсмертное состояние, чтобы познать мудрость Жизни. А простые люди, пережив смертное ожидание удара, унесли в будущие дни своё невольное душевное «посвящение», своё прикосновение к тайне.

Эта тема событий близ даты 28 октября 1962 года прописана и в другой краткой повести — «Город за колючей проволокой», и тут С. Василенко верна себе в том плане, что по её страницам непринуждённо расхаживает другая Дурочка, попроще, зато на смену той, «основной» Дурочке, явлен трогательный дурачок, сирота Лёша, немного юродивый, — тема юродства и беззащитной и тонкой «надмирности» тепло продолжена. Сей образ есть и в особом по жанру ритмико-прозаическом опыте Светланы, в её «Прозе в столбик», то есть в её верлибрах, где и речка Ахтуба, и посёлок, и её родственники, и сны. Автобиографичность и исповедальность — это у Светланы непременно присутствует во всех озаглавленных разделах её «собрания сочинений».

То, что Светлана закончила помимо Литинститута Высшие сценарные и режисёрские курсы, чувствуется по тому, как выпукло и динамично, одновременно естественно строятся лица, характеры в её больших и малых «сказах». Они очень кинематографически зримы, и это сразу обличает талант писателя и подкупает. А есть в её творчестве черты, не связанные с кинематографом. Это, например, особое умение эффектно, афористично заканчивать текстовую протяжённость, — с чувством, с нажимом, со всею глубиной внезапно блеснувшего смысла. Это качество ей исключительно редко изменяет.

Есть в составе книги и глубинно-психологические вещи, к ним относится повесть «Звонкое имя», рассказывающая о молодой почтальонше Натке. В повести терпко и остро показана стихия мыслей Женщины в её инстинктивном противостоянии менее чуткому (с её точки зрения) мужскому началу. И её жажда любви, и обнажённо скользкая дорога двух взрослых людей на пути непрочного, болезненного сближения друг с другом...

Не только повестями «житийными» и реальными, не только рассказами, за которые не раз была премирована и отмечена автор, полны «Дневные и утренние раз-

мышления о любви». Нет, тут масса размышлений, лирики, жизненных наблюдений и «горестных замёт». Этот дробный и очень легко читающийся свод малой прозы эссеистичен по своей сути. Столь же краткую эссеистику, ещё до того, как этот жанр так назвали, писал В. В. Розанов, самый свободный в своём самовыражении русский мыслитель. Мне о нём его друг, А. И. Цветаева давным-давно говорила, что он был человеком «интимного собеседования». Вот и у Светланы Василенко многие страницы дышат именно этим «интимным собеседованием», в котором малое может неожиданно стать большим, чем большое, а большое сравняться с малым... Речка Ахтуба может влиться в кружку, и её может выпить душою юродивая Дурочка, глядя на небо... Светлана допускает чудо на свои страницы, и ожидание чуда дремлет в её героях, не растерявших души посреди вяло текущей повседневности. Эти души живые. Они живут благодаря чуткому, прозорливому, одарённому перу Светланы Василенко.

Станислав АЙДИНЯН

МАМА, ПОЧИТАЙ

ГУЛЬНАРА МИРАНОВА

УМКА

На самом краю Северного полюса жил белый медвежонок по имени Умка. Он рос очень послушным, воспитанным и умным — вполне соответствовал своему имени. Как и все детки, Умка ходил в детский садик. Там он пел, танцевал, рисовал, лепил различные фигурки, разучивал стишки и учил цифры и буквы. У Умки была большая мечта — совершить кругосветное путешествие.

И вот однажды...

— Я уже большой и хочу посмотреть, как живут другие медведи, например, бурые, — заявил он маме.

— Ну, что ж, ты действительно вырос и можешь самостоятельно плавать и питаться. Я только хочу предупредить, что на пути тебе будут встречаться трудности. Сможешь ли ты их преодолеть?

— Да, — кратко и мужественно ответил сын.

— Что ж, тогда в добрый путь! Только не забудь, что первого сентября ты должен пойти в школу, — сказала мама.

— Хорошо, — ответил Умка и отправился в путь-дорогу.

Долго плыл наш маленький путешественник, даже не зная, какое расстояние ему ещё предстоит преодолеть. И вот, наконец, он добрался до территории, не покрытой льдом. Умка впервые видел такую землю. Он решил познакомиться и подружиться со всеми жителями ещё неизвестной для него, такой красивой и зелёной Земли.

Отдохнув, перекусив рыбой, любознательный малыш решил прогуляться. Умка шёл не спеша, ему хотелось всё внимательно рассмотреть и хорошенько запомнить.

— Вот это да-а-а! Как здесь красиво! — воскликнул медвежонок.

— Да тихо ты! Разбудишь всех моих бельчат. Ишь, расшумелся с утра пораньше. Красиво? Да, красиво! — передразнила белого медвежонка белка, сидящая на дереве.

— Как будто в первый раз видишь всё это.

— Простите, пожалуйста! Но я и вправду тут впервые! — вполголоса сказал Умка.

— Хи-хи! Ты всё шутишь, Топтышка. Лучше скажи, где ты так в муке извозился? Посмотри на себя, ты же весь белый, будто с Северного полюса! — улыбаясь, произнесла белка.

— Я не Топтышка! Меня зовут Умка, и я на самом деле с Северного полюса.

Белка удивилась такому гостю. Она ещё никогда не видела настоящего белого медведя.

— Надо же, как ты похож на нашего Топтышку! Только он бурый, — объяснила Умке новая рыжая знакомая.

Умка рассказал, что он отправился в такое дальнее путешествие, чтобы увидеть бурого медведя и познакомиться с ним, а также с другими зверями.

Белка с большим удовольствием провела небольшую экскурсию по тайге. Целый день Умка знакомился с жителями тайги. Он повстречался с тигром, но не осмелился подойти к этому хищному зверю, пообщался с зайчатами, оленёнком, лосёнком и даже с волчком.

— Хорошо тут у вас, тепло!
— устало произнёс Умка. — Не то, что у нас на Северном полюсе!

Новые друзья белого медвежонка расспрашивали о его родине. Им всем было очень интересно, как выглядит этот самый Северный полюс? Умка с удовольствием рассказал, что там очень холодно, повсюду снег и лёд, и температура зимой минус 50-60 градусов.

— А вы там не мёрзнете? — поинтересовался маленький гепард.

— Да нет! У всех нас, медведей, моржей и нерп, есть слой жира, который позволяет нам не замерзать.

Все были увлечены рассказом Умки. Никто не заметил, как настал вечер, на небе появилась луна, и все обитатели тайги разошлись по своим берлогам и норам.

— А где я буду спать? — вслух подумал Умка.

— Пойдём, я отведу тебя к нашим медведям, заодно познакомишься с ними поближе, — предложила белка-экскурсовод.

Семья бурых медведей оказалась очень гостеприимной, мама-медведица угостила Умку рыбой и вкусным ягодным чаем. Маленькому путешественнику очень понравились ягоды, ведь он раньше никогда их не ел. Малыши-медвежата всю ночь рассказывали друг другу о своей жизни. Уснули они лишь на рассвете.

Утром Умку разбудил знакомый голос:

— Сынок, вставай! Встава-а-а-ай, пора в детский садик!

— М-м-м! Не хочу! — не открывая глаз, ответил Умка.

— Ну, сыночек, вставай же.

— Мама?! Ты здесь? — удивился медвежонок. Он огляделся вокруг и увидел, что вместо зелёных деревьев, под которыми он ложился спать, его окружали снег, ледяные глыбы и айсберги.

— Что случилось? Где Топтышка? — ещё не совсем проснувшись, спросил Умка.

- Какой Топтышка? — спросила мама.
- Где я? Почему кругом белым-бело? — не унимаясь, всё задавал вопросы маленький путешественник.
- Сыночек, ну, просыпайся уже, — ласково сказала мама, поглаживая своего малыша по спинке.
- Э-э-э, значит, мне всё это приснилось? — потягиваясь на кровати, спросил Умка. — И путешествие я совершил во сне?
- По дороге в детский садик Умка рассказал свой сон маме. На что ему мама сказала:
- Не переживай, малыш, у тебя ещё все впереди!

УМНАЯ ГОЛОВА

Жил на свете парень Фёдор по прозвищу «Умная голова». Почему его так звали, вы скоро поймёте.

В один воскресный день, когда дома нечего было делать, Фёдор пошёл на ярмарку. Он пошёл просто прогуляться, так как на покупки денег у него не было. Ярмарка всегда была праздником. Шутки, веселье, множество товаров, но взгляд нашего героя привлекла лошадь. Он подошёл и восхищённо сказал: «Какая красивая лошадь! Вот бы мне такую!»

— Лошадь-то красивая, но не для тебя — бедняка, — ответил купец, продававший лошадь.

— Это почему же? — возмутился Фёдор.

— Да потому, что ты сможешь купить её, когда рак на горе свистнет! — рассмеялся купец и все окружающие зевороты. — А хотя подожди, я отдам тебе лошадь, если ты выполнишь три моих задания. Согласен?

— Согласен, — ответил Фёдор.

— Тогда слушай первое. Обойди всю землю до завтрашнего дня, — не переставая хохотать, сказал купец.

Фёдор согласился, но призадумался, как же это можно. Он думал целый вечер и всю ночь, а под утро его осенила мысль: «Так у детей в школе есть же карта мира!» И он направился к своим маленьким друзьям... Когда Фёдор на ярмарке прошёлся по карте, все окружающие ахнули от сообразительности простолоудина. Купец почесал затылок, но возразить не смог, ведь Фёдор выполнил задание — действительно обошёл Землю.

— Вот тебе второе задание, — сказал кузнец. — Сегодня я отдал старьёвщику старое дырявое корыто. Ты должен наполнить его водой до краёв, но не заделывая дырки. Завтра утром встретимся у дома старьёвщика.

Фёдор всю ночь думал, как быть. Наступило утро, но у него не было никаких идей. Фёдор брёл, опустив голову, к назначенному месту и представлял, как будут смеяться над ним купец и все окружающие. Наконец он пришёл к старьёвщику и увидел возле его дома пруд. И тут к нему пришла идея. Он взял корыто, подошёл к берегу и опустил его в воду, наполнив тем самым до краёв водой.

Купец уж не знал куда деться. Он был уверен, что это задание никто не может выполнить и с ужасом подумал, что осталось всего одно задание, поэтому надо придумать такое, с чем Фёдор точно уж не справится. И тут он неожиданно услышал из толпы мужские голоса. «Я бы этому бедняку такое задание дал: хотя бы одним пальцем дотронуться до луны!» — говорил один. «Это же невозможно!» — возразил собеседник. Тогда купец решил и задал Фёдору именно это задание.

Фёдор опять призадумался. На этот раз вообще безвыходная ситуация. Он готов был уже сдаться, но подумал, что никогда не надо отчаиваться. Думал, думал и вспомнил слова матери в детстве: «Никто не может достать до луны, но можно дотронуться до её отражения в воде».

Наступала ночь, время истекало, и снова все собрались на том же месте — у дома старьевщика. Купец ликовал, уверенный, что выиграет и оставит простолюдина в дураках:

— Ну что, бедняк, слабо выполнить задание?

— Это луна? — спросил бедняк, указывая на отражение в воде.

— Луна, — ответили все в один голос.

— Тогда смотрите же!

И находчивый парень дотронулся до отражения.

Ничего не скажешь, хитёр и умён оказался Фёдор. А купцу пришлось распрощаться с лошастью.

ВЛЮБЛЁННЫЙ ШМЕЛЬ

В некотором царстве, цветочном государстве жил-был шмель по имени Жужик. Он практически ничем не отличался от своих собратьев: был полненьким, имел чёрную окраску с жёлтыми полосками в области брюшка и небольшие крылышки. В то время, когда девочки-шмелёнки собирали пыльцу и нектар с цветков, мальчишки-шмели грелись в лучах солнца, расправляя крылышки, да летали с цветка на цветок и любовались красотой природы.

Как-то раз в один из солнечных летних дней на цветочной поляне Жужик встречал удивительной красоты бабочку. Она была очень хороша собой. Её изящные крылышки, томный взгляд и ротик в виде длинного хоботка, свёрнутого в тугую пружинку, сводили с ума нашего героя. Когда шмель на неё глядел, в его душе создавалось ощущение таинственности и радости. Жужик понял, что влюбился. И от этой любви он потерял покой и сон. Что только не делал влюблённый, чтобы привлечь внимание Бег-Бег (так звали его возлюбленную). Он посвящал ей стихи, пел песни о любви и целыми днями за своей красавицей летал с цветка на цветок, но было всё напрасно. Сердце Бег-Бег оставалось непреклонным.

А Жужик мечтал, чтобы бабочка с ним заговорила: «Хоть бы одно словечко».

И, о чудо! В один прекрасный день любимая заговорила с ним.

— Эй, как тебя там: Жу или Жужик, — с надменностью сказала она.

— Я Жужик, — обрадовавшись, отозвался шмель.

— Вот ты всё песни мне поёшь, читаешь стихи о любви и не знаешь, что я всего этого не люблю!

— А что ты любишь? — нежно спросил Жужик.

— Я?! Ну, мне нравится слушать сказки, разные легенды... Вот ты, например, знаешь какую-нибудь сказку про бабочек?

— Я знаю легенду о том, откуда появились бабочки, — задыхаясь от счастья, сказал Жужик.

— Интересно, интересно. И откуда же?

— Когда-то в давние-давние времена, — начал своё повествование Жужик, — богиня цветов Флора решила сделать богу Зевсу подарок. Она взяла чистоту раннего утра, свежесть горного ручья, хрустальный блеск утренней росы, красоту и благоуханье всех земных растений и создала цветок, равного которому не было на всём

белом свете. Бог Зевс, увидев такой великолепный подарок, не удержался и поцеловал нежные лепестки. И, о чудо! — цветок оторвался от стебля и полетел. Так, по древнегреческой легенде, появились вы, бабочки, — закончил свой рассказ Жужик.

Бег-Бег внимательно слушала его. Она и не подозревала о существовании такой красивой легенды о своём происхождении, но надменность и самовлюблённость не позволили ей похвалить влюблённого шмеля за чудесный рассказ...

А Жужик страдал от неразделённой любви, хотя и понимал, что эта надменная красавица кроме любования собой больше ничем не занята.

Но время шло, и однажды Жужик увидел, что рядом с ним всегда летает много добрых, красивых девчонок-шмелёнок, которые каждый день собирают пыльцу и нектар и заготавливают мёд на зиму. Они трудятся целыми

днями, и ни одна из них не жалуется на усталость. Напротив, они всегда с ним радужны и приветливы.

И тогда Жужик понял, что внешняя красота не главное в жизни, а главное — красота в душе и в сердце.

ВЕДЬ ТАК НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ НА СВЕТЕ...

Говорят, что дети — это цветы жизни! Да, наверное, это так. Хочу сказать, что я очень люблю наблюдать за этими «цветами» и не только наблюдать...

Когда я бываю в больших магазинах, часто замечаю, как тот или иной ребёнок, стоя у детского отдела, просит родителей купить какую-нибудь игрушку. Кто-то добивается желаемого с помощью слёз, а кто-то просто говорит: «Хочу, хочу это!!!» И родители тут же покупают заветную куклу, машинку или другую игрушку. Да и как отказать своему чаду?

Это хорошо, когда у тебя есть родители! В любом возрасте, сколько бы нам ни было лет, мы всегда нуждаемся в маминых ласковых руках и крепком плече отца!

Но, к сожалению, не всем детям знакома любовь родителей и домашний уют.

В детстве мне пришлось полежать в больнице. На тот момент в ней находилось немало детей, и среди них была группа детишек, которая постоянно бегала в коридоре. Их медсёстры загоняли в палаты, а они никого не слушались и заходили в свои «покои» только на ночь. Это были «брошенные» дети.

В этих стенах я познакомилась с Викой. Не знаю почему, но именно она запала мне в душу. Может, потому, что она часто заходила ко мне в палату, разговаривала со мной и даже просилась остаться у меня ночевать. Эта пяти- или шестилетняя девочка была очень смыслёным и весёлым человечком.

После выписки из больницы, через какое-то время, я узнала, что её удочерили, и она переехала в другой город. Конечно же, я была несказанно рада за неё.

Глядя на брошенных детей, я всегда чувствовала даже не жалость, а нежность и любовь. Несмотря на мою болезнь и физическую беспомощность, (ДЦП) мне всегда хотелось обнять их. Наверное, потому, что я знаю, что такое родной, уютный дом, тёплые семейные отношения, доброта и любовь ко мне всех моих близких. А они ничего этого не знают и не чувствуют. Видимо, уже тогда, в детском возрасте, находясь в больнице и ежедневно видя брошенных детей, я ощущала внутри себя рождение и пробуждение материнских чувств. Наверное, чувство жалости заложено в наших женских сердцах Всевышним?

Тогда почему не во всех сердцах? Почему в детских домах и «домах малюток» находится так много детей? Конечно, там есть дети, которые остались без мам и пап по трагическим обстоятельствам. Но ведь есть детишки, родители которых совершили непоправимые, чудовищные ошибки, бросив своих маленьких кровиночек, оставив их на попечение государства. Есть там и дети, чьи родители лишены родительских прав. Эти дети не знают родительской ласки, заботы, внимания и любви. А ведь каждому ребёнку нужны близкие и родные люди. Ни одна нянечка, воспитательница или учительница не заменят им мамы и папы.

В телепередаче Андрея Малахова «Пусть говорят» нередко дети, выросшие в стенах детдомов и интернатов, разыскивают свою мать, в большинстве своём не держа на неё зла. Разыскивают даже ту, которая лишена родительских прав, прощая ей то, что, может быть, и не стоило прощать. Потому что все эти годы бедные дети хранили и лелеяли в своих душах и израненных сердцах любовь к своей «маме» и надежду на встречу. Ведь мир держится на прощении. А заслуживает ли она прощения? Не мне об этом судить.

Сегодня я особенно ясно понимаю слова Л.Н. Толстого, что все счастливые семьи счастливы одинаково, а каждая несчастная — несчастна по-своему. Очень бы хотелось верить в то, что придёт такое время, когда не будет ни детдомов, ни интернатов, а к каждому брошенному ребёнку придёт своё счастье. Пусть с опозданием, но обязательно придёт!

В народе говорят: «Птицу на крыло ставят мать и отец».

Так должно быть и у нас, людей!

СОПЕРНИЦЫ

В таком огромном «Детском мире» Олечка Бунеева ещё не бывала. Да и мама, которая её сюда привела, тоже, поэтому отдел детских платьев они искали долго. Первым его издалека увидела Олечка и такой восторг заплесал в её глазёнках, что мама даже перестала жалеть будущие потраченные деньги. «Никакими деньгами не измерить детскую радость...», — так думала мама и не заметила, что восторг вдруг сменился слезами, а радостный смех — жалобным подвыванием. Объяснилось всё просто — на встречу им шла Ирочка Канделябрис, подруга Олечки по детскому садику, тоже с мамой, а в руках... А в руках счастливая Ирочка Канделябрис держала вешалку с прекрасным розовым платьем, тем самым, ради которого Олечка с мамой сюда и приехали. И, что самое ужасное, это платье было последним, о чём Ирочка, конечно, Олечке сразу и сказала. Надо отдать Олечке должное — истерика у неё началась не сразу. Сначала кассирша упаковала платье в блестящий, тоже розовый, пакет, потом с улыбкой отдала его Ирочке, та обернулась и посмотрела на Олечку... Вот этого взгляда Олечка уже не выдержала. Пять испуганных продавщиц в течении часа пели и танцевали для неё, старший менеджер магазина подарил три мягкие игрушки, платье обещали привезти прямо домой и — это уже для мамы — с огромной скидкой, но всё было бесполезно. Успокоило Олечку только вкусное бесплатное мороженое и данное самой себе обещание никогда — НИКОГДА! — не дружить с Ирочкой Канделябрис.

В этом огромном автосалоне в центре города Токио Ольга Бунеева, ныне Пересыпкина, ещё не бывала. Да и муж, который её сюда привёз, тоже, поэтому обещанный им Ольге розовый «Бугатти» они искали долго. Первым его издалека увидела Ольга и такой восторг заплесал в её цветных контактных линзах, что муж перестал жалеть будущие потраченные деньги. «Никакими деньгами не измерить...», — начал думать муж, как вдруг Ольга резко остановилась. Объяснилось всё просто — в розовом «Бугатти», в уже почти её, Ольги, розовом «Бугатти» сидела Ира Канделябрис, а рядом, в окружении услужливых менеджеров автосалона, стоял Ирин муж и подписывал какие-то бумаги, роняя кредитные карточки. Ольга поняла — розовый «Бугатти» уплывал к другим берегам. Надо отдать ей должное — в автосалоне истерики не было. Она случилась позже, в гостинице, и только самое дорогое мороженое города Токио в самом дорогом ресторане этого же города сумело слегка её успокоить. Там же, в ресторане, Ольга дала себе слово никогда не жить с Ирой Канделябрис в одном городе и даже заставила мужа оставить какую-то мелочь симпатичному официантку.

В нью-йоркском торговом зале аукционного дома «Сотбис» Ольга Пересыпкина ещё не бывала, да и шофёр, который её вёз, тоже, поэтому зал этот они искали долго. Первым его издалека увидела Ольга и подвески из розового золота, принадлежавшие

пятьсот лет назад какой-то французской королеве, уже начали плавно перемещаться из каталога «Сотбис» в Ольгину коллекцию драгоценностей, как вдруг она заметила ненавистный розовый «Бугатти», стоящий у самого входа в зал. Сама Ира Канделябрис, видимо, была внутри и уже держала в своих мерзких неухоженных руках королевские подвески из розового золота. Ольга даже не стала туда заходить. Позже, в ресторане, поедая эксклюзивное мороженое, Ольга Пересыпкина поклялась никогда больше не жить с Ирой Канделябрис в одной стране.

В ритуальном агентстве, расположенном на окраине Подольска, пенсионерка Ольга Борисовна Пересыпкина ещё не бывала, а какой-то нерусский подольчанин так хорошо объяснил дорогу от остановки, что бедная Ольга Борисовна ещё два часа искала этот неприметный подвал. Найдя его и попав, наконец, внутрь, Ольга Борисовна сразу увидела то, зачем она ехала сюда из своего Гольянова. «Гроб розовый уценённый» — было написано на ценнике. Соседка по очереди в собесе не обманула — гроб был очень дешёвый, и Ольга Борисовна подозвала продавца. «А этот товар продан, — скорбно сказал продавец: — Соболезную». «Я даже знаю, кто его купил», — ответила Ольга Борисовна и вышла на улицу. Ожидая обратный автобус, она смотрела на ларёк с мороженым и молилась об одном — умереть на день позже Иры Канделябрис.

На похоронах Ольга Борисовна не плакала. Во-первых, больше проститься с Ирой Канделябрис никто не пришёл, так что плакать Ольге Борисовне было незачем, а во-вторых... Во-вторых, не хотелось ей плакать. Ей хотелось вернуться в тот огромный «Детский мир», в котором Ирочка Канделябрис купила розовое платье, то самое, ради которого туда приехала маленькая Олечка Бунеева. И что б Ирочка была счастливая и держала в руках розовый пакет с платьем, а Олечку продавщицы бесплатно угощали мороженым — самым вкусным мороженым в её жизни... А рядом бы стояла Олечкина мама... И что бы всё ещё было впереди, и это всё было хоть немножко другим... Но всё равно розовым.

АНТИКРИЗИСНОЕ ЭССЕ

Наступили тяжёлые времена. Народ лишается работы. Причём на улице оказываются не дворники — они и так сутками на улице, не депутаты и не водители депутатов. Увольнения коснулись прежде всего самого многочисленного отряда наёмных работников — менеджеров среднего звена. Эти образованные, умные, красивые и гордые люди находятся сейчас в ужасном положении. Из краеугольного камня мирового бизнеса они превратились в пыль. Их жизнь потеряла смысл. Их не ждут ровно в десять в офисе. Им не надо до шести вечера сидеть за компьютером с пятью перерывами на чай-кофе, обсуждая ужасные пробки. Не надо по пятницам пить виски, а по субботам пиво. У них больше не будет весёлых и хмельных корпоративов перед праздниками. Остался в прошлом отдых в Турции. Исчез халявный Интернет вместе с «Одноклассниками.ру». Закончились офисные дни рождения с тортами, цветами и шампанским. Нет больше ежедневного обзвона клиентов, на чём, кстати, и держалась вся российская экономика. По ночам на бывших менеджеров среднего звена накатывает ностальгия по деловым, но сытным встречам за счёт фирмы в недорогих итальянских ресторанчиках. Их домашний холодильник пуст, а автомобиль стоит без бензина. Жена, видя вместо денег мужа, сходит с ума и скандалит. Организм ровно в четырнадцать ноль-ноль по будням требует обеда и не получает. Ребёнок хнычет без подарков и детских праздников. Статус упал на землю и разбился. Тёща гадает не на кофейной гуще, а на жиже цикория. Соседи-маргиналы не просят в долг. Вместо «Парламента» приходится покупать «Яву золотую», а вместо бочкового «Гиннеса» пить пластмассовое «Очаковское».

«Как жить дальше и стоит ли вообще жить?» — спрашивают себя бывшие менеджеры среднего звена. И сами себе отвечают: «Нет! Дальнейшая жизнь будет неэффективна. Да и есть ли она, жизнь вне офиса? Как она проходит у остальных людей, у всех этих «неменеджеров»? Жизнь без охраны на первом этаже... Жизнь без костюма и галстука... Без кожаного портфеля и без секретарши начальника Людочки, без корпоративных сувениров и оплаченного мобильного, без офисного романа и быстрого секса в пустом кабинете директора... Сколько стоит поездка в метро, наконец?!»

«Одна поездка на метро стоит сорок рублей, но есть тарифы и подешевле» — отвечают работники биржи труда: «А жизнь вне офиса существует! Выдавальщицы медицинских карт в районных поликлиниках и гардеробщики там же, продавцы магазинов шаговой доступности и комплектовщики наборов детских игрушек, дежурные по эскалатору и кассиры пригородных касс — все они живут увлекательной и насыщенной жизнью!» И, кстати, не только они! «Кризис не страшен. Его надо просто преодолеть» — сказал автору этих строк отдиральщик незаконно наклеенных объявлений. «И преодолеть прежде всего в себе» — добавила его жена, расклеищица этих объявлений. Им, молодым, уверенным в себе и в своём будущем людям не грозят никакие экономические потрясения, а слово «дефолт» заставляет краснеть, хихикать и уединяться. Им некогда читать экономические сводки, они работают, делают карьеру, а по вечерам пьют за гаражами пиво, с улыбкой глядя на слабеющий рубль.

Вот с них надо брать пример, ныне безработный, а в недавнем прошлом менеджер среднего звена! А не с Абрамовича, который ежедневно теряет по миллиону долларов! Рабочий по обслуживанию линейных сооружений не теряет ничего, только если по пьянке забудет, где находятся эти его линейные сооружения и как они выглядят. И запомни — бывших менеджеров не бывает! Бывшими бывают только жёны, мужья и президенты. К тому же недавно, по настоянию психологов и с целью уменьшения случаев суицида из-за социального неравенства, в названиях всех профессий, зарегистрированных в Российской Федерации, появилось это волшебное слово! Так что гони прочь депрессивные мысли! Никаких намыленных верёвок, уходов в монастырь и в алкогольное забытье! Подними голову, открой глаза — новый, совершенно незнакомый мир лежит у твоих ног! И этому миру нужны твои мозги и твои руки! Ты работал менеджером по продажам в крупной торговой сети? Такая же должность менеджера, но по розничной продаже проездных документов для проезда на наземном транспорте ждёт тебя! Или ты был заместителем начальника отдела продаж автомобильного салона? Тебе тоже будет интересна эта профессия! Потерю в зарплате компенсирует уютный, отдельно стоящий и хорошо отапливаемый офис на одного человека, расположенный у троллейбусной остановки. А если ты работал начальником отдела ипотечного кредитования в банке, то ты быстро освоишь все премудрости этой работы и уже через полгода сможешь стать СТАРШИМ менеджером-экспедитором по ОПТОВЫМ продажам льготных проездных документов! Мобильный, кстати, тоже оплачивается. Сложнее придётся бывшим заместителям руководителей проектов управления развития систем процессинговых центров. В трамвайном депо № 5, например, долго смеялись, узнав о такой должности, но, отсмеявшись, предложили вакансию менеджера-кондуктора с перспективой через год стать менеджером всего вагона. Раньше это называлось «вагоновожатый». Истеблишмент, кстати, всего трамвайного бизнеса.

А через год-полтора кризис закончится, и всё вернётся на круги своя. Опустевшие офисы вновь наполнятся звонкими голосами менеджеров среднего звена, которые привычно начнут обзванивать клиентов. А их клиенты начнут обзванивать своих, те свои — других своих, а другие свои обзвонят первых. Круг замкнётся, экономика России поднимется с колен и семимильными шагами двинется вперёд, к новым свер-

шениям. И, кстати, к новому кризису. Больше пяти лет только на обзвоне клиентов никакая, даже супергазонефтеалюминеникелевая экономика не выдерживает. Так что не стоит зарекаться от суммы, уже достигнув вершин бизнеса и работая старшим менеджером по оптовым закупкам детского питания в сети супермаркетов. «И это пройдёт», как сказал один из первых в мире топ-менеджеров. Поэтому останись как-нибудь, проезжая мимо будки по продаже троллейбусных билетиков. Выйди из своей иномарки и поклонись в пояс этой будочке. Помаши рукой менеджеру трамвая. И дай пятьдесят рублей стоящему рядом менеджеру по сбору средств на восстановление храма. Пусть похмелится. И воздастся потом тебе сторицей...

КАК Я ПРОВЕЛА ЛЕТО

(школьное сочинение)

Лето я провела у бабушки в деревне. Мне там было очень интересно и весело. Вечерами мы с бабушкой сначала смотрели «Две судьбы», потом «Универ», потом шёл «Татьянин день» и до начала «Дома-2» у нас был ужин. Мы кушали, смотрели «Дом-2», затем сидели и ждали его ночной выпуск, который ещё интереснее. Иногда мы не просто сидели, а смотрели «Кодекс чести-3», но он нам не очень нравился, потому что четвёртая программа у бабушки не показывала. Утром мы сначала просыпались и смотрели повторы «Двух судеб» и «Татьяниного дня», а повтор «Универа» я не смотрела, что я, дура, что ли. Я шла к подружке и смотрела повтор «Агента национальной безопасности». Потом мы смотрели «Модный приговор» и бежали ко мне на «Ворониных», потому что дедушка подружки в это время смотрел «Улицы разбитых фонарей», а мы их смотрели два раза ещё весной. После «Ворониных» и до «Двух судеб» мы смотрели «Любовь мою» и «Любовницу». Однажды к нам приехала моя мама и разбила телевизор. Мы с бабушкой плакали, но к началу «Универа» успели уйти жить к бабе Нюре на другой конец деревни. Правда, баба Нюра вместо «Дома-2» хотела смотреть «Бальзаковский возраст», и они с бабушкой подрались. Бабушка её победила, но посуды совсем не осталось, и мы кушали из ведра. А один раз во время «Возвращения Мухтара-2» баба Нюра умерла, но её всё никак не могли похоронить, только успели между «Солдаты-9» и «Бандитским Петербургом» отнести к калитке. Потом нас всё-таки нашла моя мама, долго ругалась и прямо во время «Пусть говорят» увезла меня домой, куда мы приехали к «Сексу в большом городе», но мне посмотреть не дали, а заперли в комнате, где не было телевизора, и я скучала. Теперь я не знаю, что случилось с Олесей и нашла ли она своего отца, который ожил ещё в 134-й серии. Я боюсь, что это помешает мне хорошо учиться и стать звездой в «Доме-3», куда я сегодня ночью послала 23500 SMS-ок с папиного мобильного телефона. Вот и всё, что я делала летом, до свидания, оставайтесь с нами, не переключайтесь, реклама пролетит незаметно.

Полина, а фамилию я за лето забыла.

ЛИТЕРАТУРНОЕ АГЕНТСТВО при Татарстанском отделении
Союза российских писателей открыто для сотрудничества
по следующим направлениям

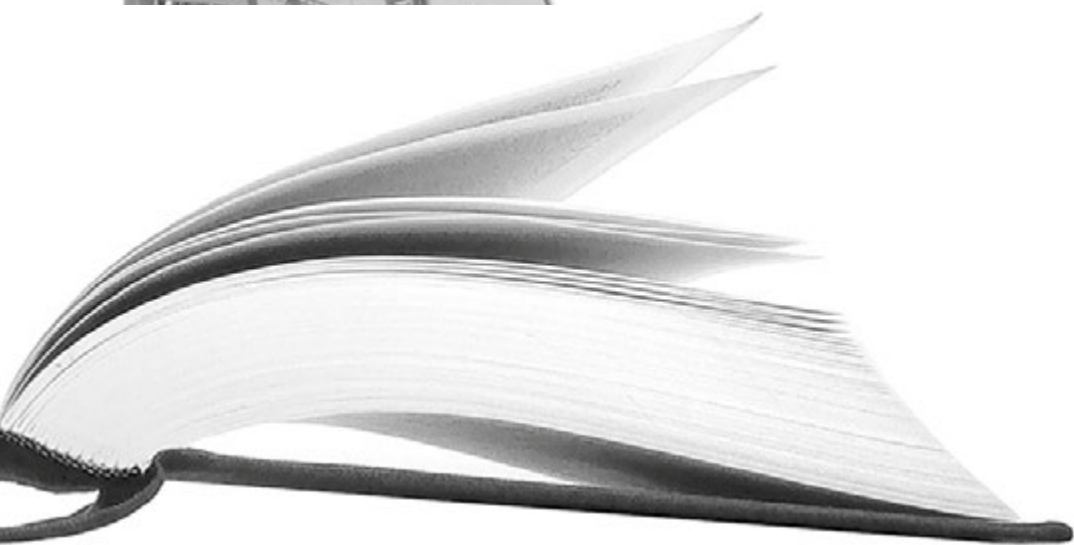
1. Издательские услуги. Напишем книгу по вашему заказу или выпустим ваше произведение, проведём предпечатную подготовку и доставим тираж. Темы: «Челнинские биографии», «Человек и его дело», «Моя родословная», «Россия – это мы» или другие.
Изготовление электронных книг.
Изготовление фамильных дипломов и книг семейной летописи.
Редактура и корректура текстов книг, статей, воспоминаний и т. д.
Размещение очерков и фотографий на тему «Человек и его дело» на страницах литературного журнала «Аргамак».
2. Организация литературно-музыкальных творческих вечеров.
3. Организация тематических семинаров по литературе и русскому языку для студентов и школьников.
4. Сочинение текстов поздравлений в стихах и прозе к юбилеям, свадьбам и другим торжественным датам.
5. Литературные консультации по жанрам: стихи, проза, драматургия, публицистика, критика.
6. Содействие в подготовке ваших публикаций в СМИ и интернете.
7. Содействие в защите ваших авторских прав (бесплатно).
8. Работа с одарёнными детьми.
9. Занятия в платной литературной студии на конкурсной основе.

О нашей издательской деятельности можно говорить долго. Книги наиболее дорогих для нас авторов – трагически погибшего поэта из Нижнекамска Владимира Лёушкина, наставника литературной молодёжи, казанского поэта Николая Беляева, нашего земляка, уроженца Мензелинска, известного российского поэта Романа Солнцева, талантливого поэта из города Орла Николая Перовского – Татарстанскому отделению СРП удалось издать за свой счёт. Оказывалась материальная помощь и авторам первых книг.

Мы благодарны за помощь в издании тех или иных книг многим бизнесменам, нашим благотворителям из Набережных Челнов: Альберту Николаевичу Петрову, Юрию Ивановичу Петрушину, Александру Сергеевичу Евдокимову, Сергею Васильевичу Майорову, Сергею Геннадьевичу Рачкову, Равилу Сагитовичу Файрузову, Александру Николаевичу Бабаеву, Сергею Николаевичу Бычкову. Не менее десяти наших авторов, в том числе, молодых, смогли использовать для издания своих книг государственную стипендию Министерства культуры Российской Федерации, выделяемую по рекомендации правления Союза российских писателей.

Наши авторы

стр. 20
стр. 107
стр. 158 **АЛЕШКОВ** Николай Петрович родился в 1945 году в селе Орловка Челнинского района ТАССР. Работал монтером связи, электриком, кровельщиком, диспетчером домостроительного комбината. Но основная трудовая деятельность связана с журналистикой и литературной работой. Был литсотрудником газеты Московского округа ПВО «На боевом посту», редактором набережночелнинской городской газеты «Время», межрегиональной литературной газеты «Звезда полей». В настоящее время главный редактор литературного журнала «Аргмак. Татарстан».

В 1982 году закончил заочное отделение Литературного института имени А.М. Горького (семинар Н.Н. Сидоренко).

В 1984 году принят в Союз писателей СССР. Автор десяти книг стихов и одной книги публицистики. Лауреат республиканской литературной премии имени Г.Р. Державина (Казань, 2005), Всероссийской литературной премии «Ладога» имени А. Прокофьева (Санкт-Петербург, 2009), литературной премии им. Марины Цветаевой (Елабуга, 2016).

Заслуженный деятель искусств республики Татарстан, почётный гражданин города Набережные Челны.

стр. 204 **БОЙКО** Нина Павловна родилась и живёт в шахтёрском городе Губахе Пермского края, хотя повидала СССР от Урала до Алтая и от Алтая до Грузии. Разумеется, не в качестве туристки-верхоглядки — работала. А посему проза её — чернорабочая; здесь не встретишь никчёмных красотостей, она прочно стоит, как на сваях, на необходимых или единственно возможных словах. Нина Бойко — член Союза писателей России, дипломант Международного Фонда славянской письменности и культуры, лауреат премии им. А. Платонова, награждена орденом им. Ф. М. Достоевского, автор рассказов, романов и повестей, опубликованных в Перми, Москве и других городах России.

Наособицу в её творчестве стоят очерки о русских художниках.

стр. 214 **БУДАРИН** Сергей Сергеевич родился в 1990 году в городе Новокуйбышевск Самарской области. В 2014 году окончил Самарский государственный технический уни-

верситет, по специальности — информатик-экономист. В Союз писателей России был принят по итогам Первого Международного совещания молодых писателей России и зарубежья (Москва, Переделкино, 2011). Сергей Бударин, несмотря на молодость, печатался во многих художественных и общественно-политических изданиях федерального и регионального значения. В «Аргмаке» публикуется впервые.

Сергей Бударин — лауреат Всероссийского фестиваля поэзии «Соколики русской земли» (Самара, 2011), победитель Всероссийского литературного конкурса им. Льва Ошанина (Москва, 2012), лауреат III Славянского литературного форума «Золотой Витязь» в номинации «Большая поэзия» (Москва, 2012), лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю.Лермонтова (Пенза, 2013). Лауреат Всероссийской православной премии им. Александра Невского (Санкт-Петербург, 2014).

В 2012 году в Самаре вышла его первая книга стихов «Свет-Синева». В 2013 году в Москве вышла вторая книга стихов «Сторона речного ветра». Живёт в городе Новокуйбышевске.

стр. 10 **ГАЛИЕВ** Марсель Баянович, известный татарский писатель, лауреат Государственной премии им. Г. Тукая, лауреат литературной премии им. Г. Р. Державина, родился в 1946 году в селе Балтачёво Азнакаевского района. Живёт и работает в Казани.

стр. 79 **ГИЛЯЗОВ** Аяз Мирсаидович (1928–2002), народный писатель Республики Татарстан. Родился в селе Сарманово, в семье учителя. В 1948 году поступил в Казанский Государственный университет, через два года был арестован и сослан в карагандинский лагерь. Реабилитирован в 1955 году. Вернулся в Казань, начал литературную деятельность. В 1963 году окончил Высшие литературные курсы при СП СССР. Автор многих книг, в том числе «Три аршина земли».

стр. 72 **КАЛАШНИКОВ** Геннадий Николаевич родился в Тульской области. Окончил филологический факультет МГПИ им. В. И. Ленина. Работал в еженедельниках «Литера-

турная Россия». «Литературная газета», в издательствах «Современник», «Эксмо». Первая публикация стихов — журнал «Юность», март 1971 года. Печатался в журналах «Юность», «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Грани», «Новый берег», «Дарьял», «Гостиная», в альманахах «День поэзии», «Поэзия», «Паровоз», «Лёд и пламень», «Диалог», «Ковчег», «Ямская слобода» и других. Автор нескольких книг стихов: «Ладонь» (М., 1984), «С железной дорогой в окне» (М., 1995), «Звукоряд» (М., 2007). Его стихи были представлены в антологиях «Русская поэзия. XX век» (М., 2001), «Русская поэзия. XXI век» (М., 2010). Переводил поэзию народов СССР (И.Тарба, А.Токомбаев, А.Ковусов, М.Исмаил и др.). Дипломант Всесоюзного конкурса им. М. Горького за лучшую первую книгу (1984), премии «Московский счёт» за лучшую книгу года (2007), Международного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» (2015), лауреат конкурса «45-й калибр» и премии Пушкинского общества Америки «Душа в заветной лире».

Член Союза российских писателей и Международного ПЕН-центра.

стр. 63 КАН Диана Елисеевна родилась в советском городе-гарнизоне Термезе в Узбекистане в семье кадрового офицера, этнического корейца. В 1980 году переехала в Оренбург, на родину матери, потомственной яицкой казачки. Закончила факультет журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Член Союза писателей России, руководитель народного литобъединения «Отчий Дом», автор семи стихотворных книг. Дважды лауреат ежегодной премии журнала «Наш современник», лауреат всероссийских литературных премий «Традиция», «Имперская культура», Самарской губернской премии в области литературы, Самарской региональной премии им. поэта Виктора Баргова, дипломант Всероссийского конкурса молодых поэтов им. Сергея Есенина, премии имени Валериана Правдухина в альманахе «Гостиный Двор» (2010), лауреат премии им. Марины Цветаевой (Елабуга, 2016). Живёт в Новокуйбышевске Самарской области.

стр. 219 КОТОВ Дмитрий Юрьевич родился 6 марта 1981 года. Вырос, учился и живёт в городе Харькове. В 2003 году закончил исторический факультет Харьковского Национального университета им. Н.В. Каразина (бывший ХГУ им. М.А. Горького). Ныне преподаёт историю и право. Женат — отец двоих детей. Живёт в родном Харькове. «Иконка на память» его первая публикация.

стр. 55 КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович, поэт, эссеист, публицист и литературный критик, родился 30 апреля 1947 года в Рыбинске в семье провинциальных интеллигентов. Окончил искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ в 1970 году. Работал экскурсоводом и научным сотрудником на Соловках, в Кирилло-Белозёрском монастыре, в Муранове и других музеях.

В 1976 году он обнародовал открытое письмо в поддержку А. И. Солженицына, после чего был лишён возможности работать по профессии, служил сторожем, дворником, истопником в храмах Москвы и Подмосковья. В 1982 году, после выхода за границы поэтического сборника, подготовленного к печати Иосифом Бродским, был вынужден эмигрировать. Через восемь лет первым из политических эмигрантов вернулся в Россию.

Заведовал отделом публицистики, а затем поэзии — в журнале «Новый мир».

Автор многих поэтических сборников, вышедших в США, Франции, России.

Кублановский — лауреат премии Правительства Российской Федерации в области культуры за 2012 год, Почётный гражданин города Рыбинска, отмечен многими литературными наградами, в том числе Литературной премией Александра Солженицына (2003), Новой Пушкинской премией (2006), Патриаршей премией имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (2015).

Живёт в Переделкине (Подмосковье).

стр. 177 ЛАВРОВ Виктор Михайлович родился 28 февраля 1925 года. Его дед — священник Алексей Лавров из села Орловка Мензелинского уезда Уфимской губернии, родители — сельские учителя. Отец, Михаил Алексеевич Лавров, преподавал в школе села Лекарева Елабужского района ТАССР и в самом начале войны был мобилизован на войну с фашистами. А в 1943 году, в возрасте семнадцати лет, уже и Виктор Михайлович был призван в Красную Армию. Ему довелось служить и воевать в разведроте знаменитой 100-й гвардейской Свирской Краснознамённой воздушно-десантной дивизии. Молодому бойцу, рядовому автоматчику Виктору Лаврову выпало освобождать от фашистских захватчиков Венгрию, Австрию и Словакию. Он был награждён боевыми медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Вены» и другими, был удостоен награды чешского правительства. После окончания войны Виктор Михайлович с отличием окончил военный факультет Московской финансово-экономической академии, дослужился до звания полковника. Был уволен в запас в 1978 году в должности начальника финансового отдела полуправления войск ПВО страны. Последние годы В.М. Лавров ра-

ботал военным ревизором. Он был по-настоящему яркой, глубокой личностью, человеком большой души, эрудиции и порядочности, отличным семьянином, обладал, как и все Лавровы, тонким чувством юмора. Проживал постоянно в г. Балашихе Московской области, где и скончался в 2000 году. В этом военном городке под Москвой и по сей день живут три его дочери — старшая Татьяна и двойняшки Надежда и Вера.

стр. 150 МАКОЕВ Весмир (Амир) Леонидович родился 2 января 1963 года в г.Тереке Кабардино-Балкарской Республики. В 1985 году окончил Саратовский ордена «Знак Почёта» институт механизации с/х им. М.И.Калинина по специальности гидромелиорация. С 1985 по 2002 годы работал инженером насосной станции в Терской оросительно-обводнительной системе, старшим инженером в Министерстве мелиорации и водного хозяйства КБР, заместителем директора Кабардино-Балкарского отделения Литфонда РФ, специалистом в Кабардино-Балкарском общественном учреждении «Народный дом», заместителем руководителя и заведующим отдела по работе с территориальной сетью в Исполкоме Кабардино-Балкарского отделения Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом — Россия». Занимался коммерческой деятельностью. С 2002 по 2010 годы — управляющий делами Международной Черкесской Ассоциации. Одновременно был помощником Председателя Парламента КБР и депутата Государственной Думы Заурбия Ахмедовича Нахушева. Занимался греко-римской борьбой. Был победителем всесоюзного турнира, чемпионом и призёром ряда республиканских и всероссийских соревнований. В коллективных сборниках и литературно-публицистических журналах, издаваемых в Москве и других городах Российской Федерации, опубликовал более двадцати рассказов и повестей. Автор книги «В ожидании смысла». Член Союза писателей России. Женат, имеет сына и дочь.

стр. 238 МИРАНОВА Гульнара Мирановна родилась в 1982 году в г. Альметьевске (Татарстан). Образование незаконченное среднее. С детства прикована к инвалидному креслу, диагноз ДЦП. На компьютере работает одним пальцем левой руки. Выпустила четыре книги.

Дипломант литературных конкурсов и фестивалей: «Новая литературная волна», «Подарок детям», «Во имя жизни», «Галактика любви» им.В.Тушновой, номинант международного конкурса «Филантроп», номинант премии «Писатель года» (2012, 2013, 2014, 2015), номинант премии «Наследие» (2016)

Активный член ЛИТО «Белое перо», филиала представительства литературного объединения «Белая ворона» (КГМУ г. Казань). Лауреат премии им. Р.Тухватуллина.

Сказки и рассказы печатаются в городских, республиканских и федеральных газетах и журналах.

стр. 114 ПАНОВ Павел Дмитриевич, член Союза журналистов, Союза кинематографистов, Союза писателей России. Главный редактор телекомпании «Питерский Причал» (г. Санкт-Петербург). Геофизик, жил и работал на Камчатке. Участник IX и X Всесоюзных совещаний молодых писателей в Москве, IV Всероссийского совещания в Пицунде. Лауреат премии Камчатского комсомола.

С 1994 по 1997 годы находился в США для реализации совместного российско-американского телевизионного экологического проекта. Публиковал стихи и прозу в газетах «Новое русское слово» и «Бостонский вестник». Один из учредителей Всероссийского кинофестиваля «Живая вода». Автор восьми поэтических сборников, а также рассказов и повестей. В издательстве «Союз писателей» вышли книги «Ламутия», «Жёлтый туман», «Русская карусель», «Обезьяний царь», «Праздник медведя».

Награждён академическими наградами АРСИИ (Академии Русской Словесности и Искусств, Санкт-Петербург).

стр. 90 ПИРАЕВ Филипп Константинович. Родился в 1965 году в Тбилиси, с 1993 проживает в Казани. Окончил Грузинский государственный институт физкультуры по специальности «шахматный тренер». Публиковался в татарстанских и российских изданиях. Автор поэтического сборника «Угол взлёта» (Казань, 2015).

стр. 223 ТИХОНОВА Елизавета Руслановна, 17 лет. Она родилась в городе Набережные Челны. С раннего детства родители привили любовь к творчеству и саморазвитию. Во многом благодаря их поддержке, перепробовав множество увлечений, нашла себя в литературной деятельности, пишет стихотворения, песни и рассказы.

стр. 122 УБОГИЙ Андрей Юрьевич родился в 1963 году в городе Железногорске Курской области, в семье врачей. Среднюю школу окончил в Калуге, медицинский институт — в Смоленске. С 1986 года и по сей день работает хирургом-урологом в Калужской городской больнице скорой помощи.

Член Союза Писателей России с 1993 года. Прозаик, эссеист, литературовед. Автор книг прозы: «Горькая радость», «Река, по которой плывём», «Общага», «Дороги», «Ковчег» и др. Автор книги литературоведческих

эссе «Остаются слова» и учебника анатомии, физиологии и психологии для средней школы «Человек». Имеет многочисленные публикации в российских журналах и альманахах.

Лауреат всероссийских и областных литературных премий, в том числе премии имени Леонида Леонова (2002), имени Вадима Кожинова (2003), имени братьев Киреевских (2006) и др.

стр. 111 ХАЗИЕВ Мадияр Шарипович родился в 1949 году в деревне Кренни, Сабинского района Татарстана. Окончил Казанское художественное училище в 1976 году. Член Союза художников России и Татарстана. Заслуженный работник культуры Татарстана. Участник республиканских, зональных, региональных, зарубежных и международных выставок.

Работы находятся в министерстве культуры Турции, Татарстана, музее ИЗО Татарстана, музее Г. Тукая, музее М. Горького, музее истории города Набережные Челны, музее истории города Лениногорска, в частных коллекциях Казахстана, США, Канады, Италии, Турции, России и др. Живёт в Набережных Челнах.

стр. 5 ХАРИСОВ Ренат Магсумович (Ренат Харис) — народный поэт Татарстана, лауреат Государственной премии Российской Федерации (2005), лауреат Государственной премии Республики Татарстан имени Г. Тукая, автор около 40 сборников стихов и поэм, либретто музыкально-сценических произведений, в том числе либретто балета «Сказание о Иусуфе» Леонида Любовского.

Является секретарём Союза писателей России, членом редколлегий журналов «Наш Современник», «Татарстан», «Историческая Газета» (Москва). Живёт в Казани.

стр. 97 ШАМСУТДИНОВ Николай Меркамалович родился 26 августа 1949 года в Тюменской области. В 1966 году окончил Нефтеюганскую среднюю школу. Работал монтажником в НГДУ «Юганскнефть», рабочим в геологических партиях. С 1968 по 1970 год служил в ВВС, а затем вернулся на Тюменский Север. Работал художником-оформителем, тележурналистом. В 1980 году одновременно с окончанием Литинститута выходит его первая книга стихов. Поэт печатается во многих журналах и альманахах. Занимается переводами стихов с татарского, хантыйского, аварского, грузинского, киргизского и печатается на языках этих народов, а также украинском, английском, датском, словацком. Член Союза писателей с 1982 года. Член Союза российских писателей. Живёт и работает в Тюмени.

стр. 130 Я. УДИН (Манджиян Яша Геранович). Родился в 1951 году в селе Нидж Азербайджанской ССР. По национальности удин. Учился в Саратовском государственном университете. Автор четырёх книг прозы, изданных в Москве и Саратове, публикаций в журналах «Волга», «Подъем», «Волга XXI век», «Сура», «Литературный Саратов», «Аргамак», в альманахах «Волжские зори», «Истоки», «Саратовский литературный», «Московский Парнас», «Стрежень», «Впечатления» и других периодических изданиях. Член Союза писателей СССР и Союза писателей России с 1989 года.

СОДЕРЖАНИЕ

КУРАЙ АЛЛАХА

РЕНАТ ХАРИС

ДЕРЕВО, ПОСАЖЕННОЕ ТУКАЕМ3

МАРСЕЛЬ ГАЛИЕВ

СИМФОНΙΑ ДУХА (РУХ).....10

ОБ «АРГАМАКЕ» И НЕ ТОЛЬКО

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ15

СОБЫТИЯ ГОДА

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ПАТРИАРХА.....21

ИРИНА СЕРГЕЕВА

ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ ГОДА ТУТ БУДЕТ ГОРОД-САЙТ29

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН

«ОСЕНИНЫ» — ПРАЗДНИК НОВЫХ СТИХОВ.....34

ИАНА КАИ

МЫ ВЫРОСЛИ В РОССИИ.....36

СВЕТЛАНА ПОПОВА

У МЕНЯ В СЕРДЦЕ37

СТИХИ УЧАСТНИКОВ СЕМИНАРА.....38

ЛЮДМИЛА ПАХОМОВА

ВРЕМЯ! Я ТЕБЯ МИНУЮ.....41

ЗВАННЫЕ ГОСТИ

ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ

НЫНЧЕ, НА СКЛОНЕ ЛЕТ.....55

ИАНА КАИ

НЕИЗРЕЧЁННЫЕ НАПЕВЫ63

ГЕННАДИЙ КАЛАШНИКОВ

НА БЫТИЙНОМ ВЕТРУ72

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ

ЕДИНСТВЕННОСТЬ.....77

НАСЛЕДИЕ

АЯЗ ГИЛЯЗОВ

ДАВАЙТЕ ПОМОЛИМСЯ!79

МИЛЕУША ХАБУТДИНОВА

ЕГО ПРАВДА, ЕГО МОЛИТВА.....87

ИМЯ В ПОЭЗИИ

ФИЛИПП ПИРАЕВ

РАНЕННЫЙ ФЕВРАЛЬ.....90

БЕНЕФИС ПЕРЕВОДЧИКА

НИКОЛАЙ ШАМСУТДИНОВ

ТАТАРСКИЕ МЕЛОДИИ СИБИРИ.....97

ПОЭМА

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

КОВЧЕГ107

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

ЮЛДУЗ НИГМАТУЛИНА

С ДУШОЮ, СВЕТЛОЮ, КАК ЛУЧ.....111

АНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

ПАВЕЛ ПАНОВ

КАЗАЦКИЙ ПОП.....114

АНДРЕЙ УБОГИЙ	
ANAMNESIS MORBI, ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ	122
Я. УДИН	
ЗЛОВЕЩИЙ БУКЕТ	130
АМИР МАКОЕВ	
ЗОЛОТЫЕ АПЕЛЬСИНЫ	150
ПОЭТЫ УХОДЯТ, СТИХИ ОСТАЮТСЯ	
НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ	
ЧЕЛОВЕК ИЗ ЗУРБАГАНА	155
РУСЛАН ГАЛИМОВ	
ГЕРМЕС	159
МИЛЛИОНЫ ЛИЦ, КОТОРЫЕ Я ЛЮБИЛ КОГДА-ТО	164
ЗАПИСКИ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА	
МИХАИЛ ЧВАНОВ	
ЛЕСТНИЦА В НЕБО	168
ДАЛЕКОЕ – БЛИЗКОЕ	
ВИКТОР ЛАВРОВ	
ДЕРЕВНЯ МОЕЙ ПАМЯТИ	177
ОН РОДИЛСЯ В ЕЛАБУГЕ	
НИНА БОЙКО	
ИВАН ШИШКИН: «ВО МНЕ ВСЁ РУССКОЕ...»	204
ДЕБЮТ В АРГАМАКЕ	
СЕРГЕЙ БУДАРИН	
СЕРДЕЧНЫЙ ОГОНЬ	214
ДМИТРИЙ КОТОВ	
ИКОНКА НА ПАМЯТЬ	219
ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ	
ЛИЗА ТИХОНОВА	
ТАК ГРУСТНО. ТАК НЕЖНО	223
КНИГИ НАШИХ ДРУЗЕЙ	
НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ	
ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ГЛАГОЛА	226
СТАНИСЛАВ АЙДИНЯН	
«ИНТИМНОЕ СОБЕСЕДОВАНИЕ» СВЕТЛАНЫ ВАСИЛЕНКО	234
МАМА, ПОЧИТАЙ	
ГУЛЬНАРА МИРАНОВА	
РАССКАЗЫ	238
У КОНОВЯЗИ	
ИЛЬЯ КРИШТУЛ	
РАССКАЗЫ	244
НАШИ АВТОРЫ	
.....	250

ВТОРАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: VIII МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЦВЕТАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ.

ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: VIII МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЦВЕТАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ.

Фото Л. Пахомовой

ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ... ХУДОЖНИК МАДИЯР ХАЗИЕВ

ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ... ХУДОЖНИК МАДИЯР ХАЗИЕВ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Выходит ежеквартально
(1 раз в 3 месяца)

Учредитель

ОАО «Татмедиа»

420016, г. Казань, ул. Декабристов,
д. 2. Тел.: (8-843) 222-09-84

Адрес редакции:

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:

**Татарстанское отделение
Союза российских писателей**

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Представительство в Москве:

8-966-380-04-00

Ларина Ксения Владимировна

Подписано в печать 13.10.2016 г.

Формат 70x100^{1/16};

Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 18,15. Тираж 1000 экз.

Заказ М-2690

Цена свободная

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии филиала

ОАО «ТАТМЕДИА»

«ПИК «Идел-Пресс»

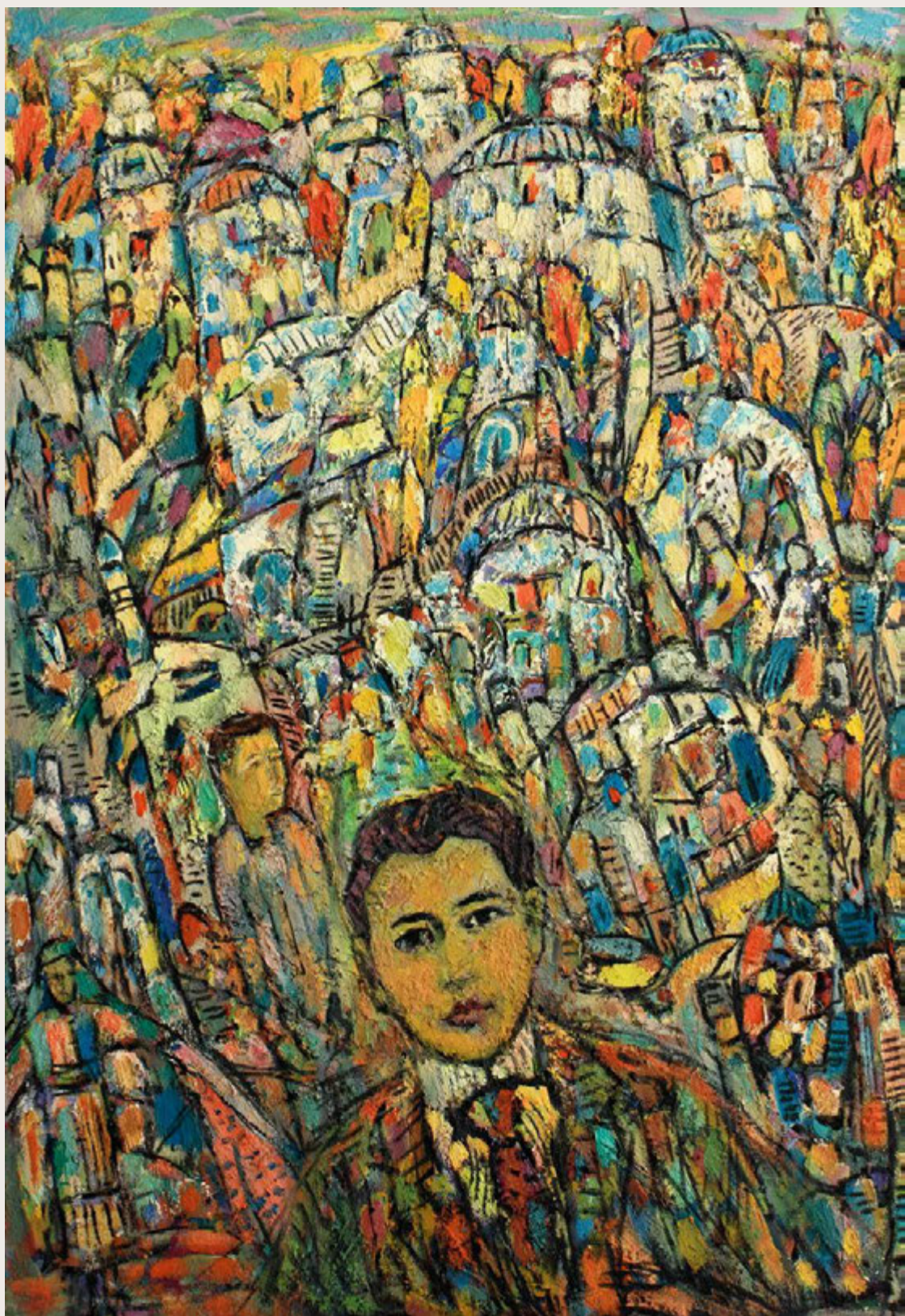
420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Со всеми номерами литературного журнала «Аргамак. Татарстан» можно познакомиться на сайте Татарстанского отделения Союза российских писателей www.srpkn.ru.

Рукописи принимаются по адресу: 423809, Татарстан, г. Набережные Челны, а/я 126 или e-mail: anp45@mail.ru. Желателен диск с набором, фотография, краткая биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Читательские письма и предложения могут быть опубликованы в альманахе. Ответственность за достоверность информации несут авторы материалов. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Аргамак. Татарстан» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обращайтесь: e-mail: anp45@mail.ru, тел.: (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.

М. Хазиев. Г. Тукай и Старая Казань 2009 г. Х.м. 100х70. Стр. 111

Уважаемые читатели, дорогие друзья!

Благодаря распоряжению президента Республики Татарстан Рустама Нургалеевича Минниханова вновь возобновлён выпуск нашего литературного журнала на русском языке "Аргамак. Татарстан", очередной номер которого вы держите в руках. Руководство медийного холдинга АО "Татмедиа" (учредитель) и Татарстанского отделения Союза российских писателей (издатель) договорились провести в декабре совещание, на котором будет решаться вопрос о гарантированном финансировании журнала в 2017 году из республиканского бюджета. Надеемся, что он снова будет выходить ежеквартально, четыре раза в год, и мы сможем предложить вам подписаться на него.

Редакция.

